В. И. ЛЕНИН и русская общественно-политическая мысль XIX – начала XX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1870 – 1970

В. И. ЛЕНИН и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1969

1—1—3; 1—6—4
8—69 (II пол.)

ОТ РЕДАКЦИИ

*

С именем Владимира Ильича Ленина неразрывно связана история освободительной борьбы рабочего класса и всех трудящихся, развитие русской и мировой науки и культуры в конце XIX и в XX в. Ленин — гениальный теоретик, великий продолжатель дела Маркса и Энгельса, основатель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, вдохновитель и руководитель самых грандиозных общественных преобразований, открывших новую эру в жизни человечества.

В. И. Ленин был верным последователем учения Маркса, которое в его трудах и в его революционной деятельности получило дальнейшее глубокое развитие.

«Мы стоим всецело на почве теории Маркса», — писал В. И. Ленин в конце прошлого столетия.[1] Основоположник и вождь большевизма, Ленин впоследствии указывал, что большевизм возник на самой прочной, гранитной теоретической базе марксизма.[2] Учение Маркса и Энгельса было теоретическим источником идей В. И. Ленина, идей ленинизма — марксизма новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи перехода человечества к социализму и коммунизму.

Это не значит, что национальные условия России — родины ленинизма, ход развития русской общественной мысли, русского освободительного движения не оказали существенного

---

[1] В. И. Ленин. Наша программа. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 182.

[2] В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

влияния на формирование воззрений революционной социал-демократии в России, возглавляемой В. И. Лениным.

Еще в начале 90-х годов в работе одного из основателей русской социал-демократии высказана мысль, что ее взгляды и стремления представляют собой органический продукт предыдущей истории русского революционного движения («О социальной демократии в России» Г. В. Плеханова). Таково же, бесспорно, было и мнение В. И. Ленина.

В книге «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» В. И. Ленин указывал, что правильность революционной теории марксизма доказана не только всемирным опытом всего XIX в., но и в особенности опытом истории русской революционной мысли. Разъясняя это положение, Ленин писал: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом" Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».[3]

Не только опыт 40—90-х годов XIX в., но и развитие русской мысли и общественного движения предыдущего периода живо интересовали В. И. Ленина и были предметом большого внимания с его стороны. Говоря словами М. Н. Покровского, Ленин соединял все революционное движение России в одну нить, он умел сомкнуть русское рабочее движение «с громадным революционным потоком, который несся даже не с половины 19-го, а из 18-го столетия, ибо Радищев был современник Екатерины II».[4]

Огромный интерес В. И. Ленина к исследованию общественной мысли и революционного движения в России документируется бесчисленным множеством его работ и высказываний, а также мемуарами близких к нему людей.

В 1899 г. В. И. Ленин писал: «История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот *материал*, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целе-

---

[3] В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7—8.

[4] М. Покровский. Ленин в истории русской революции. «Молодая гвардия», 1924, № 2—3, стр. 243.

сообразную организацию и тактику нашей партии. „Обработка" этого материала должна быть, однако, самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде...».[5] В другом произведении, написанном примерно через год, отмечая предстоящую важную работу в организационной сфере, он заявлял: «Эта организация должна быть *революционной* организацией... она должна соединить в себе то социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам-рабочим».[6] Эти мысли В. И. Ленина ярко свидетельствуют об одной из самых крупных особенностей ленинского обращения к прошлому. Оно в его глазах имело далеко не отвлеченный, отнюдь не один только научный интерес, но было чрезвычайно важно и незаменимо для современности, для разработки задач и методов пролетарского движения. Писал ли Ленин о Белинском или Чернышевском, о Герцене или Михайловском, о Бакунине или народовольцах, он всегда думал и об уроках прошлого для правильной постановки и решения текущих проблем освободительной борьбы, он выяснял значение революционной теории, определял место и роль разных общественных сил в происходящей классовой борьбе, в русской и интернациональной революции.

Твердо придерживаясь основ марксистского учения, неутомимо и настойчиво воюя против любых попыток его оппортунистического искажения и извращения, привлекая постоянно материал истории международного рабочего движения, В. И. Ленин в то же время подчеркивал необходимость дальнейшего развития теории научного социализма, учил правильному использованию интернационального опыта в соответствии с условиями и требованиями русской жизни, русского движения. Когда П. Лавров стал утверждать, что «деятельность Запада служит для русских социал-демократов безусловным образцом», Ленин назвал это «полемической выходкой», заявляя, что никогда русские социал-демократы не забывали о политических условиях России.[7] Отмечая затем в «Проекте программы нашей партии» значение для русских марксистов Эрфуртской программы немецких социал-демократов, Ленин писал: «Подражание и заимствование вполне законны

[5] В. И. Ленин. Наша ближайшая задача. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 189—190.

[6] В. И. Ленин. Предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове». Полн. собр. соч., т. 4, стр. 364—365.

[7] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 459.

постольку, поскольку и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы».[8] В другой работе по вопросам партийной программы В. И. Ленин заявлял: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России».[9] В качестве одной из проблем, в решение которой русские марксисты безусловно могут и должны внести *свое*, В. И. Ленин указывал на аграрный вопрос. «...мы, русские социал-демократы, — писал он в 1902 г., — постараемся воспользоваться опытом Европы и гораздо раньше, гораздо усерднее займемся привлечением „деревенщины“ к социалистическому рабочему движению, чем это удалось нашим западным товарищам...».[10] Позднее Ленин говорил о том, что аграрная программа русской революционной социал-демократии «дает ответ на вопрос о *буржуазно-демократическом* аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах».[11] Конечно, область аграрных отношений — только один (хотя и исключительно важный) из примеров богатейшей творческой деятельности Ленина по развитию марксистской теории. Притом нельзя не подчеркнуть, что это развитие относилось как к вопросам специально русским, так и к самой широкой сфере проблем социально-экономической, политической и культурной жизни всего мира, ко всем вопросам международного революционного движения, — марксизм-ленинизм является единым интернациональным учением.

В. И. Ленин подходил к оценке революционного опыта прошлого с последовательных классовых пролетарских позиций. Все его суждения были насквозь проникнуты глубочайшим

---

[8] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 220.

[9] В. И. Ленин. Наша программа. Полн.собр. соч., т. 4, стр. 184.

[10] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 333.

[11] В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 268.

историзмом. Он всегда отстаивал требование о рассмотрении любого вопроса в исторической перспективе, в конкретной обстановке, об изучении фактов в их целом, во всей их совокупности, в объективной связи и взаимозависимости исторических явлений. Таков неизменно был и его подход к пониманию и оценке явлений, связанных с развитием общественной мысли и общественного движения в России, к вопросу о предшественниках русской социал-демократии.

В. И. Ленин призывал соблюдать самое бережное отношение к революционным традициям, в частности к ценным традициям русской передовой культуры и общественной мысли. Вместе с тем он предостерегал против механического, бездумного подхода к оценке и использованию традиций, не считающемуся с меняющимися условиями. Ленин горячо поддерживал призыв Маркса к революционерам анализировать условия применения старых приемов борьбы, избегать «простого повторения» старых лозунгов.[12] И в опыте русского освободительного движения В. И. Ленин учил отделять то, что сохраняет свою силу, свое положительное значение, от того, что не выдержало испытания временем, что отжило и уже неприменимо в новых условиях.

Высоко ценя все действительные достижения предшественников русских марксистов, он никогда не допускал стирания граней, отделяющих домарксистскую мысль от научного социализма. Даже в отношении Н. Г. Чернышевского, из всех русских мыслителей всего ближе подошедшего к идеям научного социализма и особенно высоко им ценимого и любимого, Ленин боролся против всяких попыток «модернизации» его воззрений, против искусственного их «подтягивания» ко взглядам Маркса и Энгельса.

В. И. Ленин учил различать в русском освободительном движении разные этапы, отличающиеся между собой в зависимости от того, какие классы и слои накладывали свою печать, оказывали свое решающее влияние на движение. Известно обоснованное Лениным деление русского освободительного движения на три основных этапа — дворянский, разночинский (или буржуазно-демократический) и пролетарский. Устанавливая хронологические рамки каждого из них, он учил не подходить к этой хронологии чересчур формально, видеть явления переходного типа. Напомним хотя бы известное высказывание Ленина о Белинском как предшественнике — еще в дореформенную эпоху — вытеснения дворян разночинцами в освободительном движении России.

---

[12] В. И. Ленин. Против бойкота. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 27.

В. И. Ленин, повторяем, умел отбирать в революционном опыте прошлого все наиболее передовое, имеющее непреходящее значение. Он очень высоко ставил гуманистические и демократические традиции русской прогрессивной мысли, революционный патриотизм, мужество и самоотверженность русских борцов за свободу, за интересы и права народа. Он гениально вскрывал связь освободительных идей и стремлений русской революционно-демократической интеллигенции с настроениями и чаяниями народных масс.

В знаменитой статье «О национальной гордости великороссов», напечатанной в начале первой мировой войны, отстаивая преданные социал-патриотами принципы пролетарского интернационализма, В. И. Ленин писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^9/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».[13]

Здесь нашло красноречивое выражение убеждение В. И. Ленина в тесной преемственности последовательных этапов развития революционной мысли и революционного движения в России — с конца XVIII и до начала XX столетия.

* * *

Понятие «общественная мысль» очень разнообразно по содержанию. Философия и право, политическая экономия и социология, эстетика и другие области культуры входят, как известно, в это понятие, взятое в широком его смысле. Предлагаемая читателю работа имеет своей задачей посильное освещение взглядов В. И. Ленина на явления общественно-политической и публицистической мысли. Некоторые вопросы смежного характера освещаются попутно, в той мере, в какой это

---

[13] В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

обязательно при рассмотрении отношения В. И. Ленина к вопросам развития русской общественно-политической мысли.

Исходной датой при этом принят конец XVIII в., когда развернулась деятельность А. Н. Радищева. Изложение доводится до первых лет XX в., до кануна первой русской революции, когда возникают многие новые проблемы, открывается новый этап в истории страны, обогащается новым содержанием революционное движение; все эти процессы, естественно, требуют отдельного исследования.

Книга состоит из четырех глав. В первой предметом изложения является отношение В. И. Ленина к общественно-политической мысли дворянского периода русского освободительного движения. Вторая и третья главы посвящены оценке В. И. Лениным явлений, связанных с разночинским периодом этого движения. Четвертая глава освещает тот период, который открылся с появлением русской социал-демократии. Отдельные проблемы являются «сквозными» для двух или всех трех периодов. Поэтому неизбежен некоторый параллелизм в материалах разных глав. Для более полного освещения воззрений и оценок В. И. Ленина необходимыми и неизбежными являлись также иногда повторения одних и тех же цитат из необозримого ленинского наследия.

В качестве источников в книге использованы литературные труды В. И. Ленина, его переписка, его доклады и речи, а также мемуары близких к нему людей, в необходимых случаях также произведения и переписка современников Ленина.

Вопросы, освещаемые в настоящем издании, в разное время были предметом специального изучения со стороны ряда авторов. К ним постоянно обращаются и ныне исследователи, занимающиеся проблемами, связанными с темой нашей книги. Правда, в огромном большинстве объектом изучения являлись и являются отдельные вопросы темы (например, В. И. Ленин о декабристах, о Герцене, Чернышевском, народничестве). Опыты рассмотрения всего круга проблем, входящих в нашу тему, оставались пока единичными и обычно имели характер сравнительно кратких общих обзоров. Тем не менее накопившаяся за десятилетия литература представляет большой интерес, а встречающиеся в ней расхождения, полемика (порой достаточно острая), конечно, не уменьшают в целом ее значения. Немало было опубликовано статей об оценке В. И. Лениным различных периодов русского общественного движения, как и отдельных представителей русской общественной мысли. Наряду с этим имеются особые главы и разделы о взглядах В. И. Ленина на те или другие явления русской общественной мысли и общественного движения в монографических трудах,

посвященных таким явлениям, иногда — очерки при изданиях произведений русских мыслителей. Нет никакой возможности перечислить здесь всех или хотя бы бо́льшую часть авторов, внесших свой вклад в изучение темы. Назовем только некоторых из них.

Целая группа видных деятелей Коммунистической партии оставила работы по интересующим нас вопросам. Таковы М. Н. Покровский, Е. М. Ярославский, А. В. Луначарский, П. Н. Лепешинский, Н. Л. Мещеряков, И. А. Теодорович, В. И. Невский. Многие советские историки разных поколений посвящали и посвящают работы тем же проблемам — М. В. Нечкина, Ю. З. Полевой, И. Д. Ковальченко, Э. Б. Генкина, В. Я. Зевин, В. В. Иванов, Г. С. Жуйков и др. Нельзя не назвать также и ряда литературоведов, философов, экономистов, труды которых прямо относятся к нашей теме либо очень тесно с нею соприкасаются: Я. Е. Эльсберг, Б. С. Мейлах, Б. С. Рюриков, В. Р. Щербина, Н. И. Соколов, В. Я. Кирпотин, Д. И. Чесноков, М. И. Сидоров, Б. А. Чагин, И. К. Пантин, А. И. Пашков и др.

Работы названных и других исследователей (многие не упомянутые тут имена фигурируют ниже в нашем тексте) помогли нам в той либо другой степени в нашей нелегкой попытке обобщить воззрения В. И. Ленина на развитие русской общественно-политической мысли.

* * *

Первая глава предлагаемой вниманию читателей книги принадлежит С. С. Волку, вторая и третья главы — Ш. М. Левину. Четвертая глава написана А. Н. Цамутали (разделы I—III, V, VI) и В. Н. Гиневым (разделы IV, VII).

Глава первая

В. И. ЛЕНИН И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НА ДВОРЯНСКОМ ЭТАПЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

I

Богатое идейное содержание и своеобразие русской общественной мысли, подготовившей почву для восприятия лучшими людьми России марксизма, с самого начала привлекало к себе внимание молодого В. И. Ленина.

Формирование его взглядов совершалось под влиянием передовых традиций революционного движения. Ленинизм стал не только дальнейшим развитием марксизма, но высшей ступенью русской общественной мысли.

В. И. Ленин и выпестованная им Коммунистическая партия с величайшим вниманием относились к наследию русской революционной мысли. Критическое изучение ее богатого опыта, оценка ее с классовых позиций являлись одной из линий идеологической борьбы, служили коренным интересам революции.

В сочинениях В. И. Ленина и его соратников, в руководимых В. И. Лениным партийных газетах («Новая жизнь», «Искра», «Правда» и др.) не раз утверждалась мысль о связи текущей идейно-политической борьбы рабочего класса с прогрессивными традициями великих представителей русской литературы и общественной мысли начиная от Радищева, декабристов и Герцена. В статье «О национальной гордости великороссов» (1914), где В. И. Ленин гневно упоминает о насилиях, гнете и издевательствах, которым подвергают родину царские палачи, дворяне и капиталисты, он с большим пафосом говорит о славных предшественниках русских революционеров-пролетариев: «Мы гордимся тем, что эти насилия

вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».[1]

Ленин, говоря о подавлении царизмом протестующих и недовольных, напоминал время, когда «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и „спускали" на верноподданных Аракчеевых».[2] Далее здесь же упомянуто 14 декабря 1825 г. и события революции 1848—1849 гг. Таким образом, Радищев совершенно четко отнесен Лениным к представителям революционной мысли. Для В. И. Ленина было, конечно, очевидно, что и Радищев, и декабристы принимали самое непосредственное участие в той решительной битве «против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях», которая, как указывает Ленин, развернулась в новейшее время в Европе.[3] Бесспорно Радищев противопоставляется либералам и ставится в один ряд с поколением дворянских революционеров. И если Ленин не относит его формально к первому периоду революционного движения, то объяснение этого явления следует, вероятно, видеть в том, что первая оформленная революционная организация возникла лишь после смерти Радищева.

Идейная же его связь с первым поколением русских революционеров несомненна. Несмотря на запретность, «Путешествие из Петербурга в Москву» — большей частью в списках — было известно многим декабристам.

В 1817 г. вместе с гвардией, совершившей переход из Петербурга в Москву, будущие декабристы прошли по пути Радищева и убедились в том, что в разоренных крепостниками селениях за четверть века, прошедших со времени написания «Путешествия», ничто не изменилось.[4]

Решительный противник самодержавия и радикальный враг крепостничества, Радищев признавал право народа на восстание, видел в народе движущую силу истории. Но было бы неверно на этом основании отрывать его от декабристов и делать

---

[1] В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

[2] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30.

[3] В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

[4] В. Базанов. Очерки декабристской литературы. М., 1953, стр. 35—36 и др.

в этом смысле его прямым предшественником Чернышевского. С полным правом декабристы могли бы повторить слова Пушкина: «вослед Радищеву восславил я свободу».

Для современников идейная связь декабристов с Радищевым представлялась очевидной. Когда Н. Тургенев поехал из Петербурга в Москву на съезд Союза благоденствия, близкий ему П. А. Вяземский выразил опасение: «Только не доехать бы ему таким образом от Петербурга до Москвы и далее как Радищеву».[5]

В отличие от четких границ разночинского и пролетарского периодов Ленин, как известно, не давал столь определенных границ дворянского периода освободительного движения. В одном случае он обозначил его рамками «примерно с 1825 по 1861 год»,[6] а в другом относил поколение революционеров-дворян к первой половине прошлого века.[7] В первом случае он, очевидно, говорил о начальной дате открытой революционной борьбы — 14 декабря 1825 г., во втором — о периоде деятельности дворянских революционеров в целом. Естественно, что при характеристике событий общественного движения на первый план выдвигается первая дата, при освещении явлений общественной мысли целесообразнее пользоваться более широкими пределами второй датировки.

В этом случае в рамки периода (первая половина XIX в.) включается и формирование взглядов декабристов, и творчество поэтов и публицистов радищевского круга, и, наконец, сам Радищев, который по определяющим чертам своего мировоззрения принадлежит не столько к XVIII, сколько к XIX в.

Одним из наиболее живых и принципиальных вопросов истории освободительного движения, полностью сохранившим к началу XX в. политическую остроту, был вопрос об оценке первых русских революционеров-декабристов.

Сразу же после восстания 14 декабря выявились две противоположные концепции этого движения. Многие из его участников на следствии поневоле стали историками своего дела. Свидетельства П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова и ряда их товарищей заложили основу революционного понимания декабристского движения. Однако Николай I скрыл от общества показания декабристов. Правительство выдвинуло собственное объяснение деятельности тайного общества. В русской и зарубежной печати получило распространение лживое

---

[5] Остафьевский архив, т. II, СПб., 1899, стр. 136—137.

[6] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

[7] В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255.

«Донесение Следственной комиссии», которое замалчивало проекты отмены крепостного права и другие лозунги восстания.

Затем появилась (публичное издание 1857 г.) столь же тенденциозная книга барона М. А. Корфа «Восшествие на престол имп. Николая I», основанная на записках самого Николая I и самим же царем редактированная. Декабристы обрисованы Корфом как горсть «молодых безумцев», «чуждых нашей святой Руси».

Начальные попытки опровергнуть официальную ложь и восстановить подлинную историю движения 20-х годов принадлежали самим декабристам. Статья М. С. Лунина и Н. М. Муравьева («Разбор Донесения Следственной комиссии» и др.), «Записки» Якушкина и других декабристов, напечатанные Герценом в «Полярной звезде», помогли разоблачить правительственное толкование событий 1825 г.

Герцен по существу явился первым историком движения декабристов. В своих брошюрах «О развитии революционных идей в России» (1851), «Русский заговор 1825 г.» (1857) Герцен высоко поднял декабристов — «эту первую фалангу» русского освобождения. Герцен переоценил зрелость идеологии декабристов, ошибочно считал Пестеля социалистом, но он правильно понял причины поражения восстания 14 декабря («заговорщикам не хватало народа») и верно определил его историческое значение («пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение»). К поколению, разбуженному громом 14 декабря, принадлежали Белинский и петрашевцы. Высоко ценили подвиг декабристов революционеры-разночинцы 60—70-х годов.

Как известно, сочинения Герцена в России во второй половине XIX в. были запрещены, а университетские ученые по существу обходили декабристское движение. Официальной поддержкой пользовались труды дворянско-консервативных историков (М. И. Богданович, Н. К. Шильдер, Н. Ф. Дубровин). Но в целом к началу XX в. правительственная концепция изживает себя. Ее место постепенно занимает «либеральная легенда» о декабристах.

С 70-х годов известной популярностью пользовались «Очерки общественного движения при Александре I» А. Н. Пыпина, с большим сочувствием излагавшие взгляды декабристов и содержавшие новые тогда материалы. Но Пыпин смотрел на декабристов с либеральных позиций, затушевывал их революционные устремления. Этой тенденции следовали с теми или другими оттенками в начале XX в. историки буржуазно-либерального направления — М. В. Довнар-Запольский, Н. П. Павлов-Сильванский, а также А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов, П. Н. Милюков.

Значительнейшим достижением дореволюционной историографии декабризма является большой труд историка народнического направления В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (1909), основанный на огромном архивном материале, впервые им изученном.

Как демократ, Семевский особо выделял республиканские и особенно общинно-аграрные планы Пестеля, вместе с тем, как народник, он видел в них зачатки социализма. Сторонник субъективной социологии, Семевский рисовал декабристов представителями «внеклассовой интеллигенции», преувеличивал иностранное влияние на их идеологию.

Первая попытка марксистской оценки движения декабристов принадлежит Г. В. Плеханову (речь, произнесенная в Женеве в 1900 г. «14 декабря 1825 года»). Хотя эта речь не содержала классового анализа декабризма, она устанавливала преемственность революционных традиций в России, начатых декабристами. Значение этой речи определяется и тем, что в те дни буржуазная русская печать обошла позорным молчанием памятную дату 75-летия со дня восстания 14 декабря 1825 г.[8]

Громадное принципиальное значение имело в тот момент появление первого номера ленинской «Искры» с эпиграфом, которому суждено было стать пророческим: «Из искры возгорится пламя».

Эти строки из стихотворения А. И. Одоевского сопровождались подписью: «Ответ декабристов Пушкину».

Как справедливо отметила М. В. Нечкина, подпись подчеркивала большой общественный смысл этой стихотворной строки: «Мысль о связи революционных поколений должна промелькнуть у каждого читателя ленинской „Искры"».[9]

Упоминания В. И. Лениным в работах 1901—1905 гг. декабристов несомненно содействовали утверждению в рядах большевистской партии, в широкой демократической среде идеи о преемственности революционных поколений. В 1905 г. статьи, посвященные памяти декабристов, появляются в рабочих газетах Одессы и Красноярска. Передовая статья большевистского «Кавказского рабочего листка» в декабре 1905 г.

---

[8] Только в 1905 г. либерально-буржуазные политики открыто вспоминали о декабристах и попытались представить их своими предтечами. Этой цели служили статьи в «Русских ведомостях» (1905, № 325) и в кадетской «Полярной звезде» (1905, № 1, 15 декабря), где выступали Ф. Родичев и А. Пресняков.

27 (14) декабря 1905 г. в Петербурге в зале Павловой был устроен банкет либеральных деятелей в память декабристов (Э. Авенар. Кровавое воскресенье. Одесса, 1925, стр. 59—64).

[9] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 19.

связывала текущие события с памятной датой 80-й годовщины со дня восстания 14 декабря 1825 г. «Восьмидесятая годовщина восстания декабристов совпадает с моментом всеобщей политической стачки, когда воспрянувшая ото сна Россия, охваченная революционным пожаром, мобилизует свои силы для последней и решительной схватки с грозными твердынями самодержавия и тем самым исполняет завет героев 14 декабря 1825 года».[10]

В. И. Ленин еще в юности услышал о декабристах. Отец его цитировал не только Пушкина и Лермонтова, но и Рылеева.[11] О подробностях декабрьского восстания, о взглядах декабристов на крестьянский вопрос он мог узнать из сочинений Герцена, но прежде всего от своего брата Александра, который усердно посещал в Университете (а затем в числе избранных и на квартире уволенного профессора) лекции В. И. Семевского по крестьянскому вопросу,[12] в которых детально излагались записки декабристов с проектами уничтожения крепостничества (эти лекции в сжатом виде излагали содержание его труда «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.», вышедшего уже после казни А. И. Ульянова).

Во всяком случае, когда в декабре 1895 г. произошел полицейский разгром петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин и другие «старые» деятели «Союза» с гордостью называли себя овеянным революционной славой именем «декабристов». Об этом прозвище «стариков» В. И. Ленин вспоминал в книге «Что делать?»,[13] вышедшей в 1902 г., почти в канун первой русской революции.

В своих работах В. И. Ленин неоднократно упоминал о революционных предшественниках рабочего класса и об уроках освободительной борьбы, начало которой положили события 14 декабря 1825 г. («Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России», «Памяти Герцена», «Доклад о революции 1905 года» и др.). В. И. Лениным впервые была создана марксистская концепция движения декабристов, указано на их классовую принадлежность, на их место в истории освободительной борьбы. В своих трудах В. И. Ленин не только напоминал о традициях декабристов, но и призывал самым внимательным образом изучать их опыт, видеть не только их достоинства, но и недостатки.

---

[10] Цит. по: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 22.

[11] Л. Иванский. Молодой Ленин. М., 1964, стр. 104.

[12] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об А. И. Ульянове. М.—Л., 1931, стр. 90; ср.: Воспоминания И. Д. Лукашевича. В сб.: Александр Ульянов и дело 1 марта 1887 г., М.—Л., 1927, стр. 189—190.

[13] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 34.

Изучение восстания декабристов велось теоретиком и вождем большевистской партии в неразрывной связи с текущими революционными задачами. Сравнение условий 1825, 1881 и 1905 гг. несомненно содействовало более успешному усвоению этих задач большевиками-ленинцами. Не удивительно, что В. И. Ленин одобрительно отнесся к включению в программу занятий крестьянских кружков лекции по истории борьбы за политическую свободу, где упоминались и декабристы.[14]

Важнейшей заслугой декабристов В. И. Ленин считал их вооруженное выступление против царского деспотизма. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...», — говорил он в «Докладе о революции 1905 года».[15] Вместе с тем в своих статьях он выделял два главнейших программных положения декабризма — лозунги республики и отмены крепостного права.

Незадолго до первой русской революции, прошедшей под лозунгом «Долой самодержавие!», Ленин выдвигал задачу «*создать* и упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских рабочих», так как «только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией». В пояснительной ссылке к слову «создать» В. И. Ленин напоминал, что старые русские революционеры не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, «если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов».[16]

Отделив декабристов от тех, кто с пренебрежением анархистов относился к политике или не считал лозунг республики «практическим» вопросом, В. И. Ленин одновременно признал, что их требование все же не стало лозунгом борьбы для последующих поколений. «...на долю социал-демократов, — писал он, — выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров».[17]

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин высоко оценил огромное значение другого программного лозунга декабристского движения, унаследованного последующими поколениями борцов, в том числе Герценом: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. „Полярная звезда“ подняла традицию декабристов. „Колокол“

---

[14] Ленинский сборник, т. XIX. М., 1932, стр. 466—468.

[15] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

[16] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 319.

[17] Там же.

(1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено».[18]

Упоминание декабристов в одном ряду с Герценом, установление связи революционных поколений вообще очень характерно для большинства высказываний В. И. Ленина о деятелях русского освободительного движения.

Только что цитированную статью «Памяти Герцена», написанную за пять лет до Великого Октября, Ленин заключает проникновенными словами: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».[19]

Со всей определенностью В. И. Ленин отнес здесь декабристов и Герцена — первое поколение русских революционеров — к революционерам-дворянам, указал на узкий круг этих борцов, на их отчужденность от народа. Еще в 1906 г. Ленин обращал внимание на разницу между «дворянской революционностью декабристов, — разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев, — и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века».[20] Но принципиальное классовое отличие одного поколения от другого не заслонили от Ленина преемственность лучших традиций освободительного движения.

В хронологическом отношении грани между этими этапами более четко были проведены В. И. Лениным в статьях «Роль сословий и классов в освободительном движении» (1913) и «Из прошлого рабочей печати в России» (1914).

Во второй из этих работ дворянский период определяется рамками примерно с 1825 по 1861 г. и утверждается, что «самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен».[21]

В первой же статье Ленин характеризует этот период: «Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ».[22]

---

[18] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 258—259.

[19] Там же, стр. 261.

[20] В. И. Ленин. Политический кризис и провал оппортунистической тактики. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 356.

[21] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 93.

[22] В. И. Ленин. Роль сословий и классов в освободительном движении. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 398.

Последнее утверждение показывало ошибочность и несостоятельность той будто бы марксистской оценки движения декабристов, которую давал в 1907 г. М. С. Ольминский, прямо выводивший из классовой принадлежности декабристов сущность их идеологии и замыслов. В стремлении «разрушить легенду» Ольминский заявлял тогда, что «декабристы боролись не против господства, а за изменение формы господства своего класса».[23] Подобная схема в духе вульгарного «экономического материализма» дошла в виде единичных статей в газетах чуть не до 1925 г., однако она не могла получить признания в рядах марксистов.

В своем «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин определенно говорит о декабристах как зачинателях революционного движения в России и особо выделяет не только социальный слой, к которому они принадлежали, но и объективную обстановку эпохи, в которой им пришлось действовать. «Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн».[24]

Оценивая характер и происхождение движения декабристов, В. И. Ленин указывает не только на чисто теоретическое влияние Запада; он связывает истоки декабристской идеологии с общественно-политической обстановкой в России в эпоху Отечественной войны и освобождения Европы от наполеоновского господства.

На идеологии общественного движения 1820-х годов бесспорно отразился рост национального самосознания русского народа, начавшийся в результате победоносной войны против нашествия Наполеона.

«Мы были дети 1812 г.», — с полным правом говорили о себе декабристы.[25] Невиданный патриотический подъем масс в годину Отечественной войны, когда славные опасности, по выражению Н. Г. Чернышевского, «пробудили к новой жизни русскую нацию»,[26] вызвал в передовых офицерах чувство уважения к своему народу, стремление напомнить о его национальных заслугах и традициях, забытых дворянской аристократией. Не один только И. Д. Якушкин признавал, что «война

---

[23] М. Ольминский. Разрушение легенды. «Вестник жизни», 1907. № 3, стр. 77.

[24] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года, стр. 318.

[25] В. Е. Якушкин. М. И. Муравьев-Апостол. «Русская старина», 1886, № 7, стр. 159.

[26] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 765.

1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании».[27]

Освобождение России и Европы русской армией служило доказательством, по мнению декабристов, способности русского народа «к самостоятельным действиям, и следовательно, и к самоуправлению».[28]

Декабристы желали видеть свободным «русский народ, первый по славе и могуществу своему».[29]

Реальные основы и идейные источники мировоззрения декабристов несомненно не исчерпывались родной почвой. В первой четверти XIX в. еще очень жива была память о событиях великой французской революции, явившейся глашатаем освободительных идей новой эпохи. В заграничных походах будущие революционеры увидели уже освобожденные от феодальных пут народы, близко познакомились с учреждениями и принципами прогрессивной буржуазной демократии.

Несомненно также знакомство многих из них с новейшей социально-политической литературой различных буржуазно-демократических оттенков, и в том числе с произведениями великих утопистов начала XIX в. В библиотеках видных деятелей тайного общества были целые коллекции книг о революциях во Франции и Испании,[30] в Греции, Неаполе и т. д.

Французская революция 1789 г., по свидетельству мемуаристов, была чуть ли не ежедневным предметом разговоров и жарких споров в среде деятелей тайного общества. Но лишь немногие деятели из их числа, такие как Пестель, могли заявить, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общественного спасения.[31]

Ограниченность дворянских революционеров сказывалась в том, что большинство сподвижников Пестеля, в том числе М. Ф. Орлов, «ненавидели преступления и любили правила французской революции».[32] В этом отношении близкие к Никите Муравьеву члены Северного общества напоминали таких известных деятелей 1789 г., как маркиз Лафайет и граф Мирабо. Готовые признать заслуги этих более чем умеренных революционеров и аристократов, они с ужасом говорили о Ро-

---

[27] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 7.

[28] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. М., 1905, стр. 104.

[29] Показание В. Кюхельбекера. В кн.: Восстание декабристов, т. II. М.—Л., 1926, стр. 166.

[30] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 79.

[31] Записки С. П. Трубецкого. М., 1905, стр. 12—13.

[32] М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 50.

беспьере и Марате. Одобряя «Декларацию прав» 1789 г., составленную Лафайетом, большинство декабристов, как бы следуя этому деятелю французской революции, порицало якобинскую диктатуру. «Революция во Франции, столь благодетельно начатая, к несчастью, наконец, превратилась из законной в преступную. Но не народ был сему виною, а пронырства дворов и политики», — писал русский дворянский революционер П. Г. Каховский,[33] который, впрочем, в практических планах восстания был гораздо решительнее неудачливого защитника трона Людовика XVI Лафайета. Главную заслугу революции Каховский видел в том, что она «сильно потрясла троны Европы и оказала влияние на народы».

Пестель и отчасти Тургенев вместе с тем говорили о нерешенности задач французской революции, ибо «аристократия богатства» заменила «аристократию феодализма».

Декабристы внимательно присматривались и к развитию политических событий на Западе после наполеоновских войн. Их воображение особенно волновали известия о революционных событиях в Европе и Америке в начале 20-х годов. Н. А. Бестужев, М. А. Фонвизин, Н. И. Кутузов осуждали Священный союз и открыто выражали симпатии испанским революционерам Риэго и Кироге, итальянским карбонариям.

Хорошо известен факт знакомства многих членов тайного общества с государственным устройством передовых стран Запада. Помимо П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева, знатоками конституции были К. Ф. Рылеев и Н. А. Бестужев, С. Г. Волконский, А. В. Поджио, В. М. Голицын и другие члены тайного общества. И сторонник централизованной республики П. И. Пестель, и защитник конституционной монархии Никита Муравьев в своих конституционных проектах в какой-то мере учитывали основные принципы государственного установления США — первой крупной республики нового времени.

Глубокое воздействие на дворянских революционеров оказала международная обстановка начала 20-х годов. В южной Европе и в Южной Америке народы с оружием в руках взялись за дело своего освобождения. В 1817 г. началось республиканское восстание в Бразилии, а затем в Португалии; в 1815—1819 гг. шла борьба за конституцию в Вюртемберге. Весной 1820 г. вспыхнула революция в Испании, а осенью того же года в Неаполе, Португалии, Бразилии, Сан-Доминго. Весной 1821 г. поднялся против австрийского владычества Пьемонт, а осенью восстала против турецкого гнета Греция. «Что почта,

---

[33] Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906.

то революция», — восхищенно записывал в своем дневнике декабрист Н. И. Тургенев.[34]

Наиболее авторитетный дореволюционный историк декабристского движения В. И. Семевский в своем фундаментальном труде о политических и общественных идеях декабристов свел воедино все разнообразные западноевропейские влияния на русскую мысль. Однако в результате получилась чрезвычайно пестрая картина, скорее даже причудливый калейдоскоп, в котором невозможно найти какую-либо общую закономерность. Это и не удивительно, ведь в глазах Семевского декабристы выступали лишь как выразители взглядов «образованного общества», а не как выходцы из определенного класса, социального слоя.

Только классовая оценка сущности декабризма могла помочь в установлении характера идейных влияний.

Данное В. И. Лениным определение классовой принадлежности декабристов как дворянских революционеров помогает увидеть генетическую их связь с дворянскими революционерами эпохи французской революции и вместе с тем вскрыть буржуазно-демократическое содержание их идеологии. Поэтому и наиболее серьезные теоретические влияния, которые испытало мировоззрение передовых русских дворян в канун 1825 г., не могло не иметь буржуазно-демократической окраски.

В отличие от Франции, где к концу XVIII в. было достаточно сильное третье сословие, возглавляемое буржуазией, Россия в первой четверти XIX в. в силу отсталости общественно-экономических отношений еще не имела сколько-нибудь самостоятельного третьего сословия. Русская буржуазия не только не претендовала на политическую роль, но и не мыслила себя вне дворянско-крепостнической империи, ее полицейско-бюрократической опеки.

В этих условиях носителями идей антифеодальных преобразований выступили дворянские революционеры. За редкими исключениями они не думали о подражании якобинцам, сочувствуя или аристократам в рядах активных деятелей Великой революции, или по крайней мере жирондистам. Но каковы бы ни были их субъективные симпатии, дворянские революционеры явились выразителями буржуазно-демократических идей, сопутствующих в политической и идеологической сфере антифеодальному и антикрепостническому движению.

То обстоятельство, что В. И. Ленин счел возможным отнести идеи декабристов к демократическим, свидетельствует о том, что между движением дворянских и разночинских революционеров существует прямая преемственность, хотя демо-

---

[34] Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, Пгр., 1921, стр. 241.

кратизм разночинцев был более последователен, нежели демократизм дворян-офицеров. Признание декабристами верховной и суверенной власти народа, «народодержавия», прав угнетенных народов — все дает основание, как отмечает М. В. Нечкина, «в плане буржуазной революционности и борьбы с самодержавием назвать передовые идеи декабристов в общем смысле слова демократическими».[35]

Высказывание В. И. Ленина о соприкосновении декабристов с демократическими идеями Европы не допускает упрощенного понимания мировоззрения декабристов как внешнего, наносного, вызванного иностранными влияниями. Оно не дает также основания, как это делалось русскими буржуазными историками кадетского направления, отождествлять движение декабристов с дворянско-оппозиционной фрондой или рисовать их как либерально-буржуазных реформаторов.

Но определение В. И. Ленина не позволяет также считать декабристов, или по крайней мере некоторых из них, социалистами, как это делал народнически настроенный историк В. И. Семевский. Несомненно, что декабристы интересовались утопическим социализмом, а кое-кто из них даже лично был знаком с утопистами. Сохранилось, например, известие, что Сен-Симон возлагал большие надежды на декабриста Лунина, а Н. И. Тургенев посещал фабрику Оуэна в Нью-Лэнарке.

Но совершенно очевидно, что в целом тайное общество было далеко от социалистических идей, несмотря на неудовлетворенность передовых деятелей не только феодальным, но и буржуазным общественным строем, что проявилось в критике английского парламента как орудия господствующих классов П. И. Пестелем и Н. А. Бестужевым, в осуждении рабства негров в США М. С. Луниным и т. д.

Благодаря глубокому изучению общественно-политической жизни Запада отдельные декабристы, и в первую очередь П. И. Пестель, Н. А. Бестужев, Н. И. Тургенев и некоторые другие, еще в середине 20-х годов начали понимать ограниченный и формальный характер буржуазной демократии, подметили антинародные черты английского политического строя, которым восхищались тогда многие члены тайного общества.

По словам Пестеля, обе палаты британского парламента «существуют для одного только покрывала», ибо имущественный ценз устраняет от политической деятельности большинство граждан.[36]

---

[35] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 28.

[36] П. И. Пестель. Русская Правда. В кн.: Восстание декабристов, т. VII. М., 1958, стр. 214.

Критика отдельными декабристами в начале 20-х годов политического строя Англии еще не означала, конечно, отрицания капиталистического строя вообще. Русских революционеров скорее смущала неразвитость буржуазно-демократических свобод. Только у Пестеля, пожалуй, да и то с известными оговорками, можно найти зачатки новых, социально-утопических тенденций. Серьезно утопическим социализмом, как можно судить по имеющимся материалам, декабристы заинтересовались лишь в Сибири.

В мировоззрении декабристов сказалось довольно заметно и влияние новейшей буржуазно-демократической историографии Запада, знакомство с трудами таких видных историков-демократов, как Тьерри и Минье.

Некоторые из декабристов — П. И. Пестель, Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев — уже обращали внимание на роль классов в общественном развитии, начинали понимать, что не цари, а народ является творцом истории.

В ответ на льстивое посвящение Карамзиным своей «Истории государства Российского» Александру I — «История народа принадлежит царю», — Никита Муравьев начал свою записку «Мысли об Истории Карамзина» словами: «История принадлежит народу».[37] С этим девизом горячо согласился Н. И. Тургенев: «История народа принадлежит народу — и никому более. Смешно дарить ею царей».[38]

В самое сердце разили старую феодально-дворянскую историографию проникнутые искренним сочувствием к народу слова Николая Бестужева: «До сих пор история писала только о царях и героях; политика принимала в рассуждение выгоды одних кабинетов; науки государственные относились к управлению и умножению финансов, но о народе, о его нуждах, его счастии или бедствиях мы ничего не ведали, и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств; обширность торговли, богатство купечества и банков — за благосостояние целого народа; но ныне требуют иных сведений: нынешний только век понял, что сила государств составляется из народа, что его благоденствие есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собою общественное расстройство».[39]

---

[37] Н. М. Муравьев. Мысли об «Истории государства Российского Н. М. Карамзина». «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 582.

[38] Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, стр. 114—115.

[39] Н. А. Бестужев, Статьи и письма, М.—Л., 1933, стр. 93.

Одно из наиболее существенных отличий дворянских революционеров от революционеров-демократов последующей эпохи заключалось в отношении к народу. И те, и другие выступают во имя народа, но если первые в свои планы не включают активных действий народа, то вторые видят в нем подлинную опору и силу для переворота.

Предшественниками русских революционеров-разночинцев среди декабристов порой считают в особенности членов Общества соединенных славян, которые видели гарантию успеха восстания только в поддержке народа.[40]

Однако эти разночинские элементы движения почти не выявлялись, ибо «славяне», влившись в Южное общество, на практике стали следовать тому курсу на военную революцию, который до того они осуждали в теории.

Различие между Обществом соединенных славян и Южным обществом существенно, но нельзя его и преувеличивать. Дело не только в том, что декабристы в большинстве случаев опасались разбудить стихийно-бунтарские настроения крестьянства, еще хранившего смутную память о Пугачеве, но и в том, что в начале 1820-х годов крестьянство не было готово к организованной, действительно массовой борьбе. Не готова была поддержать офицеров-дворян и солдатская масса. Об этом совершенно определенно напоминал В. И. Ленин: «Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно».[41] Замечание это чрезвычайно важно для понимания действительных возможностей задуманного декабристами переворота. Оно помогает также понять, что тактика военного восстания, принятая декабристами, определялась не только классовой ограниченностью замысла, не только счастливыми на первых порах примерами пронунсиаменто в Испании и других странах в начале 20-х годов прошлого века, но и тем, что не было еще в то время одного из важнейших признаков революционной ситуации, субъективной ее предпосылки — готовности народа к революционной борьбе. Необходимость этой предпосылки была в полной мере выяснена В. И. Лениным в его учении о революционной ситуации («Крах II Интернационала», 1915, и др.). Таким образом, замечание Ленина по поводу движения декабристов в «Докладе о революции 1905 года» имеет итоговое и принципиальное значение не только как последняя по времени, но и вместе с тем и как наиболее всесторонняя оценка восстания декабристов.

---

[40] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 164—165.

[41] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года, стр. 318.

Ленин вновь охарактеризовал здесь значение декабристов как зачинателей революционного движения в России, указал на историческую эпоху, вызвавшую к жизни их освободительную идеологию, отметил прогрессивное влияние передовых идей Запада. Указав на особенности тактики декабристов, он обратил внимание на оторванность офицеров-дворян от солдатской массы, на пассивность последней, иными словами, выяснил отсутствие необходимых субъективных предпосылок восстания.

Начало советского декабристоведения совпало с подготовкой к столетней годовщине восстания 14 декабря. Юбилейная литература не была единой по своему характеру. Вместе с историками дореволюционного поколения А. Е. Пресняковым, П. Е. Щеголевым выступили молодые тогда исследователи С. Н. Чернов, М. В. Нечкина и др. Большой заслугой крупнейшего историка-марксиста М. Н. Покровского было стремление в противовес идеалистическим концепциям буржуазных ученых изучить экономическую почву декабризма. Хотя М. Н. Покровский порой весьма противоречиво оценивал деятелей 14 декабря, он пересмотрел свои прежние ошибочные взгляды, отрицавшие революционность декабристов.

В книгах и статьях видных историков-большевиков В. И. Невского, С. И. Мицкевича и других были отвергнуты сомнения М. Ольминского, следует ли отмечать годовщину восстания декабристов.[42]

Утверждение ленинских взглядов в исторической науке, начавшееся в дни сотой годовщины восстания декабристов 14 декабря, показало всю беспочвенность и абсурдность притязаний на идейное наследие и традиции декабристов со стороны контрреволюционной белой эмиграции.[43]

Торжественное празднование столетия со дня восстания 14 декабря явилось сильнейшим импульсом для расширения публикаторской и исследовательской работы, посвященной декабристам.

Ленинская концепция истории освободительного движения лежит в основе фундаментального труда академика М. В. Неч-

---

[42] М. Н. Покровский и С. И. Мицкевич. Нужно ли праздновать юбилей декабристов. В сб.: Декабристы. 1825—1925, М., 1925.

[43] В числе авторов юбилейных статей о декабристах был, например, Д. С. Мережковский, который еще в 1917 г. напечатал о декабристах статью «Первенцы свободы» («Нива», 1917, № 16—17, апрель), вышедшую затем отдельной брошюрой с посвящением «продолжателю дела декабристов А. Ф. Керенскому». В дни юбилея 1925 г. сочувственные речи памяти декабристов с определенными политическими выводами посвятили на заседании в Сорбонне П. Н. Милюков и В. А. Мякотин.

киной «Движение декабристов» (тт. I—II, М., 1955), где с необычайной тщательностью и обстоятельностью прокомментированы все высказывания В. И. Ленина о декабристах.

II

Виднейшими деятелями первого этапа освободительного движения в России наряду с Радищевым и декабристами были Белинский и Герцен, деятельностью которых В. И. Ленин всегда живо интересовался. Их имена от слышал в ранней юности от старшего брата, старшей сестры и отца, их произведения он прочитал еще в молодые годы, и, по воспоминаниям близких, эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет, ибо давала зарядку, звала к действию, толкала на поиски новых путей борьбы.[1]

Ленинская мысль о том, что классы русского общества налагали свою печать на движение, требует правильного толкования и не позволяет прямолинейно объяснять происхождение всех явлений только определяющим воздействием соответствующей классовой основы. И если ряд авторов отмечали революционно-демократические черты мировоззрения Радищева, погибшего за два десятилетия до восстания декабристов, то тем с большим правом можно говорить о революционно-демократической идеологии А. И. Герцена и Белинского, зрелость которой наступила лет двадцать спустя после 14 декабря 1825 г.

В статье «Из прошлого рабочей печати в России» (1914) В. И. Ленин говорил о Белинском как о предтече разночинского этапа борьбы: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский».[2]

Подвижность граней эпох, взаимопроникновение различных тенденций, появление ростков новой эпохи еще в недрах старой — все эти особенности исторического развития полностью принимались во внимание В. И. Лениным, исключавшим всякий догматический подход к общественному прогрессу. И если в деятельности Белинского он видел предвестие разночинской революционности 60-х годов, то, «начиная от кружка петрашевцев», он вел происхождение той социалистической интеллигенции,[3] которая появилась как заметная сила на арене обще-

---

[1] А. Иванский. Молодой Ленин. М., 1964, стр. 205.

[2] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

[3] В. И. Ленин. План писем о задачах революционной молодежи Полн. собр. соч., т. 7, стр. 438.

ственного движения в следующий период. Несомненно, что петрашевцев он считал утопическими социалистами, видел у них черты крестьянского социализма. «Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше. . .».[4] Это наблюдение, очевидно, может быть отнесено не только к Герцену, но и к петрашевцам. Но если представления Герцена об общине выяснены в достаточной степени, то взгляды петрашевцев, видевших порой в общинных устремлениях «дух социализма», более или менее подробно исследованы в этом отношении лишь недавно.[5]

40-е годы XIX в. уже потому можно считать важным этапом в развитии передовой русской мысли, что в это время приобрела огромный общественный резонанс идейно-теоретическая и литературно-критическая деятельность духовного наставника молодой России В. Г. Белинского.

Долгое время держалась традиция безоговорочно относить Белинского и Герцена к так называемому западничеству, противопоставляя этому направлению «славянофильство». Есть основание думать, что ленинская мысль не удовлетворялась этими несколько внешними определениями социально-политических направлений. Сознавая ограниченность термина «западничество», рисующего лишь одну сторону весьма богатого содержанием общественного течения 40—50-х годов и не выявляющего принципиальных разногласий среди самих западников, В. И. Ленин лишь однажды, и притом в полемике с П. Б. Струве, употребил термин «западничество».[6] Для Ленина, видимо, была очевидна неправомерность отождествления начавшей формироваться демократической и революционной тенденции — левое западничество — с довольно аморфным и либеральным по своим склонностям западническим течением в целом.

Несмотря на то что в это время еще не произошло окончательного отделения либерального и демократического направлений в русской мысли, несомненно, что Белинский положил начало этому размежеванию.[7] Представляя в тогдашних общественно-литературных течениях крайне левое крыло западни-

---

[4] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 530.

[5] В. Р. Лейкина-Свирская. Утопический социализм петрашевцев. В сб.: История социалистических учений, М., 1964, стр. 433—436.

[6] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 422.

[7] В. Р. Щербина. Ленин и вопросы литературы. М., 1967, стр. 325—326.

чества, он по существу являлся уже зачинателем нового направления.

Действительно, уже в юношеской драме Белинского «Дмитрий Калинин» звучит суровый и гневный голос революционного разночинца, голос, поднявшийся в 40-х годах до высшего гражданского подвига в «Письме к Гоголю».

В глазах В. И. Ленина пафос, публицистическая острота мысли Белинского, его энергия бойца сохраняли свое обаяние и силу, как одна из замечательных традиций передовой русской мысли, и для пролетарских революционеров начала XX в.

«Его знаменитое „Письмо к Гоголю", подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».[8]

О том, что Ленин с величайшей бережностью относился к наследию великого критика, подчеркивая его современное звучание, говорит и выступление руководителя большевистской партии против контрреволюционного сборника «Вехи».

В эпоху первой русской революции либеральная буржуазия предала дело освобождения страны от царского деспотизма и перешла в лагерь контрреволюции. Как писал в 1905 г. в газете «Пролетарий» В. В. Воровский, кадеты «отказались от родства с последовательно демократическими течениями русской общественной мысли и предпочли утвердить свою духовную преемственность со щедринским Балалайкиным».[9]

Подготовленный в период реакции кадетскими авторами сборник «Вехи» чернил наиболее видных представителей русского освободительного движения.

В посвященной этому сборнику статье «О „Вехах"» В. И. Ленин защитил имя В. Г. Белинского от нападок либеральных ренегатов. Выступая против кадетов-веховцев, В. И. Ленин объяснил, почему «Вехи» стремятся уничтожить Белинского как публициста. Разорвав окончательно с русским освободительным движением, кадетские теоретики делали вид, что они отрекаются не от демократии, а от «интеллигентщины», которую якобы представляли Белинский, Добролюбов, Чернышевский. По их мнению, знаменитое письмо Белинского к Гоголю являлось «пламенным и классическим выражением интеллигентского настроения».

В. И. Ленин с едким сарказмом отвечал на эти домыслы либеральных политиканов.

---

[8] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94.
[9] Цит. по: А. И. Новиков. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965, стр. 184.

«Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское“ настроение... Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?».[10]

Данные В. И. Лениным в статье «О „Вехах“» оценки социально-классовых корней мировоззрения Белинского являлись замечательным вкладом в марксистскую методологию истории русской общественной мысли.

Полное одобрение В. И. Лениным негодующего письма Белинского к Гоголю, разумеется, следовало понимать не как противопоставление обоих писателей, а как последовательную защиту демократических устремлений и идей в русской литературе. Ведь в период 40—60-х годов, когда «*все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»,[11] лучшие русские писатели выступали провозвестниками грядущего освобождения народа, выражали в своих произведениях его чаяния и надежды даже в тех случаях, когда они не разделяли революционных идей. Поэтому в одной из последующих статей Ленин, цитируя пророческие стихи Некрасова о том времени, когда народ «Белинского и Гоголя с базара понесет», совершенно определенно подчеркивал ценность демократической литературы, пропитанной теми «идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси».[12]

В обстановке дворянско-бюрократической империи Николая I, достигшей в 40-е годы кульминационного пункта по части деспотизма и произвола, художественные произведения Гоголя несомненно приобретали антикрепостническое звучание, несмотря на субъективное примирение автора с мрачной действительностью.

Рядом с Белинским В. И. Ленин ставил имя зачинателя русской революционной печати А. И. Герцена, писателя, философа, политического деятеля, внесшего огромный вклад в развитие русской общественной мысли, в формирование передовых идеалов русских революционеров. В лице Герцена и его друга Н. П. Огарева дворянское поколение деятелей освободи-

---

[10] В. И. Ленин. О «Вехах». Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

[11] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся?, стр. 520.

[12] В. И. Ленин. Еще один поход на демократию. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 83.

тельного движения непосредственно смыкалось с поколением разночинцев.

Напомнив герценовскую характеристику декабристов («это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»), Ленин добавляет: «К числу таких детей принадлежал Герцен».[13]

Восприняв еще на студенческой скамье в середине 30-х годов сен-симонистские идеи и став одним из первых в России социалистов-утопистов, Герцен уже с начала 40-х годов вырабатывает собственное глубоко оригинальное материалистическое мировоззрение, становится крупным литературно-общественным деятелем, борцом за интересы угнетенного народа.

Герцен был очевидцем и, в известном смысле, участником революционных событий 1848 г. в Западной Европе, одним из провозвестников и организаторов революционной борьбы против царского самодержавия. «Колокол» Герцена разбудил поколения революционных борцов 60—70-х годов.

В начале XX в. в канун пролетарской революции в России вокруг имени Герцена разгорелась настоящая идейная битва. Идеологи русской буржуазии пытались представить себя продолжателями лучших традиций русской общественной мысли. Ставший верным слугой капитализма П. Б. Струве претенциозно назвал в 1905 г. свой журнал «Полярной звездой», намекая на продолжение традиций декабристов и Герцена.

Юбилейная статья В. И. Ленина «Памяти Герцена» внесла ясность и верный тон в эту путаницу и разноголосицу.[14]

В своей работе В. И. Ленин с исчерпывающей полнотой определил историческое место Герцена в русском освободительном движении и дал глубокое, подлинно классовое объяснение процесса развития общественно-политических взглядов Герцена от дворянской революционности к революционному демократизму (см. вторую главу).

Ленинские оценки Белинского и Герцена получили в начале XX в. отражение и в статьях большевистских литераторов — В. В. Воровского, С. М. Кирова. Вслед за В. И. Лениным Воровский видит в Белинском предшественника разночинского движения 60—80-х годов, указывает на его отличие от либералов.[15]

---

[13] В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

[14] А. И. Володин. Юбилей Герцена 1912 г. и статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Исторические записки», т. 67, 1960.

[15] А. И. Новиков. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли, стр. 197.

Одним из первых усвоил выводы статьи «Памяти Герцена» С. М. Киров, который выступил в редактируемой им газете «Терек» с серьезным разбором лекции кадета Ф. Родичева о Герцене. Характеризуя крайний субъективизм лекции, в которой Герцену приписываются идеи той партии, представителем которой является лектор, Киров иронически прибавляет, что, по Родичеву, «Герцен будто бы начертил программу кадетской партии».

В публицистически яркой статье, опубликованной в «Тереке», С. М. Киров, следуя характеристике Белинского, данной в статье Ленина «О „Вехах“», писал, что Белинский «воплотил в себе весь протест против окружающей гнусной действительности и все величие своего гения устремил к отысканию истины. „Истину назовите мне!“, — взывал он к проникновенному разуму. Жадно, неутомимо и страстно бросился он в поиски за ней, и мощный голос его, как трубный звук, стал оглашать мрачную эпоху, сзывая все живое и лучшее, способное воспринять правду-истину и правду-справедливость. От юношеской трагедии „Дмитрий Калинин“ до предсмертных писем его все проникнуто этим пылким исканием». Называя Белинского «Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма», Киров заявлял, что «Белинский приобрел огромное воспитательное значение и стал предтечей современного научного мировоззрения».[16]

Вряд ли нуждается в подтверждении мысль о воспитательном значении Белинского.

Белинский сыграл значительную роль и в идейном развитии первых русских марксистов. В комнате молодого Владимира Ульянова его сочинения были на полке еще в Симбирске в конце 80-х годов. От Белинского и Чернышевского, которых они называли своими первыми учителями, перешли к марксизму видные большевики-ленинцы из Армении Степан Шаумян и Сурен Спандарян, выдающиеся болгарские революционеры Димитр Благоев и Георгий Димитров. Первый теоретик и пропагандист марксизма в России Г. В. Плеханов завещал похоронить себя рядом с Белинским.

Если мысль о воспитательном значении творений великого критика неоспорима, то тезис о том, что Белинский стал предтечей научного мировоззрения, требует известного пояснения. Несомненно, что этот тезис развивает ленинские положения об оценке идейного наследия предшествующих поколений.

---

[16] С. М. Киров. Великий искатель. «Литературная газета», 1939, 1 декабря.

Подчеркивая значение теоретических исканий великих русских социалистов и демократов разночинского периода, В. И. Ленин писал: «...*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что́ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...».[17]

Трудно переоценить значение 40-х годов в идейной жизни русского общества. Именно рубеж 40-х годов был назван В. И. Лениным, указавшим, что русская мысль с этих пор начала тот долгий тернистый путь поисков правильной революционной теории, который привел ее к марксизму.[18] Совершенно несомненно, что Ленин имел здесь в виду Белинского и Герцена. Для Ленина была очевидна неразрывная связь философских и революционных убеждений Белинского и Герцена, исключительные достижения их теоретической мысли. Несомненно, что к Белинскому в полной мере относится ленинская оценка идейного наследия Герцена. «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции". Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом».[19]

Этот в высшей степени замечательный вывод обращен к тому факту, что в области философии Герцен (это относится и к Белинскому) несомненно шел по пути, проделанному перед тем Марксом. Мысль эта заслуживает специального рассмотрения. Хотя в нашей литературе так или иначе признается этот вывод, пока еще нет трудов, где выяснялись бы черты несомненного сходства и принципиального различия в идейной эволюции Маркса и Энгельса, с одной стороны, Белинского и Герцена — с другой.

Отличительной чертой передовых мыслителей 40-х годов, включая Белинского, Герцена, петрашевцев, была склонность к материалистической философии, попытки найти реальные основы социалистического учения. Обращение к действительности, к экономическому строю как источнику познания о бу-

---

[17] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

[18] В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

[19] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 256.

дущем развитии общества несомненно являлось попыткой отыскать скрытые до Маркса и Энгельса пружины общественного развития.

В «Отечественных записках» в 1847 г. появилась статья участника кружка петрашевцев В. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции». В центре внимания автора положение ткачей в Манчестере и Лионе, значение машин и разделения труда, кризисов и конкуренции — темы, которые всего за два года до того привлекли внимание Энгельса при написании книги «Положение рабочего класса в Англии». Милютин полагал необходимым «освободить утопию от ее мистического, мечтательного характера», а для того «изучить и понять действительность, раскрыть ее стремления и силы и сообразно с этим видоизменить самую мечту, сблизив ее с жизнью».[20]

В четвертом письме Герцена из Парижа («Письма из Авеню Мариньи») в сентябре 1847 г. Герцен, доказывая законность исключительного внимания к политической экономии у современных мыслителей, пытается с ее помощью найти реальные основания для социалистического будущего. «Тот, кто не видит, что вопрос о материальном благосостоянии составляет великую половину всех вопросов современности, тот вовсе не знает, что делается на свете». Герцену представлялось крайне необходимым «вырвать у слепой случайности распределение сил и орудий, привести труд, ценность, плату, обладанье к разумным началам, к незыблемым правилам, раскрыть действительные законы общественного достояния».[21]

Вряд ли можно это обращение к поискам объективных закономерностей общественной жизни приписывать только знакомству русских мыслителей 40-х годов с сочинениями Маркса, хотя знакомство Белинского и Герцена с некоторыми ранними трудами основоположников научного социализма установлено достаточно точно.

Нельзя также объяснить одним лишь таким влиянием те небезынтересные и весьма знаменательные параллели в литературно-критических отзывах Маркса и Белинского, на которые обращается внимание литературоведами.

Замечательные наблюдения Белинского по поводу отражения революции 1830 г. на страницах романа Эжена Сю «Парижские тайны» перекликаются с мыслями Маркса и Энгельса на эту же тему в «Святом семействе». Белинский, так же как

---

[20] В. А. Милютин, Избр. произведения, М., 1946, стр. 349.

[21] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. V, М., 1955, стр. 234—235.

и Маркс, отмечает, что творцом революции явился народ, а плоды победы захватила буржуазия.

Маркс и Энгельс писали: «Когда дело было сделано, рабочих оттеснили в сторону и буржуазия одна воспользовалась плодами революции».[22] В. Г. Белинский: «Когда дело было кончено ревностию слепого народа, представители повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребя жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности».[23] Положение народа в результате революции даже ухудшилось. «Французский пролетариат перед законом равен с самым богатым собственником. . . и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и по вине наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб. . . Хорошо равенство!».

Белинский подчеркнул также наивность представлений Эжена Сю о неверных законах: «Он не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества».

Белинский с мудрой проницательностью вскрывает буржуазную сущность сострадания Эжена Сю к народу, указывая, что последний действительно сочувствует бедствиям народа, но «*как* сочувствует — это другой вопрос. Он желал бы, чтоб народ не бедствовал и, перестав быть голодною, оборванною и частью поневоле преступною чернью, сделался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью, а мещане, теперешние фабриканты законов во Франции, оставались бы по-прежнему господами Франции, образованнейшим сословием спекулянтов».[24]

Из этих отрывков наглядно видно, что Белинский оказывался способным увидеть антагонизм классовых интересов пролетариата и буржуазии, разглядеть эксплуататорскую сущность буржуазного государства, а также вскрыть мелкобуржуазную ограниченность неглубокой социальной философии Эжена Сю.

При сопоставлении оценок ряда явлений западноевропейской литературы Белинским, с одной стороны, и Марксом и

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 529.

[23] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1955, стр. 171.

[24] Там же, стр. 174.

Энгельсом — с другой (это касается противоречий в творчестве Гёте, характеристики социального романа во Франции в 40-х годах — произведений Жорж Санд и Эжена Сю, отношения к поэзии Гейне, к реакционному романтизму Шатобриана и т. д.) бросается в глаза, что высказывания Белинского порою созвучны мыслям Маркса.[25]

Белинский, конечно, не понимал всемирно-исторической миссии пролетариата, но он выступал как убежденный революционер, отвергая как реформистские, так и заговорщические средства. Вместе с Вейтлингом он был одним из первых мыслителей, кто признал, что путь к социализму ведет через народную революцию.

Будучи самостоятельным и оригинальным мыслителем, Белинский не удовлетворялся современными ему философскими системами. Он вплотную подошел к диалектическому материализму, но в силу отсталости русской жизни не мог распространить материализм на явления общественной жизни. Вместе с тем Белинский ясно чувствовал необходимость философской «революции». С надеждой ждал он прихода «основателя новой философии». Его предвидения новой философии сбывались уже в то время, вместе с появлением первых произведений Маркса и Энгельса.

Исторический материализм, как и научный социализм в целом, были ответом на теоретические запросы Белинского. «Если бы Белинский дожил до нашего времени, — писал полвека спустя Г. В. Плеханов, — то он отдохнул бы наконец душою. . . с обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами приветствовал бы он начинающееся пробуждение русского пролетариата и, умирая, искренне позавидовал бы тем счастливцам, которые доживут до дня его победы».[26]

Нельзя исключить того, что духовное развитие Белинского могло бы пойти по пути сближения с революционным пролетариатом. Об этом пишет Г. В. Плеханов, это, видимо, допускал и Ф. М. Достоевский. Рассказывая о влиянии Белинского на социалистические идеалы своей молодости, Ф. М. Достоевский не соглашался с теми, кто говорил, что Белинский мог кончить славянофильством: «Белинский, — писал он в «Гражданине» в 1873 г., — может быть, кончил бы эмиграцией, если бы прожил дольше и, если бы удалось ему эмигрировать,

---

[25] Р. М. Самарин. Зарубежная литература первой половины XIX в. в оценке В. Г. Белинского. М., 1958; см. также: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960.

[26] Г. В. Плеханов, Соч., т. X, М.—Пгр., 1924, стр. 348.

скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком, с прежнею теплою верой, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии». А так как Достоевский говорит в начале статьи об Интернационале, его мысль о конгрессах представляется совершенно ясной.[27]

Как пишет современный исследователь мировоззрения Белинского, «удивительно не то, что Белинский не был и не мог быть в условиях самодержавно-крепостнической России пролетарским революционером. Удивительно другое: как Белинский, идеолог крепостного крестьянства, мог так глубоко проникнуть в тайны капиталистического строя, разгадать эксплуататорскую сущность буржуазного государства, подчеркнуть непримиримость интересов буржуазии и пролетариата, выразить твердую уверенность в грядущей победе трудящихся масс над эксплуататорами».[28]

Начиная с 40-х годов XIX в. происходит поразительный взлет русского ума и таланта, своего рода идеологическое «чудо». В одной из самых отсталых стран Европы, в стране, скованной феодально-крепостническими узами, подавленной свирепым николаевским режимом, расцветает подлинно народная по своим идеалам литература, выступает на арену общественной борьбы передовая демократическая и революционная мысль. Ее лучшие представители — Белинский и Герцен — были в курсе новейших достижений западноевропейской науки, хорошо знакомы с трудами немецких философов и французских утопистов.

Маркс и Энгельс открыли, что противоречие между передовой идеологией и отжившей системой общественных отношений может проявляться не только в рамках одной страны, но и в связи с изучением практики других наций. Мировоззрение Белинского и Герцена служит одним из ярких примеров этого замечательного наблюдения.

В эпоху, когда на Западе торжествующий капитализм уже обнаружил свою антинародную сущность, русские революционные демократы выступили с критикой буржуазного строя, объявили себя социалистами, пытались найти путь к социализму для России.

Как и Маркс в начале 40-х годов, русские мыслители начинают отходить от буржуазно-демократических иллюзий, ста-

---

[27] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1886, стр. 152.

[28] И. Я. Дьяков. Мировоззрение В. Г. Белинского. Амурское книжн. изд., 1962, стр. 125.

новятся на сторону народных масс, преодолевают многие ошибки утопического социализма. Свои надежды на социалистическое переустройство общества они связывают с деятельностью народа, справедливо признавая его ведущей силой общественного развития, готовятся к народной революции, считая ее главным орудием исторического прогресса. Мучительные поиски истины сопровождались яркими озарениями мысли, самостоятельными наблюдениями и выводами, которые свидетельствовали о том, что корифеи русской мысли стремились найти для социализма научную основу. В условиях феодально-крепостнической России им не было дано пройти до конца путь Маркса, примкнуть к революционному пролетариату, но их мировоззрение несомненно развивалось по направлению к научному социализму.

Известно, что великие утописты Запада надеялись на мирное осуществление своих мечтаний. Они отрицательно относились не только к революционным средствам борьбы, но также и к политической деятельности, уповая на великодушие правителей и сознательность эксплуататорских классов.

По сравнению с большинством западно-европейских утопистов начала XIX в. русскому утопическому социализму в гораздо большей мере были свойственны ориентация на историческую деятельность масс, на революционные, а не либерально-реформаторские способы действия, устремленность к активной политической деятельности. Русским революционерам-демократам уже стала ясна ограниченность буржуазной демократии, они убедились, что противоречия между пролетариатом и буржуазией непримиримы. При всем сочувствии к идеям западноевропейских социалистов начала XIX в. русские мыслители убедились в их незавершенности. Порицая утопистов за отрыв от действительности, за дух прожектерства, Герцен признавал, что у великих предтеч нового мира «*чего-то* недостает»,[29] что все эти школы от Сен-Симона до Прудона — только «первый лепет», «чтение по складам». Белинский и Герцен в своих исканиях правильной революционной теории еще в 40-х годах поставили вопрос о необходимости научной теории для социализма. Правда, они остались утопическими социалистами, ибо не подозревали еще об исторической миссии рабочего класса, лишь смутно догадывались о значении классовой борьбы как двигателя исторического про-

---

[29] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. II, М., 1954, стр. 345.

гресса. И все же они сделали огромные шаги в общественной науке.

Благодаря особой остроте классовых антагонизмов в крепостнической России Белинский и Герцен — подлинные выразители интересов народа — в поисках надежных путей освобождения родины, в поисках правильной революционной теории выдвинулись на одно из первых мест в домарксистской философии, сумели встать в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Демократы и революционеры, они сыграли, говоря словами В. И. Ленина о Герцене, «великую роль в подготовке русской революции».[30]

---

[30] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 255.

Глава вторая

В. И. ЛЕНИН И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 60-х ГОДОВ

I

В 1881 г. известный шестидесятник Н. В. Шелгунов писал в одном из внутренних обозрений демократического журнала «Дело»: «Шестидесятые годы явились моментом необыкновенного подъема нашего духа, небывалого напряжения наших умственных сил и небывалого еще развития критической мысли... Не было в то время ни одной области ведения, куда бы не заглянула критическая мысль, и не было ни одного общественного явления, которого бы она не коснулась. Земля и небо, рай и ад, выражаясь фигурально, вопросы личного счастья, вопросы счастья общественного, изба мужика, дом вельможи — все было осмотрено и обследовано критическою мыслью... *Умственная революция, которую мы пережили в шестидесятых годах, была не меньше умственной революции, которую переживала Франция с половины XVIII века*».[1] Другой из руководящих демократических органов — «Отечественные записки» — в том же году, рассуждая о пережитом Россией с 50-х годов, писал: «Оглядываясь с высоты восьмидесятых годов на пройденное пространство, чувствуешь прилив бодрости и мужества, освежаешь свою веру в прогресс и людей».[2]

---

[1] Н. Ш. [Н. В. Шелгунов]. Внутреннее обозрение. «Дело», 1881, № 3 (курсив наш, — *Ш. Л.*).

[2] «Отечественные записки», 1881, № 8, стр. 199 (рецензия на «Повести» писательницы Н. Д. Хвощинской (псевдоним «Н. Крестовский»)).

Из литературы и публицистики, частной переписки и воспоминаний русских людей можно извлечь многие десятки и сотни подобных отзывов, касающихся «святого времени», как назвал однажды А. П. Чехов 60-е годы, времени, когда, как замечал другой автор (популярный критик и историк литературы Андреевич-Соловьев), «был порыв, была страсть, было вдохновение» и «новый человек» был одержим «верой в себя», в «возможность изменить жизнь сообразно с требованиями разума», с идеалом, чтобы «всем было хорошо» (в последних словах автор цитировал, не называя, Н. А. Добролюбова).

Известно, что условное понятие «шестидесятые годы» не вполне совпадает с календарными 1860-ми годами. Исторический период 60-х годов справедливо принято открывать серединой 50-х годов (примерно завершающим этапом и концом Крымской войны) и заключать серединой—второй половиной 60-х годов. А в рамках 60-х годов столь же законно намечают две полосы — нарастающего подъема освободительного движения, наибольший размах получившего в годы непосредственной подготовки и осуществления крестьянской реформы, и наступившего затем временного спада движения, усиления правительственной реакции, об руку с которой в той или иной мере шла реакция «общественная».

Это внутреннее членение периода 60-х годов не было скрыто от взора многих современников. В статье, посвященной выходу «Колокола» на французском языке и относящейся к самому концу 1867 г., А. И. Герцен указывал: «Масса идей, идеалов, вопросов, сомнений, фактов, ринутых в оборот, в общее брожение в продолжение семи лет (Герцен имел в виду приблизительно время с 1856 до 1862 г., — *Ш. Л.*), изумительна. Были промахи, но, глядя на них отступя и сквозь мрачное пятилетие, только и остается, что общее благословение светлой полосе и людям утра».[3] Шелгунов даже считал впоследствии, что «самое яркое по общественному возбуждению время было лишь до 19 февраля 1861 г., т. е. до освобождения»;[4] с этим нельзя согласиться — именно к 1861 г. относится наивысший «накал» общественного возбуждения (чему не противоречит тот факт, что уже в начале 1861 г., сразу по объявлении крестьянской реформы, в правительственных кругах обозначился перевес крайней правой, и отставленный тогда от дел Николай Милютин писал прямо о «реакции», о том, что «хотят

---

[3] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XX, кн. 1, М., 1960, стр. 11.

[4] Н. В. Шелгунов, Соч., изд. 3-е, т. III, СПб., б. г., стр. 195 (XII очерк из серии «Очерки русской жизни»).

законопатить все щели, чрез которые проходит свежий воздух в высшие сферы»).[5]

Сказанное сейчас показывает, насколько был прав В. И. Ленин, когда он в 1901 г., поправляя мемуариста-шестидесятника А. Ф. Пантелеева, подчеркивал, что еще до знаменитых петербургских пожаров весны 1862 г. «„*ход жизни*“ резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров».[6]

Из каких явлений и событий складывается понятие «шестидесятые годы», разными своими сторонами привлекавшее столь острое внимание В. И. Ленина?

Прежде всего это, конечно, тот перелом в социально-экономическом и в какой-то степени в государственно-политическом развитии России, который связан с падением крепостного права и с последовавшим за ним циклом других реформ, и наряду с этим тот подъем демократической борьбы, в обстановке которого проводилась сама крестьянская реформа. Это — коренной поворот в ходе освободительного движения, переход его от дворянского к разночинскому, или буржуазно-демократическому, этапу. Это — та «умственная революция», о которой говорится в приведенном выше высказывании Н. В. Шелгунова, подъем передовой общественной мысли и подъем передовой культуры, нашедший выражение в различных ее областях — в литературе и критике, журналистике, в гуманитарных и естественных науках и педагогике, в искусстве, сдвиги в быту, нравственных представлениях, в частности об общественном положении женщины. Это — важные изменения в расстановке, во взаимных отношениях общественных сил, углубление размежевания сил демократии и либерализма, постепенное оформление тех общественных направлений, которые, видоизменяясь в тех или иных отношениях, продолжали в дальнейшем действовать на протяжении десятилетий.

Необходимо подчеркнуть, и это отчасти уже вытекает из только что сказанного, что было бы глубоко неправильно приводить все то, что связано с понятием «шестидесятые годы»,

---

[5] Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ. Изд. 9-е. СПб., 1905, стр. 659. Нелишне тут заметить, что и в наиболее относительно «либеральную» пору александровского царствования политика власти отличалась двойственностью — реакционные тенденции в той или иной мере всегда в ней сказывались. Прав был М. П. Драгоманов, писавший в начале 80-х годов, что «собственно прогресса сколько-нибудь последовательного при Александре II никогда не было» («Вольное слово», 1883, № 60, 1 мая, стр. 2).

[6] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29, примечание (ср. также примечание на стр. 27, где В. И. Ленин дает оценку расправе царского правительства над группой дворянских либералов Тверской губернии в 1862 г.).

к какому-то общему, единому знаменателю, не видеть или недооценивать противоречивости хотя бы даже только умственных, культурных в самом широком смысле явлений, которые в это понятие входят. 60-е годы — время ожесточенной идейной борьбы, резких столкновений между разными общественными силами. Тенденция к замалчиванию или по крайней мере к возможному сглаживанию этих противоречий и столкновений была характерной в период 80-х годов, да и позднее, для либеральной публицистики и историографии; она захватывала порой и определенные элементы либерально-народнической публицистической и исторической литературы. На широком «единстве» самых разнородных общественных кругов историки и публицисты либерального и, частью, либерально-народнического направлений настаивали особенно, когда дело касалось *кануна* крестьянской реформы. Об «идиллии» (определение самого автора) согласованных действий «образованных людей» «без различия оттенков политического мировоззрения» говорил, например, создатель выдержавшей небывало большое для своего времени число изданий книги «Эпоха великих реформ» Г. А. Джаншиев.[7] С теми либо другими вариациями в том же смысле высказывались многие литераторы и историки конца XIX и начала XX в.

Такая точка зрения была решительно неприемлема для В. И. Ленина. Имея в виду так называемое «наследство» 60-х годов, он заявлял, что «считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов».[8] Различие и борьбу тенденций, прежде всего демократической и либеральной тенденций в общественном движении, В. И. Ленин не переставал вскрывать и подчеркивать начиная с ранней работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и до некоторых выступлений в советские годы.

Наиболее полные и разносторонние характеристики и оценки 60-х годов, того существенного и нового, что они внесли в жизнь России, значения событий той эпохи для последующей истории страны даны В. И. Лениным в таких работах, как «Что такое „друзья народа“», «От какого наследства мы отказываемся?», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Памяти Герцена», в серии статей, приуроченных к 50-летию крестьянской реформы. Круг источников, привлекавшихся В. И. Лениным при освещении 60-х годов, как и других этапов в развитии русской общественной мысли и революционного

---

[7] Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ, стр. 258.

[8] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 18 (письмо А. Н. Потресову от 26 января 1899 г.).

движения, широк и разнообразен.[9] Всеобъемлющим является вместе с тем круг проблем, охваченных ленинскими трудами, как перечисленными, так и многими другими.

В. И. Ленин — историк крестьянской реформы. Он на основе подлинно марксистского анализа показал причины реформы, условия, в каких она проводилась, ее действительный характер и содержание, объективное историческое значение. Еще в 1897 г. в статье «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин, приступая к изложению взглядов Скалдина, писал: «Начнем с крестьянской реформы — этого исходного пункта, к которому неизбежно должен восходить и по сю пору каждый, желающий изложить свои общие воззрения по экономическим и публицистическим вопросам».[10] В советской исторической литературе общепризнанным является положение, что именно В. И. Ленин впервые с предельной глубиной вскрыл экономические причины падения крепостного права.[11] При этом, разумеется, следует учитывать не только работы В. И. Ленина, специально посвященные реформе 1861 г., но весь комплекс ленинских работ, касающихся экономического развития России, русского аграрно-крестьянского вопроса. В сжатой формулировке статьи «„Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция» (1911) ответ на вопрос, какая сила заставила крепостников взяться за реформу, гласил: «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства».[12] А в исследовании «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, задолго до приведенных строк, писал: «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима».[13]

---

[9] См. статью-доклад М. В. Нечкиной «В. И. Ленин — историк революционного движения России» в сборнике «В. И. Ленин и историческая наука» (М., 1968).

[10] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 509.

[11] См., например: «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 137 (рецензия М. Е. Найденова).

[12] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

[13] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184. Положения Ленина противостояли позиции, например, П. Б. Струве, полагавшего, что «крепостное хозяйство, как таковое,

Другая коренная причина, вызвавшая крушение крепостного строя, — рост крестьянского недовольства, значительное усиление борьбы крестьянских масс против крепостничества. На это не раз указывал В. И Ленин. Вспомним брошюру Ленина «К деревенской бедноте» (1903). Ленин писал здесь: «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом... крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство, наконец, уступило, боясь общего восстания всех крестьян».[14] Повторяя позднее, по поводу 50-й годовщины отмены крепостного права, то же положение, В. И. Ленин указывал: «Крестьянские „бунты", возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу»*.[15]

Крестьянским настроениям и чаяниям, крестьянской борьбе В. И. Ленин неизменно уделял громадное внимание в своей

экономически не созрело к своей отмене в 1861 году» (Петр Струве. Крепостное хозяйство. СПб., 1913, стр. 154). В статье «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России XIX в.», легшей в основу названной книги Струве и напечатанной еще в 1899 г., когда Струве был «легальным марксистом», он прямо пытался оспаривать вывод Ленина, «выдающегося исследователя нашей новейшей экономической эволюции», сделанный в «Развитии капитализма в России» («Мир божий», 1899, № 12, стр. 283).

[14] В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

[15] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 173. Характерно, что в тогдашней буржуазной литературе делались попытки отодвинуть на задний план роль крестьянской борьбы за освобождение. Не кто иной, как Струве, писал, что было бы «смехотворным преувеличением» приписывать «крестьянским движениям и волнениям» особое значение в «освобождении»: «Этот факт имел значение скорее угрозы, чем реально наступившей опасности» (Петр Струве. Крепостное хозяйство, стр. 142). Попытка Струве вызвала возражение даже в либерально-буржуазном лагере. «Влияние этого фактора (крестьянских волнений, — *Ш. Л.*) было огромно не только на правительство, но и на самих помещиков», — отвечал Струве А. А. Корнилов («Научный исторический журнал», 1914, № 5, стр. 47).

теоретической и практической работе, в них он видел и глубокую подоснову революционных стремлений русской демократической интеллигенции. Следует в связи с этим отметить, что, отметая идеалистические концепции буржуазных историков и публицистов, склонных усматривать в постепенно усиливавшемся давлении на власть общественного мнения «надклассовой» интеллигенции чуть ли не решающий фактор реформы,[16] В. И. Ленин ни в коей мере не игнорировал действительной роли идейной борьбы подлинных защитников народных интересов в разоблачении крепостничества. Недаром в статье «От какого наследства мы отказываемся?» он, несомненно имея в виду заслугу русских просветителей середины XIX в., указывал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали... наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками».[17] Напомним и о статье «Памяти Герцена», отделенной пятнадцатилетним промежутком от только что процитированного труда, где в заслугу «Колоколу» поставлена была борьба — речь шла именно об идейной борьбе — за освобождение крестьян (разумеется, за истинное освобождение, освобождение без кавычек).[18]

Характеризуя и общие причины, и ближайшие поводы, поведшие к крестьянской реформе, В. И. Ленин поставил также вопрос о роли в этом отношении Крымской войны. Он продолжил естественным образом давнюю традицию, закономерно сложившуюся в русской мысли. Среди авторов, писавших по свежим следам самих событий на эту тему, были и Герцен, и Огарев, и Чернышевский. В конце 50-х годов Герцен писал, что до Крымской войны «никто не подозревал внутренней работы России», между тем «мысли, посеянные 14 декабрем, зрели, разъедали грудь и подтачивали незаметно дубовые ворота николаевского острога». «Прежде чем кончилась эта работа, стены его треснули. Их пробили ядра союзников». И дальше: «...середь этого внутреннего развития ударила Крымская война, которая доказала... всю несостоятельность

---

[16] Неоднократно уже упомянутый Джаншиев, один из ярких выразителей этой тенденции, писал, что «гуманно-освободительное движение, медленно проникавшее к нам из Европы, смыло, наконец, благодаря настойчивости немногочисленной либеральной интеллигенции это трехвековое позорное пятно» (Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ, стр. 578).

[17] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся?, стр. 520.

[18] Ленин писал: «„Колокол“ (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян» (Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258—259).

России бороться против Европы».[19] Несколько лет спустя Н. Г. Чернышевский в своих, столь высоко ценимых и Марксом и Лениным, «Письмах без адреса» очень отчетливо и прямо указал на связь крестьянской реформы с Крымской войной: «Необходимость заняться крестьянским вопросом наложена была на Россию ходом последней нашей войны... военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны».[20] С не оставлявшей сомнений определенностью и ясностью подчеркивал В. И. Ленин в своем освещении периода падения крепостного права: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России».[21] И в параллельно написанной другой статье: «Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков».[22] «Проведена не восставшим народом» — не означает, как мы видели, что антикрепостническое движение народа не было в числе главнейших факторов, обусловивших неизбежность падения крепостного права. Но отмена его была осуществлена удержавшимся у власти, несмотря на революционную ситуацию (о ней ниже), реакционно-крепостническим правительством. И это предопределило антинародный характер реформы 19 февраля 1861 г.

Анализ и оценку характера крестьянской реформы В. И. Ленин, глубочайший исследователь аграрных проблем, давал — можно сказать без преувеличения — несметное число раз, начиная с самых ранних своих экономических и публицистических трудов. Говоря о *вынужденном* для царизма «освобождении» вследствие давления «военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян», В. И. Ленин в одном из первых номеров старой «Искры» назвал крестьянскую реформу «величайшим истори-

---

[19] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XIII, М., 1958, стр. 399, 402. Ср. в одной из статей друга и сподвижника Герцена Н. П. Огарева (от 1864 г.): «Россия, униженная, скованная, ограбленная полицейским управлением, оказалась негодною даже для войны; надо же покончить это положение вещей, надо много перемен — а с чего начать? ... Кроме освобождения крестьян не с чего, тут корень всего» (Избр. социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 663).

[20] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 94.

[21] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 173.

[22] В. И. Ленин. Пятидесятилетие падения крепостного права. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

ческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства».[23]

В лаконичной и обобщенной форме В. И. Ленин в статье «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция» свел воедино «основные черты» реформы 19 февраля. Ленин определил тут ее как бессовестнейший грабеж крестьян, как ряд насилий и сплошное надругательство над ними. Он указал на «отрезки» от крестьянской земли в пользу помещиков — свыше $^1/_5$ части в черноземных губерниях, причем в некоторых до $^1/_3$ и даже до $^2/_5$ земли, находившейся до реформы у крестьян. Крестьянские земли «отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на „песочек“, а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские». То и другое давало помещикам возможность кабалить крестьян и сдавать им землю в аренду за ростовщические цены. «По случаю „освобождения“ крестьян заставили „выкупать“ их собственные земли», установив выкуп вдвое и втрое выше действительной цены на землю. Принимая во внимание и последовавшие за крестьянской другие реформы, В. И. Ленин писал, что вся вообще «эпоха реформ» «оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве». Общий вывод Ленина сводился к тому, что так называемая «великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, так как ее проводили крепостники.[24]

Но одновременно с этим В. И. Ленин подчеркивал вторую сторону вопроса. Реформа была проводимой крепостниками *буржуазной* реформой и знаменовала собою «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию».[25] Несмотря на огромные крепостнические пережитки, очень тормозившие развитие капитализма в России, оно после 1861 г. пошло, по словам В. И. Ленина, «с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века».[26] Именно поэтому Ленин и говорил многократно о падении крепостного права как о крупном историческом переломе, как об одном из *эпизодов* смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим).[27] В своей лекции

[23] В. И. Ленин. Рабочая партия и крестьянство. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 430.

[24] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 173.

[25] Там же.

[26] Там же, стр. 174.

[27] В. И. Ленин. 1) Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 26; 2) По поводу юбилея. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 161.

«О государстве», уже в советскую эпоху, В. И. Ленин сказал: «В России в 1861 году... произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом...».[28]

Ленинская концепция крестьянской реформы противостояла оценкам последней, дававшимся либеральной, а в определенной мере и народнической литературой (прежде всего литературой либерального народничества).

В. И. Ленин отметил, что реформу 1861 г. либералы «сначала подкрашивали, а потом даже прославляли».[29] Здесь определена общая, ведущая тенденция либеральной публицистики и историографии, у отдельных представителей которой, конечно, могли быть и были свои оттенки суждений. Советский историк крестьянской реформы Е. А. Мороховец в свое время справедливо писал, что реформу 19 февраля либерально-буржуазные историки идеализировали, и если не все они оценивали ее так апологетически, как например Гр. Джаншиев,[30] а те либо другие из них подходили к ней критически, то эта критика касалась не главных основ Положений (19 февраля, — *Ш. Л.*), а только «отклонений их от либеральной программы реформы типа программы Кавелина—Унковского».[31]

Отвечая на вопрос, почему либеральные историки «подкрашивают» крепостнические реформы (речь шла, в частности, о Милюкове), В. И. Ленин впоследствии указывал: «Потому, что в деятелях таких реформ они видят приятное им раболепство перед крепостниками, отрадную для них боязнь демократии, близкое им стремление к блоку с реакцией...».[32]

---

[28] В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 71.

[29] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 175.

[30] В одном из очерков, составивших книгу Джаншиева «Эпоха великих реформ», автор, например, характеризовал реформу как «великий законодательный акт», «прозвучавший как возвышающий душу благовест» над Россией (стр. 577).

[31] История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). (Материалы к обсуждению), часть первая. М., 1952, стр. 127—128.

[32] В. И. Ленин. Либеральное подкрашивание крепостничества. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 17. П. Н. Милюков доходил до утверждения, что в крестьянскую реформу 1861 г. возобладал взгляд «государственно-правовой и демократический», одержавший верх «над взглядом частно-правовым и помещичьим» (ср.: И. В. Чернышев. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пгр., 1918, стр. 337). М. М. Ковалевский, выступая в 1906 г. в I Государственной думе, говорил, что государство в 1861 г. «произвело самый грандиозный акт выкупа земли в интересах общественной пользы и общественной необходимости», и характеризовал реформу 19 февраля, совершенную по воле «царя-освободителя», как «самый великий акт русской истории —

Что касается народников, то необходимо различать позиции «старых», боевых народников 70-х годов и революционных народников вообще, с одной стороны, и народников либеральных, с другой. Революционные народники, продолжая в этом отношении традицию демократов-революционеров — современников реформы, резко и непримиримо осуждали ее грабительский характер и вели борьбу за подлинное, последовательное освобождение крестьянской массы от помещичьего гнета. У либеральных народников критика неблагоприятных для народа последствий реформы сочеталась с элементами определенной ее идеализации. Общим для всех, или во всяком случае для подавляющего большинства, народников — и либеральных, и революционных — было непонимание *буржуазного* содержания реформы. Оценивая позицию таких столпов либерального народничества, как В. П. Воронцов («В. В.») и Н. Ф. Даниельсон («Николай—он»), В. И. Ленин замечал, что для них «основы крестьянской реформы 1861 г. представляли из себя нечто принципиально отличное от капитализма и принципиально враждебное ему». «Они, — пишет Ленин, — говорили о том, что Положение 19 февраля узаконяло „наделение производителя средствами производства", давало санкцию „народному производству" *в отличие* от капиталистического».[33] В той же работе В. И. Ленин затем указывал: «Поскольку народники прикрашивали реформу 1861 года, забывая о том, что „наделение" реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки зрения либерализма. . . Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 1861 года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без *всякого* ограничения, „наделы", при наибольшей культурной, правовой и прочей самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда последователен и решителен, причем буржуазный характер его оставался ими несознанным».[34]

освобождение крестьян с землею» (Первая Государственная дума. Сборник статей, вып. III. СПб., 1907, стр. 7).

[33] В. И. Ленин. По поводу юбилея, стр. 161.

[34] Там же, стр. 165. Можно заметить, что критические в отношении реформы ноты у либеральных народников едва ли не заострились под влиянием опыта огромного крестьянского движения периода первой русской революции. Тот же В. Воронцов писал в 1906 г. в «Вестнике Европы» в статье «Аграрный вопрос в России»: «Освобожденному крестьянину предстояло. . . не только приспособляться к новой социальной обстановке, но и преодолевать обиды реформы, вырывать

С анализом крестьянской реформы, ее последствий для социально-экономического и политического развития России и вместе с тем с оценкой объективного исторического значения русского народничества было связано учение В. И. Ленина о двух видах капиталистической аграрной эволюции, которые он условно называл американским и прусским путями. К этой проблеме В. И. Ленин возвращался многократно, всесторонне раскрывая и разъясняя свою точку зрения, в частности в полемике с меньшевиками. Так, в 1907 г. он писал: «Либо эволюция прусского типа: крепостник-помещик становится юнкером... Монархия... Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении. Либо эволюция американского типа. Уничтожение помещичьего хозяйства. Крестьянин становится свободным фермером... Буржуазно-демократический строй. Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма».[35]

В изданной вскоре, в 1908 г. (и тогда же конфискованной), книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин писал, обращаясь при этом непосредственно к опыту 60-х годов: «Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития(не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил

из чужих рук свою землю, без которой он не мог существовать как исправный хозяин-земледелец. Нужда крестьян в отрезанных угодьях была постоянной, а обеспечить себе пользование ими... они могли лишь на время (арендой). Им приходилось поэтому в лучшем случае находиться постоянно под дамокловым мечом лишения безусловно необходимой земли, в худшем — претерпеть это лишение и быстро спускаться по уклону хозяйственного разорения» («Вестник Европы», 1906, № 7, стр. 326—327).

[35] В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 227.

было бы шире и *быстрее*, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы... Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой „народного производства“ или „трудового начала“ против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития».[36]

Но именно помещичий тип, как известно, и одержал верх в 1861 г.

* * *

Крестьянская реформа осуществлялась в обстановке резкого обострения борьбы общественных сил, большого подъема освободительного движения. В советской историографии для определения этой обстановки давно приобрел право гражданства термин «революционная ситуация», исходящий от В. И. Ленина. Выражение «революционная ситуация», в частности в приложении к внутреннему положению, которое сложилось в России в период падения крепостного права, впервые было В. И. Лениным употреблено, и в поистине классической форме понятие это было раскрыто в 1915 г. в статье «Крах II Интернационала».

Несколько ранее, в 1913 г., в статье «Маевка революционного пролетариата» (как и названная выше, данная работа появилась в зарубежной большевистской печати), Ленин, употребляя термины «революционное состояние», «общеполитический кризис», фактически сформулировал главные черты революционной ситуации и условия ее перехода в революцию. Указав на «обостренный гнет», испытываемый громаднейшим большинством населения, Ленин разъяснял, что одно угнетение, «как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны». «Большей частью, — писал В. И. Ленин, — для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде». При этом ни угнетение низов, ни кризис верхов «не создадут еще революции» — они «создадут лишь гниение страны, — если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания».[37]

---

[36] В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 216—217.

[37] В. И. Ленин. Маевка революционного пролетариата. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 299—301.

В статье «Крах II Интернационала» В. И. Ленин писал: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции». И Ленин указал на три главных признака революционной ситуации: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов", кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели", а требуется еще, чтобы „верхи не могли" жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими „верхами"*, к самостоятельному историческому выступлению». Таковы «объективные перемены», без которых, по общему правилу, революция невозможна. Такая ситуация была во все эпохи революций на Западе, а в России в период революции 1905 г. Но «она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было». Причина последнего заключалась в том, что не хватало субъективного условия перехода революционной ситуации в революцию: способности «революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет", если его не „уронят"».[38]

Однако задолго до 1913—1915 гг. В. И. Ленин, освещая историческую обстановку периода падения крепостного права в России, сумел показать, что она характеризовалась такими особенностями, которые свойственны периодам общенационального политического кризиса, периодам революционной ситуации.

Особенно полно это выражено в статье В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», опубликованной в 1901 г. в революционном марксистском журнале «Заря», издававшемся за границей редакцией ленинской «Искры». Правда, в этой работе по самому характеру поставленных себе автором политических задач не могло быть уделено

---

[38] В. И. Ленин. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219.

места вопросу об экономическом положении народных масс, о том «обострении, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов», которое принадлежит к признакам революционной ситуации и которое, бесспорно, было налицо в России в период подготовки и проведения крестьянской реформы.[39] Но в ней убедительно показаны и кризис верхов, и возбужденное состояние масс, и направление деятельности тех общественных элементов, которые отстаивали в происходящей борьбе права и интересы масс, показаны взаимоотношения, складывавшиеся между сталкивавшимися общественными силами.

«Верхи» не могли уже сохранить в «неизмененном виде» свое господство. Они начали это осознавать еще к концу Крымской войны. В феврале 1855 г. Николай I, умирая, говорил своему наследнику Александру II, что он хотел оставить ему государство «совершенно спокойное и счастливое» («счастье» он, разумеется, понимал, как мог понимать глава крепостников), но оставляет его в тяжелых обстоятельствах.[40] Один из видных сановников тех лет князь Д. А. Оболенский, близкий к великой княгине Елене Павловне, в своих воспоминаниях, ей посвященных и изданных через много лет после смерти автора, писал об интересующем нас времени: «Все высшие представители власти пришли в какое-то оцепенение... Общее негодование на прежнее царствование за всю обнаружившуюся неурядицу во всех отраслях управления проникло во все слои общества, и везде слышалось резкое осуждение всего существующего порядка».[41] Ясно ощущалась отсталость страны, связанная с крепостным строем; «мы не можем далее себя обманывать и должны сказать, что мы и слабее и беднее первостепенных держав», — признавал брат царя, великий князь Константин Николаевич.[42] Резко проявлялся страх перед ростом народного недовольства и нетерпения, перед все более явно выражавшимся стремлением крестьянских масс немедленно сбросить с себя крепостное ярмо. В начале

---

[39] Непрерывно, на протяжении длительного времени — в пору кризиса феодально-крепостнической системы — происходившее усиление эксплуатации крепостного крестьянства помещиками, а потом резкое ухудшение экономического положения народа, особенно в некоторых районах, под влиянием Крымской войны.

[40] «Ты видишь, в какое время и при каких обстоятельствах я умираю... Тяжело тебе будет» («Северная пчела», 1855, № 41, 23 февраля, стр. 203).

[41] Князь Д. А. Оболенский. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне. «Русская старина», 1909, март, стр. 516, 525.

[42] Письмо к князю А. И. Барятинскому от 24 июня 1857 г.; цит. по: А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. «Русский архив», 1889, кн. I, вып. 1, стр. 132.

1859 г. близкая к царскому двору А. Ф. Тютчева (дочь поэта, позднее жена одного из вождей славянофилов Ивана Аксакова) в своем дневнике записывала: «Отношения между народом и так называемым дворянством очень ненадежны, бог знает, что из всего этого может выйти. В воздухе носится как бы предчувствие чего-то рокового».[43] Ширились крестьянские волнения. За 1850—1856 гг. учтено более 400 крестьянских выступлений;[44] особенно острый характер приняли эти выступления во время Крымской войны. А в 1857—1860 гг. число выступлений еще значительно возросло. В 1857 г. имело место около 120 волнений; в 1858 г. их было, по одним данным, более 170, по другим — даже свыше 400; в 1859 г. выступлений было около 180, в 1860 г. — более 200.[45] На 1858 и главным образом 1859 г. приходится знаменитое «трезвенное» движение — яркий показатель антикрепостнического возбуждения массы крестьянства. Симптоматичны слова шефа жандармов в годовом отчете за 1858 г.: «При начале работ (по подготовке крестьянской реформы, — *Ш. Л.*), возложенных на Главный комитет, я твердо надеялся, что в течение двух или трех лет ими можно будет заниматься без всяких затруднений и без успокоительных указов... но ныне обстоятельства другие: терпению [народа] при ожидании есть предел, следовательно, окончанием означенных работ долго медлить невозможно».[46]

Все это наглядно подтверждает ленинские слова о «грозных» для царизма выступлениях крестьян и вынужденном характере реформы. Ленинская концепция была принята на вооружение публицистами и историками большевистского направления задолго до революции 1917 г. Один из них, М. Н. Покровский, писал после 1905 г. об эпохе реформ: «Секира лежала у подножия дерева — и самодержавие наравне с дворянством было заинтересовано в том, чтобы вовремя отвести удар. Современная — неподцензурная — литература не оставляет никакого сомнения в том, что этот мотив — опасение крестьянской революции — не только существовал, но и мог быть аргументирован с достаточной полнотой».[47]

---

[43] А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Дневник 1855—1882. М., 1929, стр. 190.

[44] Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. М., 1962, стр. 13.

[45] Крестьянское движение в России в 1857—мае 1861 г. М., 1963 (стр. 182, а также Предисловие, Хроника крестьянского движения). Ср.: П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права. Изд. 3-е. М., 1968, стр. 99—100.

[46] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права, стр. 108.

[47] История России в XIX веке. Изд. т-ва бр. А. и Г. Гранат и К°. № 9, б. г., стр. 75.

Но опасность крестьянской революции особенно дала себя знать не до, а в ближайшие месяцы после объявления крестьянской реформы. Достаточно сказать, что за первые пять месяцев 1861 г. учтено 1340 крестьянских волнений, из которых на март—май, т. е. первые месяцы после манифеста 19 февраля, приходится подавляющее большинство. Число выступлений затем сокращается, но остается еще очень значительным вплоть до 1864 г.: около 500 за июнь—декабрь 1861 г., почти 850 за 1862 г. и около 500 за 1863 г. (в 1864 г. число волнений падает примерно до 150).[48] Притом надо вспомнить, что на первые пореформенные месяцы приходятся такие острые и бурные выступления крестьян, как бездпинское и кандеевское.

Это делает совершенно понятным, что в перечне фактов и явлений, которыми В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» характеризует политическую ситуацию в России в период реформы, подчеркнуто «возбуждение крестьян, которых „очень часто" приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять „Положение" (19 февраля 1861 г., — *Ш. Л.*), обдирающее их, как липку».[49]

Было бы заблуждением делать из всего сказанного вывод, будто В. И. Ленин не видел слабых сторон крестьянского движения, которые в конце концов и обрекли его на поражение.

В то самое время, когда В. И. Ленин работал над «Гонителями земства», им была опубликована в «Искре» статья «Ценное признание». Тогда, озабоченная ростом рабочего движения, близкая к властям газета «Новое время» призывала заняться в охранительных целях рабочим вопросом «подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего». В связи с этим

---

[48] Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. М., 1964, стр. 18.

[49] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29. Взятые Лениным в кавычки слова принадлежали участнику революционного движения 60-х годов Л. Ф. Пантелееву, отрывок из воспоминаний которого был опубликован в 1900 г. в посвященном юбилею Н. К. Михайловского сборнике «На славном посту». Пантелеев писал: «Применение „Положений" постоянно сопровождалось „недоразумениями", причем очень часто пускалась в дело военная сила и не обходилось без пролития крови. Одни со страхом, другие с злорадством ждали— что-то будет, когда кончатся два года переходного состояния бывших крепостных» (стр. 315). Пантелеев упустил сказать о «третьих» — о революционерах-демократах, которые с надеждой (с надеждой на общее крестьянское восстание) ждали наступления 1863 г.

Ленин писал: «Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавия, находя „подобие“ между тогдашним и теперешним требованием преобразований. Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства... Рабочие волнуются тоже „перед волей“, — но это будет воля всего народа, вырывающего политическую свободу у деспотизма».[50]

Пройдет десять лет — наступит «юбилей» крестьянской реформы. И, возвращаясь мыслью к эпохе реформы, В. И. Ленин укажет: «В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными „бунтами“, и их легко подавляли».[51] В другой статье, посвященной полувековой годовщине реформы, Ленин писал, что «революционные мысли» об уничтожении помещичьей собственности и полном свержении власти помещиков «не могли не бродить в головах крепостных крестьян», однако «века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже „бунтов“, не освещенных никаким политическим сознанием».[52]

Но вернемся к вопросу о кризисе верхов.

Кризис верхов выражался не только в их страхе перед народным возмущением и связанном с этим стремлении предотвратить общее восстание крестьянства уступками; он нашел выражение в разноголосице, царившей в правящих верхах и в среде господствующего класса — помещиков.

В самом правительстве не было полного единства. С крайними крепостниками, верными и упорными хранителями «традиций» николаевщины, сосуществовали элементы, по определению Н. М. Дружинина,[53] более проницательные, каковы, например, братья Николай и Дмитрий Милютины. Происходили трения между правительством и официальными представителями дворянства — депутатами дворянских губерн-

---

[50] В. И. Ленин. Ценное признание. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 79—80.

[51] В. И. Ленин. Пятидесятилетие падения крепостного права, стр. 140.

[52] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 174.

[53] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. V, М., 1968, стр. 29.

ских комитетов. Различны были по тем или другим пунктам, связанным с реформой и иными вопросами внутренней политики, мнения в среде дворянства, что, между прочим, находило свое отражение и на страницах печати. В наиболее общем виде эти разногласия обычно определялись как расхождение между «крепостниками» и «либералами». В. И. Ленин в своих трудах, начиная уже с книги о «друзьях народа», учил не переоценивать столкновений между этими двумя течениями или тенденциями. Впоследствии он иронически писал о «пресловутой борьбе» крепостников и либералов, которая, как он отмечал, была раздута и разукрашена либеральными и либерально-народническими историками. Ленин подчеркивал, что это было «борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*».[54] Подобно крепостникам, либералы, по словам Ленина, с негодованием осуждали всякие революционные мысли об уничтожении собственности помещиков и о полном свержении помещичьей власти. Это не значит, что В. И. Ленин, по отношению ли к периоду реформы либо к пореформенной эпохе, не признавал вообще различия между крепостниками и либералами — нет, Ленин видел три общественные силы: крепостников, либерально-монархический центр, демократию (впоследствии разделившуюся на крестьянскую и пролетарскую).[55]

В неоднократно уже цитировавшейся выше замечательной работе «„Крестьянская реформа"и пролетарски-крестьянская революция» Ленин писал: «Либералы хотели „освободить" Россию „сверху", не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к „уступкам" духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способ-

---

[54] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 174. Можно отметить, что в общем духе ленинской концепции писали другие большевики, ученики Ленина. Представляет, например, интерес статья М. С. Ольминского «Перед реформой», автор которой писал, что борьба шла «не столько между сословиями, сколько внутри сословия», внутри «правящего класса», что правительство «не висело в воздухе», не было «внеклассовым», а было «организацией самого сильного класса». Говоря об обострении «раскола» внутри этого класса перед реформой, Ольминский высказывал мысль, что «к моменту осуществления реформы состоялось соглашение, укрепившее организацию класса» («Образование», 1908, № 6, стр. 69—70).

[55] Ряд верных соображений по этому вопросу высказан в книге Я. И. Линкова «Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и „Земля и воля" 1860-х годов» (М., 1964, стр. 33—35).

ного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому „борьбой за реформы", „борьбой за права", т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией».[56]

При всем том расхождения, споры, конфликты в правительственной и привилегированной общественной среде, замешательство, опасения, мысли о неизбежности уступок и борьба вокруг их характера и объема — все это, выражая кризис верхов, не могло не отразиться на развитии событий. И Ленин внимательно останавливался на этом при освещении революционной ситуации конца 50-х и начала 60-х годов. В даваемом им перечне событий, характерных для тогдашней обстановки, В. И. Ленин отводит место такому фактору, как «требование политических реформ всей печатью и всем дворянством», а также коллективным отказам дворян — мировых посредников — применять то «Положение» о крестьянах, которое было утверждено 19 февраля.[57] В тех же «Гонителях земства» Ленин говорит и более прямо об обнаруженном тогда дворянством — самым сплоченным и образованным и наиболее привыкшим к политической власти классом — стремлении «ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений».[58]

Этот же перечень содержит еще две группы явлений, отражающих ту историческую обстановку, при которой, как считал Ленин, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной».[59]

Одна из этих групп — обстоятельства международного и полумеждународного характера, другая — круг явлений и событий, относящихся к истории демократического лагеря России в описываемое время.

---

[56] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 175.

[57] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29. Здесь, как известно, имелись в виду действия 13 либеральных мировых посредников Тверской губернии, вызвавшие преследование со стороны правительства Александра II.

[58] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 26. «Конституционные» стремления, довольно широко на определенном этапе распространенные, имели два, заметно отличные, оттенка — либерально-конституционный и «олигархический», присущий некоторым озлобленным даже и на проведенное правительством антинародное «освобождение» крайним дворянско-крепостническим кругам. Часть либералов, как К. Д. Кавелин, была настроена против конституции.

[59] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 30.

В. И. Ленин даже начинал свой перечень указанием на «оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии». Известно, действительно, что революционная ситуация в России развертывалась на фоне подъема рабочего и буржуазно-демократического движения в международном масштабе, на фоне широкого размаха национально-освободительных движений. В старой литературе можно встретить по этому поводу слова о целой могучей всемирно-исторической волне. Тут и война против рабства в Северной Америке, и борьба за освобождение и объединение Италии, и борьба венгерского народа, и внутренняя борьба в Пруссии, во Франции и т. д., а вместе с тем оживление и подъем движения рабочего класса в Западной Европе, предвещавшие такое великое историческое событие, как возникновение I Интернационала. Передовые силы в России живо откликались на прогрессивные и демократические движения в мире. В воззвании, выпущенном тайным обществом «Земля и воля» в начале 1863 г. в связи с польским восстанием, говорилось, что от революционных идей «не загородиться ничем, они господствуют в настоящее время по всей Европе, народы которой находятся теперь в таком напряженном состоянии и до того сильно почувствовали гнет деспотизма, что малейший толчок произведет между ними общее революционное движение, которое разрушит все основания, поддерживающие деспотизм».[60] Приблизительно за год до того один из руководящих деятелей тогдашнего русского революционного движения Михаил Бакунин, обращаясь к герою освободительной борьбы итальянского народа Гарибальди, писал об усилиях, прилагаемых к тому, чтобы ускорить наступление русской революции и соединить ее с «движением живых народов Европы».[61]

Указывая на влияние, которое оказывали на положение в России общее демократическое оживление в Европе, недовольство и брожение в находившихся под царским гнетом Финляндии и Польше, В. И. Ленин устанавливал вполне реальные обстоятельства, способствовавшие складыванию русской революционной ситуации, и связывал события в России с общим освободительным потоком.[62]

Разумеется, особо тесно и неразрывно судьбы демократи-

---

[60] Восстание 1863 года. Материалы и документы. Русско-польские революционные связи, II. М., 1963, стр. 78.

[61] Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 86.

[62] См. статью М. В. Нечкиной «Революционная ситуация в России в исходе 1850-х—начале 1860-х годов» в сборнике «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (М., 1960, стр. 3—4).

ческого движения в России оказались связаны с волнениями и затем открытым восстанием в Польше, Литве и Белоруссии; эти события по существу стали важным составным элементом революционного кризиса в России.

Остается сказать о второй из упомянутых групп явлений. Они у Ленина определены так: «...распространение по всей России „Колокола“, могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций», а также «студенческие беспорядки».[63] «Колокол», проповедь Чернышевского, прокламации — это непосредственные и важнейшие элементы деятельности революционно-демократических кругов в период падения крепостного права. Студенческие волнения, хотя и возникшие (если не считать событий в Казани в апреле 1861 г.) по внешности на почве как бы университетских вопросов, фактически были актами политической борьбы, активным выступлением молодой демократической (частью и леволиберальной) интеллигенции против реакции, своеобразным проявлением солидарности с обманутым правительством народом. Недаром писал Н. И. Пирогов в начале 1862 г., что учебные заведения могут «служить правительству барометрами, указывающими большее или меньшее давление воздуха».[64]

К другим проявлениям демократического брожения, революционного движения в среде интеллигенции в описываемый период можно было бы добавить различные формы демократической и революционной активности передовых кругов офицерства, которые стали предметом особенно широкого и тщательного изучения в сравнительно недавние годы (труды В. А. Дьякова, И. С. Миллера и других советских ученых).[65]

Появление прокламаций далеко не случайно также фигурирует в ленинском перечне. Это явление чрезвычайно характерно для революционной ситуации периода реформы: в литературе возник даже термин «эпоха прокламаций».[66] В «Гонителях земства» В. И. Ленин упоминает прокламацию «Моло-

---

[63] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29, 30.

[64] Н. И. Пирогов, Соч., т. I, Киев, 1910, стлб. 699.

[65] «Молодое офицерство являлось многозначительным подспорьем надеждам революционной партии», — писал один из деятелей 60-х годов Н. И. Утин в статье «Пропаганда и организация», опубликованной в 1868 г. в женевском издании «Народное дело» (№ 2—3).

[66] Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах, т. I. Воспоминания Н. В. Шелгунова. М., 1967, стр. 242. Гораздо раньше еще об «эпохе прокламаций» писал, например, А. М. Скабичевский в книге «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе» (СПб., 1872, стр. 320).

дая Россия» (П. Г. Заичневского, 1862 г.), объявлявшую «кровавую борьбу всему современному строю» и оправдывавшую «всякие средства».[67] Выдающийся историографический интерес представляет то, что дано в «Гонителях земства» о листовках (некоторые историки рассматривают их как периодическое издание) «Великорусс». Значение этого подчеркивается еще теми спорами и разногласиями, которые не раз возникали вокруг «Великорусса». Ряд историков — не только дореволюционных, но и советских — рассматривали «Великорусс» в качестве выражения взглядов и тактики «умеренной» либерально-конституционалистской оппозиции.[68] Содержание «Великорусса» не подтверждает подобной оценки, опровергает ее. Предпочтение республиканской формы правления, соображения о несовместимости конституции и законности с династией Романовых, недоверие к октроированной конституции и выдвижение по существу лозунга учредительного собрания, требование права на самоопределение наций — полного освобождения Польши и предоставления «населению южной Руси» «полной свободы располагать своею судьбою», призыв организовать и дисциплинировать движение, создавая на местах конспиративные комитеты и т. д., вся вообще установка «Великорусса» на преодоление либеральных иллюзий не могут не говорить против зачисления «Великорусса» по «ведомству» либерализма, хотя бы даже в наиболее «левых» его оттенках.[69] Никак не могут также говорить о либеральном происхождении и характере «Великорусса» стремления его авторов использовать в возможно большей степени недовольство «об-

[67] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29. Ленин внес свои изменения в характеристику содержания «Молодой России», которую давал Пантелеев, отбросив, между прочим, слова мемуариста о том, что, согласно воззванию, «от современного общества не должно было остаться камня на камне». Следует сказать, что попытки отдельных историков усмотреть в самом упоминании «Молодой России» показатель какой-то особо благожелательной ее оценки Лениным не имеют, на наш взгляд, почвы под собой.

[68] Впрочем, не у одних историков была заметна эта тенденция. Так, современник В. Н. Линд в своих воспоминаниях утверждал, что в «Великоруссе» «излагалась программа тогдашних либералов» (В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 7, стр. 124).

[69] Еще в 1929 г., возражая Ю. М. Стеклову, не допускавшему причастности Чернышевского к «Великоруссу» и видевшему в нем начальную формулировку либеральных стремлений, а аграрные требования его приравнивавшему к позднейшей «кадетской» программе, известный исследователь творчества Чернышевского Н. А. Алексеев писал: «Ни в 60-х годах, ни в кадетские времена либералы не выставляли требования созыва учредительного собрания, вывода русских войск из Польши, свободы самоопределения для Украины, чего хотели „великоруссцы“» («Каторга и ссылка», 1929, № 4 (53), стр. 197).

разованных классов» для успеха освободительной борьбы. Такие стремления отнюдь не были чужды революционно-демократическим кругам во главе с Чернышевским, прямая причастность которого к «Великоруссу» представляется нам правдоподобной.

Материал о «Великоруссе», содержащийся в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма», свидетельствует о том, что В. И. Ленин безусловно не отделял «Великорусс» от революционного лагеря начала 60-х годов. В «Гонителях земства» В. И. Ленин, как известно, приводит пространную цитату из вышедшей в 1862 г. за рубежом брошюры одного из видных славянофилов, близкого по ряду политических вопросов к тогдашним либералам, А. И. Кошелева — «Конституция, самодержавие и Земская дума». Кошелев предупреждал «государственных людей» об «опасности», что может возникнуть «согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы „Великорусса", „Молодой России" и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не перед законом, а вопреки ему, не народную, историческую общину, а болезненное ее исчадие, и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают, такое согласие... у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить». Признавая позицию либералов, вроде Кошелева (или Кавелина), трусливой и неразумной, Ленин писал: «Вместо того, чтобы поддерживать „согласие мещан и крестьян с приверженцами *«Великорусса»*", они боялись этого „согласия" и стращали им правительство... Пока серьезно грозило „согласие мещан и крестьян" с революционерами, само министерство внутренних дел бормотало о „школе представительных учреждений", а когда „бестактные и самоуверенные" свистуны и „задиры" были удалены, — „школяров" без церемонии взяли в ежовые рукавицы».[70]

---

[70] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 31—32, 36. «Школярами» Ленин называет либералов в связи с разговорами о земстве как «школе представительных учреждений». «Бестактные и самоуверенные», «задиры» — слова о Чернышевском из письма К. Д. Кавелина к А. И. Герцену, написанного после ареста в июле 1862 г. Чернышевского, который, по словам Кавелина, не казался ему «возмутительным». Ленин располагал немецким переводом переписки Кавелина и Тургенева с Герценом и сделал обратный пере-

Этот текст показывает, что В. И. Ленин рассматривал несомненно создателей и сторонников «Великорусса» как революционеров, а либералов — славянофильского ли или западнического уклона — как противников «Великорусса», страшившихся возможного сближения, соединения («согласия») народа с такими людьми, как «великоруссцы».[71]

Об интересе В. И. Ленина говорят еще его пометки на книгах Ю. М. Стеклова и Г. В. Плеханова, посвященных Н. Г. Чернышевскому и вышедших в свет в 1909 г. В книге Стеклова, отмечавшего близость многих мыслей «Великорусса» ко взглядам Чернышевского, но одновременно выражавшего тем не менее сильное сомнение в том, что Чернышевский был одним из авторов его, Ленин подчеркнул первые строки соответствующего абзаца Стеклова, причем слово «Великорусс» четырежды подчеркнул.[72] В книге Плеханова Лениным подчеркнуто было то место, где автор выражал согласие с мемуаристом, участником движения 60-х годов С. Г. Стахевичем, считавшим, что Н. Г. Чернышевский был «или автором, или соавтором» листков «Великорусс». Своим языком и содержанием, как полагал Плеханов, «Великорусс» «очень напоминает публицистические» (эти три слова подчеркнуты Лениным) статьи Чернышевского.[73]

вод с немецкого на русский язык (там же, стр. 33). В подлинном тексте письма Кавелина фраза звучит: «Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брульона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видал. И было бы за что погибать!» (Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, с объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892, стр. 82). Слово «брульон» В. И. Ленин перевел как задира, сварливый, неуживчивый человек, сеющий раздоры (Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 32). Оценивая позицию Кавелина, нашедшую выражение в письме его к Герцену, Ленин писал: «Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают (от «Свистка» — сатирического приложения к «Современнику», — *Ш. Л.*) фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку» (там же, стр. 33; Чернышевский был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости).

[71] «Великоруссу» в самое недавнее время посвящено специальное исследование Н. Н. Новиковой «Революционеры 1861 года. „Великорусс“ и его комитет в революционной борьбе 1861 г.» (М., 1968). Несколько ранее появилась работа И. С. Миллера «Вокруг „Великорусса“ (Некоторые вопросы стратегии, организации и тактики русской революционной партии начала 60-х годов XIX в.)» в сборнике «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (М., 1965).

[72] «Литературное наследство», т. 67. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959, стр. 53.

[73] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 536. Плеханов добавлял: «И если Чернышевский в самом деле был его автором, то этим,

Непосредственным поводом к написанию работы «Гонители земства и Аннибалы либерализма» было появление в 1901 г. в печати, при посредстве «Зари», книги «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте» с предисловием П. Б. Струве, против которого в целом в первую очередь и была направлена ленинская статья. Материалы, содержавшиеся в самой «Записке» Витте, послужили В. И. Ленину одним из многочисленных, им использованных, источников фактических сведений по политической истории России новейшего времени. При этом Ленин указывал, что «казенный, чиновнический взгляд на общественные явления», присущий «Записке», выразился, между прочим, в игнорировании революционного движения, «в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство *защищалось* от натиска революционной „партии"». Взяв в кавычки слово «партии», В. И. Ленин пояснял: «Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной „партии" и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт (Ленин считал время между 1861 и 1901 гг., — *Ш. Л.*) сильно повысил нашу требовательность насчет того, что́ можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения».[74] И Ленин дальше пишет о «революционном возбуждении 1861—1862 гг.», о «волне общественного возбуждения и революционного натиска», о «волне революционного прибоя».[75] Известно, что шестидесятники склонны были сами говорить о революционной партии — и деятели самого революционного движения, и противники последнего. Так, Кавелин в упоминавшемся выше письме к Герцену 1862 г. говорил в связи с репрессиями: «Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтоб сбросить правительство, а оно защищается своими средствами».[76] С другой

конечно, и объясняется то обстоятельство, что „Великорусс" был гораздо умнее и тактичнее других подобных ему „листков" того времени» (Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910 [1909], стр. 62; то же: Г. В. Плеханов, Соч., т. V, М., 1924).

[74] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 28—29.

[75] Там же, стр. 29, 33, 45.

[76] Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, стр. 82.

стороны, например, Н. И. Утин в своей статье «Пропаганда и организация» в № 2—3 женевского «Народного дела» 1868 г. говорит тоже о «революционной партии», ее «первых шагах», первых проявлениях и т. д., а позднее, на основании, как можно быть уверенным, данных именно Утина, в известном издании I Интернационала «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» (1873) была речь опять-таки о революционной партии в России и Чернышевском как ее главе (она фигурирует там и как «радикальная партия»).[77] Впрочем, в «Народном деле» Утин и оговаривался, что в общей сложности и «при строгом разборе», сравнительно с массою, остававшейся в стороне от «деятельного союза», революционеров было немного.

Сейчас можно смело сказать, что первой серьезной попыткой создать организованную партию было сформировавшееся на протяжении 1861—1862 гг. тайное общество «Земля и воля»; ему предшествовали обычно мало между собою связанные группы и кружки, соединение которых в одну организацию и было ближайшей целью при основании «Земли и воли». Именно о 60-х годах Ленин писал как о времени, когда «даже мысли не возникало о существовании революционной партии».[78] Возвращаясь к характеристике 60-х годов в статьях, связанных с 50-летием крестьянской реформы, В. И. Ленин высоко оценивал подвиг революционеров той эпохи. «...были и тогда уже, — писал Ленин, — в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой „крестьянской реформы“, весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский». От имени революционной социал-демократии в противовес утверждениям всех противников революции В. И. Ленин выдвигает положение: «...революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда*, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы». Прилагая это общее положение к эпохе падения крепостного права и первой революционной ситуации, В. И. Ленин заявлял: «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное пораже-

---

[77] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 432, 433.

[78] В. И. Ленин. Предисловие к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина». Полн. собр. соч., т. 9, стр. 332.

ние. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов».[79]

Представляется немаловажным вопрос о датировке первой в России революционной ситуации. Мы процитировали выше слова В. И. Ленина из статьи «Крах II Интернационала» о революционной ситуации 1859—1861 гг. Весьма часто в нашей советской литературе именно этими датами и определяется время революционной ситуации. Эти даты значатся и на титульных листах известных сборников, выпускаемых Институтом истории Академии наук СССР под редакцией М. В. Нечкиной, — сборников, на страницах которых (их пока вышло четыре) уже опубликован богатейший материал, освещающий разные стороны проблемы. Любопытно, однако, что на оборотах титульных листов сообщается, что сборники подготовлены Группой по изучению революционной ситуации в России «в конце 1850-х—начале 1860-х годов» Института истории АН СССР. Думается, что вторая формулировка предпочтительнее. Есть достаточно оснований предполагать, что В. И. Ленин, называя в качестве дат первой и второй революционных ситуаций 1859—1861 и 1879—1880 гг., имел в виду указать примерные даты. Достаточно сказать, что в том перечне фактов, который дан был Лениным в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» для характеристики политического кризиса в период реформы, упоминаются события и явления, выходящие за рамки 1859—1861 гг. В одном из примечаний в первой главе статьи, ссылаясь на воспоминания Л. Ф. Пантелеева, В. И. Ленин прямо указывал, что в «этой статейке (Пантелеева, — *Ш. Л.*) сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861—1862 гг. и полицейской реакции».[80] В той же статье говорится о натиске революционной партии «в начале 60-х годов».[81] В опубликованной в газете «Правда» в августе 1912 г. статье В. И. Ленина «Карьера» «первый демократический подъем» датирован также в общей форме: он приурочен к «началу 60-х годов XIX века».[82]

---

[79] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 174, 179.

[80] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29.

[81] Там же, стр. 28.

[82] В. И. Ленин. Карьера. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 44. Второй демократический подъем датирован в той же статье концом 70-х годов XIX в.

Совокупность фактов, относящихся к истории России эпохи падения крепостного права, говорит о том, что признаки надвигающейся революционной ситуации обнаружились около времени конца Крымской войны и, частью, даже несколько раньше (упорные крестьянские волнения, явно направленные против крепостного строя как такового, усиливающееся критическое настроение и возбуждение в широких общественных кругах, постепенно нарастающая растерянность в правительственной среде). В конце 1857 г. царизм увидел себя вынужденным открыто объявить о приступе к крестьянской реформе. В том же году стал выходить герценовский «Колокол» (до того, в 1855 г., была основана Герценом «Полярная звезда»). «Могучая проповедь» Чернышевского шла, нарастая, с середины 50-х годов. События принимали такой оборот, что в октябре 1858 г. Маркс в письме к Энгельсу заговорил о *начале революции* в России (поводом для такого заключения явился предстоящий съезд дворянских выборных, который Маркс назвал созывом «нотаблей»). К 1859 г. можно отнести обострение кризиса (новые черты в крестьянском движении, конфликт между правительством и депутатами губернских дворянских комитетов и т. д.). В декабре 1859 г. Маркс, снова обращаясь в переписке с Энгельсом к русским делам, писал, что в России «движение развивается быстрее, чем во всей остальной Европе», и пояснял, что он имеет в виду «конституционное движение дворянства против царя» и «движение крестьян против дворянства»; он отмечал также осложнение польского вопроса. «В следующей революции Россия любезно примет участие», — заключал свои мысли Маркс.[83] Знаменательно, что В. И. Ленин, конспектируя переписку Маркса и Энгельса, обратил большое внимание на соображения, высказанные Марксом в обоих письмах. Мысль второго письма Ленин резюмировал словами: «**Конституционное и крестьянское** движение в России — его успех и важность (1859—1860)».[84]

К 1861 г. бесспорно относится «вершина» общенационального политического кризиса. Однако в 1862 г., особенно в первой его половине, политическое напряжение оставалось очень значительным. Во второй половине 1862 г. и в 1863 г. наблюдается нисходящий — в целом — этап политического кризиса, но такие обстоятельства, как крупные еще крестьянские волнения (более 1300 волнений за два года), деятельность рево-

---

[83] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 295, 425.

[84] В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». Изд. 2-е. М., 1968, стр. 44, 52.

люционного общества «Земля и воля», вспыхнувшее в начале 1863 г. восстание в Польше, а также в Литве и Белоруссии, свидетельствовали о серьезности положения. С другой стороны, налицо были признаки изживания «кризиса верхов», да и революционное движение несло крайне тяжелые потери, а надежды революционного лагеря на новый большой подъем крестьянского движения, могущий вылиться во всеобщее восстание, явным образом не оправдались. Не без основания уже в марте 1863 г. общественный деятель славянофильского круга (также и один из деятелей реформы 1861 г.) князь В. А. Черкасский писал другому видному славянофилу (тоже участнику реформы) Ю. Ф. Самарину после своего посещения Москвы и Петербурга, что «самая опасная часть кризиса уже миновала», что в правящей среде уже нет «прежней явной междоусобицы», что для России «настала если не минута умиротворения... то по крайней мере минута общего почти отдыха, перемирие».[85]

Если 1861 год — высшая точка революционной ситуации, то к 1863 г. (хотя продолжалось польское восстание) в результате несознательности крестьянской массы и неорганизованности, распыленности крестьянского движения, недостаточной силы движения революционной интеллигенции, измены значительной части либералов оппозиционному движению и их соглашательству с крепостниками, она (революционная ситуация) исчерпала себя.

* * *

Нам выше пришлось попутно отметить общеизвестный факт, что с 60-ми годами связан коренной поворот (точнее — один из коренных поворотов) в ходе освободительного движения в России, именно вступление этого движения в «разночинский» этап.

Наступление нового этапа угадывалось современниками и постепенно прояснялось для наиболее чутких из них. В. И. Ленин в своей классической формулировке о смене трех главных этапов русского освободительного движения — дворянского, разночинского (или буржуазно-демократического), пролетарского — соотносил эту смену с тем, какие *классы* один вслед за другим налагали свою печать на движение.[86]

Для передовых людей 60-х годов вопрос нередко в значительной степени сводился еще к конфликту поколений,

---

[85] Кн. О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографа, т. I, кн. 2. М., 1904, стр. 432—433.

[86] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

в частности литературных поколений 40-х и 60-х годов, «отцов» и «детей», а социальная подкладка явления в большей или меньшей мере оставалась в тени. Примером может служить некролог Добролюбова, опубликованный в «Современнике» И. И. Панаевым в конце 1861 г. «Поколение» 40-х годов характеризовалось как такое, которое «ощутило действительную потребность лучшей, высшей жизни и стремилось к ней с юношескою горячностью, страстно, тревожно, но ощупью — то расплываясь в романтизме, то ища точки опоры в немецкой философии, то увлекаясь социальными идеями Леру и Жорж Санда», — словом, как поколение Лаврецких и Рудиных. Добролюбов (конечно, с полным основанием) представлен виднейшим деятелем нового литературного поколения — «с горячею верою в будущее», «с твердыми убеждениями и с смелым словом», «с ровным и твердым шагом», с ясным сознанием того, «куда он ведет».[87]

Вместе с тем появляются и в личной переписке, и в печати определения, выраженные в сравнительно более ясных терминах, с более определенным и четким социально-политическим содержанием. Мы с этим встречаемся, например, у позднего Герцена, у Огарева, у Щапова. Так, в 1863 г. Герцен в «Колоколе» (в статье «1831—1863») говорил о «новом кряже людей», который восстал «внизу» и исподволь, еще при Николае I, вводил «свои новые элементы в умственную жизнь России». «Отщепенцы всех сословий, — писал Герцен, — эти *новые люди*, эти нравственные разночинцы составляли не сословие, *а среду*, в которой на первом плане были учители и литераторы, литераторы-работники, а не дилетанты, студенты, окончившие и не окончившие курс, чиновники из университетских и из семинаристов, мелкое дворянство, обер-офицерские дети, офицеры, выпущенные из корпусов, и проч. Новые люди, маленькие люди, они были не так заметны и нравственно столько же свободнее прежних, сколько связаннее материально... Аристократическая Россия отступала на второй план, ее голос стал слабеть... Другая сила шла на смену».[88] Герцен, один из лучших представителей дворянского периода освободительного движения, пришедший к революционно-демократическим позициям, все яснее сознавая значение разночинца, не мог вполне сойтись и «поладить» с большинством представи-

---

[87] [И. И. Панаев]. Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта. По поводу похорон Н. А. Добролюбова. «Современник», 1861, ноябрь, стр. 70—73.

[88] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XVII, М., 1959, стр. 101—102.

телей разночинской революционной среды, с которыми его столкнула судьба в эмиграции. Это лучше удавалось Михаилу Бакунину, которому принадлежит ряд восторженных отзывов и оценок молодых революционеров-разночинцев — «пионеров новой правды и новой жизни», которые пришли из «дворянства, чиновничества, духовенства, купечества, мещанства, крестьянства».[89]

«Отечественные записки» 70-х и начала 80-х годов, как и журнал «Дело», не раз касались вопроса о роли разночинца. «Разночинец пришел», — писал в «Отечественных записках» 1874 г. Н. К. Михайловский, называя это событием «высокой важности», составившим «эпоху в русской литературе».[90]

Вполне естественно, что проблема разночинца привлекала к себе раннюю русскую марксистскую мысль — сначала в лице Г. В. Плеханова. Он, например, в статье 1893 г. «О социальной демократии в России» говорил о движении 70-х годов как движении преимущественно разночинцев — «первого общественного слоя, всколыхнувшегося под влиянием глубокого социального переворота, пережитого Россией в предшествовавшее десятилетие»[91] (до того он довольно подробно говорил о разночинцах в статье о Глебе Успенском). Во введении к его немецкой книге о Чернышевском (1894) разночинец назван Плехановым вестником новой России, провозгласившим войну старому порядку.[92] Здесь Плеханов завершением периода руководящей роли разночинца объявлял конец 70-х годов, видимо, считая 80-е годы уже переходными, поскольку тогда все громче заявлял о себе на общественной арене рабочий класс.

На протяжении примерно четверти века (с 1894—1895 до 1917 г.) В. И. Ленин в ряде статей и выступлений ставит и глубоко решает вопрос о роли и месте разночинца в русской общественной жизни и революционном движении, освещая его под углом зрения всей своей концепции русского освободительного движения, смены основных его фазисов.

Еще в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (опубликована в 1895 г.), разъясняя вопрос о прогрессивном значении развития капита-

---

[89] М. Бакунин. Русским, польским и всем славянским друзьям. «Колокол», лл. 122 и 123, от 15 февраля 1862 г., стр. 1024. Ср.: Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, стр. 317. Говоря о дворянах, Бакунин явно имел в виду «отщепенцев», порывающих со своим классом.

[90] Н. К. Михайловский, Соч., т. II, СПб., 1896, стлб. 633.

[91] Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, М., 1923, стр. 25.

[92] Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения, т. IV, М., 1958, стр. 61.

лизма, Ленин указал, что этот экономический процесс отразился в социальной области, между прочим, «вытеснением из „общества“ помещичьего класса разночинцами», и, затронув вторично эту проблему, он писал тут же о пореформенной эпохе как эпохе «*окончательного вытеснения дворянина разночинцем*». Конечно, речь шла об общественной жизни и общественном движении.[93]

В 1901 г. во «Внутреннем обозрении» № 2—3 журнала «Заря» В. И. Ленин говорил о студенчестве, о так называемом третьем элементе в земстве — одном из крупных отрядов разночинной интеллигенции. Он отметил, что с половины 90-х годов в официальных правительственных сообщениях встречаются указания на «неизмеримо более многочисленный», чем учащаяся молодежь, класс населения, требующий особой полицейской охраны (чего раньше не было) — на класс фабрично-заводских рабочих. Перед русским пролетариатом, писал Ленин, стоит трудная, но благодарная задача: «раздавить врага, которого не могла осилить многострадальная русская интеллигенция».[94] Здесь намечена достаточно ясно дата — середина («половина») 90-х годов — смена прежнего этапа новым, где решающая революционная роль переходит к пролетариату.

В 1906 г., критикуя оппортунистическую тактику тогдашнего меньшевистского большинства ЦК РСДРП, В. И. Ленин писал: «Неужели ЦК настолько утратил элементарный революционный инстинкт, что для него неясна разница между дворянской революционностью декабристов, — разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев, — и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века?».[95] Отчетливо, таким образом, выражена в статье ленинская схема: дворянские революционеры — декабристы, семидесятники — представители разночинского этапа, третий этап — движение рабочих и крестьян, в котором — что было для Ленина аксиомой — ведущая роль принадлежит пролетариату. Напомним в этой связи слова из знаменитой статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». Говоря о движении «самих

---

[93] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 433, 441. (Курсив наш, — *Ш. Л.*).

[94] В. И. Ленин. Внутреннее обозрение. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 305, 335.

[95] В. И. Ленин. Политический кризис и провал оппортунистической тактики. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 356.

масс», Ленин указывал: «Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян».[96]

В статье «Памяти Герцена» (1912) запечатлена с исключительной рельефностью ленинская концепция трех этапов революционной борьбы: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли". Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури" — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс... Первый натиск бури был в 1905 году».[97]

Дважды в дальнейшем Ленин детально конкретизировал обоснованную им схему. В 1913—1914 гг. появились его статьи «Роль сословий и классов в освободительном движении» и «Из прошлого рабочей печати в России». Во второй из них выделены «три главные этапа», пройденные освободительным движением в России, «соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение»: «1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время».[98] Самыми выдающимися деятелями дворянского периода Ленин называл декабристов и Герцена. «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его „Колокол" помогли пробуждению *разночинцев,* образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству».[99] Ленин указывал на В. Г. Белинского, как на предшественника полного вытеснения дворян разночинцами

---

[96] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 261.

[97] Там же.

[98] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 93.

[99] Там же, стр. 93—94. Здесь, конечно, отнюдь не по каким-либо принципиальным соображениям, не было упомянуто духовенство, которое, как показывают фактические данные и высказывания ряда писателей, давало большое количество «разночинства» (см., например, у М. Горького в его «Истории русской литературы» (Архив А. М. Горького, т. I. М., 1939, стр. 139)).

в русском освободительном движении еще при крепостном праве.[100]

Падение крепостного права, по словам В. И. Ленина, вызвало появление разночинца как главного, массового деятеля «и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности».[101]

В обеих статьях В. И. Ленин приводит цифровые данные о привлеченных по обвинению в «государственных преступлениях» за несколько хронологических периодов: эпоха 1827—1846 гг. давала дворян 76%, мещан и крестьян 23%,[102] 1884—1890 гг. — соответственно 30.6 и 46.6%; 1901—1903 гг. — 10.7 и 80.9%; 1905—1908 гг. — 9.1 и 87.7%. Духовенства и купечества, согласно тем же данным, было в 1884—1890 гг. 6.4 и 12.1%, в 1901—1903 гг. — 1.6 и 4.1%. «Отсюда ясно видно, — заключал В. И. Ленин, — как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его».[103] 1884—1890 гг. Ленин относил в «эпоху разночинца», «эпоху движения „разночинцев"», раскрывая ее в данном случае как время смешения «буржуазно-либерального и либерально-народнического движения».[104] В. И. Ленин не располагал статистическими сведениями за 60-е годы. Опубликованные в недоступных ему или позднее появившихся источниках данные позволяют восполнить картину. Так, согласно нашим приблизительным подсчетам (более точных не позволяет характер материала), среди примерно 1600 лиц, учтенных словарем деятелей революционного движения за 60-е годы (включая вторую половину 50-х годов), лица, принадлежавшие к дворянскому сословию, составили около 25%.[105] Подсчеты III отделения за 1873—

---

[100] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94. Конечно, «полное» вытеснение Ленин понимал в смысле вытеснения с руководящего места, смены гегемона, а не в абсолютном смысле — Ленин сам в своих статьях отмечал заметное участие дворян в движении и на разночинском его этапе. О Белинском ученик Ленина В. В. Воровский писал: «История как бы нарочно создала этого крупного человека в тот момент, когда традиционная струя русского культурно-дворянского идеализма начала вливаться в новое русло — русло революционно-разночинской мысли» (В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 142).

[101] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94.

[102] Имеются также данные за 1835—1846 гг., согласно которым дворян было 63% («Петербургский сборник», 1903, стр. 176).

[103] В. И. Ленин. Роль сословий и классов в освободительном движении. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 397.

[104] Там же, стр. 397, 398.

[105] Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. I, ч. 2. Шестидесятые годы. Сост. А. Шилов и М. Карнаухова. М., 1928.

1877 гг. дают потомственных и личных дворян 26%, выходцев из духовного звания — 19, крестьян (по сословной принадлежности сюда причислялось большинство рабочих) — 13, оберофицерских детей — 11, мещан — 9% и т. д.[106] Явное и большое преобладание разночинцев до 90-х годов XIX в. — бесспорный факт. И начало такого преобладания — период 60-х годов. В период кануна первой русской революции, как подчеркивалось В. И. Лениным, почти половину всех привлекавшихся по политическим делам составляли уже *рабочие*.[107]

Заметим еще, что в начале 1917 г., в своем докладе о революции 1905 г., В. И. Ленин снова говорил о том периоде освободительной борьбы в России, когда «во главе» движения находились «интеллигенты из среднего сословия» (т. е. разночинцы), относя это ко времени между выступлением декабристов и 1881 г.[108] Называя последний год, В. И. Ленин, очевидно, хотел подчеркнуть критический момент второго демократического подъема (рубеж 70-х и 80-х годов), после которого роль разночинца постепенно начинает убывать (ср. слова «начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли"» в статье «Памяти Герцена»).[109]

---

[106] Н. И. Сидоров. Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения. «Каторга и ссылка», 1928, № 1 (38), стр. 41. Подсчеты В. С. Антонова за 70-е годы, охватывающие гораздо более широкий круг людей (больше 5600 человек против 1054), дают следующее распределение по роду занятий: учащихся — около 3000 (из них подавляющее большинство студентов), рабочих — более 800, крестьян — 314, служащих — около 440, учителей — 433, медицинских работников — около 180 и т. д. (Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, стр. 338).

[107] После ленинских статей 1913—1914 гг. появились в печати сведения за период 1910—1914 гг. Среди осужденных в эти годы по политическим делам (более 15 тысяч человек) числилось дворян, выходцев из духовного сословия и почетных граждан — 10%, лиц мещанского сословия — 25, лиц сословия крестьянского — 60% («Право», 1916, № 1, стлб. 66—67).

[108] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

[109] Заслуживает внимания тот факт, что в историографии и литературоведении либералов делались попытки так или иначе преуменьшить значение разночинства, перехода от дворянского к разночинскому этапу. П. Н. Милюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция» писал: «Если в памяти старейших из нас шестидесятые годы представляются какой-то новой эрой, чуть ли не началом существования русской интеллигенции, то это не более, как оптический обман, рассеиваемый ближайшим изучением. С этого времени, правда, значительно расширяется состав и численность либеральных профессий, которые и становятся проводником организованного интеллигентского влияния. Но это... разница не качественная, а только количественная» (Интеллигенция в России. СПб., 1910, стр. 91). Аналогичная тенденция заметна в работе «Канун освобождения» (Пгр., 1916)

II

Одним из крупнейших и наиболее выдающихся представителей русской передовой общественной мысли середины XIX в. был, как известно, А. И. Герцен. С именем Герцена тесно связано движение русской мысли второй четверти XIX столетия, с ним неразрывно связана история русской общественности в 50—60-х годах; влияние его идей проявлялось и на дальнейших этапах развития русского общественного движения и русской общественной мысли, а также всей русской культуры. Обаяния своего его творчество, его личность отнюдь не утратили до наших дней.

В. И. Ленин был, как недавно метко сказал один из советских литераторов и философов, «гениальным читателем Герцена».[1] Он неоднократно обращался к наследию Герцена, высоко оценивал его вклад в историю мысли, в подготовку русской революции. В работе «Что делать?» (1901—1902) Ленин назвал Герцена, вместе с Белинским и Чернышевским, а также блестящей плеядой революционеров 70-х годов, одним из предшественников русской социал-демократии.[2]

О Герцене сложилась громадная литература, притом не только в самой России.[3] Вокруг имени Герцена шла борьба при жизни его. После его смерти (в 1870 г.) о нем писали друзья и враги, писали либералы и народники, охранители и реакционеры. Много писали о Герцене русские марксисты начиная с Г. В. Плеханова, оставившего ряд очень ценных, несмотря

Нестора Котляревского, писавшего: «Либералы, оставаясь дворянами, в своих чувствах и привычках как идеологи и как общественные деятели были открытыми противниками сословного начала в жизни и демократами в принципе. Направление радикальной мысли и радикальной воли также не стоит в такой уж тесной связи с психикой пресловутого „разночинца“... Радикальная группа в общем была, конечно, „разночинная“, всесословная; в ней сливались тенденции, привычки, традиции всевозможных слоев общества — от дворянского до крестьянского» (стр. 37—38).

[1] Мих. Лившиц. Читая Герцена. «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 114.

[2] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25. Говоря обобщенно о плеяде революционеров 70-х годов, В. И. Ленин назвал рядом из числа деятелей предыдущего периода таких его виднейших представителей, как Герцен и Чернышевский. Но это, разумеется, отнюдь не означает, что Ленин не относил к предшественникам социал-демократии в России вообще более или менее широкий круг мужественных революционеров 60-х годов, которые шли за Чернышевским и Герценом.

[3] Путеводителем по этой литературе может служить книга М. И. Гиллельсона, Е. Н. Дрыжаковой, М. К. Перкаля «А. И. Герцен. Семинарий» (М.—Л., 1965).

на те или иные спорные или неправильные суждения, исследований и высказываний о нем. Велика советская литература о Герцене, которому посвящены монографические труды Я. Е. Эльсберга (книга «Герцен. Жизнь и творчество», выдержавшая уже четыре издания), Д. И. Чеснокова («Мировоззрение Герцена»), Л. О. Пипера (книга под таким же названием), И. С. Новича («Духовная драма Герцена»), Я. И. Линкова («Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество „Земля и воля“ 1860-х годов») и др., ряд работ Б. П. Козьмина, М. В. Нечкиной, И. В. Пороха, В. Е. Иллерицкого, В. А. Путинцева, М. Т. Иовчука, Н. М. Пирумовой и т. д.

Не все, что было опубликовано в советской литературе первых послеоктябрьских десятилетий, и тем более не все, вышедшее из-под пера марксистов до Октября, вполне созвучно воззрениям В. И. Ленина на взгляды и деятельность Герцена. Но многое было уже и тогда более или менее близко к ним. А с течением времени именно глубокие ленинские оценки в нашей литературе одержали полностью верх над односторонними и ошибочными подходами к большой историко-революционной и историко-культурной теме «Герцен».

В одной из самых ранних и в то же время исключительно важных во всей истории марксизма-ленинизма работ «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин заговорил о Герцене, поставив его рядом с Чернышевским, — заговорил в противовес легальным народническим публицистам из «Русского богатства», которые, по словам Ленина, пачкали идеалы «первых русских социалистов». Ленин здесь указывал на связь русской передовой мысли с западной, вспоминая то время, когда «Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского».[4]

Незадолго до «Что делать?» была В. И. Лениным написана уже цитированная не раз работа «Гонители земства и Аннибалы либерализма», где тоже в непосредственном соседстве стоят факты, относящиеся к деятельности Герцена и Чернышевского; характеризуя политический кризис конца 50-х и начала 60-х годов, Ленин отмечал как распространение по всей России «Колокола», так и могучую проповедь Чернышевского.[5]

В начале 1903 г. В. И. Ленин прочитал в Париже цикл лекций о марксистских взглядах на аграрный вопрос. Ленин специально останавливался в своих лекциях на понимании

---

[4] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 271.

[5] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29.

аграрного вопроса народничеством. Он говорил о народничестве как «громадной полосе общественной мысли» в России. Это, указывал Ленин, «целое миросозерцание, начиная от Герцена и кончая Н.—оном». Историческое значение этой полосы он определял тут словами «*идеализация* борьбы с крепостничеством», напоминая при этом Марксов термин «Agrarische Demokratie» (аграрная демократия).[6] Через ряд лет, сопоставляя народничество в Китае и в России, В. И. Ленин писал: «Русская буржуазная демократия окрашена в народнический цвет — начиная с ее далекого и одинокого предтечи, дворянина Герцена, и кончая ее массовыми представителями, членами Крестьянского союза в 1905 году, трудовиками-депутатами трех первых Дум в 1906—1912 годах».[7] Всего спустя несколько месяцев в известной статье «О народничестве», указывая, подобно тому как он в свое время говорил об этом в лекциях, на весьма давнее происхождение народничества (народничество «очень старо»), Ленин писал, что «родоначальниками» народничества считаются Герцен и Чернышевский.[8]

Две сейчас упомянутые статьи относятся к 1912—началу 1913 г. В 1912 г. на страницах центрального партийного органа «Социал-демократ» появилась эпохального значения ленинская статья «Памяти Герцена».[9] В апреле 1912 г. исполнилось сто лет со дня рождения А. И. Герцена; эта дата была широко отмечена — и очень по-разному отмечена — различными общественными кругами. Статья Ленина, в которой поставлены коренные проблемы истории русской общественной мысли и революционного движения, одновременно была связана с ленинским пониманием текущих задач рабочего движения в России, она органически связывала прошлое с настоящим, в чем состояла и вообще характерная особенность выступлений Ленина

---

[6] В. И. Ленин. Тетради по аграрному вопросу. Соч., изд. 4-е, т. 40, стр. 24.

[7] В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 401.

[8] В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

[9] В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255—262. Работе «Памяти Герцена» посвящен ряд статей советских авторов: В. А. Путинцев. Выдающееся произведение марксистско-ленинской теоретической мысли. (О работе В. И. Ленина «Памяти Герцена»). «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 2, 1952; М. Зельдович. К истории статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Вопросы литературы», 1957, № 3; А. И. Володин. Юбилей Герцена 1912 г. и статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Исторические записки», т. 67, 1960; С. Рейсер. Против кого направлена статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Русская литература», 1962, № 2; А. Гукасова. Из наблюдений над стилем статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». Там же, 1965, № 1.

по вопросам исторического прошлого, в частности революционного прошлого России. Н. К. Крупская впоследствии вспоминала: «...Ленские события, разразившиеся в половине апреля (по новому стилю, — *Ш. Л.*), повсеместные стачки протеста ярко выявили, как вырос за эти годы пролетариат, как ничего не забыто им (имелся в виду несомненно опыт революции 1905—1907 гг., — *Ш. Л.*), выявили, что сейчас уже движение подымается на высшую ступень, что создается уже совсем иная обстановка для работы». «Ильич стал другим, сразу стал гораздо менее нервным, более сосредоточенным, думал больше о задачах, вставших перед русским рабочим движением. Настроение Ильича вылилось, пожалуй, полнее всего в его статье о Герцене, написанной им в начале мая. В этой статье очень много от Ильича, от того ильичевского горячего пафоса, который так увлекал, так захватывал».[10]

Необходимо вместе с тем принять во внимание особое обострение идеологической борьбы в этот период. Еще осенью 1911 г. В. И. Ленин писал о том, что «Россия идет к *революционному* кризису».[11] Это говорилось в статье «Об избирательной кампании и избирательной платформе», связанной с приближавшимися выборами в IV Государственную думу. Предстоящая выборная кампания повысила актуальность идейной борьбы против либерализма, которой вообще, конечно, Ленин не приостанавливал и не смягчал и раньше. Весьма опасным считал Ленин «смешение» буржуазного либерализма с буржуазной демократией, которое, как он указывал в обширной статье в легальной большевистской «Звезде» в декабре 1911—январе 1912 г., посвященной той же избирательной кампании, уже «принесло не мало вреда русскому освободительному движению».[12] Повторяя отчасти то, что он в свое время подчеркивал в статьях о крестьянской реформе, В. И. Ленин отмечал, что либеральная буржуазия «хочет разделить власть с царем так, чтобы не разрушать до основания их власти, так, чтобы не давать власти народу». «Ненавидя, — писал он в марте 1912 г., — оттесняющее их от власти правительство, помогая разоблачению его, внося колебание и разложение в его ряды, либералы еще неизмеримо более ненавидят революцию, боятся всякой борьбы масс, относятся с еще большими колебаниями и нерешительностью к освободительной борьбе народа, изменнически пере-

---

[10] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. Воспоминания родных. М., 1968, стр. 375.

[11] В. И. Ленин. Об избирательной кампании и избирательной платформе. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 360.

[12] В. И. Ленин. Избирательная кампания в IV Государственную думу. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 39.

ходя в решительные моменты на сторону монархии».[13] Ленин отмечал (и отмечал многократно) «шаг назад», сделанный либеральной буржуазией после первой революции, — *веховство* буржуазии,[14] «ее отречение от демократизма, ее *приближение* к „партиям порядка“», ее поддержку «попыток старого режима удержаться ценою минимальных „шагов по пути превращения в буржуазную монархию“».[15]

Статья «Памяти Герцена» в полемической своей стороне и была направлена в первую очередь против либерализма (Ленин критиковал также попутно выступления, с одной стороны, правых, а с другой — народников). Статья открывалась словами: «Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала».[16] По ходу изложения Ленин в дальнейшем снова подчеркивал, что либералы «подло и низко клевещут на Герцена», «возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных».[17]

Освещение вопроса о Герцене в либеральной публицистике и общественной науке имело к тому времени свою длительную историю. Одним из «пионеров» на этом поприще явился в середине 70-х годов Г. Н. Вырубов, философ и социолог-позитивист, лично связанный с Герценом, но далекий ему по духу, либерал по своим воззрениям. Ему принадлежало анонимное предисловие к начавшему в 1875 г. выходить за рубежом изданию «Сочинений» Герцена (Вырубов это издание и редактировал). Указывая, что реакционеры считают Герцена «преступным революционером», а сторонники, как он писал, «западных теорий революции и социализма» — человеком «отсталым» или «недошедшим»,[18] но люди «реформ» почитают его «представителем либеральных идей в России», Вырубов поддерживал именно третье мнение. Он видел в созданной Герценом вольной печати «нечто вроде пятого, в Петербурге не существующего, отделения» собственной его величества канцелярии, занимавшегося якобы «изготовлением и обсуждением проектов

---

[13] В. И. Ленин. Избирательная платформа РСДРП. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 181.

[14] Термин, возникший после выхода в 1909 г. сборника «Вехи», который был назван В. И. Лениным «энциклопедией либерального ренегатства».

[15] В. И. Ленин. Принципиальные вопросы избирательной кампании. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 80.

[16] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 255.

[17] Там же, стр. 261.

[18] Вырубов непосредственно имел в виду нерасположенную к Герцену к концу его жизни часть так называемой молодой эмиграции.

либеральных мер». Вырубов уверял, что Герцен «не дотрагивался до формы правления», которую будто бы «никто не думал менять», и «довольствовался требованием *нравственных* улучшений, которых все хотели». Свои ложные утверждения Вырубов как бы венчал заявлением, что Герцен представлял современное ему русское общество «без всякого различия сословий».[19] Выступление Вырубова сразу встретило критику в революционно-народническом органе «Вперед» со стороны его редактора П. Л. Лаврова, который оценку Вырубовым Герцена признал «радикально ошибочною почти во всех ее положениях».[20]

Минуя ряд промежуточных звеньев и не задерживаясь на тех либо других оттенках либеральных суждений о Герцене, мы прямо остановимся на систематических попытках либерального искажения герценовского наследия, исходивших от П. Б. Струве, тем более, что как раз Струве был по существу одним из главнейших объектов ленинской критики, ленинских обличений.

«Великий мастер ренегатства», как назвал В. И. Ленин Петра Струве в одной из статей 1908 г.,[21] бывший «легальный

---

[19] Сочинения А. И. Герцена, с предисловием, т. I, Женева, 1875, стр. VII—XXIII. Впоследствии, в воспоминаниях, цитируя частично свое давнее предисловие, Вырубов заявлял: «Почти 40 лет прошло с того времени, как я писал эти строки: с тех пор я не раз перечитывал творения Герцена и вспоминал подробности моих сношений с ним — и все-таки остался при своем мнении» (Г. Н. Вырубов. Революционные воспоминания (Герцен, Бакунин, Лавров). «Вестник Европы», 1913, № 1, стр. 63).

[20] Статья Лаврова, оставшаяся незаконченной, не давала вполне точной, подлинно научной постановки проблемы; видимо, Лавров особенно был озабочен выяснением значения герценовского социализма как предшественника народнического социализма 70-х годов. Все же в ранней литературе о Герцене статье Лаврова принадлежит видное место. Лавров, в частности, отмечал, что «с первых *свободных* литературных трудов своих он (Герцен, — *Ш. Л.*) оставил за собой толпу либералов, упивающихся бессодержательными девизами». Герцена, писал Лавров, нельзя считать идеалом «во всех подробностях» его деятельности — «такие идеалы не существуют». Однако «можно спросить: многие ли из современников Герцена сделали *столько*, сколько сделал *он* для уяснения смысла современной ему эпохи, для пробуждения русской мысли и для сообщения ей настоящего взгляда на общественные и исторические задачи, для подготовления почвы к более определенной постановке общественного вопроса?» (в последних словах явным образом имелся в виду Чернышевский). Лавров признавал общность «традиции Белинского, Герцена, Чернышевского» (П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. IV, М., 1935, стр. 116—133).

[21] В. И. Ленин. Оценка Маркса международным либерализмом. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 467.

марксист» 90-х годов,[22] потом редактор зарубежного либерального «Освобождения», еще позже правый кадет, один из главных вдохновителей и выразителей «веховства», с самого начала 900-х годов всячески пытался, фальшиво истолковывая наследие Герцена, приспособить его для политических и идеологических целей буржуазного либерализма. Уже в 1903 г. в сборнике статей «Освобождение», демонстративно украшенном снимком с памятника Герцену, Струве «доказывал», что если бы Герцен мог спокойно подвести итоги «своим глубоким думам, своим сильным увлечениям, своим тяжелым разочарованиям», то в виде «твердого, нерушимого остатка» оказалась бы система взглядов, которая по социальному содержанию есть «эволюционный социализм», а по политическому — «последовательный демократизм».[23] Приступив в дни декабрьского вооруженного восстания 1905 г. к изданию журнала «Полярная звезда», в котором, по словам В. И. Ленина, он «усердно» и «успешно» «приближал кадетство к нововременству»,[24] Струве в статье «О программе „Полярной звезды“» кощунственно утверждал: «Свое название наш журнал заимствовал у Рылеева и Герцена. Это значит, что мы желаем стать под знамя тех великих революционных и культурных традиций, которые связаны с этими славными именами».[25] Уже в «Освобождении» Струве стремился опереться на герценовские Письма «К старому товарищу». В конце 1906 г., выступая с программным докладом об «идейных основах партии народной свободы», Струве хотел убедить публику, что в этом «последнем слове окончательно зрелой мысли великого мыслителя-художника» заключено ... «существо» кадетского миросозерцания, «центральная идея» кадетской партии; он характеризовал Герцена как «великого русского либерала и великого русского социалиста», понимая, конечно, в последнем случае все тот же «эволюционный социализм», представлявшийся

---

[22] В то время Струве видел у Герцена «смелое, почти гениальное смешение славянофильства и передовых западнических идей» и противопоставлял Герцену Кавелина, который идеи Герцена превратил в «эклектическую либерально-народническую кашицу» («Новое слово», 1897, апрель, стр. 95).

[23] «Освобождение», кн. I. Издается под ред. Петра Струве, Штуттгарт, 1903, стр. 239.

[24] В. И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 288. В той же работе Ленин писал: «Случайность [ли] то, что как раз эпоха „вихря“, эпоха революционной самодеятельности народа побудила господина Струве создать образцовый орган реакционного брюзжанья: „Полярную звезду“?» (там же, стр. 340).

[25] «Полярная звезда», 1905, № 1, 15 декабря, стр. 18.

безвредным и безопасным либеральной буржуазии.[26] В герценовские юбилейные дни 1912 г. Струве, в ряду других видных деятелей тогдашнего либерализма, снова пытался обосновать ссылками на Герцена, на Письма «К старому товарищу» «эволюционную», антиреволюционную позицию, даже найти там, как говорилось в газетных отчетах, «религиозную веру в добро и правду», которая «просветляет и очеловечивает борьбу».[27]

Шаг за шагом опровергал В. И. Ленин либеральные попытки пристроиться к наследию Герцена, прикрыть авторитетом его имени свою антиреволюционную теорию и практику. В частности, он подчеркивал и то, что именно в Письмах «К старому товарищу» Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу.[28] Он указывал, что герценовским «Колоколом» был поставлен важный и серьезный исторический вопрос «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о „соглашательской" (монархической) и республиканской тенденции в этой революции».[29] Ленин вовсе не оспаривал, а, напротив, прямо указывал на то, что не всегда Герцен решал последовательно этот вопрос в пользу второй тенденции (Герцен к тому же не отдавал себе отчета в буржуазном характере русской революции). Однако крупнейшее методологическое и идейно-политическое значение имел решающий вывод Ленина о том, что при всех присущих Герцену колебаниях между демократизмом и либерализмом «демократ все же брал в нем верх».[30]

В сжатой, лаконичной форме, предопределяемой характером выступления в газетном органе, В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» прослеживал основные этапы пути Герцена как революционера, публициста, философа. Мы уже цитировали высказывания Ленина об исторической преемственности между декабристами и Герценом. Сам Герцен не раз на нее указывал.

В одной из своих поздних работ — «Еще раз Базаров», — опубликованной в конце 1868 г., Герцен писал: «Декабристы — наши великие отцы... Мы от декабристов получили

---

[26] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 36, стлб. 1863—1878. Под энергичную агитацию, которую кадеты ведут против революционной практики, Струве «взялся подвести фундамент вечности», прикрывшись авторитетом Герцена, отмечалось тогда же в одном из демократических изданий.

[27] Цит. по: М. Зельдович. К истории статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена», стр. 103.

[28] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 257.

[29] Там же, стр. 258.

[30] Там же, стр. 259.

в наследство возбужденное чувство человеческого достоинства, стремление к независимости, ненависть к рабству, уважение к Западу и революции, веру в возможность переворота в России, страстное желание участвовать в нем, юность и непочатость сил. Все это переработалось, стало иным, но основы целы».[31]

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин указывал: «Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века». «Восстание декабристов разбудило и „очистило“ его».[32]

Установив идейную родословную Герцена, В. И. Ленин подчеркивает его громадные теоретико-философские заслуги. «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». Ленин отмечает усвоение Герценом диалектики Гегеля и придает важное значение тому, что он познал в ней «алгебру революции».[33] Вопреки утверждениям многих буржуазных исследователей, Ленин далее подчеркивал, что Герцен от Гегеля пошел «вслед за Фейербахом» — к материализму, и, говоря специально о первом из герценовских «Писем об изучении природы», замечает, что оно показывает Герцена как мыслителя, который «даже теперь (т. е. во втором десятилетии XX столетия, — *Ш. Л.*) головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов».[34] Общий

---

[31] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XX, кн. 1. М., 1960, стр. 346.

[32] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 255, 256. Слово «очистило», взятое в кавычки, восходит к цитате, приведенной у Ленина, из герценовской статьи «Концы и начала».

[33] «Философия Гегеля — алгебра революции», — писал Герцен в четвертой части «Былого и дум» (Собр. соч. в тридцати томах, т. IX, М., 1956, стр. 23), а в только что цитированной статье «Еще раз Базаров» он повторял: «Диалектика Гегеля — страшный таран, она, несмотря на свое двуличие, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все мешавшее разуму» (там же, т. XX, кн. 1, стр. 348).

[34] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 256. В этой связи следует обратить внимание на то, что Ленин в своей верной оценке «Писем об изучении природы» как произведения материалистической мысли разошелся с мнением Г. В. Плеханова. Признавая со своей стороны, что Герцен, «расставшись с идеалистическим „романтизмом“... вслед за Фейербахом перешел к материализму», Плеханов в то же время в «Письмах об изучении природы» находил еще «очень сильно» заметное влияние «идеалиста Гегеля» (Соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 426, 433; см. также: Избр. философские произведения, т. IV, М., 1958, стр. 766). Б. А. Чагин пишет, что «ошибочный вывод Плеханова, по-видимому, основывался на том, что у Герцена не только сохрани-

вывод Ленина: «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом».[35] «Остановка» перед историческим материализмом не означала, что Герцену не были свойственны материалистические тенденции и поиски в социологии. Уже в книге «С того берега» Герцен по сути дела призывал заниматься «серьезно физиологией общественной жизни, историей как действительно объективной наукой».[36]

С «остановкой» Герцена перед историческим материализмом (ибо материалистические догадки все же не означали, конечно, преодоления идеалистических в основе своей историко-социологических взглядов) В. И. Ленин связывал «духовную драму» или, как он еще и резче выражался, «духовный крах» Герцена после поражения революции 1848 г. Ленин указывает, что Герцен непосредственно наблюдал эту революцию (в сущности его можно в известном смысле отнести к ее участникам). Ленин пишет о Герцене, что он был тогда «демократом, революционером, социалистом». На наш взгляд, можно принять, что Ленин тем самым признавал Герцена в той либо другой форме и степени революционным демократом уже в ту пору (в рамках революционного демократизма ведь всегда можно различить более или менее последовательные оттенки, а у Герцена этот революционный демократизм вырастал из дворянской революционности, одним из поздних носителей которой он и являлся).[37] При рассмотрении данного вопроса сущест-

---

лась гегелевская терминология при изложении собственных философских взглядов, но и что он, эволюционируя в сторону материализма, неизбежно сохранил некоторые „родимые пятна" прошлого, идеалистического мировоззрения... Перейдя на позиции материализма, он неизбежно сохранил отдельные идеалистические положения и отчасти идеалистическую терминологию. Но по существу Герцен стал уже материалистом, овладевавшим диалектикой» (Б. А. Чагин. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—Л., 1963, стр. 271).

[35] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 256.

[36] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. VI, М., 1955, стр. 67. Едва ли В. И. Ленин разошелся бы с мнением, высказанным в 1909 г. Г. В. Плехановым: «Мысль Герцена мучительно билась над вопросом о том, в чем заключается объективная необходимость осуществления наших идеалов» (Соч., т. XXIII, стр. 424).

[37] В. Р. Щербина в книге «Ленин и вопросы литературы» (изд. 2-е, М., 1967, стр. 329) пишет: «В ряде книг и статей А. И. Герцен характеризуется как революционный демократ еще в 40-х годах. Труды В. И. Ленина вооружают нас против упрощения и выпрямления творческого пути писателя. Как следует из работ Ленина, развитие Герцена, при всех его колебаниях в сторону либерализма, шло в направлении к революционному демократизму. Но в 40—50-х годах Герцен выступает еще главным образом как дворянский революционер. Лишь

венно учесть также известную мысль В. И. Ленина, высказанную за несколько месяцев до статьи «Памяти Герцена»: «Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих *„на границе“* основных делений, неизбежны...».[38] А Герцен как раз стоял *«на границе»* дворянской революционности и революционного демократизма, двигаясь, при тех или других временных зигзагах, связанных с переменами в общественно-политической действительности, именно к последнему.

Хорошо известно, что идейный кризис, переживавшийся Герценом, принял прежде всего форму тяжелого разочарования в социальных перспективах Запада; тесно связанным с этим оказался тот факт, что Герцен, подавленный разгромом революционных сил на Западе, с особым вниманием и надеждой обратился к России и заложил — на рубеже 40-х и 50-х годов — основы «русского социализма», народничества. Много позднее, в самом конце 1867 г., в письме к И. С. Тургеневу Герцен писал: «Если я слишком... en gros (общо, — *Ш. Л.*) смотрю[39] на „новое слово“, которое Россия явно громко говорит своим социальным исключением пролетариата — то, что ты не видишь даже и после совершенного падения Франции, с которой утянулась и Италия, — что это: гибель, смерть или *кризис*, — я этого не понимаю. Пожалуйста, заметь „или кризис“ — я это говорил всегда: есть еще силы, которые могут оплодотвориться наукой и спасти организм, но сама наука, не воплощаясь, не спасет мира, так, как Плиний, Сенека не спасли его. Науке дела нет — в Америке ли, в Камчатке ли или ином месте ей будет

когда Герцен воспринял революционный народ как основную силу истории, он стал революционным демократом». Оставляя в стороне вопрос о бесспорности предлагаемого критерия (приняв его, следовало бы отказать, например, в революционном демократизме Огюсту Бланки или Петру Ткачеву, как и части народовольцев), укажем на тот факт, что Герцену приходилось высказывать надежды на крестьянскую революцию в период 40—50-х годов. 1 (13) сентября 1850 г. Герцен говорил в письме к Д. Мадзини: «Я требую, я проповедую полный разрыв с неполными революционерами» (это о Западе), и далее: «Что касается России, вести оттуда печальны... Однако недовольство велико: крестьяне и особенно раскольники ропщут. Я не верю ни в какую революцию в России, кроме крестьянской. Тот, кто сумеет объединить раскольников и крестьян, как Пугачев уральских казаков, поразит насмерть ледяной петербургский деспотизм» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XXIV, М., 1961, стр. 142, 143).

[38] В. И. Ленин. Избирательная кампания в IV Государственную думу, стр. 39. Статья относится к декабрю 1911—январю 1912 г.

[39] Речь непосредственно шла о положениях, формулированных Герценом в первом номере «Колокола» на французском языке, в программного характера статье «Prolegomena».

фатера».[40] Справедливость требует сказать, что нередко, однако, Герцен склонялся после 1848 г. к первым членам указываемой им формулы (гибель, смерть).[41] Отсюда такие ярко выраженные скептические и прямо пессимистические ноты в выступлениях Герцена, как книга «С того берега» и многое-многое другое. «Скептицизм» — слово, которым оперировали и оперируют сотни авторов в своих характеристиках Герцена. Усиленно пользовались этим определением и либералы. В. И. Ленин по этому поводу писал в статье «Памяти Герцена» о рыцарях «либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, — тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстановлял разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал,* не умея, понять его классовой природы, Герцен».[42] У Герцена же, как указывал Ленин, его «глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме». «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела».[43] И далее: «У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата».[44] Впрочем, как с достаточным основанием ука-

---

[40] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XXIX, кн. 1, М., 1963, стр. 242. В письме, на которое отвечал Герцен, старый и последовательный «западник» Тургенев, между прочим, писал: «Что касается до самой твоей статьи, то ведь это между нами старый спор; по моему понятию, ни Европа не так стара, ни Россия не так молода, как ты их представляешь: мы сидим в одном мешке и никакого за нами „специального нового слова“ не предвидится» (И. С. Тургенев, Письма, т. VI, М.—Л., 1963, стр. 354—355).

[41] В 1863 г. Герцен, например, писал Е. В. Салиас де Турнемир: «В 1849 году я проповедовал громко гибель Европы от avortement (неудачи, — *Ш. Л.*) социальной революции и с тем же знаменем я поднял заграничную русскую речь» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVII, кн. 1, М., 1963, стр. 391).

[42] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 256—257.

[43] Там же, стр. 256.

[44] Там же, стр. 257. Примерно через год В. И. Ленин по другому поводу — в связи с откликами печати на смерть редактора московского либерального органа «Русские ведомости» В. М. Соболевского — писал снова о разных видах скептицизма: «Бывает скептицизм и

зывает исследователь жизненного и творческого пути Герцена Я. Е. Эльсберг, это «своеобразие» герценовского скептицизма обнаружилось «с полной определенностью» много позже — в 60-х годах.[45] В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин в качестве доказательства этого своеобразия и приводит посмертно опубликованное, написанное в последний год жизни Герцена произведение его — знаменитые Письма (их было четыре) «К старому товарищу» (к М. А. Бакунину). В. И. Ленин так оценивал Письма: «Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с „проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину". Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал „*собирать полки*" пролетариата, объединять „*мир рабочий*", „покидающий мир пользующихся без работы"!».[46]

скептицизм. По отношению к общественному деятелю надо спрашивать: насчет *какого* класса был он скептиком?». Ленин показывал, что Соболевский был «скептик и даже пессимист» насчет крестьянства и «оптимист» насчет помещиков (Откровенные речи либерала. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 194).

[45] Я. Е. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество. Изд. 4-е. М., 1963, стр. 202. В другом месте своего исследования автор пишет: «Но Герцен не видел экономических корней исторической роли пролетариата. Поэтому его надежды на пролетариат и не были твердыми, устойчивыми, они вновь и вновь подвергались скептической переоценке» (там же, стр. 282).

[46] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 257. Ленин цитировал Письма по первому (1870 г.) или второму (1874 г.) изданию «Сборника посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Во втором из Писем Герцен заявлял: «Международный союз (Интернационал, — *Ш. Л.*) может вырасти в Авентинскую гору à l'intérieur. Отступая на нее, мир рабочий (в опубликованном впоследствии автографе Герцена значится «мир рабочих», см.: «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 164, — *Ш. Л.*), сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы... и он, отлученный, nolens volens, пойдет на сделки. А не пойдет, тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона*, и тогда гибель его отстранится только на столько, на сколько у нового мира нет сил. А пока их нет, надо в тиши собирать полки и не грозить. Угроза при бессилии вредна. Подавленный взрыв двинет назад» (А. И. Герцен, Сборник посмертных статей, изд. 2-е, Женева, 1874, стр. 297). В. И. Ленин цитировал также четвертое Письмо, в котором Герцен, между прочим, писал: «Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь

Письма «К старому товарищу» множество раз использовались авторами, писавшими о Герцене; к ним широко обращаются и в наше время. При этом для буржуазной, либерально-буржуазной (не говоря уже об охранительно-реакционной) литературы преимущественно характерна тенденция истолкования герценовского хода мыслей как полного отказа от революционных позиций, полного перехода на позиции реформизма.[47] Нельзя умолчать также о том, что и среди авторов, принадлежавших или причислявших себя к лагерю марксистов, существовали и такие, которые Письма «К старому товарищу», а подчас вообще позиции Герцена, склонны были приравнивать или неправомерно приближать к либеральным.[48] Особенностью

нужна людям, проповедь неустанная, ежели путная (в автографе «ежеминутная», см.: «Литературное наследство», т. 61, стр. 172, — *Ш. Л.*); проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения. Апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам» (А. И. Герцен, Сборник посмертных статей, стр. 311).

[47] В. И. Ленин с возмущением писал о тех, кто «облыжно» утверждал, будто «Герцен отрекся под конец жизни от революции» (Памяти Герцена, стр. 255), в этом месте Ленин непосредственно имел в виду правую, реакционную печать. В данной связи интересно напомнить о высказываниях писателя-беллетриста П. Д. Боборыкина, хотя и принадлежавшего к либеральным кругам, но сумевшего в целом сравнительно объективно рассказать о последних годах Герцена, к которым относятся их личные встречи. Боборыкин так формулировал основное кредо тогдашнего Герцена: «Ненависть к самодержавному режиму у нас и к хищническому торжеству буржуазии во всем остальном мире, и молодая... вера в великую будущность социальных и экономических устоев русского народа». Боборыкин указывает, что в последние годы Герцен «менее мрачно» оценивал положение в Европе, что он ставил в «великую заслугу Марксу» основание Интернационала. В Герцене, по свидетельству этого современника, сидел «убежденный и пылкий поборник революционного движения». Цитируемую статью П. Д. Боборыкин заключал словами: «Более полвека назад он (Герцен, — *Ш. Л.*) горячо желал торжества труду над хищничеством капитала и не переставал, до самой своей смерти, требовать для многомиллионного русского крестьянства того, о чем оно и теперь страстно мечтает: земли и воли!» («Русская мысль», 1907, № 11, стр. 109, 111—114, 118).

[48] Так, например, Ю. М. Стеклов в изданной в 1909 г. книге «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность» утверждал, что Герцен, особенно в конце 50-х годов, «стоял гораздо ближе к либералам, чем к революционерам», «Чернышевский был представителем революционно-демократического течения общественной мысли, а Герцен тогда стоял еще на точке зрения просвещенного либерализма» (стр. 348, 349). Еще в 1928—1930 гг. Стеклов относил Герцена известного периода к «идеологам» либерального дворянства (Ю. Стеклов. Еще о Н. Г. Чернышевском. М.—Л., 1930, стр. 76). В. М. Фриче находил, что между Герценом и Чернышевским лежала «непроходимая пропасть», а о Письмах «К старому товарищу» он говорит, что в них

ленинского подхода является глубокий историзм, научная объективность. Он высоко оценивает самый факт обращения мысли Герцена к рабочему Интернационалу, одобрительно относится и к тем элементам герценовских взглядов, которые объективно противопоставляли их позициям отчаивающегося «в своем спасении мелкого буржуа» (так Ленин характеризовал анархистскую концепцию Бакунина конца 60-х годов). Другими словами, Ленин особо направлял читательское внимание на то, в чем он видел сильные стороны Герцена. Но он отнюдь не думал изображать Герцена марксистом,[49] он отмечал слабые стороны Герцена, которые шли от неизжитости, непреодоленности тех или других утопически-социалистических схем.[50]

Внимательнейшим образом В. И. Ленин анализирует позиции Герцена, его место и роль в развитии внутренних общественных событий в России на протяжении 50-х и 60-х годов.

Герцен определенно «отмежевался» от революции (В. М. Фриче. А. И. Герцен. М., 1920, стр. 33—34). Ряд других авторов видели в Герцене и Чернышевском «два полюса». Разумеется, были — еще и до Октября и тем более после — совершенно иного рода высказывания. В частности, должно отметить ряд выступлений другого характера А. В. Луначарского. Например, в статье 1912 г. «Памяти А. И. Герцена» он, говоря о «программе-минимум» Герцена в период реформы, решительно отделял ее от «минимализма ползучего, реформистского, либерального» и трактовал ее «в смысле начала, развязывающего впервые силы, достаточные для дальнейшей, все ускоряющейся борьбы». В то же время герценовскую теорию общинного социализма он признавал «гениальным мифом» («Новая жизнь», 1912, № 4, стр. 188—189).

[49] Неосторожной мы считаем формулировку Я. Е. Эльсберга, который, на основании Писем «К старому товарищу», пришел к выводу, будто Герцен «к концу жизни понял историческую правоту Маркса» (Я. Е. Эльсберг. Герцен, стр. 666). Для столь далеко идущего обобщения нет данных.

[50] Требует большого внимания и указание Ленина на то, что в глазах самого Герцена его расхождение с Бакуниным оставалось тактическим разногласием. Известно, что при всем критическом отношении ко многим элементам бакунинских позиций определенные черты деятельности и тем более личности Бакунина Герцену до конца его дней в большей или меньшей степени импонировали. Так, в марте 1869 г. Герцен писал Тургеневу о Бакунине: «Я с его деятельностью не совсем согласен — но все ж он замечательная сила». В мае того же года своему сыну Герцен писал: «Бакунин читает вроде лекций работникам в Женеве — и имеет огромное влияние. Он много куролесит — но все же сильное явление». Н. И. Утину уже в июле 1869 г. Герцен писал: «Я не могу согласиться с вашим мнением, очень враждебным, относительно Бакунина. Бакунин слишком крупен — чтоб с ним поступать sommairement (бесцеремонно, — *Ш. Л.*). У него есть небольшие недостатки — и огромные достоинства. У него есть прошедшее, и он — сила в настоящем» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XXX, кн. 1, М., 1964, стр. 65—66, 116, 158).

Ленин ни в малейшей степени не сомневался в том, что Герцен был основоположником «русского» социализма, народничества. По его словам, Герцен «видел „социализм" в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее „права на землю"». Вскрывая содержание и реальное историческое значение этого учения Герцена, Ленин подчеркивает, с одной стороны, что в нем, «как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества... „социалистов-революционеров", — нет *ни грана* социализма», а с другой — что выраженное в народническом учении «доброе мечтание» реально облекает «*революционность* буржуазной крестьянской демократии в России». «Идея „права на землю" и „уравнительного раздела земли", — писал Ленин, — есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения».[51] В виде доказательства Ленин ссылался на опыт крестьянской борьбы в русской революции 1905 г.

Интересно сопоставить это место ленинской работы «Памяти Герцена» с почти одновременно опубликованной его статьей (в газете «Невская звезда», в начале мая 1912 г.) «Политические партии в России». Здесь Ленин указывал, что в России «народники всех оттенков» охотно говорят «социалистические» фразы, но сознательные рабочие не должны на этот счет обманываться: на деле «ни в каком „праве на землю", ни в каком „уравнительном распределении земли" нет *ни капли* социализма».[52]

Острота ленинской оценки герценовского учения о «русском» социализме[53] может быть отчасти поставлена в связь с потребностями текущей идеологической борьбы против активизировавшегося в то время, в частности и в рабочем движении, народничества (неонародничества). Но ленинская оценка и вполне независимо от того отражает по самому своему су-

---

[51] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 257—258.

[52] В. И. Ленин. Политические партии в России. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 284.

[53] Свои «излюбленные», как пишет В. И. Ленин, мысли о «русском» социализме Герцен «развивал бесчисленное количество раз» (Памяти Герцена, стр. 257). Приведем одну из формулировок Герцена (из статьи «Порядок торжествует!», опубликованной в «Колоколе» в конце 1866 и начале 1867 г.): «Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и общинного управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX, М., 1960, стр. 193).

ществу отношение русских последовательных марксистов — именно с точки зрения требований научного социализма, с высоты его достижений — к утопическому социализму народников.

Вместе с тем следует признать, что учение о так называемом русском социализме, впервые обоснованное Герценом после революции 1848 г., не покрывало собой всех мыслей, всех теоретических исканий в области социального вопроса, которые связаны с творчеством Герцена. Бесспорно, что мысль Герцена на протяжении примерно четырех десятилетий билась над вопросами социализма, что его не удовлетворяли существующие системы утопического социализма, что он, пусть не сразу и не всегда последовательно, преодолевал и мирные иллюзии старых утопистов, и их аполитизм, что он стремился найти объективные гарантии осуществимости социалистических идеалов. В. И. Ленин не случайно еще в работе о «друзьях народа» назвал Герцена и Чернышевского первыми русскими социалистами. Едва ли имеются основания для сомнений в том, что для Ленина полностью приемлема была мысль, высказанная в 1909 г. Плехановым в заключение статьи «Герцен-эмигрант»: «Когда будет... написана критическая история международной социалистической мысли, Герцен явится в ней как один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться „из утопии наукой"».[54] В пользу доказательства такого предположения говорит, между прочим, и приводившаяся уже оценка В. И. Лениным герценовских Писем «К старому товарищу».

Характеризуя деятельность Герцена как одного из крупнейших представителей русского общественно-политического движения периода падения крепостного права, В. И. Ленин очень подчеркивал его роль зачинателя свободной бесцензурной печати. Известно, об этом говорят и тексты ленинских сочинений, и существующая мемуарная литература, что Ленин «самым подробным образом» (как сообщает В. Д. Бонч-Бруевич) изучал еще во время своей первой эмиграции произведения Герцена, изучал и «Полярную звезду», и «Колокол», выражая нередко «большое восхищение» герценовскими характеристиками отдельных лиц и групп, замечательным, оригинальным герценовским языком.[55]

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин оценил создание Герценом за границей «вольной русской прессы» как его *вели-*

---

[54] Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 445.

[55] Вл. Бонч-Бруевич. Библиотека и архив РСДРП в Женеве. «Красная летопись», 1932, № 3; цит. по: Ленин и книга. М., 1964, стр. 359—360.

кую заслугу. О «Полярной звезде» Ленин сказал, что она подняла традицию декабристов. Тут же говорится о «Колоколе», что он «встал горой за освобождение крестьян».[56] Ленин писал о «Колоколе» не один раз. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» Ленин устанавливал преемственную связь между «Колоколом» и появившейся впоследствии в России рабочей прессой. «В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего *класса*, — писал Ленин, — из общей массы крепостного, бесправного, „низшего“, „черного“ *сословия* не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с „Колоколом“ Герцена во главе ее».[57]

В. И. Ленин вдохновлялся примером «Колокола» при основании своей «Искры» на рубеже XX столетия. На это указывает Н. К. Крупская: «Нелегальная газета («Искра», — *Ш. Л.*) должна была подготовлять условия для создания партии революционного пролетариата. Перед глазами Ильича был пример Герцена, создавшего вольную русскую прессу за границей, выпускавшего с 1857 по 1867 г. за границей „Колокол“, имевший такое громадное влияние на русскую интеллигенцию, был пример группы „Освобождение труда“».[58]

Как уже отмечалось, В. И. Ленин, при всем своем великом уважении к Герцену, к его литературно-издательской деятельности, не обходил его слабых сторон. Ленин с осуждением говорил об апелляции Герцена к «верхам», о его письмах к Александру II. Он признавал правоту Н. Г. Чернышевского (гораздо более, по словам Ленина, последовательного и бое-

---

[56] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 258—259. Во «Введении» первой книжки «Полярной звезды», напомнив об одноименном издании декабристов, Герцен писал: «Русское периодическое издание, выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей, принимает это название, чтоб показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство» («Полярная звезда» на 1855 г., издаваемая Искандером, изд. 2-е, книжка первая. Лондон, 1858, стр. III).

[57] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

[58] Н. К. Крупская. «Искра». «Борьба классов», 1931, № 1; то же: Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 114. Любопытно, что в том же номере «Социал-демократа», где опубликована статья «Памяти Герцена», В. И. Ленин в другой статье стыдил трудовиков, которые «сто лет спустя после рождения Герцена» не умеют издать нелегального листка (Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 249).

вого в сравнении с Герценом демократа), правоту единомышленников Чернышевского, упрекавших Герцена за его отступления от демократизма к либерализму.[59]

В. И. Ленин давал объяснение колебаниям Герцена. В конечном счете он видел причину этого в ограниченности дворянской революционности («Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде»), в отсутствии в 40-х годах, когда Герцен еще жил в России (он «покинул Россию в 1847 г.»), широкого размаха крестьянской борьбы («не видел революционного народа»). Безусловно к объяснению колебаний Герцена служит и ленинское указание на то, что Герцен «остановился» перед историческим материализмом. С этим связано отсутствие должного понимания характера классовой структуры России, классовой природы русского царизма. Еще даже в 1867 г. Герцен печатал такие строки: «В русской жизни нет тех непримиримых, упорных, взаимно уничтожающих сил, которые вели западную жизнь от одного кровавого конфликта к другому... Наше императорство и наше барство — без корней и знают это... Такого рода правительства не вырубаются топором, а при первой весенней теплоте распускаются в волнах жизни народа и тонут в них. Мы твердо были убеждены в последнем».[60] Воздействие исторического идеализма, пережиточные

---

[59] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 259. Ленин в качестве представителей «нового поколения революционеров-разночинцев» называет в статье «Памяти Герцена» наряду с Чернышевским Добролюбова и Серно-Соловьевича. Речь, конечно, идет об Александре Серно-Соловьевиче, который выпустил в 1867 г. против Герцена брошюру «Наши домашние дела», а в следующем году попутно сделал резкий выпад против него в брошюре «Миколка-публицист». Не может быть никакого сомнения, что Ленин признавал правоту Серно-Соловьевича лишь в той части его выступлений, где он подвергал более или менее обоснованной критике действительные ошибки и промахи Герцена. Однако общий тон и дух брошюры Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», брошюры, пытающейся почти целиком перечеркнуть вклад Герцена, страдающей полным непониманием исторической роли Герцена, его теоретических и политических заслуг, не имеет ничего общего со спокойным, справедливым, объективным, глубоко историчным подходом В. И. Ленина к той же теме. В частности, неприемлема, с точки зрения ленинских оценок, явная тенденция А. А. Серно-Соловьевича к полному противопоставлению Герцена и Чернышевского.

Отметим, что апелляция Герцена к «верхам» подвергалась критике и со стороны Бакунина, который в 1866 г., в письме к Герцену и Огареву, настойчиво звал «отказаться от всякого притязания, надежды и намерения влиять на настоящий ход дел, на государя, на правительство» и письма к Александру II признавал не только бесцельными, но и вредными (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, СПб., 1906, стр. 279, 293).

[60] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX, стр. 191—192.

влияния дворянской революционности, еще не порванная полностью зависимость от идей старого западного утопического социализма, трагическая память о кровавом подавлении революционных масс в революции 1848 г. при далеко не достаточной силе напора со стороны антикрепостнического движения крестьянских масс, наконец, обманчивые иллюзии в условиях некоторой «оттепели», характерной для первых лет после смерти Николая I и крымского поражения, — все это соединилось и облегчило проявления либеральных колебаний.

Однако, как уже указывалось, В. И. Ленин, правильно подмечая ведущую тенденцию в деятельности Герцена, ясно и отчетливо заявлял, что демократ брал верх в нем. Ленин, что весьма показательно, приводил соответствующие доказательства и из произведений Герцена, опубликованных в «Колоколе» еще и до провозглашения крестьянской реформы. Он особенно подчеркивал сдвиг в позициях Герцена, начиная с 1861 г., причем выдвигал при объяснении этого подъем крестьянской борьбы после 19 февраля. Когда Герцен увидал в 60-х годах в России «революционный народ», он, писал Ленин, «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма». «Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции».[61] Эти слова произнесены Лениным в таком контексте, что должны быть отнесены в первую очередь ко времени после 1861 г. Но с необходимыми оговорками, т. е. с учетом зигзагов герценовской тактики, ее колебаний и противоречий, они могут быть применены и к предшествующему этапу деятельности Герцена.

В. И. Ленин напоминает о пламенном революционном призыве, обращенном Герценом к русскому крестьянству под влиянием известий о расстреле в Бездне, который произвел на него глубокое, потрясающее впечатление. Он подчеркивает важное принципиальное значение разрыва Герцена и Огарева с одним из влиятельных представителей русского либерализма К. Д. Кавелиным после появления кавелинской брошюры «Дворянство и освобождение крестьян», с ее «восстанием» — по ленинской терминологии — против движения в пользу конституции, после постыдной реакции Кавелина на арест Чернышевского, после провозглашения им «лозунга» (его же собственное определение) терпения.[62] Герцен «*порвал* с этим либе-

---

[61] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 261.

[62] В. И. Ленин имел, между прочим, в виду письмо Кавелина к Герцену от июня 1862 г., в котором Кавелин говорил: «С тобой поступают несправедливо — терпи; твою правду попирают бесправием — терпи; тебе кажется, что если ты ответишь силою против силы, то

ральным мудрецом. Герцен обрушился на его „тощий, нелепый, вредный памфлет“», — писал Ленин.[63] Ленин придавал большое значение возбужденному революционному протесту Герцена против расправы царского правительства над Чернышевским.

С горячим внутренним пафосом В. И. Ленин писал о славной позиции Герцена в связи с польским восстанием, когда размежевание Герцена с либеральными общественными кругами решительно обострилось и углубилось. «...Вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши», — отмечал Ленин. Но позиция Герцена не была этим поколеблена, что Ленин отмечает с особым удовлетворением. Весной 1864 г. Герцен писал Тургеневу: «Придет время — не „отцы“, так „дети“ оценят тех трезвых, тех честных русских, которые одни протестовали — и будут протестовать против гнусного умиротворения. Наше дело, может, кончено. Но память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется... Мы спасли честь имени русского — и за это пострадали от рабского большинства».[64] Ленин процитировал целиком последнюю фразу из этого письма Герцена и еще усилил звучание герценовской мысли своим заявлением: «Герцен спас честь русской демократии».[65] Прибавить можно было бы, что Герцен не был один — с ним вместе за дело свободы польского народа и вместе с этим за честь русской демократии, за ее торжество боролись и Огарев, и Бакунин, и революционные русские воины в Польше, и тайное общество «Земля и воля», и — в меру цензурных возможностей — открытая, легальная демократическая печать в самой России, представленная такими именами, как Салтыков-Щедрин и другие.

Путь Герцена не был и после 1861—1864 гг. совершенно прямым, лишенным всяких неясностей и противоречий, отдельных рецидивов старых колебаний. Сказывалась тут обстановка внутренней реакции в России, тяжело влияли ненормальности во взаимоотношениях с окружающей эмигрантской средой. Герцен ясно видел, что все реформы Александра II, «начиная с крестьянской, были не только неполны,

---

правое дело будет торжествовать: это горькое заблуждение, терпи; тысячу раз терпи... Терпи... во имя того, что правда и благо и есть в совершенном отсутствии насилия» (Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892, стр. 79).

[63] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 259.

[64] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVII, кн. 2. М., 1963, стр. 454—455.

[65] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 260.

но преднамеренно искажены».[66] Тем не менее в его высказываниях проскальзывал элемент завышенной их оценки.[67] В то же время теоретическая мысль Герцена развивалась, шла во многом вперед. Да и в чистой публицистике последних лет Герцен сумел дать немало яркого и ценного, служащего революционному воспитанию общества. Неожиданная смерть Герцена в январе 1870 г. вовсе не была, как некоторые тогда утверждали, концом якобы пережившего себя деятеля, а, наоборот, уходом из жизни мыслителя и революционера, находившегося в расцвете творческих сил, который мог еще многое и многое дать русской демократической общественности и культуре.

Заканчивая свою замечательную статью «Памяти Герцена», В. И. Ленин писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*».[68]

III

Н. Г. Чернышевский был, бесспорно, из всех предшественников русской социал-демократии наиболее близок В. И. Ленину, наиболее любим им как теоретик, как писатель и публицист, как революционная личность.

---

[66] А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX, стр. 195.

[67] В написанном в конце 1867 г. заявлении о выходе «Колокола» на французском языке Герцен, потрясенный «гибелью сильных деятелей и сильных органов» (очевидно, имелись в виду ссылка Чернышевского на каторгу, гибель Николая Серно-Соловьевича, закрытие «Современника» и «Русского слова» и т. д.), находя упадок в литературе и университетах, ошибочно предсказывая, что «литературная и студентская эпохи так же миновали, как прежде их миновала эпоха гвардейских офицеров», утверждал, что «общее внимание мало-помалу обращается в другие сферы, интерес сосредоточивается на судебных прениях, на земских делах, на уголовных процессах, на приговорах присяжных, потому что жизнь там» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XX, кн. 1, стр. 12).

[68] В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 261—262.

Об этом свидетельствуют труды В. И. Ленина, в которых он многократно обращался к литературному наследию Чернышевского, к его личному примеру; об этом же красноречиво говорят воспоминания людей, связанных с Лениным, слышавших его суждения о Чернышевском.

Это отнюдь не значит, вопреки утверждениям некоторых современных буржуазных авторов, будто Чернышевский, а не Маркс главным образом «сформировал» мировоззрение Ленина.[1] Но несомненным следует считать, что В. И. Ленин с молодых лет находился под обаянием личности и творчества Чернышевского, исключительно высоко оценивал его роль в развитии русской общественной и философской мысли и русского освободительного движения. Ленин употребляет недаром определение «эпоха Чернышевского», когда он говорит о той поре «общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое».[2]

«Нет никакого сомнения в том,— писал А. В. Луначарский в работе «Ленин и литературоведение»,— что в симпатиях Ленина к Чернышевскому была своего рода преемственность двух гениальных революционеров, что Ленин высоко ценил Чернышевского как одного из самых замечательных предшественников марксизма».[3]

Много раз о любви В. И. Ленина к Чернышевскому, о влиянии, испытанном им со стороны Чернышевского, говорила и писала Н. К. Крупская. В 1928 г. на торжественном заседании по случаю столетия со дня рождения Н. Г. Чернышевского Н. К. Крупская отметила, что Чернышевский как личность «повлиял на Владимира Ильича своей непримиримостью, своей выдержанностью, тем, с каким достоинством, с какой гордостью переносил он свою неслыханно тяжелую судьбу».[4] Крупская говорила о различных сторонах деятельности и взглядов Чернышевского, особо ценимых Лениным, и рассказывала о блестящем знании Лениным наследия Чернышевского, в частности, отметив исключительное, «до мельчай-

---

[1] См., например, статью Зигфрида Кумпфа «Предпосылки Октября в освещении западногерманского остфоршунга» («История СССР», 1968, № 5, стр. 206), содержащую опровержение подобной легенды на примере западногерманского историка Петера Шайберта.

[2] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 280.

[3] А. В. Луначарский, Собр. соч., т. 8, М., 1967, стр. 438 (работа Луначарского впервые опубликована в 1932 г.).

[4] Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 80.

ших подробностей»,[5] знакомство его с романом «Что делать?», с которого, как Крупская в другом месте писала, «началось его увлечение Чернышевским».[6]

В настоящее время мы располагаем дополнительным ценным источником, касающимся отношения В. И. Ленина к Чернышевскому и, между прочим, к роману «Что делать?». Мы имеем в виду запись беседы В. И. Ленина в 1904 г. в Женеве с несколькими товарищами по партии, сделанную впоследствии, в 1919 г., одним из участников беседы В. В. Воровским.[7] В. И. Ленин вспоминает о своих научных занятиях после высылки из Казани за участие в студенческих волнениях в декабре 1887 г. Он тогда внимательно изучал старые журналы — «Современник», «Отечественные записки», также «Вестник Европы». Его «любимейшим автором» был Чернышевский (работы Чернышевского по литературе и эстетике, по крестьянскому вопросу, обзоры иностранной жизни, примечания к политической экономии Милля). Критика Чернышевским буржуазной политической экономии, которую так высоко в свое время оценил Маркс, назвав Чернышевского великим русским ученым и критиком, мастерски выявившим банкротство буржуазной политической экономии,[8] оказалась для Ленина «хорошей подготовкой» для перехода к Марксу. «Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант» покорили Ленина. Согласно записи В. В. Воровского, В. И. Ленин говорил: «До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее влияние имел на меня только Чер-

---

[5] Там же, стр. 84.

[6] Там же, стр. 34 (статья «Детство и ранняя юность Ильича», впервые напечатанная в № 12 журнала «Большевик» за 1938 г.).

[7] Запись дошла в составе мемуарной книги Н. Валентинова (Н. В. Вольского) «Встречи с В. И. Лениным», изданной в Нью-Йорке в 1953 г. (автор, в то время большевик, потом меньшевистский литератор и философ-махист и, наконец, эмигрант, был также участником беседы, на которой присутствовал еще С. И. Гусев-Драбкин). По свидетельству Валентинова, запись, которую Воровский передал ему в 1919 г. для замечаний и дополнений, «была сделана так хорошо, с такой полнотой», что в дополнениях не нуждалась или почти не нуждалась. Содержание беседы В. И. Ленина, зафиксированное в записи, не вызывает, таким образом, сомнений, хотя отдельные выражения, конечно, через 15 лет едва ли могли быть восстановлены во всех случаях с буквальной точностью (утверждать, как это делает один из исследователей, что мы имеем дело по существу со «стенографической» записью, нет оснований; см.: А. И. Новиков. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965, стр. 136).

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 17—18.

нышевский, и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Пред этой заслугой меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени». Как вспоминает Валентинов, Ленин сказал, что роман Чернышевского его — Ленина — *«всего глубоко перепахал»*. В ответ на вопрос С. И. Гусева Ленин подтвердил высказанное тут же Гусевым предположение, что свою книгу (вышедшую в 1902 г.) «Что делать?» Ленин назвал так по аналогии с романом Чернышевского. Под влиянием романа Чернышевского, как подчеркивал Ленин в ходе беседы, революционерами делались сотни людей. «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь».[9] Поучительно сопоставить материалы данной беседы с воспоминаниями старой большевички М. М. Эссен, относящимися примерно к тому же времени. Совершенно независимо от записи Воровского и мемуаров Валентинова Эссен писала, вспоминая свои встречи с В. И. Лениным: «Чернышевского Ленин считал не только великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим замечательные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова. Он говорил: „Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет!“». Ленин, по свидетельству Эссен, сообщал, что роман «Что делать?» он за одно лето (речь шла несомненно о лете 1888 г.) перечитал раз пять, находя каждый раз в нем все новые волнующие мысли.[10]

---

[9] В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, стр. 652—655 (извлечение из книги Валентинова «Встречи с В. И. Лениным»; ранее эти страницы перепечатаны в журнале «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 131—134).

[10] М. М. Эссен. Встречи с В. И. Лениным накануне и в дни первой русской революции. «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 28. В первой из серии своих статей о Чернышевском, опубликованных в заграничном обозрении «Социал-демократ» после смерти Чернышевского, Г. В. Плеханов посвятил ряд страниц роману «Что делать?» и его влиянию на передовую интеллигенцию. Плеханов писал: «Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? .. Кто после чтения этого романа не задумывался над собственною жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее». Плеханов тогда утверждал, что «не было, нет и, наверное, не будет» среди лучших произведений русской литературы такого, ко-

В недавнее время была опубликована работа, специально посвященная отношению В. И. Ленина к роману Чернышевского «Что делать?». Автор сделал ряд интересных наблюдений, хотя далеко не все проводимые им параллели между романом Чернышевского и выдающимся теоретическим и политическим трактатом Ленина «Что делать?» представляются убедительными.[11]

Как мы выше уже отметили, В. И. Ленин многократно в своих трудах обращался к наследию Чернышевского, к оценке его вклада в русскую мысль и революционную борьбу. Особенно важны в этом отношении такие произведения В. И. Ленина, как «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», «От какого наследства мы отказываемся?», «Попятное направление в русской социал-демократии», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», «„Крестьянская

торое бы «по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом „Что делать?"» (Соч., т. V, М., 1924, стр. 114—115). «Мы согласны, — заявлял Плеханов, — что некоторые частности в характере Рахметова могли быть изображены иначе. Но вся совокупность его характера все-таки остается вполне верной действительности. В каждом из выдающихся русских революционеров была огромная доля рахметовщины» (там же, стр. 121). В большой монографии о Чернышевском, вышедшей к 20-летию со дня смерти Чернышевского, Плеханов в несколько переработанном виде повторил ряд положений своего старого труда, посвященных роману «Что делать?». Он говорил, в частности, о поистине колоссальном и «в высочайшей степени благотворном» влиянии романа на «молодых читателей 70-х и 80-х годов»; он повторил мысли о характеристике Чернышевским Рахметова, но в измененной частично редакции: «Почти в каждом из выдающихся наших социалистов была немалая доля рахметовщины» (Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910 [1909], стр. 70—71, 76). В. И. Ленин, внимательно читавший книгу Плеханова и сопоставлявший ее текст со старой плехановской работой, в целом, видимо, не расходился с Плехановым в общей оценке романа «Что делать?». В то же время он счел нужным отметить замену слова «русских революционеров» на «наших социалистов» и слова «огромная» (доля рахметовщины) словом «немалая» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 542).

[11] А. Н. Иезуитов. Книга, дающая заряд на всю жизнь. (В. И. Ленин и роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»). «Русская литература», 1968, № 1, стр. 147—158. Между прочим, необоснованным мы считаем вывод автора, что В. И. Ленин, говоря о превосходной революционной организации, которая должна была бы служить образцом социал-демократам (Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135), «очевидно... имел в виду „Землю и волю" не только 70-х годов, но и 60-х, с которой был тесно связан Чернышевский» (А. Н. Иезуитов. Книга, дающая заряд на всю жизнь, стр. 155). Этот вывод решительно противоречит духу и букве соответствующего места в книге Ленина, где ясно говорится о *землевольцах*, расколовшихся на чернопередельцев и народовольцев.

реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», «Памяти Герцена», «О народничестве», «Критические заметки по национальному вопросу», «Народники о Н. К. Михайловском», «Из прошлого рабочей печати в России» и др. Весьма важны заметки В. И. Ленина, сделанные им на монографиях о Чернышевском Г. В. Плеханова и Ю. М. Стеклова, а также ряд писем Ленина.

Впервые в опубликованном произведении В. И. Ленин широко охарактеризовал ряд существенных взглядов Н. Г. Чернышевского и свое отношение к ним в труде (нелегальном), направленном против так называемых «друзей народа» — либеральных народников (затрагивавшем вместе с тем самый широкий круг вопросов — социологических и философских, политических и экономических).

Мы в предыдущем разделе уже приводили из этого труда слова о тех временах, «когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма» и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Выражая возмущение тем, что либеральные народники претендуют быть хранителями традиций этих времен, а на самом деле «пачкают» идеалы социалистов той эпохи, В. И. Ленин указывал, в чем состояли эти идеалы. Это были: «*Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни*; отсюда — *вера в возможность крестьянской социалистической революции*».[12] В этом выводе Ленин обобщал воззрения представителей старого русского крестьянского социализма — и времени Герцена—Чернышевского, и 70-х годов (хотя вера в «особый уклад» и «общинный строй», конечно, имела различные оттенки, в частности, она у Герцена и Чернышевского не была полностью идентичной).

В том же труде В. И. Ленин дал развернутую оценку взглядов Чернышевского на крестьянскую реформу, с которыми он горячо солидаризировался. Ленин решительно и энергично противопоставлял эти взгляды воззрениям либерального народничества.

Для характеристики позиции Чернышевского В. И. Ленин использовал вступительные страницы из статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», напечатанной в декабрьской книге «Современника» за 1858 г., а также роман «Пролог», написанный Чернышевским на каторге и изданный впервые за рубежом редакцией журнала «Вперед» в 70-х годах.[13] При этом Ленин

---

[12] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 271.

[13] Не располагая, очевидно, во время работы над своей нелегаль-

снабдил цитаты из Чернышевского замечательным по силе и остроте комментарием. Он подчеркивал те места, которые, как он писал, «рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что́ такое крестьянские платежи (т. е. выкуп земли, — *Ш. Л.*), понимание антагонистичности русских общественных классов».[14] Цитируя из «Пролога» речи Волгина (в образе которого Чернышевский вывел себя и в словах которого звучали мысли самого автора), В. И. Ленин писал: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы... понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском „обществе" и „государстве" царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства». Слова Волгина: «Если сказать правду, пусть лучше [крестьяне] будут освобождены без земли» — Ленин разъяснял следующим образом: «если так сильны у нас крепостники-помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства».[15] Ленин, цитируя дальше Волгина-Чернышевского, подчеркивал: «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести „мерзость", жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка)[16] и помещиков, компро-

---

ной книгой лондонским изданием романа «Пролог», В. И. Ленин, как он указывает в сноске, цитировал его по статье (первой) Плеханова в обозрении «Социал-демократ». В ленинском тексте встречаются незначительные отклонения от цитат, приведенных в «Социал-демократе».

[14] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 290. При цитате из «Критики философских предубеждений» В. И. Ленин счел необходимым отметить, что «чисто революционные идеи» Чернышевский «умел излагать в подцензурной печати» (там же). Насколько важной он признавал эту заслугу Чернышевского, показывает то обстоятельство, что он позднее дважды к этой стороне деятельности Чернышевского возвращался. В 1901 г. Ленин говорил о могучей проповеди Чернышевского, «умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров»* (Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29). В 1911 г. В. И. Ленин указывал, что Чернышевский идею крестьянской революции проводил «через препоны и рогатки цензуры» («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175).

[15] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 291.

[16] Слова «выкуп — та же покупка» — цитата из речей Волгина-Чернышевского. В. И. Ленин снова напоминал это положение Черны-

мисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий их с головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов».[17]

Безоговорочно положительные оценки позиции Н. Г. Чернышевского по отношению к крестьянской реформе В. И. Ленин давал неоднократно на протяжении многих последующих лет. При этом он неизменно противопоставлял позиции Чернышевского и людей его круга позициям либералов. В «Гонителях земства», имея в виду, разумеется, Чернышевского и его последователей, Ленин писал: «Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы „великому освобождению"; реформы (*безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы*) тем,

---

шевского в начале XX в. при обсуждении в редакции «Искры» аграрной части проекта партийной программы. Он возражал тогда против допущения выкупа земель, как противоречащего «социально-революционному характеру» партийных требований, и при этом писал: «„Выкуп" и по исторической традиции (выкуп 1861 г.) и по своему содержанию (ср. знаменитое: «выкуп — та же покупка») носит специфический привкус пошло-благонамеренной и буржуазной меры» (Поправка к аграрной части проекта программы. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 239).

[17] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 292. В замечаниях на статью П. В. Долгорукова, предназначавшуюся для «Современника», написанных после «Критики философских предубеждений» (и статья, и замечания были запрещены), оспаривая проект Долгорукова, Чернышевский пытался в легальной статье высказать частью то, что впоследствии было выражено им в речах Волгина: «Нет, лучше уже вовсе не давать ничего, ни земли полевой, ни усадеб, нежели давать землю в таком урезанном, ни на что не годном количестве. Тогда по крайней мере он (крестьянин, — *Ш. Л.*) хотя будет прямо знать, какая судьба ему готовится... Нет, лучше пусть не будет освобождения крестьян, лучше пусть останется крепостное право, если освобождение должно быть куплено таким разорением для всех поселян» (Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 495). По свидетельству ишутинца П. Ф. Николаева, при обсуждении среди каторжан того же круга вопросов Чернышевский сожалел о том, что не победила во время реформы «откровенно крепостническая партия дворянства» и крестьяне не были «освобождены» без земли: «Тогда немедленно произошла бы катастрофа» (Николаев. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге (в Александровском заводе). 1867—1872 гг. Пгр., 1917, стр. 19). Немедленная катастрофа — это именно тот «крах», выводящий Россию на «дорогу открытой борьбы классов», о котором писал еще в первой половине 90-х годов В. И. Ленин, проницательно истолковывая мысли Н. Г. Чернышевского.

кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса».[18]

В 1907 г. в проекте речи по аграрному вопросу, предназначенной для выступления одного из большевистских депутатов во II Государственной думе, В. И. Ленин напомнил об отношении к реформе 1861 г. «великого русского писателя» и «великого русского социалиста» Николая Гавриловича Чернышевского, замученного палачами правительства. По словам Ленина, итоги выкупной операции за 46 лет подтвердили, что Чернышевский был прав, когда писал: лучше была бы добровольная сделка крестьян с помещиками, чем «освобождение» с выкупом через помещичьи губернские комитеты, тогда с крестьян не могли бы содрать столько.[19]

50-летие падения крепостного права — в 1911 г. — дало повод В. И. Ленину снова и снова ставить вопрос о роли Чернышевского в период реформы, о столкновении либеральной, реформистской и демократической тенденций, о различии «идейно-политических направлений» либерала Кавелина, с одной стороны, и Чернышевского — с другой.[20] Были уже тогда, указывал Ленин, в России «революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой „крестьянской реформы“, весь ее крепостнический характер». Чернышевского Ленин называл главой этих революционеров. Либералы 60-х годов и Чернышевский характеризовались В. И. Лениным как представители двух «исторических тенденций», которые со времени реформы и вплоть до 10-х годов XX в. «определяют исход борьбы за новую Россию».[21]

Именно тогда В. И. Ленин дал свою знаменитую характеристику Чернышевского как в одно и то же время утопического социалиста и революционного демократа (кстати, сам Чернышевский в своей известнейшей работе, опубликованной в 1860 г., «Антропологический принцип в философии», употребил термин «революционный демократ», применив его там к Жан-Жаку Руссо).[22] Раскрывая это понятие, В. И. Ленин писал, что революционный демократ Чернышевский «умел влиять

---

[18] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 30.

[19] В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 152—153.

[20] В. И. Ленин. По поводу юбилея. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 165.

[21] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 174—175.

[22] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 223. Ср.: Л. Э. Варустин. Журнал «Русское слово». 1859—1866. Л., 1966, стр. 181.

на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей». И, противопоставляя Чернышевского либералам 60-х годов, Ленин указывал, с прямым и полным сочувствием к оценке великого демократа, что Чернышевский назвал этих либералов «*болтунами, хвастунами и дурачьем*», ибо он «ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими»[23] (Ленин имел в виду характеристику либералов Волгиным-Чернышевским в романе «Пролог»).

Два года спустя, в одной из статей в газете большевиков «Правда», В. И. Ленин, сопоставляя современную расстановку сил на общественной арене с положением «при отмене крепостного права», писал: «Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за *реформизм,* в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее».[24]

О последовательно-демократическом и мужественном поведении Чернышевского, как и Добролюбова, в период реформы В. И. Ленин опять вспоминал, критикуя реформизм социал-демократов Каутского и Турати, в одной из статей периода первой мировой войны (буквально в канун свержения самодержавия в России). Он ставил в пример социал-демократам реформистам вождей русских революционных демократов периода падения крепостного права: «...даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь-в-точь такие речи, как Турати и Каутский».[25]

Неуклонная и систематическая критика либерализма Чернышевским являлась одной из тех существеннейших сторон в его деятельности, которую высоко ценил и горячо одобрял В. И. Ленин. Говоря о том, что Чернышевский был по сравнению с Герценом «гораздо более последовательным и боевым демократом», что от «его сочинений веет духом классовой борьбы», Ленин подчеркивал, что он проводил резко «линию разоблачений измен либерализма», которая «доныне (напи-

---

[23] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 175.

[24] В. И. Ленин. Либералы и свобода союзов. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 113.

[25] В. И. Ленин. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 251.

сано в 1914 г., — *Ш. Л.*) ненавистна кадетам и ликвидаторам».[26]

Н. К. Крупская, выступая на заседании, посвященном столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, говорила: «... Чернышевский заразил его (Ленина, — *Ш. Л.*) своей непримиримостью в отношении либерализма. Недоверие к либеральным фразам, ко всей позиции либерализма проходит красной нитью через всю деятельность Ленина. Если мы возьмем сибирскую ссылку, протест против „Кредо", возьмем разрыв со Струве, затем непримиримую позицию, которую Ленин занял по отношению к кадетам, по отношению к ликвидаторам-меньшевикам, которые были готовы пойти на сделку с кадетами, мы видим, что Владимир Ильич держался той же непримиримой линии, которой держался Чернышевский по отношению к либералам, предавшим крестьянство во время реформы 1861 г».[27] Потом, в одной из самых поздних своих статей, посвященной столетию со дня рождения Н. А. Добролюбова, Н. К. Крупская отмечала, что Чернышевский и Добролюбов научили Ленина «с ранней молодости внимательно вглядываться в жизнь, воспитали в нем особую настороженность к либеральному фразерству, научили ненавидеть либерализм, а главное — воспитали в нем громадный интерес к вопросу крестьянской революции».[28]

Расхождение по вопросу об отношении к либерализму было одной из причин, вызвавших критический подход В. И. Ленина к определенным сторонам книги Г. В. Плеханова о Чернышевском, вышедшей в последние месяцы 1909 г. Здесь Плеханов заметно отступил от текста своих статей о Чернышевском, опубликованных примерно за двадцатилетие до того в зарубежном обозрении группы «Освобождение труда» «Социал-демократ». В 1890 г. Плеханов, стоявший на революционно-марксистских позициях, сочувственно говорил о совершенно беспощадном отношении Чернышевского к «либеральной партии» 60-х годов, о том, что Чернышевский не

---

[26] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

[27] Н. К. Крупская. О Ленине, стр. 81—82.

[28] Н. К. Крупская. Об искусстве и литературе. Статьи, письма, высказывания. Подготовка текста, вступительная статья и примечания И. С. Эвентова. Л.—М., 1963, стр. 161. Ср. также незаконченную рукопись Н. К. Крупской «О методах работы В. И. Ленина», опубликованную впервые в «Вопросах истории КПСС», 1960, № 2 (перепечатана в сб.: Н. К. Крупская. О Ленине), где она говорит о том же: что Ленин от Чернышевского унаследовал недоверие к либерализму и ненависть к либеральному фразерству, и «это наложило печать на всю его деятельность» (Н. К. Крупская. О Ленине, стр. 350).

упускал случая посмеяться над русскими либералами, отличительными качествами которых считал трусость, недальновидность, узость взглядов, бездеятельность и болтливую хвастливость. Приведя отрывок из статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», Плеханов заключал: «Нам никогда не случалось читать такой злой и вместе до такой степени меткой характеристики российского либерализма».[29] В поздней своей книге Плеханов изменил текст, и изменения были направлены к смягчению критики либерализма. В. И. Ленин отметил, с безусловным осуждением, изменение к худшему (выброшена была фраза о злой и меткой характеристике либерализма) и, по поводу другого места плехановской книги, подчеркнуто написал: «Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа».[30] Сам Ленин придавал этому различию громадное значение и примиренческую тенденцию в отношении либерализма со стороны ставшего меньшевиком Плеханова решительно отвергал. В. И. Ленин отметил и общую отрицательную черту книги Г. В. Плеханова, написав по поводу слов последнего о том, что Чернышевский, подобно Фейербаху, сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «теоретической» деятельности человечества: «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском».[31]

В связи с революционным демократизмом Н. Г. Чернышевского представляет большой интерес внимание, проявленное В. И. Лениным к вопросу о практической (в тесном смысле слова) революционной деятельности Чернышевского. Вопрос, вследствие недостатка вполне достоверных источников не разъясненный до конца во всей полноте даже до настоящего времени, в досоветской исторической литературе ставился не очень ясно и отчетливо и вызывал немало споров и противоречивых суждений.

Еще Плеханов в 1890 г. не находил «ничего невероятного» в предположении, что Чернышевский «принадлежал к какому-нибудь революционному обществу»; напротив, писал он, «такое предположение даже вполне вероятно».[32] Того же вопроса потом касались, среди других, Л. Э. Шишко, Н. С. Русанов (ссылавшийся на свидетельство Н. В. Шелгунова), М. К. Лемке. Довольно подробные рассуждения по этому по-

---

[29] Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 84—85.
[30] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 553, 560.
[31] Там же, стр. 550.
[32] Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 113.

воду имелись в книге Ю. М. Стеклова о Чернышевском, появившейся в 1909 г. Приводя данные и соображения Лемке, Русанова и других авторов, сам Стеклов — в то время[33] — высказывался очень неопределенно и крайне осторожно. В. И. Ленин весьма внимательно отнесся к материалу книги Стеклова, касающемуся вопросов об отношении Чернышевского к обществу «Земля и воля», к «Молодой России», об авторстве «Великорусса», воззвания «К барским крестьянам» и т. д.[34] Конечно, форма пометок во многих случаях не позволяет сделать бесспорные, безошибочные заключения о том, каково было отношение В. И. Ленина к тем или иным суждениям автора. Все же очень, например, характерны и показательны пометки В. И. Ленина, относящиеся к заключительным, обобщающим выводам Стеклова на стр. 391—392 его книги. Ленин поставил два знака вопроса при словах Стеклова: «Сопоставляя все, что нам известно о жизни Чернышевского, о его характере и взглядах, мы в конце концов не решаемся категорически ответить на вопрос о непосредственном его участии в революционном движении». Далее Ленин частично перенумеровал и в нескольких местах подчеркнул соображения Стеклова насчет того, что Чернышевский знал о всех существенных проявлениях тогдашнего революционного движения, что непосредственные участники последнего совещались с ним и считались с его указаниями, что во всяком случае они почерпали из бесед с ним и из его сочинений убеждение в необходимости практических попыток, что он был знаком с большинством тогдашних революционных деятелей, что он пользовался огромным влиянием на демократические элементы русского общества и был кумиром революционной молодежи. Двумя линиями на полях и подчеркиванием в самом тексте Ленин отметил слова Стеклова, несомненно считая этот вывод бесспорным: «. . . Чернышевский был идейным вождем и вдохно-

---

[33] Впоследствии, во втором, весьма расширенном издании (уже двухтомном) своего труда, вышедшем к столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, Стеклов радикально изменил в этом вопросе ряд своих мнений. Он теперь, в частности, склонился к мнению, что Чернышевский стоял у колыбели «Земли и воли» 60-х годов и был одним из руководителей если не самого общества, то во всяком случае тех, кто находился в его центре.

[34] Подробный анализ пометок В. И. Ленина на книге Ю. М. Стеклова содержится в статье Б. Я. Зевина «Ленин о Чернышевском» (послесловие к публикации «Пометки В. И. Ленина на книге Ю. М. Стеклова „Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность“»), напечатанной в «Литературном наследстве» (т. 67, М., 1959), и в его же статье «В. И. Ленин о революционной ситуации в России в конце 1850-х—начале 1860-х годов», опубликованной в сборнике «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (М., 1960).

вителем тогдашнего революционного движения».[35] В настоящее время в результате исследований советских историков — М. В. Нечкиной, Б. П. Козьмина, Я. И. Линкова, С. А. Рейсера, В. Я. Зевина и ряда других — установлено немало достоверных данных, свидетельствующих о выдающейся роли Чернышевского — иногда инициативной, иногда непосредственно руководящей — в практическом революционном движении 60-х годов.

В. И. Ленин писал, как уже выше отмечено, о слитности, неразъединимости в эпоху Чернышевского — и, конечно, у самого Чернышевского — демократизма и социализма.[36] При этом речь шла о неразрывном соединении революционного демократизма с утопическим социализмом. «Наш русский великий утопист», «величайший представитель утопического социализма в России», «русский великий социалист домарксова периода» — таковы определения, дававшиеся В. И. Лениным Чернышевскому, повторявшиеся им начиная с 1890-х и до начала 1920-х годов.[37]

---

[35] «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, стр. 57—58. Касаясь вопроса о дореволюционных попытках разрешения проблемы практической революционной деятельности Н. Г. Чернышевского, любопытно обратить внимание на две статьи в дополнительных томах «Большой энциклопедии» товарищества «Просвещение», выходившей под редакцией С. Н. Южакова — литератора и деятеля преимущественно либерально-народнического направления, однако свою общественную деятельность начинавшего в конце 60-х годов, имевшего широкие связи и с шестидесятниками, и с семидесятниками (в частности, связанного с участником «Земли и воли» 60-х годов А. А. Слепцовым). В статье «Земля и воля» упомянутого издания говорилось: «Есть основание думать, что основателем и руководителем этой организации был Н. Г. Чернышевский, имевший своим доверенным помощником А. А. Слепцова» (Большая энциклопедия, т. 21, 1907, стр. 377—378). В статье «Чернышевский, Николай Гаврилович» читаем: «Нельзя сомневаться, что Ч[ернышевский] руководил тогдашним политическим движением, сосредоточивая у себя направляющую деятельность многих кружков» (там же, т. 22, 1909, стр. 645). В том же 22 томе в статье о Слепцове говорится о том, что Чернышевский «втайне» руководил «всем политическим движением того времени».

[36] Ту же черту по существу В. И. Ленин отмечал для следующего этапа освободительного движения, когда писал о пореформенном времени: «Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х гг. прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов» («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 176).

[37] В. И. Ленин. 1) Перлы народнического прожектерства. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 494; 2) Народники о Н. К. Михайловском. Там же, т. 24, стр. 335; 3) Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Там же, т. 41, стр. 55.

Ленинская оценка безусловно противостоит попыткам, исходившим и от народнических, и от буржуазно-либеральных, а также — в виде исключения — от социал-демократических и даже советских авторов, доказать, прямо или косвенно, с теми либо другими оговорками, что Чернышевский не был утопистом. Так, Л. Э. Шишко, видный деятель революционно-народнического движения 70-х годов, а впоследствии эсер, в начале 900-х годов утверждал, что Чернышевский создал «особую русскую школу научного социализма».[38] Один из эпигонов народничества Р. В. Иванов-Разумник со своей стороны утверждал, что Чернышевский «не был никогда» утопическим социалистом.[39] «Я полагаю, что утопическим социалистом Чернышевский не был», — заявлял в 1909 г. известный экономист-либерал, в прошлом «легальный марксист» М. И. Туган-Барановский, оговариваясь при этом: «Этим я вовсе не хочу сказать, что Чернышевский был марксистом».[40]

Схожие, при тех или других отличиях, голоса, повторяем, раздавались иногда из лагеря социал-демократии. В 1899 г. в связи с 10-летием со дня смерти Н. Г. Чернышевского газета «экономистов» «Рабочая мысль» высказалась о его наследии в отдельном приложении; в том же году, несколько раньше, «Рабочая мысль» посвятила этой же дате передовую статью в своем № 7. Выступления «Рабочей мысли» были резко направлены против плехановских трудов о Чернышевском (после серии статей в «Социал-демократе» Плехановым в 1894 г. была выпущена на их основе по-немецки книга о Чернышевском). Редакция «Рабочей мысли» провозглашала Чернышевского «основателем рабочего социализма в России», «обоснователем научного объяснения исторического развития», приводились по рубрикам (рабочий вопрос, рабочие и крестьяне, община и т. д.) цитаты из Чернышевского, которые должны были «опровергнуть» положение о принадлежности Чернышевского к утопическому социализму.[41] Выступление

---

[38] Л. Э. Шишко, Собр. соч., т. IV, Пгр.—М., 1918, стр. 96.

[39] Иванов-Разумник. История русской общественной мысли, т. II. СПб., 1907, стр. 8.

[40] Памяти Николая Гавриловича Чернышевского. Доклады и речи Н. Ф. Анненского, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Посникова и М. И. Туган-Барановского. (III отделение имп. Вольного экономического общества). СПб., 1910, стр. 9. В. И. Ленин был заинтересован этим сборником. В августе 1910 г. он заказывал его за границей для редакции партийного органа (см. его письмо, адресованное Д. М. Котляренко: Полн. собр. соч., т. 47, стр. 258).

[41] «Рабочая мысль», № 7, июль 1899 г. (ср.: Ленин о Чернышевском. Под ред. И. И. Скворцова-Степанова, с предисловием и примечаниями Арк. Ломакина. М.—Л., 1928, стр. 47—48); Библиотека «Рабочей

8 Заказ № 423

«Рабочей мысли» вызвало решительную отповедь со стороны В. И. Ленина в статье «Попятное направление в русской социал-демократии», написанной в конце 1899 г. (в то время ее не удалось напечатать) и подвергавшей вообще сокрушительной критике позиции «экономистов». Здесь Ленин отметал ошибочные взгляды «Рабочей мысли» на либеральную оппозицию, к чему припутывалось, как писал Ленин, «имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского». «Н. Г. Чернышевский, — указывал Ленин, — именно потому и высмеивал беспощадно „передовые слои русского общества", что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства». «Рабочая мысль», продолжал Ленин, «в этом случае так же бессмысленно цитирует Чернышевского, как бессмысленны надерганные во второй статье „Отдельного приложения" отрывки цитат из Чернышевского, стремящиеся показать, будто Чернышевский не был утопистом и будто русские социал-демократы не оценили всего значения „великого русского социалиста". Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Раб. мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон».[42]

Примерно через десять лет В. И. Ленин столкнулся, правда, далеко не со столь вульгарной, более утонченной, обставленной разными оговорками, попыткой преуменьшить утопизм социалистических взглядов Чернышевского в книге Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность», о которой у нас уже была речь. Надо сказать, что то первое издание работы Стеклова в целом даже произвело на В. И. Ленина, судя по одному из его писем к А. М. Горькому, благоприятное впечатление: желая содействовать в приискании работы высланному из Петербурга Стеклову, Ленин характеризовал Горькому Стеклова как автора «хорошей книги» о Чернышевском.[43] Тем не менее пометки Ленина на книге Стеклова свидетельствуют о том, что он в ней нашел немало сомни-

---

мысли», № 9; К десятилетию смерти Чернышевского 17 октября. Изд. Петербургского «Союза», 1899 (также отдельное приложение к «Рабочей мысли», изд. Петербургского «Союза», сентябрь 1899).

[42] В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 258—259.

[43] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 32 (письмо от апреля 1911 г.).

тельного, спорного или просто неверного. В частности, это относится к явно проглядывавшему у Стеклова уже тогда стремлению, так сказать, «улучшить» Чернышевского, затушевать в той или иной мере слабые стороны в его воззрениях. Так, Стеклов (и это вызвало недоумение у Ленина) старался доказать преобладающий материалистический характер взглядов Чернышевского в социологии.[44] Прямой протест со стороны Ленина вызвало утверждение Стеклова, что от «системы основателей научного социализма» Маркса и Энгельса «мировоззрение Чернышевского» (речь шла непосредственно о понимании Чернышевским истории человечества) «отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терминов».[45] Когда Стеклов в стремлении «оправдать» некоторые утопические схемы Чернышевского, которые он формулировал как допущение частичного осуществления социализма в рамках буржуазного строя, сослался на решения конгрессов I Интернационала и еще марксистскую работу Каутского, Ленин выразил резкое несогласие.[46] Есть доля истины в заключении советского историка В. Я. Зевина (хотя оно выражено все же слишком прямолинейно), что Стеклов «по существу стирал грань между марксизмом и учением Чернышевского».[47] Отмечая, что в одновременно вышедшей книге Плеханова затушевывалось революционно-демократическое содержание идей и деятельности Чернышевского, тот же автор высказывает мнение, что в статьях «„Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция» и «Памяти Герцена» Ленин критиковал не только либеральную и реакционную литературу о русской общественной мысли, но и ошибочные концепции книг Плеханова и Стеклова (мы добавили бы, что и ряда других писателей).

Напомним сейчас классическую формулировку В. И. Ленина из статьи «„Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция», частью уже приводившуюся: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также револю-

---

[44] «Литературное наследство», т. 67, стр. 13.
[45] Там же, стр. 22—23.
[46] Там же, стр. 30—32.
[47] Там же, стр. 65.

ционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».[48] Подчеркивая революционный характер мировоззрения и деятельности Н. Г. Чернышевского, его ориентацию на народную массу, что, конечно, было органически связано с общим, присущим Чернышевскому и его соратникам пониманием исторической роли масс, В. И. Ленин выявлял существенные особенности утопического социализма Чернышевского, сочетавшегося самым неразрывным образом с революционным демократизмом и отличавшегося от преобладавших в западном утопизме тенденций. Приводившиеся высказывания В. И. Ленина о Чернышевском фиксируют внимание и на такой особенности его взглядов, в сравнении с широко распространенными в ряде ветвей западного утопизма, как признание необходимости и незаменимости политической борьбы. В этой связи надо еще указать на то, что Ленин с явным одобрением подчеркнул в книге Плеханова мысль о том, что Чернышевский на деле стал «человеком непримиримой политической борьбы» и что «жажда борьбы сказывается едва ли не в каждой строке каждой из его статей, относящихся к 1861 г. и в особенности к роковому для него 1862 году».[49]

---

[48] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 175. Отметим здесь, что модернизаторские тенденции, в значительной мере уже нашедшие выражение в книге Стеклова о Чернышевском 1909 г., гораздо сильнее еще проявились в его двухтомной монографии о Чернышевском 1928 г. и в других его работах, вышедших в советские годы. Подводя итоги дискуссии, развернувшейся к столетию со дня рождения Чернышевского в обществе историков-марксистов, М. В. Нечкина писала: «Ю. Стеклов „обольшевичил“ Н. Г. Чернышевского, натянул его на Маркса, приписал ему неправильную роль „русского Маркса“, подошел к изучению Чернышевского с неправильным историческим масштабом, не учел всех особенностей окружавшей Чернышевского исторической действительности, одним словом, не дал правильного марксистского анализа Чернышевского, — таковы были основные положения, выдвинутые в споре со Стекловым» («Историк-марксист», т. 10, 1928, стр. 211). В частности, Ю. М. Стеклов спорил с В. И. Лениным по вопросу о роли общины во взглядах Чернышевского, находя тут якобы «обычное недоразумение», утверждая, что Чернышевский связывал «будущую возможную роль» общины с социальной революцией на Западе и полностью приравнивая воззрения Чернышевского на общину ко взглядам Маркса и Энгельса (Ю. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность, т. I. М.—Л., 1928, стр. 580—589; см. также его выступление в обществе историков-марксистов («Историк-марксист», т. 8, 1928, стр. 138) и рецензию на издание «Ленин о Чернышевском» («Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 179)).

[49] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 571.

Следует напомнить тут же еще об одном ленинском положении, важном при определении характера социалистических взглядов Чернышевского. «Он был, — пишет Ленин, — замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм».[50]

Среди произведений В. И. Ленина, связанных с темой «Чернышевский», видное место занимает статья «От какого наследства мы отказываемся?», писавшаяся в сибирской ссылке в конце 1897 г., очевидно, с расчетом на опубликование ее в марксистском легальном журнале «Новое слово» и появившаяся впервые, после закрытия «Нового слова» правительством, в 1898 г. в книге Ленина (под псевдонимом Владимира Ильина) «Экономические этюды и статьи». Непосредственным поводом для написания статьи явилось очередное выступление в «Русском богатстве» (в октябрьском номере 1897 г.) Н. К. Михайловского против русских марксистов. В литературном обзоре Михайловского содержались нападки на «Новое слово», в частности на одну из статей Каменского (Плеханова), которого автор не отделял от Волынского, Якова Абрамова и других «отказывающихся от наследства». При этом заявлялось, что вообще сторонники диалектического материализма, т. е. марксисты, «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства», напоминалось заодно о старых (1891 г.) статьях в реакционных «Московских ведомостях» небезызвестного В. Розанова «Почему мы отказываемся от наследства», «В чем главный недостаток наследства 60—70-х годов?».[51] «В этом отзыве г-на Михайловского о „русских учениках“ масса фальши», которую «повторяют уже давно чуть ли не все представители либерально-народнической прессы», — писал Ленин и заявлял, что чрезвычайная распространенность подобных выдумок, «плохих выдумок», побуждает «остановиться на подробном рассмотрении и опровержении их».[52]

---

[50] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94.

[51] Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1914, стлб. 686—688.

[52] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 507, 508. Отметим сразу же, что обвинения в «отказе от наследства», возникшие на первых этапах развития марксизма в России, несмотря на всю свою абсурдность и самые убедительные опровержения, не прекращались на протяжении десятилетий в литературе народников и близких к ним элементов (например, со стороны известного историка литературы С. А. Венгерова). Еще в 1914 г. «плохую выдумку» повторяли Виктор Чернов в эсеровских «Заветах», Н. Ракитников в юбилейном (посвященном Михайловскому) номере эсеровской же газеты «Верная мысль».

Это не было первое опровержение Лениным подобной фальши. Еще в своем труде «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин касался по существу вопроса о «наследстве», о предшественниках русских марксистов. Одновременно с Лениным и Н. Е. Федосеев тогда решительно отбрасывал обвинения со стороны Михайловского по адресу русских социал-демократов в том, что они «попирают» «отцовские идеалы».[53]

Теперь В. И. Ленин воспользовался ответом на обвинения со стороны противников марксизма для широкой постановки вопросов о «наследстве» 60-х годов, о соотношении между этим наследством и позднейшим народничеством, для разъяснения отношения русских марксистов к тому и другому.

Статья В. И. Ленина носит многоплановый характер. Наряду с непосредственной задачей опровержения распространенных, несмотря на всю свою несостоятельность и несуразность, обвинений, перед Лениным, как показывают собственные его комментарии в письмах к А. Н. Потресову, стояли вопросы об очищении (необходимом, если оно *«осуществимо»*) буржуазного либерализма от народничества, об отношении марксистов вообще к «русскому демократизму».[54] Громадная трудность заключалась в том, что сложные, весьма «деликатные», с цензурной точки зрения, вопросы русской общественной мысли нужно было осветить в легальной статье.

Отсюда прежде всего вытекало и то, что В. И. Ленин не мог прямо, неприкрыто вывести, так сказать, на сцену центральную фигуру 60-х годов — Н. Г. Чернышевского. В качестве представителя наследства этой эпохи в ленинской статье фигурирует Скалдин (Ф. П. Еленев) как автор книги «В захолустье и в столице», изданной в 1870 г. (а до того напечатанной в «Отечественных записках» донекрасовской и некрасовской поры, в 1867—1869 гг. отдельными очерками).[55] Используя книгу Скалдина — «писателя вообще чрез-

---

[53] Н. Федосеев, Статьи и письма, М., 1958, стр. 120—121 (письмо к Н. К. Михайловскому от 10 марта 1894 г.).

[54] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 19, 27.

[55] «Мы не имеем в своем распоряжении никаких историко-литературных сведений и биографических данных о Скалдине», — писал Ленин (От какого наследства мы отказываемся? стр. 509). Под этим псевдонимом в конце 60-х годов печатался Ф. П. Еленев, свирепый цензор, преследовавший демократическую печать (см.: Б. П. Козьмин. Г. Е. Благосветлов и «Русское слово». «Современник», кн. I, М., 1922, стр. 151, 168; Ф. Кузнецов. Журнал «Русское слово». М., 1965, стр. 178, 361), но человек наблюдательный и располагавший ценными данными о пореформенных отношениях, которыми он сумел поделиться с публикой в своих очерках, в целом написанных со своеобразных либерально-консервативных или умеренно-консервативных позиций (не

вычайно умеренного»,[56] как писал Ленин, — в тех ее частях, где он подробно останавливался на крестьянских наделах и платежах, критиковал определенные стороны реформы 19 февраля, вскрывал вредную роль «отрезков» от крестьянской земли, осуждал общину, высказывал себя ярым врагом «круговой поруки, паспортной системы и патриархальной власти „мира" в крестьянстве»,[57] призывал устранить препятствия свободному развитию крестьянства — унаследованные от крепостного права путы; сравнивая в этом смысле позиции Скалдина с точкой зрения экономистов и «просветителей» XVIII в., «веривших, что отмена крепостного права и всех его остатков создает на земле царство всеобщего благополучия»,[58] В. И. Ленин пришел к своей известной формулировке трех черт просветительства.

Нет, однако, никакого сомнения в том, что, определяя эти черты, В. И. Ленин отнюдь не ограничивался материалом, который давался Скалдиным, он вносил в свою формулу очень важные дополнительные свойства, во многом значительно выходившие за рамки и отрицательных, и положительных (программных) элементов скалдинских позиций.

В конце первой главы своей статьи В. И. Ленин дал исключительно существенное примечание: «Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине... Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепеновщине и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина *liberalkonservativ*. Однако взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам, а, во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством...».[59] В письме к А. Н. Потресову от 26 января 1899 г. В. И. Ленин писал: «... принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей, — это бесспорно. Мне сдается,

---

без примеси там, где он касался идейно-политических моментов, прямой реакционности). Его книгой заинтересовался и обстоятельно ее проконспектировал К. Маркс (см. «Архив Маркса и Энгельса», тт. XI, XII). В дальнейшем он выступал с воинствующе-реакционными «произведениями» (например, книжка 1896 г. «тайного советника» Федора Еленева «О злоупотреблениях литературы и о действиях цензурного ведомства с конца пятидесятых годов по настоящее время...»).

[56] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 511.

[57] Там же, стр. 512.

[58] Там же, стр. 518.

[59] Там же, стр. 520.

что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание..., где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели».[60]

В чем же В. И. Ленин видел главные черты русских просветителей — просветителей «от 40-х до 60-х годов»[61] и особенно просветителей 60-х годов (Ленин говорит в одном месте о «большинстве литературных представителей 60-х годов»)?

Они были одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области». Другая их характерная черта — «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России». Третья черта — «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому». В этих трех чертах, по мнению Ленина, заключалась суть того, что «у нас называют „наследством 60-х годов“».[62]

Нужно учитывать особенности формулировок, связанные с вынужденным приспособлением к цензурным условиям. Много лет спустя, касаясь либеральных и ликвидаторских толков о желательности «европеизации» России, В. И. Ленин указывал, что конституции, «установившиеся в разных странах Европы, явились результатом долгой и тяжелой классовой борьбы между феодализмом и абсолютизмом — с одной стороны, буржуазией, крестьянами и рабочими — с другой».

---

[60] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 18—19. «Нападения» противников, не понявших или, скорее, не желавших понять мысли Ленина, не замедлили последовать. Так, П. П. Маслов в № 3 «Научного обозрения» за 1899 г., толкуя Ленина так, будто он идеологию русских марксистов считает «наследством» от либералов-просветителей 60-х годов, писал: «Представительство интересов производителей, как таковых, унаследовали идеологи бесхозяйственного производителя (т. е. пролетариата, — *Ш. Л.*), развивши основные идеи Чернышевского и давши им научное обоснование». Бердяев, тогда еще не окончательно оторвавшийся от «легального марксизма», со своей стороны писал: «Если наше „наследство“ только либерально-просветительное, то куда же девалось завещание автора „Что делать?“» (Николай Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901, стр. 7). А. Н. Потресов, будущий меньшевик, как и Маслов, сначала в сравнительно осторожной, а впоследствии в резкой и грубой форме выступил против ленинской статьи.

[61] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 520.

[62] Там же, стр. 519.

Ленин высмеивал либералов, которые хотят, чтобы в России сложился «европейский уклад *без* той тяжелой борьбы, которая создала его в Европе!».[63] Уничтожение самодержавия, свобода, ликвидация не только крепостного права, но и всех его пережитков в любой области общественной и государственной жизни, торжество интересов народных, главным образом крестьянских, масс — такова была, по Ленину, программа русского просветительства 60-х годов. «Горячая защита просвещения» — одна из специфических особенностей просветительства — должна пониматься в широком смысле, обнимающем не только школу, народное образование, но борьбу за передовую науку против умственного мрака, суеверий, всего отжившего, отсталого, борьбу за победу разума и света.

Лишь в сильно ограниченном и урезанном виде такие требования, стремления, лозунги были свойственны просветителям либерального толка.[64] В полном составе и значении намеченные В. И. Лениным черты просветительства были характерны для просветительства демократического, революционного, лучшими представителями которого были Чернышевский, Добролюбов, а также, в основе своих воззрений, и Писарев.

В нашей историографии было высказано мнение, что к просветителям принадлежали не все революционеры 60-х годов, что к просветителям нельзя относить Герцена и Огарева, так как они были «принципиальными противниками „европеизации“ России».[65] С этим трудно согласиться. Автор (Б. Козьмин), видимо, толковал понятие «европеизации» именно в смысле восприятия целиком западных экономических порядков. При всех различиях между Чернышевским и Герценом в оценке Запада в таком случае от просветительства можно было бы отлучить и Чернышевского, который между тем был, по правильной оценке Г. В. Плеханова, самым крупным, самым выдающимся из просветителей 60-х годов.[66]

---

[63] В. И. Ленин. Возрастающее несоответствие. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 372.

[64] В качестве одного из представителей либерального просветительства В. И. Ленин называл редактора-издателя «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича (От какого наследства мы отказываемся? стр. 519—520).

[65] Б. П. Козьмин. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России. «Исторические записки», т. 65, 1959, стр. 205.

[66] Г. В. Плеханов. 1) Избр. философские произведения, т. V, М., 1958, стр. 238; 2) Соч., т. XXIII, М.—Л, 1926, стр. 163. Отметим

Определенные В. И. Лениным три черты просветителей 60-х годов, понятно, не исчерпывали полностью воззрений — философских, социально-политических, литературно-эстетических — Н. Г. Чернышевского. Здесь оставался, например, в стороне вопрос об общине, о крестьянском социализме. Но это не мешает признать огромную принципиальную важность, методологическое значение ленинских положений, относящихся к ряду коренных черт *«эпохи просветителей»*.

Вспомним, кстати, отзывы Маркса и Энгельса. Маркс в 1871 г. в одном из писем к Н. Ф. Даниельсону, указывая, что он отчасти знаком с сочинениями Н. А. Добролюбова, добавил, что он его ставит как писателя наравне с Лессингом и Дидро. В свою очередь Энгельс через несколько лет писал в одной из статей серии «Эмигрантская литература» о том, что Россия выдвинула в лице Добролюбова и Чернышевского «двух социалистических Лессингов».[67] Основоположники научного коммунизма отметили по существу просветительство

интересное совпадение. Одновременно со статьей В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» Плеханов писал статью, известную под названием «Об „экономическом факторе“» (она не была в свое время напечатана), также направленную против обвинений Михайловского по адресу марксистов, даже против той же статьи последнего в № 10 «Русского богатства» за 1897 г. «Он прячется, — писал Плеханов, — за спину наших просветителей, а нас выдает за ожесточенных врагов наследства, завещанного нам шестидесятыми годами. Но... это — „неправда“». От 60-х годов, указывал Плеханов, осталось различное наследство, и учение самого Михайловского с его единомышленниками восходит к 60-м годам. Марксисты, заявлял Плеханов, унаследовали от 60-х годов «идеи Добролюбова и его друзей», им дороги «идеи добролюбовского кружка» (конечно, Плеханов имел в виду в первую очередь Чернышевского) (Избр. философские произведения, т. II, М., 1956). В нашей исторической, философской литературе, в работах наших литературоведов многократно отмечались существенные различия между ленинским и плехановским пониманием просветительства. В отличие от ленинского конкретно-исторического, в первую очередь социально-политического, подхода к этому явлению у Плеханова преобладало истолкование просветительства как рационалистического учения, связанного с идеалистическими посылками в области социологии и истории. «Мы знаем — распространение в России великих идей правды, науки, искусства составляло главную, можно сказать, единственную цель в жизни нашего автора», — писал Г. В. Плеханов в книге «Н. Г. Чернышевский» (СПб., 1910, стр. 74). Однако противопоставления плехановской и ленинской позиций в данном вопросе подчас грешат значительными излишествами. Некоторые справедливые замечания на этот счет можно найти в книге В. Г. Астахова «Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский» (Сталинабад, 1961). См. также: Б. А. Чагин. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—Л., 1963.

[67] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, стр. 48, 226.

вождей русской революционной демократии (аналогия с Лессингом и Дидро) в сочетании с социалистическими взглядами.[68]

Революционно-просветительские, демократические и социалистические воззрения Н. Г. Чернышевского нашли одно из проявлений в его отношении к национальной проблеме, в частности к польскому вопросу, на что прямо указывал В. И. Ленин. Чернышевский понимал связь между национальным вопросом и социальными отношениями. Признавая подчиненную роль первого перед последними, он вместе с тем с глубоким вниманием и горячим сочувствием относился к борьбе народов за национальное освобождение, осуждал положение, при котором «отдельная нация попирает для своей выгоды общечеловеческие интересы».[69] В Петербурге в конце 50-х—начале 60-х годов около Чернышевского группировались революционно настроенные деятели польского освободительного движения. В числе его ближайших друзей и последователей находился знаменитый деятель польского, литовского и русского революционного движения Зыгмунт Сераковский, который с большой симпатией выведен Чернышевским в романе «Пролог» под именем Соколовского. В защиту польского народа, против стремления националистических кругов разобщить и противопоставить друг другу украинцев и поляков была написана Чернышевским в «Современнике» за 1861 г. статья «Национальная бестактность». Впоследствии М. П. Драгоманов упрекал Чернышевского в том, что его статья была написана «с голоса польских исторических патриотов».[70] Нет сомнения, что — доживи Чернышевский на свободе до восстания 1863 г. — его позиция была бы сходна с позицией Герцена, который тогда спас честь русской демократии. Защищая, насколько позволяли цензурно-полицейские условия, дело восстания, «Современ-

---

[68] В литературе существует тенденция отрицать существование революционного просветительства. Например, Н. А. Троицкий утверждает, что «под условным термином „просветительство" Ленин в данном случае (т. е. в статье «От какого наследства мы отказываемся?», — *Ш. Л.*) понимал „демократизм вообще", т. е. антифеодальные воззрения, очищенные от народнической оболочки и от революционного тона» (Н. А. Троицкий. К вопросу о периодизации разночинского, или буржуазно-демократического, этапа в русском освободительном движении. (Материалы дискуссии). М., 1966, стр. 40). Эта точка зрения не может быть согласована с содержанием работы Ленина.

[69] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 286—287.

[70] М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений, т. I, Париж, 1905, стр. 100 (работа начала 80-х годов «Историческая Польша и великорусская демократия»).

ник», оставшийся без своего главного идейного руководителя, следовал его заветам.

В. И. Ленин в статье 1914 г. «О праве наций на самоопределение» писал об эпохе 40—60-х годов XIX в., поддерживая точку зрения Маркса и Энгельса: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской». И к этим словам В. И. Ленин дал следующее примечание: «Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863-го года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. (Ср. «Историческая Польша и великорусская демократия» Драгоманова)».[71]

Огромное значение В. И. Ленин придавал воззрениям и творчеству Н. Г. Чернышевского как философа-материалиста. Ленин называл Чернышевского великим русским гегельянцем (имея в виду важные элементы диалектики у Чернышевского) и материалистом.[72] По словам Ленина, Чернышевский «выступал в русской литературе еще в 50-х годах прошлого века как сторонник Фейербаха»[73] (это, конечно, не означает, что между Чернышевским и Фейербахом не было никаких совершенно различий — Чернышевский пошел в некоторых отношениях дальше Фейербаха, — вопрос, достаточно разработанный в советской философской литературе).

В. И. Ленин оценивал философское наследие Н. Г. Чернышевского как вполне действенный фактор современной ум-

---

[71] В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.

[72] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 381.

[73] Там же. П. Л. Лавров, вспоминая, отмечал в 90-х годах, что «Фейербах был для социалистов 60-х годов более непосредственным учителем, чем Лассаль и Маркс» (П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Изд. 2-е. Л., 1925, стр. 17).

ственной жизни и искал в нем поддержки в своей борьбе за утверждение марксистской философии. Осенью 1908 г., заканчивая или закончив свой труд «Материализм и эмпириокритицизм», он готов был принять предложение из России участвовать в сборнике, посвященном Чернышевскому, ставя условием, чтобы ему была предоставлена не аграрная, а философская тема.[74] Во время печатания «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленин принял решение дополнить книгу специальным текстом о Чернышевском-философе. Он писал в марте 1909 г. сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой, которая вела в России издание ленинского труда: «Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского».[75] Это дополнение напечатано в книге Ленина под заглавием «С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?». Здесь Ленин привел большой отрывок из непропущенного цензурой в 1888 г. авторского предисловия к намеченному 3-му изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» Чернышевского. Рассуждение Чернышевского В. И. Ленин характеризовал как «замечательное».[76] Ленин по ходу цитирования Чернышевского сопроводил его текст рядом ярких и острых замечаний «к сведению путаников-махистов». В частности, он указывал, что Чернышевский «стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм...».[77] Чернышевский, писал В. И. Ленин, «называет метафизическим вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма».[78] Свое дополнение Ленин заключал следующими, так хорошо и широко в наше время известными, словами: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел,

---

[74] В. И. Ленин, Полн. собр соч., т. 47, стр. 166 (письмо А. А. Богданову от 27 или 28 октября 1908 г.). В полученном Лениным предложении автором статьи о философии Чернышевского намечался социал-демократ, сторонник махистских взглядов, В. А. Базаров-Руднев.

[75] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 284.

[76] Там же, т. 18, стр. 382.

[77] Там же.

[78] Там же, стр. 383.

вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса».[79]

В 1914 г., в статье «Народники о Н. К. Михайловском» В. И. Ленин указывал, что Михайловский в философии сделал *шаг назад* от Чернышевского, «величайшего представителя утопического социализма в России». Чернышевский, продолжал Ленин, «был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные „позитивисты" (кантианцы, махисты и т. п.)». Отмечая, что Михайловский «плелся» за позитивистами, Ленин добавлял, что среди учеников Михайловского, «даже самых „левых" народников» (он ссылался в качестве примера на Виктора Чернова), «царят эти реакционные философские взгляды».[80]

И, наконец, уже в советские годы, в статье «О значении воинствующего материализма» (1922), В. И. Ленин, заявляя о том, что у главных направлений передовой общественной мысли России имеется солидная материалистическая традиция, кроме Г. В. Плеханова, назвал Н. Г. Чернышевского, снова при этом повторив, что от него «современные народники» (народные социалисты, эсеры и т. п.) нередко отступали назад «в погоне за модными реакционными философскими учениями».[81]

В. И. Ленин не закрывал глаз на слабые стороны Н. Г. Чернышевского, он решительно возражал против попыток стереть грань, отделяющую Чернышевского от Маркса и марксизма, разъясняя, что условия России эпохи Чернышевского не позволили ему подняться до диалектического материализма основателей научного коммунизма. Это ни в какой мере не мешало Ленину видеть исключительное величие Чернышевского как мыслителя, как революционера. Ленин высоко ценил «цельный философский материализм» Чернышевского, его глубочайшую преданность интересам народных масс, последовательный революционный демократизм, борьбу против «измен либерализма», его страстное обличение и крепостничества, и капитализма, превосходное понимание современной действительности, проявившееся так ярко в трезвой, исключительно смелой и прозорливой оценке крестьянской реформы, он любовался мужественной, несгибаемой личностью Чернышевского, его публицистическим и художественным талантом. В. И. Ленин придавал огромное значение благотворному воздействию идей и творчества Чернышевского на поколения революционных

[79] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 384.

[80] В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском, стр. 335.

[81] В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 24.

борцов. Он на себе испытал это влияние и сохранил навсегда признательность к Чернышевскому. «Горячая любовь к будущему — это одна из тех черт, за которую Ленин так любил и ценил Чернышевского», — говорит один из сподвижников Ленина А. В. Луначарский.[82] Луначарский указывает справедливо на тесную преемственность между Чернышевским и Лениным в их отношении к задачам искусства и литературы: «Владимир Ильич считал, что искусство должно быть народным, должно поднимать массы, учить массы, делать массы более сильными. В этом отношении Владимир Ильич был прямым последователем Чернышевского».[83]

Взгляд В. И. Ленина на место Чернышевского в истории русского народа, на роль Чернышевского в формировании лучших славнейших традиций его нашел блестящее выражение в знаменитых словах из статьи «Критические заметки по национальному вопросу» (1913): «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова».[84]

Чернышевский в глазах Ленина был символом русской передовой культуры, революционной общественной мысли России.

* * *

В 1926 г. в «Правде», в статье, посвященной одному из самых любимых писателей В. И. Ленина — М. Е. Салтыкову-Щедрину, А. В. Луначарский писал: «Другой предшественник коммунизма, другой дорогой нам человек в прошлом, о котором мы можем с гордостью сказать как о подготовителе путей Ленина и его партии, Добролюбов...».[85] Несколько раньше — в лекциях о литературе 60-х годов, читанных в 1924—1925 гг., — Луначарский, процитировав из Добролюбова о народной массе, не любящей много говорить, но, если скажет свое простое, из жизни вышедшее слово, крепко оно будет, замечал, что такую фразу очень легко можно было бы встретить у Ленина, когда он противопоставляет мелкобуржуазной интеллигенции пролетарскую массу. При этом Луначарский высказывал наблюдение, что «у Ильича вообще бывают фразы, очень

---

[82] А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957, стр. 238.
[83] Там же, стр. 188.
[84] В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.
[85] А. В. Луначарский. Статьи о литературе, стр. 267.

похожие на Добролюбова».[86] Выдающийся деятель советской культуры как бы указывал на известную психологическую близость Ленина и одного из великих русских революционных демократов-просветителей, ученика и последователя, ближайшего соратника и друга Чернышевского Н. А. Добролюбова.

Ленин принадлежал к поколению, которое, как указывает Н. К. Крупская, росло под влиянием Чернышевского и Добролюбова, Писарева, Некрасова, Щедрина демократической поэзии 60-х годов.[87]

Добролюбов был весьма почитаем в семье Ульяновых. Отец В. И. Ленина, передовой педагог своей эпохи Илья Николаевич Ульянов, находился под большим влиянием общественно-педагогических взглядов Добролюбова. Добролюбов, как рассказывает Н. К. Крупская, покорил «честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ Симбирской губернии и как воспитателя своего сына — Ленина — и других своих детей, которые все стали революционерами».[88]

Сам В. И. Ленин с громадным уважением относился к наследию Добролюбова. Об этом говорят те места в его сочинениях, в которых он касается Добролюбова. Исключительно красноречивы горячие, вдохновенные слова Ленина о Добролюбове в той беседе его с товарищами, которая дошла в записи В. В. Воровского. Эти слова безусловно заслуживают того, чтобы привести их здесь полностью. «Говоря о влиянии на меня Чернышевского как главном (так записано высказывание Ленина у Воровского, — *Ш. Л.*), не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова — друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же „Современнике“ я тоже взялся серьезно. Две его статьи — одна о романе Гончарова „Обломов“, другая о романе Тургенева „Накануне“ — ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал „Накануне“, но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня

---

[86] А. В. Луначарский. Статьи о литературе. стр. 195.

[87] См., например, статью Н. К. Крупской «Ленин о коммунистической морали» в «Комсомольской правде» от 2 октября 1937 г.; перепечатано в кн.: Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 298.

[88] Н. К. Крупская. О Ленине, стр. 29—30. Отметим, что И. Н. Ульянов, работая в конце 60-х годов в Нижнем Новгороде, был близок с педагогом Б. И. Сциборским, другом Добролюбова (Д. А. Балика. Педагогическая деятельность Б. И. Сциборского, друга Добролюбова Н. А., в Нижнем Новгороде. В кн.: Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965, стр. 253—255; ср.: М. В. Нечкина. В. И. Ленин — историк революционного движения в России. В сб.: В. И. Ленин и историческая наука, М., 1968).

такой подход. Это произведение, как и „Обломов“, я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора „Обломова“ он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа „Накануне“ настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать! Когда организовалась „Заря“, я всегда говорил Староверу (Потресову) и Засулич: „Нам нужны литературные обзоры именно такого рода“. Куда там! Добролюбова, которого Энгельс называл социалистическим Лессингом, у нас не было».[89]

В. И. Ленин чаще всего в своих печатных высказываниях не отделял Добролюбова от Чернышевского, говорил о них вместе. Мы уже приводили заявление Ленина о том, что Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля, то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, о том, что последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за реформизм, об обоснованности критики Герцена Добролюбовым, Чернышевским, Серно-Соловьевичем за отступления от демократизма к либерализму. В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин вспоминал о том, что Тургеневу в свое время претил «мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского».[90]

Мы вместе с тем находим в работах В. И. Ленина высказывания специально о Добролюбове. В декабре 1901 г. в старой «Искре» появилась ленинская статья «Начало демонстраций». «Когда здесь и там, — писал Ленин, — начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!».[91] К числу таких огоньков Ленин отнес демонстрацию перед домом московского генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Добролюбова в связи с 40-летием со дня его смерти. «Представитель самодержавной власти в Москве, — с удовлетворением отмечал В. И. Ленин, — был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей

[89] В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, стр. 655. Следует напомнить, что В. И. Ленин с одобрением относился к литературно-критической деятельности В. И. Засулич, о чем говорит его оценка ее статей на литературные темы в легальной журналистике. Но Вера Засулич при всем том, конечно, не была Добролюбовым, да к тому же в «Заре» она не вела литературных обзоров.

[90] В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 206.

[91] В. И. Ленин. Начало демонстраций. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 372.

России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против „внутренних турок“ — против самодержавного правительства».[92]

50-летие со дня смерти Добролюбова дало повод В. И. Ленину снова высказаться о нем. В ликвидаторском журнале «Наша заря» в связи с этой датой появилась статья литератора М. Неведомского (Миклашевского) «Об Н. А. Добролюбове». Неведомский называл Добролюбова «трибуном действенности» и признавал, что его статьи были школой революционного демократизма. Но этого автора не устраивала именно последовательность Добролюбова и Чернышевского. С легкой руки Чернышевского и Добролюбова, жаловался Неведомский, идет «полное, априорное отрицание и заподозривание буржуазии и либерализма». Он высказывался за якобы своевременность «пересмотра» этого «параграфа» демократического кредо, доходя до утверждения, что в дни первой русской революции «это унаследованное от эпохи „Современника“» «абсолютное отрицание» оказывало демократии подчас «плохие услуги».[93] Ленин, особенно ценивший как раз боевой, самый последовательный демократизм Добролюбова и Чернышевского, разоблачение ими либеральных «измен», был возмущен выступлением ликвидаторского органа и с негодованием писал о Неведомских «с их новым „пересмотром“ идей Добролюбова задом наперед, *от* демократизма к либерализму». «Наше дело, — писал Ленин, — развивать демократический подъем, пестовать новую, по-новому растущую в новой России революционную демократию».[94]

Не очень большой количественно, но необычайно важный по содержанию материал, посвященный в трудах В. И. Ленина Добролюбову, говорит о многом. Воспитанный в значительной степени на Добролюбове, как и на других корифеях передовой общественной мысли, Ленин пронес от начала до конца своей

---

[92] Там же, стр. 370. Здесь уместно вспомнить о том, что старшим братом В. И. Ленина Александром Ульяновым (казненным по делу 1 марта 1887 г.) в конце 1886 г., когда исполнилось 25 лет со дня смерти Добролюбова, была написана и отгектографирована прокламация, посвященная разгону прошедшей тогда известной «добролюбовской демонстрации» в Петербурге: «Все, что так дорого для каждого сколько-нибудь образованного русского, что составляет истинную славу и гордость нашей родины, всего этого не существует для русского правительства... Такие манифестации поднимают дух и бодрость общества...» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1927, стр. 357). Так неожиданно получилась своеобразная перекличка между двумя братьями-революционерами!

[93] «Наша заря», 1911, № 11, стр. 61, 65—66.

[94] В. И. Ленин. Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 250—251.

деятельности глубокое уважение и любовь к лучшему сподвижнику Чернышевского. Он дорожил его традициями и использовал их в своей борьбе со всяким отступничеством, в борьбе за победу дела революции.

* * *

К любимым мыслителям-писателям В. И. Ленина принадлежал и Д. И. Писарев, талантливейший публицист и критик 60-х годов, философ, ученый, блестящий популяризатор знаний, участник революционного движения. Писарев начинал писать еще при жизни Добролюбова, до ареста Чернышевского; расцвет его деятельности и апогей его влияния приходится на время после смерти Добролюбова и насильственного устранения Чернышевского. Он испытал большое воздействие со стороны этих вождей литературно-общественного движения своей эпохи, но его взгляды далеко не полностью совпадали с их взглядами. Несмотря на значительные отличия, общее между ними по существу перевешивало, однако это отнюдь не всеми сознавалось и признавалось. Говорили — и это отвечало тому, что было в жизни — о «писаревцах» и «добролюбовцах», противопоставляя их, но встречались и утверждения о более или менее единых «писаревско-добролюбовских» взглядах (против таких утверждений, между другими, энергично возражал, например, Н. Михайловский, хотя он не относился к наиболее резким и крайним «хулителям» Писарева).

Писарев, по свидетельству Н. К. Крупской, принадлежал к тем авторам, на творчестве которых воспитывался В. И. Ленин. В одной из своих статей о Ленине Крупская писала, что усиленно Писарева читал старший брат Ленина Александр Ульянов, увлеченный писаревскими работами по естествознанию, «в корне подрывавшими религиозные воззрения». К этому она добавляет, что «читал Писарева усиленно и Владимир Ильич, когда ему было еще лет 14—15».[95] Сообщая в другом месте о том, что в сибирском альбоме Ленина среди других карточек (Герцена, Чернышевского и т. д.) была и карточка Писарева, Крупская поясняет, что Писарева «Владимир Ильич в свое время много читал и любил».[96]

Весьма интересны мысли, высказанные по тому же поводу в статье Н. К. Крупской «Вторая эмиграция. (Отрывок из воспоминаний. 1908—1917 гг.)». Рассказывая об очень положительной оценке Лениным известных заметок о мещанстве А. М. Горького, напечатанных в конце 1905 г. в большеви-

---

[95] Н. К. Крупская. О Ленине, стр. 35.

[96] Там же, стр. 93.

стской «Новой жизни», Крупская писала: «Поколение марксистов, к которому принадлежал Ильич, вырабатывало свои взгляды в годы реакции (имеется, конечно, в виду реакция 80-х годов XIX в., — *Ш. Л.*), когда придушена была всякая общественная жизнь. Марксистские убеждения особо настоятельно требовали применения их в жизни, широкой агитационной и пропагандистской деятельности. Окружающая же жизнь обступала своей обыденщиной и казалась нестерпимой. Молодому поколению, выросшему в огне революции, трудно понять, как давил этот уклад, создаваемый всем тогдашним строем. Владимир Ильич очень любил Писарева, резко критиковавшего всю эту давящую условность обывательщины, нравилось ему и то, что писал по этому поводу Чернышевский».[97]

Существенно и еще одно свидетельство Н. К. Крупской, содержащееся в ее статье «Своевременные цитаты», опубликованной к 95-летию со дня рождения Писарева в «Правде» в октябре 1935 г. «В молодости, — пишет она, — я очень увлекалась Белинским и Добролюбовым, а Писарева в первый раз читала уже марксисткой, когда ехала в Сибирь, в ссылку, к Владимиру Ильичу... Меня пленила резкая критика крепостного уклада Писаревым, его революционная настроенность, богатство мысли. Все это было далеко от марксизма, мысли были парадоксальными, часто очень неправильны, но нельзя было читать его спокойно. Потом в Шуше я рассказывала Ильичу о своих впечатлениях от чтения Писарева, а он мне рассказал, что сам зачитывался Писаревым, нахваливал смелость его мысли... В брошюре „Что делать?“ (1902) Владимир Ильич цитирует Писарева, освещая вопрос о том, как важно ставить рабочему движению ясные цели и работать над их осуществлением, освещая вопрос о связи мечты с действительностью».[98]

Это место ленинского труда широко известно. Ленин говорил о громадном значении общего партийного печатного органа в деле объединения и расширения всей партийной революционной работы, об обучении и воспитании в связи с этим «армии испытанных борцов». «По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки, — писал Ленин, — скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России» (с царизмом, самодержавием). «Вот о чем нам надо мечтать!», — во-

---

[97] «Правда», 1928, № 94, 22 апреля. «Вот почему нравились Ильичу заметки Горького о мещанстве», — заключает этот отрывок Н. К. Крупская.

[98] Н. К. Крупская. Об искусстве и литературе, стр. 164—165.

склицал Ленин. При этом, обосновывая мысль о значении умной, вдохновляющей, толкающей вперед мечты, Ленин обращался к Писареву. Он цитировал статью Писарева «Промахи незрелой мысли», впервые появившуюся в конце 1864 г. в журнале «Русское слово», главной литературной силой которого и был находившийся тогда в заточении в Петропавловской крепости Дмитрий Иванович Писарев. Ленин приводил слова Писарева: «Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти». Писарев был за первого рода мечты, которые не только не вредны, но могут «поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека». Разлад между мечтой и действительностью, по словам Писарева, не приносит никакого вреда, если мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядывается в жизнь, «сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно». Процитировав Писарева, Ленин заключал: «Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей „близостью“ к „конкретному“ представители легальной критики и нелегального „хвостизма“»[99] (т. е. «легальные» ревизионисты и «нелегальные» социал-демократы экономисты).

В вопросе о роли мечты, фантазии, окрыляющей, возбуждающей к активности, к смелой, не страшащейся препятствий, борьбе, В. И. Ленин считал себя единомысленным с Писаревым, о чем он снова через ряд лет говорил в «Философских тетрадях»: «Нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке *к* работе, и о мечтательности пустой».[100]

Важное значение для понимания ленинского отношения к Писареву имеют его замечания на рукопись статьи Д. Рязанова «Две правды», которая была представлена редакции «Зари» (выходившего при ленинской «Искре» теоретического

---

[99] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 171—173. Ср.: Д. И. Писарев, Соч., т. 3, М., 1956, стр. 147—149.

[100] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330. Кроме статьи «Промахи незрелой мысли», мы находим у В. И. Ленина напоминание (без имени Писарева) о статье «Прогулка по садам российской словесности» в работе 1915 г., «крах платонического интернационализма», где Ленин насмешливо говорит о выступлениях центристской газеты «Наше слово» как праздничной прогулке по садам интернационалистской словесности (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 199).

журнала революционных марксистов) и не принята ею для опубликования. Замечания относятся к осени 1901 г. Судя по цитатам из рукописи и вопросительным знакам, поставленным Лениным против соответствующих мест рязановской статьи, В. И. Ленин не согласился с характеристикой Писарева и его истинных последователей как сторонников (или только сторонников) «индивидуалистических идеалов», исключительной проповеди «личного счастья», с головой будто ушедших в вопросы «личного самосовершенствования».[101]

Еще одним важным показателем отношения В. И. Ленина к Писареву может служить оценка, данная им статье Веры Засулич о Писареве. Статья печаталась под псевдонимом «Н. Каренин» в легальном журнале «Научное обозрение», в нескольких номерах за 1900 г. Наука располагает ленинской оценкой тех частей статьи В. И. Засулич, которые были опубликованы в мартовской и апрельской книгах «Научного обозрения» указанного года. В апреле 1900 г. В. И. Ленин спрашивал в письме к матери, видела ли его сестра М. И. Ульянова эти номера журнала, и указывал: «Превосходна там статья о Писареве».[102] Замечание Ленина позволяет говорить о солидарности его, по крайней мере с наиболее определяющими, главными положениями статьи Веры Засулич (в той части статьи, во всяком случае, которая появилась в упомянутых Лениным номерах журнала).

Статья Засулич носила в большой степени полемический характер. Полемика была непосредственно направлена против трех авторов — народника (к этому времени сильно «полинявшего», примыкавшего к либеральному народничеству) А. М. Скабичевского (его книги «История новейшей русской литературы»), консерватора К. Ф. Головина (его книги «Русский роман и русское общество») и тогда еще умеренного либерала (впоследствии крайне поправевшего) И. И. Иванова (его серия статей «Писарев, его сподвижники и враги» в «Мире божьем» за 1899 г. вскоре вошла в книгу «История русской критики»). Головин стоял, конечно, особенно далеко, но и со Скабичевским и Ивановым Вера Засулич сводила весьма и весьма серьезные счеты. Засулич требовала рассмотрения взглядов Писарева в их развитии. Она видела «громадную разницу» между Писаревым первых лет его творчества и последующих.[103] По Скабичевскому, Писарев «всегда оставался

---

[101] В. И. Ленин. Замечания к статье Рязанова «Две правды». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 403.

[102] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 183.

[103] «Научное обозрение», 1900, № 4, стр. 482; см. также: В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, СПб., 1907, стр. 226.

чистопробным индивидуалистом, выставляя на первый план прогресс личности путем самосовершенствования»; у Писарева, по его утверждению, на первом плане стояло «стремление к наслаждению, к тому, чтобы провести жизнь как можно приятнее», в чем он и полагал свою теорию эгоизма, а на народ у него было «презрительное, барское» воззрение.[104] В этой оценке Скабичевский был довольно верным выразителем распространенной в народничестве с давних пор точки зрения на Писарева (правда, не для всех народнических литераторов и критиков характерной). Засулич для зрелого Писарева решительно отвергала эту позицию. Во «втором периоде» деятельности Писарев, по ее словам, отбросил свой «ребяческий эгоизм». Для него величайшим в мире стало «наслаждение деятельностью на пользу трудящегося большинства».[105] Она дважды приводила знаменитые слова из статьи Писарева «Реалисты» о том, что конечная цель всего мышления и всей деятельности каждого честного человека состоит в разрешении навсегда неизбежного вопроса о голодных и раздетых людях, и что «вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать».[106] Засулич не оспаривала различий во взглядах Писарева и Добролюбова. Добролюбов ждал «скорого разлива народной реки» — революции, Писарева «эта вера, видимо, миновала».[107] «Самобытный, стихийный разлив народной реки не играл в его надеждах почти никакой роли», что не означало, впрочем, что он «не считал такой разлив желательным или возможным», но *свою* задачу он видел в размножении «мыслящих людей», в том, чтобы в последнем итоге «заразить этим мышлением трудящееся большинство». Не отрицая разногласий, Засулич делала главное ударение на том, что сближало, объединяло Писарева с Чернышевским и Добролюбовым, и подчеркивала в особенности, что передовая молодежь «дополняла» Добролюбова и Писарева — «одного другим»; читатель брал «у каждого из юношей-вождей то, что было ему всего дороже» и соединял «все это воедино».[108] Статьи Писарева, по словам Засулич, для сме-

---

[104] А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. 1848—1892 гг. Изд. 3-е. СПб., 1897, стр. 99, 101.

[105] В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, стр. 255.

[106] Там же, стр. 229, 235. Ср.: Д. И. Писарев, Соч., т. 3, стр. 105.

[107] В. И. Засулич, Сборник статей, т. II. стр. 241—242. «В последние годы деятельности Добролюбова ожидания, опасения... наводнений стояли в воздухе и для Добролюбова были, по-видимому, почти единственным лучом света», — писала Засулич в «Научном обозрении» (1900, № 3, стр. 494); впоследствии в «Сборнике статей» она пояснила, что «наводнения» были цензурным псевдонимом «восстаний».

[108] В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, стр. 244, 245, 249, 262. Статья Засулич в некоторой мере автобиографична и отражает во мно-

нявшихся поколений его молодых читателей 60-х и 70-х годов являлись «энергичной проповедью долга перед трудящимся большинством, ученья и труда ради уплаты этого долга».[109]

В. И. Ленину бесспорно импонировала решительная отповедь, которую давала Засулич грубо вульгаризаторским тенденциям в оценке Писарева.[110] Его должно было привлекать то, что Засулич выявляла сильные стороны деятельности Писарева, которым несомненно и сам он придавал особое значение.

Не все в Писареве, вообще говоря, могло удовлетворять Ленина. Хорошо известны и противоречия, и неоправданные «крайности» писаревских высказываний, и можно было бы легко привести примеры весьма различных оценок тех или иных явлений, хотя бы в области культуры, того или иного подхода к наследию, у Ленина и Писарева. Многое разделяло и экономические и социологические воззрения Ленина и Писарева. Ленин не мог не ценить материализма и атеизма Писарева, но нельзя забывать сугубо критического отношения Ленина к Бюхнеру, Фохту, Молешотту (этим, по отзыву Ленина, «пигмэям» по сравнению с Фейербахом), которые между тем оказали серьезное влияние на взгляды Писарева.

Но Ленин любил Писарева за яркость и смелость мысли, за ее честность и прямоту, за дерзания, ценил за острейшее

гом процесс ее личного развития, ее восприятия в юности Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Конечно, в жизни бывало порой и иначе; известно, например. отрицательное отношение к произведениям Писарева со стороны «ишутинцев» в середине 60-х годов. У них, как и у части революционных народников 70-х годов, существовало опасение, что проповедь своеобразной теории «реализма» Писаревым способна отвлечь молодежь от активного участия в революционной борьбе.

[109] В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, стр. 259.

[110] Статья Засулич была, можно сказать, первой специальной работой о Писареве, написанной с марксистских позиций. Это был сильный отпор взглядам таких людей, как А. Волынский, Скабичевский, Иванов и т. д. Однако это все-таки не был «первый» отпор (см.: Советская историческая энциклопедия, т. 11, стлб. 164). Не говоря уже о Плеханове, взгляды которого, правда, далеко не вполне совпадали в вопросе о Писареве со взглядами Засулич (это был редкий случай известного их разномыслия), но который, например, писал, что Скабичевский о Писареве «говорит поистине вопиющие вещи» (это напечатано в «Новом слове» в 1897 г.), можно, к примеру, назвать опубликованную в «Русском богатстве» в 1899 г. статью за подписью «А. Тельшев» «Писарев перед судом учителя истории» с резкой критикой И. И. Иванова. Автор о влиянии Писарева уже в 80-х годах говорил: «...никто не поднимал самый тон нашей внутренней жизни так, как он; никто не вселял такой бодрости; никто не отрезывал так путь ко всякой сделке с голосом совести и мысли». В «прекрасном образе» Писарева, заявлял тот же автор, «нам светится наша юность и правда этой юности» («Русское богатство», 1899, № 5—8, август, 2-й отд., стр. 124, 125).

обличение отсталости, мещанства, обывательщины, за резкую и остроумную критику Писаревым либерализма.

Мы приводили данные о высокой оценке В. И. Лениным демократического просветительства 60-х годов. Но Писарев-то и был в своем роде «образцовым» представителем этого просветительства. Он был одушевлен самой горячей враждой к крепостничеству, ко всем его порождениям и пережиткам, он был самым горячим защитником и самым пламенным пропагандистом просвещения, науки (прежде всего естествознания), борцом за всестороннюю свободу личности, поборником «европейских форм жизни», он выступал защитником прав и интересов всех обездоленных и угнетенных и предъявлял передовому общественному мнению требование разрешить раз и навсегда вопрос о «голодных и раздетых».[111]

Говоря выше о различиях во взглядах между Лениным и Писаревым, мы, в частности, имели в виду явно выраженную у Писарева недооценку общественно-политического значения блестящей деятельности великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как уже было отмечено, Щедрин принадлежал к самым любимым писателям В. И. Ленина. Из мастеров русской художественной прозы он, возможно, был Ленину даже наиболее близок.[112] Образы Щедрина, его выражения бесчисленное множество раз использованы Лениным в его произведениях. Они Ленину служили подлинным боевым оружием в борьбе с врагами революции и народа. В. И. Ленин в свое время призывал большевистскую «Правду» «вспоминать, цитировать и растолковывать» в газете «Щедрина и других писателей „старой“ народнической демократии», считая, что это для массового читателя «Правды» «уместно, интересно», поможет осветить современные вопросы рабочей демократии «с иной стороны, иным голосом».[113]

---

[111] Литература о Писареве, и старая, и тем более советская, очень значительна. В советской историографии, литературоведении, историко-философской науке имеются труды Б. П. Козьмина, В. Я. Кирпотина, В. Ф. Переверзева, Л. А. Плоткина, А. Н. Маслина, Ф. Ф. Кузнецова, Л. Э. Варустина, В. С. Кружкова, Ю. С. Сорокина, Э. И. Розенберга, Э. С. Виленской, Б. А. Чагина и др. Мнения исследователей далеки от единства, причем встречаются как случаи необоснованного принижения места и значения Писарева, так и попытки «модернизации» в той или иной форме и степени его взглядов. Тем не менее советскими авторами сделано очень много для возможно более полного выявления сильных и слабых сторон писаревского наследия и для определения его особенностей, его роли в истории русской передовой общественности и культуры.

[112] В. Д. Бонч-Бруевич в статье «Ленин о книгах и писателях» не без основания замечал, что Щедрина Ленин, «кажется, более всех любил из беллетристов» («Литературная газета», 1955, № 48).

[113] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 89.

В период первой русской революции (ее подавления царизмом — в 1907 г.) Ленин подчеркивал, что еще Некрасов и Салтыков (как известно, бывшие близкими соратниками и в 60-е, и в 70-е годы) «учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов».[114]

Высоко ценя яркость и выпуклость созданных Щедриным художественных образов, последовательно демократический дух его творений, В. И. Ленин останавливался на беспощадном обличении сатириком — соратником и последователем Чернышевского — либерализма. В работе о «друзьях народа» Ленин напоминал читателям «метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала», начинающего с просьбы у начальства реформ «по возможности», продолжающего тем, что клянчит «хоть что-нибудь» и кончающего вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости».[115]

Либералов Щедрин, по словам Ленина, заклеймил навсегда этой формулой «применительно к подлости».[116]

Ленин цитировал произведения Щедрина разных периодов — как 60—70-х годов (например, неоднократно обращаясь к образу Иудушки из «Господ Головлевых»), так и 80-х. Он любил щедринскую сказку «Либерал», опубликованную в пору реакции 80-х годов (там именно и фигурирует знаменитая формула «применительно к подлости»), в ту тяжелую пору в истории русского общества, когда так мощно звучал гневный голос замечательного писателя-борца.

В лице Щедрина (это относится и к горячо любимому Лениным гениальному народному поэту Н. А. Некрасову[117]) Владимир Ильич справедливо видел деятеля, который сумел с честью пронести на протяжении десятилетий славное знамя Чернышевского и Добролюбова.

---

[114] В. И. Ленин. Памяти графа Гейдена. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 43.

[115] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 268.

[116] В. И. Ленин. Еще один поход на демократию. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 84.

[117] Отмечая, что Некрасов «колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами», Ленин подчеркивает тем не менее, что «все симпатии его были на стороне Чернышевского» (Еще один поход на демократию, стр. 84).

Глава третья

❦

В. И. ЛЕНИН И ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА 70-х ГОДОВ

I

В комплексе вопросов, относящихся к теме «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль», исключительно важное место, естественно, принадлежит проблеме отношения Ленина к русскому народничеству. Эта проблема занимала мысль В. И. Ленина от самых первых его шагов на поприще теоретической и практической деятельности и на протяжении целых десятилетий, будучи самым тесным образом связана с его борьбой за утверждение и развитие идей научного, пролетарского социализма, за установление правильных, революционно-марксистских взглядов на крестьянский вопрос, за прочный революционный союз между рабочим классом и крестьянством.

В предшествующих разделах уже затрагивались попутно отдельные стороны темы «Ленин и русское народничество». Необходимо теперь специально остановиться на освещении и оценке Лениным освободительного движения и революционной мысли периода 70-х—начала 80-х годов — периода расцвета революционного народничества в специфическом, особом смысле слова.

Прежде всего следует оговорить несколько условное (подобно понятию «шестидесятые годы») содержание термина «семидесятые годы». 70-е годы начались не в календарном 1871 или 1870 г., а раньше несколькими годами и закончились после 1879—1880 гг., примерно в первые годы следующего десятилетия, когда окончательно определилось крушение второго демократического подъема в России.

В экономическом и социальном плане это было время развития русского капитализма в промышленности и, в более слабой степени, в сельском хозяйстве, время расширения кадров пролетариата, растущего расслоения крестьянства, усиления роли буржуазии. Во внутренней политике это был период господства реакционного курса, окончательно утвердившегося после покушения Каракозова в 1866 г. и лишь в конце 70-х годов временно сменившегося некоторым «послаблением», вынужденными уступками или полууступками со стороны царского правительства, попавшего в полосу кризиса. В сфере внешней политики наиболее крупным событием явилась русско-турецкая война 1877—1878 гг., сыгравшая немалую роль в возникновении того кризиса самодержавия, о котором только что упомянуто. В культурной жизни, несмотря на господство реакционного курса в правительственной политике, продолжалось — вопреки всем трудностям — то поступательное движение, которое обозначилось в 60-х годах (новые достижения естествознания, некоторые успехи в деле просвещения, ряд выдающихся явлений в литературе и разных областях искусства).

Общественное движение характеризуется продолжающимся — до конца 70-х годов — упадком активности либерально-оппозиционных кругов, с одной стороны, и постепенно нарастающим движением демократических элементов интеллигенции, довольно быстро переходившим от одного фазиса к другому и достигшим особой остроты в середине и второй половине десятилетия.

Симптоматичными для обозреваемого периода являются заметный рост рабочего движения, распространение в среде рабочих революционной пропаганды, первые опыты создания революционных рабочих организаций («Южнороссийский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих»). Крестьянское движение значительно (если брать период в целом) уступало крестьянской борьбе в эпоху падения крепостного права, но давало себя знать в течение всего периода, не раз привлекая к себе общественное внимание и вызывая (особенно в конце 70-х и на рубеже 70—80-х годов) беспокойство и тревогу в правящей среде.

70-е годы часто называли и называют «эпохой народничества», «золотым веком народничества».[1] Это верно и в том отношении, что в публицистике, в общественной мысли передовых кругов задавали тон идеи народничества, и в том также,

---

[1] См., например, книгу М. С. Ольминского «Из прошлого» (изд. 2-е, ГИЗ, 1922, стр. 38—39).

что участники практической революционной борьбы, по крайней мере в своей подавляющей массе, руководствовались теми же идеями.

Это не значит ни того, что с концом 70-х годов прекратилось воздействие народнических идей на значительную часть общественного мнения, ни того, что до 70-х годов не существовало никакого народничества. Но после 70-х годов влияние народничества (постепенно меняющего в определенных отношениях свою форму) все более падает. С другой стороны, до 70-х годов, или преддверия к ним (второй половины—конца 60-х годов), народническая доктрина еще не отлилась в ту, более или менее законченную и относительно цельную, форму, какая сложилась в это время.

«Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы», — так писал В. И. Ленин в 1894 г.[2] Когда Ленин в 1903 г. писал о народничестве (мы это место выше уже приводили) как о «громадной полосе общественной мысли» в России — от Герцена до Николай—она, когда он соглашался с мнением о Герцене и Чернышевском как о «родоначальниках» народничества, он, несомненно, имел в виду народничество, «крестьянский социализм» в таком «самом широком» значении слова. В этом же смысле В. И. Ленин в 1911 г. заявлял о том, что народники «проповедовали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, *иной, т. е. некапиталистический,* путь для России».[3] В статье «От какого наследства мы отказываемся?», во второй половине 90-х годов, В. И. Ленин указывал, что «не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше», конечно, были «зародыши», «зачатки» народничества.[4] Едва ли мы ошибемся, если решимся в той или иной степени приравнять эти зачатки к истокам народничества в самом широком смысле понятия.

---

[2] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 310.

[3] В. И. Ленин. По поводу юбилея. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 168. «История вполне опровергла эту их ошибку», — добавляет там же Ленин. Об «ошибках» народников Ленин писал множество раз, это стоит отметить потому, что среди отдельных советских историков ныне существует мнение, будто нельзя говорить об «ошибках», «непонимании» и т. п. народников, поскольку они были обусловлены историческими обстоятельствами.

[4] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 530.

Но В. И. Ленин пользовался термином «народничество» — термином, который в целом в русской публицистической литературе (беря разные ее направления) вообще получал самые различные толкования, — в нескольких более узких, более тесных смыслах. И тут-то нельзя не заметить, что для определения старого, «классического» революционного народничества В. И. Ленин преимущественно обращался к опыту идеологии и движения 70-х годов. Достаточно сослаться на статью В. И. Ленина «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», опубликованную в центральном органе большевиков «Пролетарий» в разгар первой русской революции. Бесспорно, именно о революционном народничестве 70-х годов писал Ленин в следующих строках: «Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих, как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством».[5]

Приведенные четыре пункта, характеризующие в основном именно взгляды революционеров «золотого века» народничества, не отменяют по существу тех «трех черт» народнической «системы воззрений», которые были сформулированы за восемь лет до того в работе В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». Эти «три черты» сводились Лениным к следующему: «1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом*... 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности*... Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация „устоев"... 3) *Игнорирование связи „интеллигенции" и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов*».[6] Этим взглядам В. И. Ленин в первых же абзацах своего труда противопоставлял позицию русских марксистов, отстаивавших мнение о «прогрессивности русского капитализма», считавших вздорной «народническую идеализацию мелкого производителя», доказывавших «необходимость искать объяснения течениям общественной мысли и юридико-полити-

---

[5] В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 40.

[6] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 528—529.

ческим учреждениям в материальных интересах различных классов русского общества».[7]

В нашей литературе, правда, высказывается и мнение, что «три черты», определяющие, по Ленину, систему народнических взглядов, не имели в виду революционных народников, а касались только народников либеральных, что и вообще во всей статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин сопоставлял с просветительством 60-х годов только народничество 80—90-х годов — либеральных народников этого времени — и совершенно обходил вопрос о революционном народничестве. Но согласиться с подобной точкой зрения нет основания. Разумеется, поскольку поводом для полемики В. И. Ленина послужили выступления представителей различных оттенков легальной народнической мысли конца века, это не могло не наложить своего отпечатка на содержание ленинской статьи и на некоторые подробности в конкретном раскрытии «трех черт». Когда В. И. Ленин говорит о признании народниками капитализма «упадком, регрессом», он возвращается в этих именно словах к полемике с Николай—оном, которую он вел в «Новом слове» в работе «К характеристике экономического романтизма».[8] Указывая на стремления народников «прекратить ломку» капитализмом «вековых устоев», он почти буквально цитирует тоже Николай—она.[9] В связи с отсутствием у народников материалистического объяснения таких социальных факторов, как «интеллигенция» и «юридико-политические учреждения страны» (т. е. государство и его институты), Ленин прямо ссылался на выражения В. П. Воронцова, С. Н. Южакова, того же Николай—она. Можно было бы привести из ленинской работы другие места, где автор непосредственно подвергал критике отдельные ли писания или общую направленность идей либеральных народников 90-х годов. Но нельзя забывать о том, что в социально-экономических концепциях и либеральных, и революционных народников было немало общего; и если взять основы тех социально-экономических понятий, которые выражены в «трех чертах», отвлекаясь

---

[7] Там же, стр. 507—508.

[8] В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 211.

[9] В «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» (СПб., 1893, стр. 345—346) Николай—он призывал, «опираясь на материальные условия производства, унаследованные нами от нашего исторического прошлого, прекратить ломку нашей веками сложившейся формы производства, основанной на владении орудиями производства самими непосредственными производителями». Ленин определял эти призывы как «реакционные вопли» (От какого наследства мы отказываемся? стр. 528).

от тех либо иных частностей, то невозможно не прийти к выводу, что в них — да и в ряде других положений ленинской статьи — критика направлена против некоторых коренных свойств народнической доктрины в целом. Признание капитализма «уклонением с пути», предписанного исторической жизнью нации, вера «в особые пути отечества», «идеализация крестьянина», иллюзии об «общинности», «общинных качествах»,[10] отсутствие материалистического подхода к общественным явлениям и «социологического реализма» — все это было характерно вообще для народнической теории. Когда В. И. Ленин говорит о народничестве как целом течении общественной мысли, сыгравшем «крупную историческую роль»,[11] когда он говорит о постановке народничеством перед общественной мыслью вопроса о капитализме (хотя отнюдь не получившего в народничестве верного решения) как о крупной исторической заслуге для своего времени,[12] он, конечно, имеет в виду не либерально-народническое направление и уж во всяком случае не только его.

Как выше несколько раз отмечалось, вопрос о судьбах капитализма в России, о его значении, вера в возможность «иного» (сравнительно с западноевропейским), некапиталистического пути развития — это стояло в центре внимания народнической теории. На эту сторону дела обращал постоянно исключительно большое внимание В. И. Ленин.

В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Ленин, говоря о значении теории Маркса, указывал: «Выработка новой методологической и политико-экономической теории означала такой гигантский про-

---

[10] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 522, 526, 532, 539.

[11] Там же, стр. 545.

[12] Там же, стр. 531. Народничество — и революционное, и либеральное — отличалось значительной пестротой. У отдельных представителей народнического движения были свои оттенки, свои уклонения от господствующих в направлении, как таковом, мнений. Поэтому не так трудно найти у того или другого народника своеобразные суждения, например, о государстве или даже об интеллигенции, о состоянии общины, об упадке «общинного» духа и т. д. и т. п. Но мы говорим о типичных явлениях, определяющих дух и характер всего течения.

Хотелось бы напомнить и о существующей в литературе версии, согласно которой в статье «От какого наследства мы отказываемся?» нашла известный отзвук устная дискуссия, имевшая место в 1897 г. в Красноярске между В. И. Лениным и одним из поздних народовольцев Ясевичем. См.: Марк Горбунов [Е. Е. Колосов]. Ленин в Красноярске. «Былое», № 25, 1924; Г. Тихомирнов. Предисловие к публикации «Ленин в Красноярске». «Пролетарская революция», 1928, № 11—12 (82—83).

гресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»;[13] около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения».[14]

Хорошо известно, что имена Маркса и Энгельса пользовались среди народников-семидесятников большой популярностью и искренним уважением, что в их числе были люди, занимавшиеся с бóльшим или меньшим рвением изучением произведений основоположников научного коммунизма и прежде всего

---

[13] «Судьбы капитализма в России» — так называлась книга одного из главных идеологов либерального народничества (социально-экономические концепции которого, однако, в основе своей так или иначе восприняты были и большинством народников революционных) В. П. Воронцова, писавшего под псевдонимом «В. В.». Книга, вышедшая в 1882 г., составилась из статей, печатавшихся в течение нескольких лет до этого в разных журналах. Было бы тем не менее ошибкой (она допускается иногда в нашей литературе) считать, что только примерно ко времени появления работ Воронцова, вообще где-то около рубежа 70-х и 80-х годов, вопрос о капитализме приобрел в общественном мнении особое значение. Не говоря уже о высказываниях шестидесятников и их непосредственных предшественников, имевших разные оттенки, но в общем ставивших вопрос о капитализме в России еще с точки зрения возможных (или невозможных), желательных или нежелательных будущих перспектив (Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Шелгунов и т. д.), деятели народнического поколения 70-х годов крайне «озабочены» были проблемой капитализма в России задолго до конца десятилетия. Достаточно привести пример известного выступления Н. К. Михайловского в «Отечественных записках» за апрель 1872 г. по поводу выхода русского перевода первого тома «Капитала» Маркса. Михайловский писал: «Пока благодаря крепостному праву и другим условиям наша промышленность не имела ровно никакого значения, естественно было желать главным образом ее развития. Но теперь это уже вопрос, постепенно отступающий на второй план, а на первый план выдвигается вопрос о формах, которые могут принять промышленные отношения у нас. Поднимать его раньше было бы рано, настаивать на нем позже будет уже, может быть, поздно. Итак, мы сражаемся не с ветряными мельницами, не с фантомами (т. е. капитализм не «фантом» и не «ветряные мельницы», — *Ш. Л.*). Мы делаем надлежащее дело в надлежащее время и в надлежащем месте... Мы не только не презираем Россию, но видим в ее прошедшем, а покуда и еще в настоящем многое, за что можно ухватиться для предотвращения неправильностей европейской цивилизации» (Полн. собр. соч., т. X, изд. 2-е, СПб., 1913, стлб. 9). В следующем году Михайловский писал П. Л. Лаврову: «Борьба со старыми богами меня не занимает, потому что их песня спета, и падение их есть дело времени. Новые боги (капитализм, буржуазия, — *Ш. Л.*) гораздо опаснее и в этом смысле хуже» (там же, стлб. 65).

[14] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 275.

«Капитала» Маркса.[15] Но марксистами они от этого не становились, хотя отдельные элементы марксистского учения нередко усваивались. Впоследствии В. И. Ленин указывал, что «в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма» (о большинстве семидесятников можно сказать, что они этого и не хотели). «Эти теории, — по словам Ленина, — софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и „по Марксу" пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!».[16]

В статье «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин заявлял: «Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западноевропейская мысль (Ленин, разумеется, имел в виду учение Маркса и Энгельса, — *Ш. Л.*), не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского». Ленин отмечал, что, расшаркиваясь пред авторами этого анализа, перед Марксом и Энгельсом, народники продолжали оставаться «такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы».[17]

Вопреки народникам, рассматривавшим капитализм в России как регресс, отрицавшим для России его положительную историческую роль, желавшим «искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата»,[18] В. И. Ленин писал о «творческой» (кавычки Ленина) исторической работе капитализма, «обобществляющего труд и создающего „социальную силу", способную преобразовать общество, силу пролетариата».[19] «И крепостничество и капитализм означают эксплуатацию труда, *в этом смысле* означают *оба* строя — „петлю и кабалу". Но крепостничеству свойственны: вековой

---

[15] В речи, посвященной памяти Г. Елисеева и Н. Шелгунова, прочитанной в июне 1891 г. в Париже, П. Л. Лавров говорил о том движении мысли, которое, между прочим, «создало в нашем отечестве переводчиков и читателей книги Маркса («Капитала», — *Ш. Л.*) гораздо раньше, чем где-нибудь вне Германии» (П. Л. Лавров. Последовательные поколения. В память Г. З. Елисеева и Н. В. Шелгунова. Издание кружка народовольцев. Женева, 1892, стр. 36). В то же время Маркса порой превращали, говоря словами одного автора, в «главного философа» русского народничества.

[16] В. И. Ленин. По поводу юбилея, стр. 162—163.

[17] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 533.

[18] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 304.

[19] В. И. Ленин. От народничества к марксизму. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 192.

застой, забитость и темнота трудящихся, низкая степень производительности труда. А капитализму свойственно очень быстрое экономическое и общественное развитие, громадное повышение производительности труда, разрушение забитости трудящихся и пробуждение в них способности к сплочению и к сознательной жизни».[20] Эти слова написаны Лениным много позже, в 1914 г., против тогдашних «народников» («Русское богатство») и «левонародников» (эсеры), но они хорошо резюмируют исконный взгляд Ленина, который он развивал в своей длительной идейной борьбе с народничеством начиная с 90-х годов.

В длинной серии трудов (ее в конце 90-х годов увенчивало гениальное исследование «Развитие капитализма в России») В. И. Ленин вскрыл беспочвенность утверждений о «самобытности» развития России, об отсутствии в ней капитализма или о его «безнадежности, безысходности»,[21] о «случайности», «искусственном» характере русского капитализма, обязанного будто бы своим существованием и относительным ростом только «насаждению» сверху, покровительству правительства и т. п. «Неприятный» мелким производителям (и их идеологам) крупный капитализм, подчеркивал В. И. Ленин, «не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил».[22]

Отношение народников к капитализму, как многократно указывал В. И. Ленин, было связано тесным образом с их представлениями об особенностях уклада деревни, с их отношением к сельской общине. Характеризуя в 1903 г. «ста-

---

[20] В. И. Ленин. О левонародниках. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 156.

[21] «Так думают народники различных оттенков. Но этот взгляд в корне неверен, и жизнь давно опровергла его», — добавлял Ленин в статье «Сущность „аграрного вопроса в России“» (Полн. собр. соч., т. 21, стр. 306). Конечно, в «разношерстном» лагере народников встречались и те или иные колебания по вопросу о ходе экономического развития России и перспективах капитализма. Например, в журнале «Русское богатство» за 1884 г. можно прочесть утверждение, что «капитализм в России, хотя и медленно, но делает свое дело, и убаюкивать себя тем, что у нас нет для него „почвы“, представляется оптимизмом очень вредным» (анонимная рецензия — может быть, В. Бирюковича? — на книгу Ф. Ф. Эрисмана «Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда» (ч. III, М., 1883) в «Русском богатстве» (1884, № 2, стр. 460)). Это заявление отнюдь не единичное. Но такие признания в общем и целом обычно уживались с основными народническими воззрениями на «судьбы капитализма в России».

[22] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 369.

рое русское, классическое, революционное народничество», В. И. Ленин говорил о его вере «в особый уклад крестьянского хозяйства», «в общину, как зародыш и базис социализма», «в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ».[23] Конечно, многие народники 70-х годов видели трудности, переживаемые общиной, «непривлекательные» стороны «общинной» жизни. Эмигрантский орган, сам носивший даже символическое название «Община», писал в начале 1878 г.: «При современных экономических и общественных отношениях, при нашей податной системе, община превратилась в чисто административное учреждение, к которому вся государственная жизнь с своими затеями освобождения, и внутреннего и внешнего,[24] является только в форме требований: „подавай людей, подавай деньги!“».[25] Отмечала народническая литература и признаки разложения общины. Тем не менее «вера» в общину как в орудие, способное (если удастся с нее снять подавляющий ее извне гнет) избавить Россию от общеевропейского пути капиталистического развития, оставалась достаточно крепка у народников 70-х годов (за исключением таких маловлиятельных групп, как поздние «лавристы», отделившиеся от самого Лаврова). Внутренний обозреватель «Отечественных записок» писал в конце 1879 г.: «В России общинное владение до сих пор удержалось, если не везде de facto, не везде в привлекательном виде, то несомненно, что оно повсюду почти сохранилось в мыслях и идеалах народа во всей неприкосновенности и целости и недостает только внешних благоприятных условий, чтобы оно воссоздалось в своем настоящем виде».[26]

«Человек будущего в России — мужик, думали народники, — писал Ленин в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», — и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма». От лица марксистов Ленин отвечал: «Человек будущего в России — рабочий... и развитие русского капитализма, как

---

[23] В. И. Ленин. Народничествующая буржуазия и растерянное народничество. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 77.

[24] Намек на русско-турецкую войну.

[25] В. Черкезов. Россия, I. По поводу войны. «Община», Женева, 1878, № 1, январь, стр. 25. В той же статье автор писал: «Не менее бывает озадачен и поклонник *современной* общины при разговорах с мужиками, готовыми при всяком случае и выругать „обчество“ за стеснения в паспортах, за худую раскладку повинностей, и готовыми бежать куда-нибудь от „обчества“» (там же).

[26] [Г. З. Елисеев]. Внутреннее обозрение. «Отечественные записки», 1879, № 12, стр. 218.

в земледелии, так и в промышленности, все более и более подтверждает их взгляды».[27] Ленин называл иллюзорными воззрения народников об «особом укладе народной жизни», о «социалистических инстинктах» крестьянства, подчеркивая, что «никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет», что не может быть «иного пути к социализму, как через рабочее движение».[28]

Ссылаясь на наблюдения А. Н. Энгельгардта, автора писем «Из деревни», В. И. Ленин заявлял, что «россказни об общинности и общинных качествах нашего мужика — пустая выдумка, переносящая на *хозяйство* черты, отвлеченные от формы *землевладения*», и что «тенденция крестьянства» — не к «общинному» строю, а к обычному для капиталистического общества строю мелкобуржуазному.[29]

В. И. Ленин вовсе не оспаривал, что у России, в ее аграрных отношениях, существует по сравнению со сложившимися капиталистическими странами Запада, «крупная особенность», но она не «в полусоциалистическом общинном строе», как думали «старые социалисты-народники» (писано весной 1905 г.), а в обилии крепостнических пережитков, опутавших русскую деревню и делающих невозможным «широкое и свободное» развитие капитализма.[30]

Вопрос об упадке общины был непосредственно связан с возникновением и развитием классовых антагонизмов *внутри* крестьянства.

Отмечая факт «мечтательного преувеличения значения общины, которым всегда грешили народники», В. И. Ленин подчеркивал, что «общинный быт» вовсе не «исключал буржуазию», не исключал «раздробления крестьян».[31] В ходе резкого и решительного спора с либеральными народниками 90-х годов Ленин еще в труде о «друзьях народа» высказывал мысль, что либеральные народники, утратившие «хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества», крепко ухватились за «одну из крупных его ошибок» — за «непонимание классового антагонизма внутри крестьянства».[32] Правда, смягчая характер этой «ошибки» старых социалистов,

[27] В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм, стр. 40—41.

[28] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 296.

[29] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся?, стр. 523.

[30] В. И. Ленин. Аграрная программа либералов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 45.

[31] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 386.

[32] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 262.

Ленин тут же указывал, что в соответствующую «иллюзию» [33] «позволительно и даже естественно было впадать» в 60-х и 70-х годах, когда еще мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни и «разложение» деревни «еще не обнаруживалось так ярко», как в 90-х годах.[34] Народников 90-х годов Ленин уже прямо обвинял в затушевывании разложения крестьянства, при котором за счет среднего крестьянства выделялись и развивались два новых типа сельского населения — сельская буржуазия, или зажиточное крестьянство, и сельский пролетариат (совершенно безземельное крестьянство и, главное, батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом).[35]

В конце 1893 г. в письме к П. П. Маслову В. И. Ленин подчеркивал, что ему разложение мелких производителей (крестьян и кустарей) представляется основным и главным фактом, разъясняющим городской и крупный капитализм в России и «разрушающим миф об особом укладе крестьянского хозяйства».[36]

Нет необходимости подробно останавливаться на таком свойстве народников, как отрицание роли фабрично-заводских рабочих в качестве «передовых борцов всего пролетариата».[37]

---

[33] Ленин цитировал мысль одного из первых русских марксистов И. А. Гурвича о том, что народник 70-х годов антагонизм внутри крестьянства ограничивал «отношениями между „эксплуататором" — кулаком или мироедом — и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом» (Что такое «друзья народа»..., стр. 262).

[34] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 263. Это не значит, конечно, что процесс «разложения» вообще не проявлялся. В статье «От какого наследства мы отказываемся?» (стр. 513) Ленин говорит, по поводу книги Скалдина, составившейся из статей 1867—1869 гг., о замечавшемся уже и тогда разложении крестьянства. В другом месте Ленин еще несколько раньше отмечал, что «как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри „народа"» (Экономическое содержание народничества..., стр. 442). В 1876 г. в сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» была помещена статья князя А. И. Васильчикова «О настоящем положении землевладения в России», в которой автор писал о «распадении крестьянского сословия», «быстром росте сельского пролетариата», о том, что в некоторых губерниях число одних безземельных крестьян достигло 10—15% всего сельского населения, что из общей массы крестьян выделяются «слабейшие хозяева», между тем как другая часть — «более состоятельная, даже зажиточная» — «старается приобрести в собственность смежные угодья, чтобы избавиться от зависимости от владельцев», и т. д. (стр. 426—427).

[35] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 168—170, 597.

[36] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 1.

[37] Понятие «пролетариат», как разъяснял В. И. Ленин, гораздо шире понятия «фабрично-заводской пролетариат». По отношению

Подобно шестидесятникам (но при более высоком уровне развития капитализма и соответственно гораздо более высокой стадии процесса формирования рабочего класса), народники 70-х годов видели главный центр народной жизни в деревне и основную массовую революционную силу в крестьянстве. Как известно, и в рабочей среде они с особой заинтересованностью относились к тому слою, который сохранил с деревней наиболее тесные связи и благодаря этому рассматривался как особенно ценный посредник между революционной интеллигенцией и крестьянством. Об этом говорят и программные народнические документы, и мемуары революционеров-народников, и некоторые официальные данные. Если распределение пропагандистско-агитаторских сил часто оказывалось не отвечающим этим воззрениям, то это было известным противоречием между теорией и практикой, противоречием, вызванным логикой самой действительности.

Вопроса об отрицательном отношении народников 70-х годов к политической борьбе, о проповеди «сразу» социалистического переворота В. И. Ленин касался в своих произведениях неоднократно. Еще в труде «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» Ленин платформу старых революционных народников характеризовал как рассчитанную на то, чтобы «*поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*». К данному месту своей книги В. И. Ленин сделал весьма многозначительное (очень часто цитируемое в исторической литературе) примечание: «К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками[38] и кончая народовольцами, у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий Земский собор, занимала далеко не последнее место».[39]

к «пролетариату вообще», писал Ленин еще в книге о «друзьях народа», «фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда» (Что такое «друзья народа»..., стр. 328).

[38] «Народниками», как сменившим бакунистов, бунтарей течением или направлением, В. И. Ленин здесь, очевидно, считал революционеров второй половины 70-х годов, объединенных вокруг подпольного общества «Земля и воля» или разделявших его идейные позиции. Они тоже считали себя последователями Михаила Бакунина, тоже были бунтарями, но внесли в бакунистские догмы некоторые изменения программно-тактического и организационного характера. Название «народников» землевольцы сами и присвоили себе.

[39] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 272. В последних словах Ленин имел в виду «прогноз», высказанный в передовой статье № 2 «Народной воли» (1879), относительно того, что в будущем Учредительном собрании, которое составится «самостоятельно или по

Но по существу, говоря об отрицательном отношении революционных народников к «политической революции и буржуазной политической свободе», В. И. Ленин, конечно, имел в виду донародовольческий этап народнического движения 70-х годов, для которого и характерна была позиция своеобразного аполитизма. В. И. Ленин вместе со всей русской революционной социал-демократией резко критически оценивал народническое отношение к «политической» (т. е. к буржуазной) революции и к «буржуазной политической свободе». В работе «Экономическое содержание народничества» он с глубокой иронией говорил о «доброй старой теории российских народников, по которой „интеллигенция" приглашалась пожертвовать „свободой", ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народ отдала бы в руки „имущего мещанства"». «Мы, — добавлял В. И. Ленин, — не станем спорить против этой нелепой и реакционной теории, потому что от нее отказались современные народники вообще и наши ближайшие противники, гг. публицисты „Русского богатства", в частности».[40] Одновременно следует отметить, что Ленин подчеркивал связь между непризнанием политической борьбы и верой в непосредственный социалистический переворот, основанной на идеализации общины и крестьянства. «Вера в коммунистические инстинкты мужика, — писал он, — естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и „шли в народ"».[41] Известно, что победа крестьянской «социалистической революции», разрушающей «основы современного общества», по убеждению революционных народников, неизбежно должна была принести всему народу одновременно как экономическое, так и политическое освобождение.

Аполитизм народничества 70-х годов В. И. Ленин связывал также с воздействием анархической доктрины. В книге «Две тактики социал-демократии в демократической револю-

---

приглашению правительства», 90% депутатов — от крестьян и, «если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии». В высшей степени вероятно, считала «Народная воля», что такое Учредительное собрание совершило бы «полный переворот всех наших экономических и государственных отношений». В брошюре «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханов назвал это «пророчество» «типическим образчиком фикций, наскоро придуманных для соглашения практической программы „Народной воли" с народническими теориями»: «90% депутатов, сочувствующих социальной революции, более чем достаточно для осуществления стремлений русских народников» (Соч., т. II, М.—Пгр., 1924, стр. 42—43).

[40] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 378.

[41] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 286.

ции» (1905) Ленин говорил о сущности и значении буржуазной революции. «Так как,— писал он,— господство буржуазии над рабочим классом неизбежно при капитализме, то можно с полным правом сказать, что буржуазная революция выражает интересы не столько пролетариата, сколько буржуазии. Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вовсе интересов пролетариата. Эта нелепая мысль сводится либо к стародедовской народнической теории, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что нам не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. Либо эта мысль сводится к анархизму, отрицающему всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме... Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма».[42] В. И. Ленин тут связывал мечтания о некапиталистическом пути с аполитизмом, отрицанием буржуазных политических свобод. Притом в данном отрывке Ленин в какой-то мере разграничивал аргументацию «народничества» и «анархизма». Однако не нужно думать, будто Ленин принципиально противопоставлял народнические и общеанархические воззрения на «политику». Ленин писал о связи старого народничества с анархизмом или полуанархизмом. За несколько месяцев до «Двух тактик» в газете большевиков «Вперед» он указывал, что старое русское революционное народничество стояло «на утопической, полуанархической точке зрения». «Мужика-общинника считали готовым социалистом. За либерализмом образованного русского общества ясно видели вожделения русской буржуазии. Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба за учреждения, выгодные буржуазии». Тут же Лениным отмечалось, что народовольцы перешли к политической борьбе, сделав этим «шаг вперед», хотя им не удалось связать политическую борьбу с социализмом.[43] Важное значение имеют мысли, высказанные Лениным в связи с интересующим нас вопросом

---

[42] В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 36—37.

[43] В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 179. В плане-тезисах той же статьи находим у Ленина формулировку: «Анарх[ически]-народ[ническое] и с[оциал]д[емократическое] отн[ошение] к „б[уржуа]з[ной]“ свободе» (Ленинский сборник, V, М.—Л., 1926, стр. 67).

впоследствии в книге «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» (1920). В ней В. И. Ленин говорит о сравнительно ничтожном влиянии в России анархизма в период революций 1905 и 1917 гг., как и во время подготовки к ним. Он находил, что это несомненно следует отчасти поставить в заслугу большевизму, его постоянной беспощадной и непримиримой борьбе против оппортунизма (а Ленин признавал, что анархизм «нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения» — обе «уродливости» пополняли друг друга). Но Ленин вместе с тем подчеркивал и другое обстоятельство: еще более важную роль, по его словам, в ослаблении анархизма в России сыграло то, что анархизм «имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса».[44]

Следует сказать, что позднейшие (начала XX в.) народники иногда пытались преуменьшить роль анархизма — и соответственно главного «апостола» анархизма Бакунина — в русском народническом движении 70-х годов. Можно привести в пример рецензию Н. В. Чайковского на книгу В. Я. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов». Этот автор утверждает, что «большинство активных (т. е. революционных,— *Ш. Л.*) народников того времени, за исключением нескольких, по преимуществу южных кружков, по своим политическим стремлениям, правда довольно неясным, были демократами-республиканцами, что и отразилось уже совершенно ясно на программе последующих политических группировок „народовольчества", „народоправства" и „эсерства": анархизма в них не было и следа, хотя враги их и продолжали „читать его в сердцах"».[45] Едва ли аргументация, противоречащая точно установленным фактам и косвенно переносящая черты позднейших направлений на старое народничество, нуждается в специальном опровержении.

---

[44] В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15. Р. В. Филиппов в своей книге «Из истории народнического движения на первом этапе „хождения в народ" (1863—1874)» (Петрозаводск, 1967) считает, что мысль В. И. Ленина относительно необыкновенно пышного развития анархизма в 70-е годы нельзя относить «целиком к России» (стр. 91). Мы полагаем (и в пользу этого безусловно говорит весь контекст), что Ленин в данном случае имел в виду именно Россию, русское революционное движение или во всяком случае прежде всего и главным образом русское народническое движение.

[45] «Голос минувшего», 1913, № 6, стр. 252. Под «врагами» автор разумел русских марксистов, социал-демократов.

Другое дело — реальный, объективный смысл борьбы против «государственности», которую вели русские народники-анархисты (а анархистами, можно добавить, были не только сторонники Бакунина (они, разумеется, в первую очередь), но в значительной степени и их антагонисты — лавристы). Г. В. Плеханов указывал в статье «О социальной демократии в России» (1893): «„Бунтарь" шел в народ с тем, чтобы поднимать его против *всякого вообще государства* во имя свободной федерации свободных общин.[46] Но на деле выходило, что *агитация,* поскольку она возможна была в деревне, сводилась к протесту против *нынешнего полицейско-сословного государства.* Проклинавший „политику" бунтарь на деле оказывался прежде всего *политическим агитатором*».[47] В другом месте (статья «Первые шаги социал-демократического движения в России», опубликованная в 1909 г. в органе германских социал-демократов) Плеханов писал: «Будучи верны заветам Бакунина, они (бунтари, — *Ш. Л.*) хотели бороться с „государством". Но в России им приходилось бороться не с государством, как таковым, не с понятием государства, а с *конкретным русским полицейским государством.* Поэтому их агитация, вопреки Бакунину, считавшему всякую „политику" изменой *революции,* неминуемо приобретала определенный *политический* характер».[48] Объективное политически-революционное значение деятельности народников и на «дополитическом» этапе движения 70-х годов здесь верно подмечено и подчеркнуто.[49]

Говоря о ленинском понимании идейных источников народничества, нельзя не остановиться на освещении им вопроса о взаимоотношении между народничеством и славянофильством. Непосредственным мотивом для обсуждения Лениным в печати этого вопроса явилась его заостренная постановка

---

[46] Напомним общую позицию Плеханова, как она выражена, например, в № 1 ленинско-плехановской «Зари», в статье «Еще раз социализм и политическая борьба»: «...народники семидесятых годов были в значительной степени пропитаны духом анархизма» (Соч., т. XII, М., 1924, стр. 68).

[47] Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, М., 1923, стр. 17.

[48] Там же, т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 176—177.

[49] Любопытны соображения современника из другого, либерального, лагеря, известного юриста и публициста А. Д. Градовского, относящиеся к концу 70-х годов. Напоминая о заявлениях русских социалистов относительно их «равнодушия» к политическим вопросам, Градовский писал: «На деле же их „равнодушие" к политическим вопросам подвержено сильному сомнению. До сих пор все „пропаганды" имели по преимуществу политический характер, возбуждали политические страсти, и убийства совершались не над „буржуа", а над государственными должностными лицами» (А. Д. Градовский. Трудные годы (1876—1880). Очерки и опыты. СПб., 1880, стр. 129—130).

в «легально-марксистской» книге П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Струве начинал с признания существования в народничестве двух групп — славянофильской и западнической, но в дальнейшем находил и у представителей западнической группы материал, который *«документирует славянофильские корни народничества»,* и, делая в конце концов вывод об «исторической связи» между славянофильством и народничеством, он заявлял, что спор марксистов с народниками является «естественным продолжением разногласия между славянофильством и западничеством».[50]

В. И. Ленин выразил свое несогласие с тезисом Струве. «Бесспорно, — писал он, — что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора». Имея здесь в виду некоторых легальных народнических публицистов, он в качестве примера указал на С. Н. Южакова. «Бесспорно и то, — продолжал Ленин, — что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной „цивилизации“». Тем не менее он оспаривал позицию Струве. При этом он переносил вопрос в плоскость анализа самой «сущности народничества». Она, заявлял Ленин, лежит не в славянофильстве, а «в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя». «С такими категориями, как славянофильство и западничество», по убеждению Ленина, невозможно было разобраться в проблемах русского народничества, ибо народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в эпоху, когда складывались славянофильство и западничество. Этим фактом Ленин признавал противоположность интересов труда и капитала. Правда, народничество отразило его «через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития». Задачей русских марксистов являлось, по мнению В. И. Ленина, «исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей». Другими словами, выдвигалась задача обосновать историческую миссию рабочего класса России.[51]

[50] П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I. СПб., 1894, стр. 2, 18, 29.

[51] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 422—423.

Споря со Струве, В. И. Ленин по существу вскрывал уязвимость и ограниченность концепции, имевшей многих сторонников в русской литературе и до сих пор упорно поддерживаемой рядом историков и литературоведов в западных странах, иногда даже в странах социалистического лагеря.[52] Сближал народничество со славянофильством либеральный исследователь русской литературы и общественной мысли А. Н. Пыпин. Близкую позицию занимал известный историк русского общественного движения, левый либерал или полулиберал (в прошлом народоволец и затем «легальный марксист») В. Я. Богучарский. Значительный материал мобилизовал в своих многочисленных попытках установить славянофильские (в ряду иных) источники народнического мировоззрения Г. В. Плеханов, с которым был солидарен П. Б. Аксельрод, писавший о «революционно-славянофильском народничестве», «славянофильском социализме — словом народничестве» и т. д.[53] Ошибка исследователей заключалась обычно в том, что они придавали слишком большое и даже решающее значение формальному сходству отдельных теоретических положений, игнорируя или сильно недооценивая коренные различия в социальной природе явлений и в конечном внутреннем смысле самих идейных установок, вследствие чего подчас, говоря словами одного из историков второго десятилетия XX в., «созвучие выражений» принималось за подлинную «общность идей».[54]

Разумеется, в широком понятии «народничество», покрывавшем сплошь и рядом глубоко различные явления, находилось место для того «смутного славянофильского народничества», против которого, например, выступал в конце 80-х годов П. Л. Лавров,[55] но это не было истинное народничество как выразитель крестьянского демократизма — то были чаще всего демагоги под флагом «народничества», иногда же «отще-

---

[52] А. Л. Григорьев. Спор о наследии. (О некоторых концепциях русской литературы в современном зарубежном литературоведении). «Русская литература», 1967, № 2, стр. 174.

[53] Ш. М. Левин. Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов. В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, стр. 33—39.

[54] Характерно, что сам Струве много лет спустя после того, как Ленин показал односторонность и неправильность его тезиса, продолжал говорить о «славянофильско-народнической теории» и даже утверждал, что русская революция 1905 г. якобы в идейном отношении «всецело была во власти» этой теории (Петр Струве. Patriotica. Сборник статей за пять лет — 1905—1910. СПб., 1911, стр. 43).

[55] П. Л. Лавров. Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли. В кн.: П. Л. Лавров. Философия и социология. Избр. произведения в двух томах, т. 2, М., 1965, стр. 662—663.

пившиеся» в обстановке реакции от народничества бывшие его сторонники и последователи.

Истоки народнических идей В. И. Ленин, конечно, возводил к непосредственным идеологам, прямым духовным вождям народничества 70-х годов (Бакунин, Лавров и др.), об отношении к которым Ленина у нас еще будет речь впереди, а также к некоторым представителям мелкобуржуазной общественной науки Запада, как Прудон или Сисмонди.

Но В. И. Ленин не отрицал идейных нитей, протягивавшихся к народничеству 70-х годов от русских революционных демократов — просветителей 40-х—60-х годов. В полной мере Ленин признавал очень большую роль в истории народничества А. И. Герцена, которого, как мы видели, он называл совершенно определенно основоположником «русского» социализма, «народничества».[56] В статье «О народничестве», явившейся одним из откликов Ленина на выступление в декабрьской книге «Русского богатства» за 1912 г. А. В. Пешехонова (на статью последнего «Народный социализм или пролетарский?»),[57] Ленин писал: «Народничество очень старо. Его родоначальником считают Герцена и Чернышевского».[58] Устанавливая снова, в 1914 г., в статье «Из прошлого рабочей печати в России», идейную связь по линии народничества между Герценом и Чернышевским, В. И. Ленин писал, что «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена»: он был «гораздо более последовательным и боевым демократом».[59]

Что Ленин не отрывал Чернышевского от народнических теорий, подтверждают косвенно и подготовительные материалы его к лекциям по аграрному вопросу в Русской высшей школе общественных наук в Париже в 1903 г.[60]

Но из всего этого не следует, что В. И. Ленин ставил полностью знак равенства между воззрениями Чернышевского (и его ближайших единомышленников вроде Добролюбова) и взглядами типичного народничества 70-х годов. Об этом говорят уже мысли Ленина, высказанные в конце 90-х годов в статье «От какого наследства мы отказываемся?». В ней подразумевается, как мы уже отмечали, как самый яркий представитель

---

[56] В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

[57] Другим ленинским откликом была его статья «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» в журнале «Просвещение» за февраль 1913 г.

[58] В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

[59] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

[60] В. И. Ленин. Тетради по аграрному вопросу. Соч., изд. 4-е, т. 40, стр. 16.

демократического просветительства, Н. Г. Чернышевский, и очерчены особенности народнических «прибавок» к «наследству» 60-х годов, отделяющих народников в ряде пунктов от этого «наследства». Ленин, в частности, отделял «просветителей» от «народников» по линии проблемы «самобытности», которую он считал полностью несоответствующей «духу» 60-х годов и их традиции.[61] «Реализм» в вопросах социологических Ленин также относил к лучшим традициям 60-х годов — в отличие от народничества. С отсутствием социологического реализма у народников Ленин ставил в связь их «узко-интеллигентное самомнение», веру в то, что от деятельности интеллигенции может зависеть тот или иной путь развития страны, чего он тоже не находил в традициях передовой общественной мысли 60-х годов.[62] Поэтому В. И. Ленин мог уже в этой статье сделать вывод о том, что русские марксисты в определенном смысле ближе к демократам-просветителям, чем народники. Из всего этого не следует, что в работе «От какого наследства мы отказываемся?» было налицо полное противопоставление всех народников революционному просветительству. Ленин призывал подходить к народничеству дифференцированно, даже и к народничеству легальному, либеральному. В народничестве, как он указывал, «есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма (здесь имелись в виду люди типа Юзова-Каблица, — *Ш. Л.*) и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам „наследства“, и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника)».[63]

Что касается революционных народников 70-х годов, то они не только не «отрекались» от наследства передовых демократов 60-х годов, но субъективно признавали себя самыми верными и стойкими его последователями и продолжателями и фактически на самом деле испытали большое его влияние, хотя

[61] Надо, впрочем, напомнить слова самого Ленина об отсутствии единства в 60-х годах. Этого единства не было и в самом демократическом лагере, где были более или менее ярко выраженные представители идей «самобытности». Вспомним некоторые работы Г. З. Елисеева или прокламацию Н. В. Шелгунова «К молодому поколению», о которой М. С. Ольминский писал: «Воззвание „К молодому поколению“ заключает в себе резко выраженные черты того течения мысли, которое впоследствии стало известно под именем революционного народничества» (см. рецензию М. Ольминского на книгу Мих. Лемке «Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского» в журнале «Образование» (1907, № 3, 3-й отд., стр. 113)).

[62] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 533, 539.

[63] Там же, стр. 545—546.

не всегда правильно учитывали содержание взглядов и метод своих предшественников и «учителей». П. Л. Лавров в конце 1873 г. в предисловии к первой публикации «Писем без адреса» Чернышевского писал о нем: «Он вызвал целую школу людей, вдохновленных его искренним чувством вражды ко всему лицемерному, любви к русскому народу, поставленных на настоящий путь его светлою, могучею мыслью. Многие из них изменили, другие утомились, отстали, но то, что есть еще живого, то, что имеет будущность в деятельности людей, бывших хотя временно под его влиянием, принадлежит именно этому влиянию».[64] В другой работе (в начале 80-х годов) Лавров отмечал, что «под неумолимыми ударами холодной критики Чернышевского и насмешливыми звуками „Свистка" разлетались призраки либеральных традиций... Либералы политические потеряли навсегда возможность стать во главе революционного движения против самодержавия».[65] В 1899 г. старый революционный народник Л. Э. Шишко выступил против статей Евг. Соловьева-Андреевича в журнале «Жизнь», в которых народничество 70-х годов резко противопоставлялось Чернышевскому и Добролюбову и, между прочим, утверждалось, что у Добролюбова «нет и следа народничества, которому было суждено появиться 10 лет спустя».[66] Отнюдь нельзя сказать, что аргументация Шишко в целом была сколько-нибудь безупречна. Но существенно отметить убежденность самого Шишко в духовном родстве революционных семидесятников с Чернышевским и Добролюбовым. Чернышевского Шишко называл «главнейшим авторитетом» семидесятников «во всех экономических вопросах»; он настаивал на тождестве взглядов влиятельнейшего публициста шестидесятых годов и умственного движения семидесятых годов в «главном пункте» — в их «отношении к народу».[67]

Можно отметить в дополнение утверждение бывшей видной революционерки-семидесятницы, а потом одной из основательниц группы «Освобождение труда» В. И. Засулич на страницах ленинской «Искры», в состав редакции которой она сама входила, что своими революционными мыслями Добролюбов

[64] П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. III, М., 1934, стр. 169.

[65] П. Л. Лавров. Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма. СПб., 1906, стр. 16.

[66] Евг. Соловьев. Семидесятые годы. «Жизнь», 1899, кн. I, январь, стр. 113. Кстати, Соловьев был одним из авторов, особенно настойчиво связывавших народничество со славянофильством.

[67] П. Б[атин] [Л. Шишко]. Экскурсия в «малоисследованную и таинственную» область. «Русское богатство», 1899, № 9 (12), стр. 134, 140, 147 («очень таинственным и до обидности мало исследованным» периодом называл Соловьев-Андреевич 70-е годы.)

«через 10, через 15 лет после своей смерти... неизмеримо сильнее влиял на текущую жизнь, чем живые публицисты 70-х годов, ежемесячно печатавшие свои статьи в журналах»[68] (речь, надо думать, шла в этом сравнении о легальной журналистике 70-х годов).

Возвращаясь к сравнительной оценке В. И. Лениным воззрений Чернышевского и наиболее верных его единомышленников и, с другой стороны, народников в более специфическом смысле слова, следует сказать, что взятая в целом совокупность ленинских высказываний о тех и других безусловно говорит за то, что он в последних видел то или иное движение назад, то или иное отступление от теоретического уровня, достигнутого Чернышевским.

Никогда он не писал об идеологах, теоретиках народнического движения 70-х годов так, как он писал о Чернышевском, которого, как мы видели, он признавал величайшим представителем утопического социализма в России. Сопоставляя, в частности, взгляды Михайловского и Чернышевского, Ленин прямо подчеркивал, что Михайловский в философии «сделал *шаг назад*» от Чернышевского. Материалист Чернышевский до конца жизни «смеялся» над «уступочками» идеализму и мистике со стороны позитивистов, за которыми шел Михайловский. И в философии, и в социологии, и в экономической области, как указывал Ленин, взгляды Михайловского были «*буржуазно-демократическими* взглядами, прикрытыми *якобы* „социалистической“ фразой».[69] Но при всех индивидуальных особенностях мировоззрения Михайловского, он во многом был типичным выразителем и представителем теоретических доктрин народничества в целом, имея, в частности, много общего с Лавровым.

Отход от материализма и диалектики, субъективный метод в социологии, анархические или полуанархические тенденции, обострение «самобытнических» иллюзий — в этом выразились «шаги назад» народников 70-х годов по сравнению с наиболее зрелыми элементами революционно-демократического движения эпохи Чернышевского. Разумеется, в движении семидесятников, взятом широко, во всех его компонентах, было немало своих достижений, которые ценил Ленин. Были поставлены новые, выдвинутые жизнью, проблемы и теоретического (вопрос о капитализме хотя бы), и тактического, и организационного характера, были споры, дискуссии, искания,[70] были круп-

---

[68] В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, СПб., 1907, стр. 302.

[69] В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 334—335.

[70] В 1887 г. один из представителей группы «Освобождение труда» (П. Б. Аксельрод) в письме к социал-демократическому кружку про-

ные сдвиги в практической деятельности революционеров, круг которых очень значительно расширился; к движению приобщались новые слои, очень заметным стало активное участие передовых рабочих в революционной борьбе.

Интересно отметить, что В. И. Ленин не критиковал оценок Г. В. Плеханова касательно снижения теоретического уровня революционной общественной мысли после Чернышевского и Добролюбова, с которыми Плеханов выступал многократно. Так, Плеханов, например, писал: «Когда сошли со сцены Добролюбов и Чернышевский, передовая русская общественная мысль покинула на довольно продолжительное время, и с огромным вредом для себя, тот путь, который вел от Гегеля к Марксу. Это была эпоха значительного понижения ее уровня».[71]

Сравнительно недавно были опубликованы ранее неизвестные замечания В. И. Ленина (1901 г.) на статью Д. Б. Рязанова «Две правды», предназначавшуюся первоначально для журнала «Заря». В своей статье (Ленин о ней дал отрицательный отзыв, и она не была принята редакцией) Рязанов, между прочим, писал: «У нас теперь вошло в моду — о, мы умудрены опытом! — смеяться над семидесятниками за их безумные попытки „поворотить назад колесо истории“. Но этот смех доказывает только безусловную неспособность стать на историческую точку зрения. „Мы“, конечно, поступили бы иначе, но,

---

тивопоставлял «упадок умственной инициативы» у восьмидесятников с положением в 70-х годах, когда движение, по его словам, при всех своих недостатках, отличалось «сознательно активным стремлением к выработке последовательной программы революционной деятельности». «Смена нечаевской программы действия программой впередовцев, — писал автор, — вытеснение последней приверженцами бакунизма, которая в свою очередь видоизменилась в бунтарское народничество, все эти довольно крупные изменения в революционном движении 70-х годов свидетельствовали о присутствии в нем обильного родника живых сил, большого запаса умственной и нравственной инициативы, не удовлетворявшейся протоптанными, но не соответствовавшими потребностям времени, дорожками». Появление «Народной воли» автор рассматривал в свете того же «постоянного процесса критики своих воззрений и путей борьбы», заметного в движении 70-х годов (Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924, стр. 232).

[71] Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 259. В таком же духе в общем высказывались такие марксисты, связанные с В. И. Лениным, как В. В. Воровский, А. В. Луначарский и др. Но надо заметить, что Воровский в юбилейной статье о Добролюбове, напечатанной в журнале «Просвещение» за 1912 г. (№ 2), чересчур отрывал Добролюбова от народничества, утверждая, что «по всем основным пунктам своих мировоззрений Добролюбов и народники расходились самым недвусмысленным образом» (В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 350).

к сожалению, „нас“ тогда не было, и поколению того времени приходилось решать этот вопрос на основании данных своего времени, сквозь призму данного исторического момента».[72] По поводу этих слов Рязанова В. И. Ленин указал, что «смех» над семидесятниками (в связи с их стремлением повернуть колесо истории) доказывает «*не* „только безусловную неспособность встать на историческую точку зрения“», — «он доказывает также теоретическое *принижение* 70-ков сравнительно с людьми 40-х и 60-х годов».[73] Ряд историков прочитал в этих ленинских строках осуждение по адресу тех марксистов, которые находят у семидесятников снижение уровня теоретической мысли. Другие же авторы, напротив, истолковали слова Ленина так, что сам он бесспорно признает факт такого снижения. Мы присоединяемся ко второму толкованию, которое, на наш взгляд, вытекает из общего духа замечаний, из сопоставления с другими ленинскими работами (как статья «От какого наследства мы отказываемся?»), даже из построения самой фразы.[74]

Надо вместе с тем сказать и о различиях между Лениным и Плехановым в понимании ими соотношения между Чернышевским и позднейшим народничеством.

---

[72] Ю. Невзоров [Ю. М. Стеклов]. Отказываемся ли мы от наследства? К вопросу об историческом подготовлении русской социалдемократии. С приложением статьи «Две правды» Н. Рязанова. Женева, 1902, стр. 77.

[73] В. И. Ленин. Замечания к статье Рязанова «Две правды». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 402.

[74] Сторонники первого толкования придают решающее значение слову «принижение», которое понимают только в смысле упрека в чьем-либо желании унизить теорию семидесятников по сравнению с их предшественниками. Но слово «принижение» употреблялось, по крайней мере в конце XIX и первые десятилетия XX в., и в значении признания объективного факта имеющегося налицо снижения. Сам В. И. Ленин писал в 1899 г., в своем «Протесте российских социалдемократов» против экономического «credo», что осуществление программы последнего «было бы равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего и русского революционного движения» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 173). Приведем и некоторые примеры из других авторов. В 1915 г. Валерий Брюсов написал статью об Игоре Северянине. «Отсутствие знаний и неумение мыслить принижают поэзию Игоря Северянина и крайне суживают ее горизонт», — писал критик-поэт, замечательный русский стилист (В. Брюсов. Избр. соч. в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 279). В начале 1910-х годов вышло 2-е издание книги Г. С. Новополина «В сумерках литературы и жизни» (посвящена русской литературе 1881—1895 гг.). В подзаголовке главы II (стр. 16), между прочим, значилось: «Общее принижение художественной литературы», причем автор имел в виду реальный в его глазах факт снижения в указанный период уровня литературы. Примерно в то же время в журнале «Музыка» (1914, № 178, апрель) шла речь о причинах, «принижавших творчество» знаменитого композитора Мейербера (стр. 330), и т. д.

Плеханов, готовый в начале своей деятельности в качестве марксиста (и тем более, конечно, в свой домарксистский период) видеть в Чернышевском одного из родоначальников народничества (хотя и оговаривавший в «Наших разногласиях», что народники, «строго держась каждой буквы» писаний Чернышевского, «утратили всякое понятие об их духе»),[75] в дальнейшем изменил свою точку зрения. Он до конца сохранял признание того, что Чернышевский «был одним из тех писателей, у которых народники заимствовали сильнейшие свои доводы», но доказывал, что сам Чернышевский «никогда» не был народником, не был «родоначальником народничества» в отличие от Герцена, которого он и называл «настоящим родоначальником нашего народничества».[76] В основе этого рано происшедшего пересмотра взгляда Плеханова лежало его убеждение, что Чернышевский со времени «Критики философских предубеждений против общинного владения» (конец 1858 г.) отказался от своей веры в общину, от всякой ее защиты, «совершенно махнул рукой на русскую общину».[77] Это явное «увлечение» Плеханова находилось в противоречии с воззрением В. И. Ленина, подтверждаемым фактами, правильным истолкованием всей системы общественно-экономических взглядов Чернышевского.[78]

---

[75] Г. В. Плеханов, Соч. т. II, стр. 152.

[76] Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910, стр. 309; то же: Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, М., 1924, стр. 360.

[77] Г. В. Плеханов, Соч. т. VI, стр. 34.

[78] Вспомним еще раз классическую формулу (ее начало) В. И. Ленина, в статье 1911 г. о «крестьянской реформе», формулу как бы полемически направленную против Плеханова, да отчасти и против Стеклова: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину. . .», «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175).

И. Гурвич, автор очень положительно оцененной В. И. Лениным книги «Экономическое положение русской деревни», в предисловии к вышедшему в 1896 г. русскому ее изданию (она сначала вышла за границей по-английски), различал в истории народничества три периода — конец 50-х и 60-е годы, 70-е годы и 80-е годы. Первый период, по его определению, составлял «пролог» — «будущее народничество» еще выступало «носителем западноевропейских идеалов» (стр. XV). Чернышевского автор называл великим духовным отцом «народнической школы», которая «видела в общине не вымирающий остаток старины, а — при благоприятных условиях — исходную точку грядущего экономического прогресса» (стр. XI). Приблизительно через три десятилетия А. В. Луначарский, цитируя то же место из «Критики философских предубеждений», которое служило Плеханову основой для его выводов, говорил: «Чернышевский отказывается от иллюзорной ставки на общину, но заявляет: община была бы базой социализма при благоприятных условиях. Что он тут имел в виду? Политическую рево-

Существенное различие было между В. И. Лениным и Г. В. Плехановым (особенно, конечно, в меньшевистский период деятельности последнего, после 1903 г.) и еще в значительно большей степени между Лениным и такими представителями меньшевизма, как А. Н. Потресов, во взглядах на социальную природу народничества. Преувеличенными являются высказывания тех историков или философов, которые вообще отказывают Плеханову в каком-либо понимании социальной сущности народничества, приписывая ему воззрение на народничество как на исключительно интеллигентское движение, никак не связанное с каким-либо определенным социальным слоем или классом. Но верно то, что Плеханов (и это было так или иначе связано с его недооценкой роли крестьянства как союзника пролетариата) от своих многочисленных частных указаний на связь народников с точкой зрения крестьянина, на «мещанско-крестьянский» или «мелкобуржуазный» характер народнического социализма не мог подняться до цельной, законченной и последовательной позиции В. И. Ленина в вопросах классовой оценки народничества.

В первых же своих крупных работах В. И. Ленин показал, в чем заключается «сущность народничества»: она — в протесте против крепостничества и буржуазности в России *с точки зрения крестьянина, мелкого производителя. Содержание* народничеству дает отражение точки зрения и интересов русского мелкого производителя, повторял он.[79] Ленин говорил о «социально-революционном» народничестве 70-х годов, называя его *русским,* крестьянским социализмом и указывая, что он «фыркал» на свободу «ради ее буржуазности», боролся с «яснолобыми либералами» и мечтал о «крестьянской революции».[80]

Впоследствии, в обобщающей статье «О народничестве», уже упоминавшейся, В. И. Ленин указывал, что революция 1905 г. «дала генеральную проверку народничеству и определила его место». «Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества», — писал он тут же. Ленин призывал отличать реальное содержание народничества от его «словесной оболочки»;

люцию. Чернышевский создает такую программу: политическая революция и низвержение царизма, укрепление общины, социализм» (А. В. Луначарский. Литература шестидесятых годов. В кн.: А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957, стр. 184).

[79] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 355, 462.

[80] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 183.

это реальное содержание он видел в стремлении крестьян «к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения».[81]

Ленин еще в середине 90-х годов писал о «лучших сторонах народничества», о некоторых «заветах» старого русского народничества, которые ценны для марксизма, к которым «в некоторых отношениях примыкает и марксизм»,[82] несмотря, конечно, на глубочайшие различия между народничеством и марксизмом.[83] Примерно через пятилетие, составляя проект программы социал-демократии, он заявлял, что русские социал-демократы «всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее».[84] В связи с этим Ленин сочувственно цитировал следующее место из брошюры П. Б. Аксельрода 1898 г. «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов»: «Поскольку народничество было революционно, т. е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, в программу русской социал-демократии».[85]

Весьма показателен комментарий В. И. Ленина к работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», который был дан Лениным при переиздании этой работы в конце 1907 г. в сборнике его статей «За 12 лет». Ленин предлагал читателям обратить внимание на последние страницы этой работы, где, как он писал, подчеркиваются *положительные* в глазах марксиста стороны народничества в качестве «революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции». Ленин разъяснял, что это — «теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в „левом блоке“

---

[81] В. И. Ленин. О народничестве, стр. 305.

[82] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., т. 1, стр. 353, 411.

[83] В статье 1902 г. «Аграрная программа русской социал-демократии», например, Ленин писал о глубокой «пропасти» между народничеством и марксизмом «в оценке экономических порядков и экономической эволюции России» (Полн. собр. соч., т. 6, стр. 327); впоследствии ему приходилось писать о пропасти, которая разделяет «теоретически и практически» марксизм и народничество (Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих. Там же, т. 25, стр. 327).

[84] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 232.

[85] Там же, стр. 237.

на выборах во II Думу и в „левоблокистской“ тактике». Нужно подчеркнуть, что Ленин видел в этой тактике и в идее революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с нею связанной, очень старую и очень важную традицию революционных социал-демократов — традицию, которую усиленно поддерживали (в первые годы XX в.) старая «Искра» и «Заря». Ленин делал весьма существенную оговорку об ограниченной допустимости тактики «левого блока» (блока с народниками), вытекавшей неизбежно из «основных теоретических взглядов марксизма на народничество».[86]

В 1912 г. В. И. Лениным была написана статья (в свое время оставшаяся неопубликованной) «Две утопии», основанная на принципиальном противопоставлении либеральной «утопии» — утопии «*мира* свободной России с Пуришкевичами», которая «отучает крестьянские массы бороться», и утопии народнической, выражающей «их стремления бороться», стремления «*совсем* покончить с старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда „заодно“ устранить эксплуататоров новых, капиталистических». «Ясно, — писал Ленин, — что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс». При этом Ленин высказывал убеждение, что в «старой марксистской литературе 80-х годов прошлого века (имелась в виду литература группы «Освобождение труда», — *Ш. Л.*) можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро». Статья заканчивалась указанием на связь этого стремления «с тем, что́ получило название „большевизма“ в первое десятилетие XX века».[87]

Напомним, что в этой статье Ленин опирался и на авторитет Ф. Энгельса — на его предисловие к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии», Ленин приводил «замечательное изречение» Энгельса: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле», изречение, высказанное по поводу западного утопического социализма. «Глубокое положение Энгельса, — писал Ленин, — необходимо помнить при оценке современной народнической или трудовической утопии в России...». «Ложный в формально-экономическом

---

[86] В. И. Ленин. Предисловие к сборнику «За 12 лет». Полн. собр. соч., т. 16, стр. 98.

[87] В. И. Ленин. Две утопии. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.

смысле, народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле... *истина* той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы».[88]

Принципиальные, теоретические проблемы оценки исторической роли народничества были связаны у В. И. Ленина с его учением о двух путях капиталистической эволюции, учением, которого мы выше уже кратко касались по поводу ленинского анализа крестьянской реформы 1861 г.

В 1907 г., на V съезде РСДРП (Лондонском) В. И. Ленин говорил: «Объективно, не с точки зрения наших желаний, а с точки зрения данного экономического развития России, основной вопрос нашей революции сводится именно к тому, обеспечит ли она развитие капитализма через полную победу крестьян над помещиками или через победу помещиков над крестьянами. Буржуазно-демократический переворот в экономике России неизбежен... Но этот переворот возможен в двоякой форме: по прусскому, если можно так выразиться, или по американскому типу».[89] Разработка учения о двух путях особенно большое место занимает в ленинском творчестве примерно со времени революции 1905 г. Однако основы учения были заложены задолго до того. По существу в исследовании «Развитие капитализма в России» содержалось социально-экономическое теоретическое обоснование ленинской концепции, а наметки ее были уже (как отмечал в свое время А. В. Луначарский в статье «Ленин и литературоведение») в работе о «друзьях народа».[90] Вскоре после выхода «Развития капитализма в России», отвечая в журнале «Научное обозрение» на критику его П. Н. Скворцовым, В. И. Ленин писал: «*Чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России*, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, похо-

---

[88] В. И. Ленин. Две утопии. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 117, 120—121. На мысль Энгельса Ленин ссылался еще раньше, в 1909 г., в критике меньшевиков. «Разоблачая, — писал он, — *фальшь* народнической *доктрины*, они, как педанты, закрывали глаза на *истину* современной борьбы в современной буржуазной революции, выражаемую этими quasi-социалистическими доктринами» («Левение» буржуазии и задачи пролетариата. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 413).

[89] В. И. Ленин. Доклад об отношении к буржуазным партиям. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 339—340.

[90] А. В. Луначарский, Собр. соч., т. 8, М., 1967, стр. 427.

дило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки».[91] В 1902 г. Ленин доказывал, что неизбежный сам по себе переход от крепостнической к капиталистической эксплуатации возможен в форме насильственного свержения крепостников, которые, опираясь на традиции прежней власти рабовладения, высасывают из патриархального крестьянства последние соки, что крестьянство вовсе не осуждено «имманентным» законом общественно-экономической эволюции на муки «затяжного, ужасающего своей длительностью вымирания голодною смертью». И Ленин выдвигал требование «полной и безусловной, не реформаторской, а революционной отмены и уничтожения пережитков крепостничества».[92]

Победа крестьян над помещиками, революционное уничтожение всех остатков крепостничества отвечали интересам как самого крестьянства, так и пролетариата, интересам прогрессивного развития страны. Ленин видел реальное историческое значение народнической идеологии в противоположении двух путей капиталистического развития; в 1911 г. он подчеркивал, что оба пути «проводятся в жизнь» «в течение более полувека», относя уже тем самым борьбу за демократический («американский») путь и к старому народничеству.[93]

Народническая идея равенства мелких производителей, как попытка решения задач социалистической революции «позади, а не впереди», отбрасывалась Лениным, признавалась сугубо утопической. Но «та же идея равенства, — утверждал он, — есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач».[94]

В знаменитом письме к И. И. Скворцову-Степанову от декабря 1909 г. В. И. Ленин указывал, что вопрос о капиталистическом направлении аграрной эволюции в России — как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйстве, как вне, так и внутри общины — был правильно решен русскими марксистами «в 1883—1885, в 1895—1899 гг.», но историей поставлен дальнейший вопрос о борьбе двух путей *капиталистического* аграрного развития. Он резко обрушивался на меньшевиков, которые, воюя с «народничеством, как с неверной

---

[91] В. И. Ленин. Некритическая критика. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 628.

[92] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии, стр. 347.

[93] В. И. Ленин. По поводу юбилея, стр. 168—169.

[94] В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 225—226.

доктриной *социализма*», «доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего. . .».[95]

Народничество по своему объективному историческому содержанию и значению было идеологией крестьянской демократии в России, было знаменем борьбы крестьянства за полное свержение крепостничества, за полное и всестороннее очищение России от всех и всяких его пережитков. Эти стремления имели своим облачением социалистическую утопию, для чего также существовали свои исторические основания и что имело свою давнюю и глубокую традицию.

II

В революционном народничестве 70-х годов было несколько вполне определившихся направлений; это не означает, что внутри этих направлений не было оттенков, иногда очень значительных и существенных. Кроме того, были в нем группы или кружки и тем более отдельные деятели, которые так или иначе держали себя в стороне от отчетливо выраженных направлений, иногда же как бы соединяли в себе черты, свойственные разным направлениям. Еще в своей работе «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханов, приводя слова Энгельса (из «Развития социализма от утопии к науке») относительно господствовавшего в свое время в головах большинства рабочих Англии и Франции «эклектического», или «среднего», социализма, свидетельствовал: «Такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления так называемых „впередовцев“ и „бакунистов“».[1] Плеханов мог бы назвать еще третье сравнительно гораздо более малочисленное направление — «набатовское», или ткачевское. При всем том никак не следует недооценивать роли этих более или менее определенных, сложившихся направлений, к чему заметна известная склонность как среди некоторых советских историков или литературоведов, так и среди зарубежных.

---

[95] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 227—229.

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. II, М.—Пгр., 1924, стр. 32. В другом месте этой работы Плеханов писал об «общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеназванные направления» (там же, стр. 68).

Заметна и другая тенденция (не очень, надо сказать, новая — с нею можно без труда встретиться и у некоторых дореволюционных авторов, и у отдельных советских авторов в первые десятилетия после Октября) к преуменьшению влияния М. А. Бакунина в русском революционном движении 70-х годов, хотя именно бакунизм (во внутрироссийских преимущественно интерпретациях) был вплоть до конца 70-х годов наиболее влиятельным направлением внутри движения революционных семидесятников.[2]

В. И. Ленин в своих высказываниях, прямо и косвенно относящихся к революционному движению 70-х годов, касался всех трех направлений радикальной народнической мысли этого времени и прежде всего тех деятелей, которые возглавляли эти направления, — М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева.

Высказывания В. И. Ленина о Михаиле Бакунине и бакунизме в России очень тесно переплетаются с общими суждениями его об анархизме в целом — русском и международном.

Ленин рассматривал Бакунина как одного из представителей различных форм «непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.)». Борясь «с теориями всех этих сект и школок, — писал Ленин, — Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах».[3]

Теории анархизма, среди которых учение Бакунина, как известно, занимает особо видное место, В. И. Ленин подвергал неоднократно глубокой критике. В 1901 г. Лениным были написаны тезисы на тему «Анархизм и социализм». Здесь Ленин говорил о том, что анархизм «за 35—40 лет (Бакунин и *Интернационал* 1866—) своего существования (а со Штирнера много больше лет) не дал ничего кроме общих фраз против *эксплуатации*». Недостает, писал он, «понимания *причин* эксплуатации», «понимания *развития* общества, ведущего

---

[2] Об этом справедливо упоминается в первом томе «Истории Коммунистической партии Советского союза» (М., 1964), где данное явление приурочено к «середине» 70-х годов. Еще в 1921 г. видный литератор-большевик П. Н. Лепешинский указывал: «...как известно, бакунинское влияние на народническую мысль 60-х и 70-х годов в значительной мере предопределило характер ее развития» («Пролетарская революция», № 2, 1921, стр. 203).

[3] В. И. Ленин. Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма). Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49 (работа написана Лениным в 1914 г.).

к социализму», «понимания *классовой борьбы,* как творческой силы осуществления социализма». Ленин решительно осуждал в тезисах отрицание анархизмом «политики в буржуазном обществе», отмечал непонимание им роли «организации и воспитания рабочих». Он рассматривал анархизм как «порождение *отчаяния*», говорил по поводу него о психологии «выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария».[4]

В конце 1905 г. на страницах первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь» В. И. Ленин, отмечая ничтожность влияния анархистов в рабочей среде (напомним, что впоследствии, в «Детской болезни „левизны"», Ленин объяснял этот факт в значительной мере воздействием отрицательного опыта 70-х годов), одобрил отклонение Исполнительным комитетом Петербургского Совета рабочих депутатов просьбы анархистов о допущении их представителей в Совет и его Исполнительный комитет. При этом Ленин говорил о пропасти, разделяющей анархизм и социализм, о том, что взгляды анархистов выражают не «будущее буржуазного строя», идущего к обобществлению труда, а «настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем». Снова и снова В. И. Ленин осуждал тактику отрицания политической борьбы, разъединяющую пролетариев и на деле превращающую их в «пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и неосуществимо».[5]

В критике анархизма, в частности бакунинского анархизма, В. И. Ленин продолжал и развивал линию Маркса и Энгельса, которым пришлось вести ожесточенную борьбу в I Интернационале против бакунистов, стремившихся захватить руководящую роль в международном рабочем движении (они пользовались серьезным влиянием, кроме России, в ряде романских стран).

Это не мешало В. И. Ленину, в борьбе против оппортунистов во II Интернационале, отмечать условные точки соприкосновения между анархистами, в том числе Бакуниным, и марксистами. Этой теме посвящен ряд ленинских высказываний в книге «Государство и революция». «Маркс, — писал тогда Ленин, — сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за „разбитие" современной государственной машины. Этого

---

[4] В. И. Ленин. Анархизм и социализм. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 377—378.

[5] В. И. Ленин. Социализм и анархизм. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 129, 131—132.

сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте».[6] «Различие между марксистами и анархистами, — подчеркивал Ленин, — состоит в том, что (1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают».[7] В. И. Ленин цитировал слова Энгельса: «Анархисты колют нам глаза „народным государством“». Говоря это, поясняет Ленин, «Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку „народное государство“ есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и „свободное народное государство“. Энгельс старается поправить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет „государства“».[8] Полемизируя с анархистами (в первую очередь, конечно, с Бакуниным), Маркс и Энгельс, по словам Ленина, «выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству». Ленин тут же отмечал, что анархисты совершенно не поняли уроков Коммуны (известно, что анализ событий Коммуны прежде всего давал Бакунин с анархистских позиций), «пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, „своей“, подтверждающей их

---

[6] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 53.
[7] Там же, стр. 112—113.
[8] Там же, стр. 66.

учение».[9] У анархиста, указывал опять Ленин, оговаривая при этом, что он имеет в виду «лучшего» из анархистов, а не такого, который «плетется за буржуазией», выходит «тактика *отчаяния*, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами».[10]

Ленин остановился и на такой стороне разногласий между Марксом и Энгельсом и вдохновляемыми Бакуниным анархистами, как оценка переживавшегося в 70-х годах, после Коммуны, положения в рабочем революционном движении. В 1917 г. В. И. Ленин писал: «...*тогда*, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия». «Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции».[11]

На счет бакунинских тенденций должно отнести и *часть* формулы В. И. Ленина, которая замыкала (почти замыкала — точнее) работу Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». «Мы (т. е. русские социал-демократы, — *Ш. Л.*) освободились — писал Ленин, — от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции».[12] Если последние слова относились к народовольцам, если слова о вере в самобытное развитие России и о народническом социализме касались всего народничества в целом, включая воззрения Бакунина, то остальное касалось исключительно или в первую голову идей Бакунина.

Само собой разумеется, что В. И. Ленину были вполне

---

[9] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 103—104.

[10] Там же, стр. 117.

[11] В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 181.

[12] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 71—72.

чужды те волюнтаристские черты во взглядах и деятельности Бакунина, которые подчеркнул Маркс в своем конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» (конечно, неизвестном в свое время — вплоть до 1920-х годов). «Радикальная социальная революция, — писал Маркс, — связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой». Но для Бакунина, указывал Маркс, экономические условия социальной революции «не существуют». «*Воля,* а не экономические условия, является основой его социальной революции».[13]

При всем том ошибочно было бы не видеть того, что В. И. Ленин рассматривал бакунизм в России 70-х годов как важное и значительное явление в революционной борьбе. Можно было бы априори сказать, что, придавая крупное значение революционному народническому движению в целом, Ленин не мог не признавать серьезной роли самого влиятельного направления в этом движении. И действительно, в тогдашних российских условиях бакунизм был одним из видов русского крестьянского социализма, и деятельность бакунистов была одним из главных проявлений борьбы, направленной объективно против крепостничества в защиту интересов народных крестьянских масс. Достаточно напомнить уже приводившуюся характеристику Лениным «всех наших старых революционных программ», сущность которых сводилась, по словам Ленина, к стремлению поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества. Разъясняя, о каких именно программах идет речь, В. И. Ленин начинал свой перечень «бакунистами и бунтарями».[14]

Ленин расценивал «хождение в народ» революционеров 70-х годов как расцвет «действенного народничества».[15] А ведь

---

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 612, 615. Ю. А. Красин в книге «Ленин, революция, современность» (М., 1967) пишет: «И Маркс, и Ленин решительно осуждали легкомысленную игру в революцию... К. Маркс видел в этом проявление мнимой, мелкобуржуазной революционности и именно за это жестоко критиковал фракцию Виллиха—Шаппера» (в немецком движении на рубеже 40-х и 50-х годов). Автор в связи с этим приводит выдержку из выступления Маркса на заседании Центрального комитета Союза коммунистов 15 сентября 1850 г., где, между прочим, Маркс говорил о подмене материалистического воззрения «Коммунистического манифеста» идеалистическим и о том, что вместо «действительных отношений главным в революции изображается воля...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 582—583). Мы видим сходство даже в выражениях с позднейшей критикой Бакунина Марксом.

[14] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

[15] В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

именно сторонники различных оттенков русского бакунизма играли виднейшую роль в «хождении в народ». Нельзя игнорировать при выяснении взгляда В. И. Ленина на деятельность русских бакунистов-бунтарей его оценки революционно-народнического общества «Земля и воля» второй половины 70-х годов, поскольку основатели и участники «Земли и воли» считали себя последователями Бакунина и на самом деле исходили из его идеологических построений, хотя в своей программе и практике и вносили в ортодоксальный бакунизм известные поправки. В книге «Что делать?» В. И. Ленин писал: «...у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют „народовольчеством" всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев».[16] Нельзя не учитывать также того обстоятельства, что на страницах «Искры», главным организатором и руководителем которой был В. И. Ленин, почему ее законно и называют ленинской «Искрой», заслуги «Земли и воли» отмечались другим членом редакции этого органа Г. В. Плехановым, который, как известно, сам в свое время принадлежал к видным землевольцам. В журнале «Заря», издававшемся редакцией ленинской «Искры», Плеханов подчеркивал, что бунтари, в данном случае именно землевольцы, сослужили революционному движению «хорошую службу», так как они были усердными, неутомимыми и очень искусными агитаторами; они, не щадя себя, «поддерживали всякое оппозиционное и революционное движение, направлявшееся против существующего порядка».[17] Едва ли можно сомневаться в том, что у В. И. Ленина не было возражений по существу высказанных Плехановым суждений о роли бунтарей-землевольцев.

В 1904 г., уже на страницах новой «Искры», Г. В. Плеханов в статье, посвященной 40-летию со дня основания I Интернационала, писал о Бакунине: «Умный, даровитый, образованный, самоотверженный и смелый, этот замечательный человек мог бы играть в высшей степени плодотворную роль в международном рабочем движении, если бы он не был чужд ему по своим утопическим понятиям и по метафизическим приемам своей будто бы революционной мысли... Бакунин посвятил всю свою жизнь борьбе за свои идеи. Как бы ни были они оши-

---

[16] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 134—135.
[17] Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, М., 1924, стр. 70.

бочны, мы обязаны уважать его самоотвержение. Но чем искреннее мы уважаем его, тем более мы сожалеем о том, что неспособность Бакунина усвоить себе точку зрения научного социализма сделала его самоотвержение в эпоху борьбы „с Марксом" не только бесполезным, а прямо *вредным* для международного пролетариата».[18]

Повторяем, эта характеристика Бакунина напечатана была не в старой, а уже в новой «Искре». Однако по существу своему она не расходится с тем, что говорилось о Бакунине в ленинской «Искре» в заметке редакционного характера в первомайском номере 1903 г. по поводу сбора средств на памятник Бакунину. В этой заметке читаем: «...несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов М. А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память их должна быть дорога даже для их противников».[19]

В 1918 г., согласно созданному по инициативе В. И. Ленина плану монументальной пропаганды, было решено открыть памятник М. А. Бакунину в числе 31 памятника «революционерам и общественным деятелям», список которых был утвержден Лениным.[20] Памятник и был открыт в том же году в Москве.[21]

Надо отметить, что в советской исторической литературе, особенно 20—30-х годов, велись довольно страстные дискуссии вокруг наследия Бакунина, в которых участвовали авторы больших монографий о Бакунине — Ю. М. Стеклов и В. П. Полонский, а также многие другие исследователи. Стеклов, собравший, как и Полонский, большой фактический материал,

---

[18] Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, М.—Л., 1925, стр. 304, 305.

[19] Памятник на могиле М. А. Бакунина. «Искра», № 39, 1903. Перепечатано: «Искра», №№ 1—52. Полный текст под ред. и с пред. П. Лепешинского, вып. VI. Л., 1928, стр. 52.

[20] В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, стр. 574. В разных разделах этого списка значились еще, среди других, Радищев, Пестель, Рылеев, Белинский, Герцен, Огарев, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Лавров, Михайловский, Желябов, Перовская, Кибальчич, Плеханов.

[21] Памятник, работы скульптора Б. Д. Королева, был трактован сугубо формалистически и был снят (по одной из версий, он был разрушен анархистами, так как, по воспоминаниям А. В. Луначарского, «при всей своей левацкой передовитости анархисты не хотели потерпеть такого скульптурного издевательства над памятью своего вождя» (А. В. Луначарский. Об изобразительном искусстве, т. II. М., 1967, стр. 9); по другой версии, анархисты только грозили взорвать памятник (там же, стр. 71—72, 277)).

в своей оценке Бакунина очень сильно отступал от ленинских позиций, стремясь «подтянуть» воззрения Бакунина ко взглядам «современного коммунизма». В этом смысле толкования Вяч. Полонского были гораздо ближе к истине. М. Н. Покровский, высказавший по обыкновению ряд интересных мыслей и о Бакунине, безусловно преувеличивал его роль, безоговорочно называя его самым крупным в доленинский период революционером в России, забывая в своих сопоставлениях о Чернышевском, отодвигая на второй план и Пестеля, и Герцена, считая, что, например, Желябов был «гораздо мельче».[22] «Без Бакунина и бакунистов, — писал Покровский, допуская и тут своего рода преувеличение, — промежуток между выстрелом Каракозова и „Народной волей“ был бы отмечен совсем мертвым штилем».[23] В течение примерно последних полутора десятилетий советские историки стремятся дать верное освещение деятельности Бакунина, посвящая ему специальные (пока еще небольшие) исследования (Н. М. Пирумова, В. А. Твардовская, Н. Ю. Колпинский).

В трудах В. И. Ленина уделено внимание и другому из идеологов народничества 70-х годов, П. Л. Лаврову, который представлял в отличие от бунтарского — бакунистского — направления в народничестве направление пропагандистско-подготовительское. «...Лавров, — как он сам впоследствии о себе писал, — ясно сознавал, что ни народ не готов к социальному перевороту, ни интеллигенция не усвоила себе в достаточной мере то социологическое понимание и то нравственное убеждение, которые одни могут выработать в последних искренних социалистов. Он считал поэтому необходимым подготовление социальной революции в России путем развития научной социологической мысли в интеллигенции и путем пропаганды социалистических идей в народе».[24]

Здесь не место останавливаться подробно на тех исторических обстоятельствах, которые обусловили сильно критическое отношение большинства революционеров 70-х годов к тактической платформе Лаврова. Отметим лишь, что она мало вязалась со все повышавшимся настроением массы революционной молодежи и что она, отчасти в связи с несколько схоластической

---

[22] М. Покровский. Бакунин в русской революции. (К пятидесятилетию со дня смерти). В кн.: Михаил Бакунин. 1876—1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926, стр. 179.

[23] «В этом раздувании слабо тлевшего огня революции едва ли не главная историческая заслуга бакунистов, поскольку они действовали в России», — добавлял он (М. Покровский. Бакунин в русской революции, стр. 184).

[24] П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. I, М., 1934, стр. 105.

аргументацией и недостаточно реалистичной постановкой вопросов о самой пропаганде и еще больше о «путях развития» научной подготовки интеллигенции, отталкивала наиболее активные и боевые элементы среди молодежи.

Отметим вместе с тем, что в понимании социально-экономических отношений России между Бакуниным и Лавровым было много общего. Отметим и то, что по вопросу о буржуазной революции и политической борьбе Лавров также во многом сходился с Бакуниным. «Политический переворот в России, чуждый экономических задач, — писал он о себе позднее (а «экономические задачи» понимались им в общенародническом духе как исходящая из общинного строя «социальная» революция), — он считал вредным, как образующий почву для такой же классовой эксплуатации народа, которая имеет место на Западе под формою либеральных учреждений».[25]

Таким образом, критика В. И. Лениным теории особого пути развития России и народнического «аполитизма» по существу должна быть отнесена в адрес как Бакунина и его последователей, так и направления, представленного Лавровым (однако по вопросу о роли государства, или «государственного элемента», в будущем обществе Лавров осторожно и постепенно отходил от анархистских позиций).

Но едва ли не наибольшее внимание со стороны В. И. Ленина привлекали философские и социологические воззрения Лаврова. Если имя Лаврова не так часто встречается на страницах ленинских работ, то это объясняется тем, что В. И. Ленину пришлось в гораздо большей мере иметь дело с Н. К. Михайловским, философско-социологические воззрения которого были, однако, чрезвычайно близки и родственны взглядам Лаврова.[26] Оба народнических идеолога были в России творцами так называемого субъективного метода в социологии, которому присущи отрицание естественноисторического характера социального процесса, непонимание подлинных объективных закономерностей общественного развития. «Субъективисты. . ., — писал В. И. Ленин, — признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс, — и именно

---

[25] Там же, стр. 104.

[26] Один из последователей Лаврова и Михайловского Н. С. Русанов писал: «Сам Петр Лаврович говорил мне. . ., что в Михайловском он видит собственно не ученика своего, а родственного по духу мыслителя, который пришел почти к тому же выводу своим особым путем, хотя, пожалуй, и позже его» (Н. С. Русанов. Петр Лаврович Лавров. В кн.: История русской литературы XIX века, вып. 19. М., 1910, стр. 114).

потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям».[27] Основная идея Маркса о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций «в корень подрывает», указывал Ленин в том же труде, «ребячью мораль» субъективистов, претендующую на наименование социологии.[28] Идеалистический подход к рассмотрению общественных явлений был не только попыткой особого, «субъективного», метода исследования (этот метод не был чистым изобретением русских народнических идеологов Лаврова и Михайловского — у них были предшественники на Западе, например Огюст Конт), с ним было связано определенное понимание общественных задач и практической общественной деятельности. «...Субъективный метод исследования и решающая роль субъективных элементов в процессе общественного развития неразрывно связаны одно с другим», — признавал один из самых авторитетных представителей народнической социологической школы.[29]

В. И. Ленин, как и Г. В. Плеханов (его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.), немало потратил сил, чтобы вскрыть в глазах передовых общественных кругов несостоятельность субъективной социологии, которая в период конца 60-х и 70-х годов была как бы призвана дать теоретическую санкцию поискам «особливого» пути социально-экономического развития России.

Лавров и Михайловский, указывал В. И. Ленин, «ставят во главу угла положение, что историю делали „одинокие борющиеся личности". „Личности создают историю" (Миртов). Еще яснее у г. Михайловского: „Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий" [30]». Ленин подчеркивал, что теоретически это положение — историю делают личности — «совершенно бессодержательно»: «История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на „право вмешатель-

---

[27] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 138.

[28] Там же, стр. 134.

[29] Л. Э. Шишко. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1920 [1921], стр. 69.

[30] Цитата из статьи Н. К. Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого» (в серии «Записки профана», май 1875 г.). См.: Н. К. Михайловский, Соч., т. III, СПб., 1897, стлб. 448. (*Прим. Ред.*).

ства в ход событий" (слова г. Михайловского...) сводится к пустой тавтологии». «Решительно ничего кроме хорошего желания и плохого понимания знаменитый „субъективный метод в социологии" не выражает», — замечал В. И. Ленин.[31]

Одним из основных и наиболее ранних произведений, в которых обосновывалась народническая субъективная социология, были «Исторические письма» Лаврова, печатавшиеся в «Неделе» за 1868—1869 гг. и отдельной книгой впервые изданные в 1870 г. Именно здесь Лавров на вопросы: «как же шла история?», «кто ее двигал?» — отвечал цитированным впоследствии у Ленина положением: «одинокие борющиеся личности». «Как ни мал прогресс человечества, — писал Лавров, — но и то, что есть, лежит исключительно на критически-мыслящих личностях» — «единственных орудиях человеческого прогресса».[32] Правда, Лавров учитывал бессилие отдельной личности и приглашал «критические личности» «отыскивать друг друга», соединяться, «стать во главе партии и руководить другими».[33] Но главное было в апологии исторической роли «критически мыслящей» интеллигенции, а наряду с этим в идее долга интеллигенции перед народом, объективный смысл которой впоследствии Ленин определял в словах: «Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о „долге" высших классов перед народом».[34]

Идея «долга» упала на благопрятную почву, она отвечала настроениям широкого круга интеллигенции, прежде всего молодежи, все более поглощенной думой о бедствиях крестьянства и стремлением прийти ему на помощь. В сочетании с верой в историческую миссию интеллигенции, которую вселял в сердца молодежи автор «Исторических писем», книга Лаврова — неожиданно для него самого — имела огромный успех, почти такой же, писал в начале 90-х годов Плеханов, как «самые значительные сочинения автора „Что делать?"».[35] Даже противники направления, представленного Лавровым (само направление определилось лишь через несколько лет после выхода «Исторических писем»), свидетельствуют в своих ме-

---

[31] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 414—415.

[32] П. Л. Миртов [Лавров]. Исторические письма, Пб., 1870, стр. 65, 66, 106.

[33] Там же, стр. 110.

[34] В. И. Ленин. О «Вехах». Полн. собр. соч., т. 19, стр. 173.

[35] Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, М., 1923, стр. 6.

муарах о большом влиянии, оказанном на них книгой Миртова-Лаврова.[36]

Исключительное преувеличение роли интеллигенции, характерное для «Исторических писем», Лавров сохранил до конца своих дней, хотя в дальнейшем, со времени издания им и его единомышленниками обозрения и газеты «Вперед» за рубежом, эта вера в провиденциальную миссию интеллигенции противоречиво соединялась у него (это противоречие в той или иной форме и степени было не только личное, но общее для большинства революционных народников) с верой в народ, в крестьянскую массу и с надеждами на возможность возбуждения народной, крестьянской «социалистической революции».[37]

---

[36] См., например: С. Ф. Ковалик. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928, стр. 44 (автор — видный семидесятник-бакунист).

[37] Попытки отдельных историков нашего времени доказать более или менее коренной пересмотр Лавровым отмеченных выше воззрений на роль критически мыслящей интеллигенции нельзя признать убедительными (еще народник Н. С. Русанов в 1910 г. в упомянутой выше статье говорил о «довольно заметном угле отклонения от идей „Личности“» в последних произведениях Лаврова (Н. С. Русанов. Петр Лаврович Лавров, стр. 110). Лавров действительно испытал начиная с 70-х годов некоторое влияние со стороны Маркса и Энгельса, готов даже был считать себя их учеником, писал о значении экономических отношений и т. д., но в эклектическом уме Лаврова эти новые наслоения уживались с основными старыми убеждениями. В статье «Теория и практика прогресса», опубликованной в 1881 г. в журнале «Слово» и вошедшей потом во второе издание (в начале 90-х годов) «Исторических писем», хотя и звучали некоторые новые мотивы, Лавров писал: «Органом прогресса является развивающаяся личность, вне деятельности которой прогресс невозможен, которая, в развитии своей мысли, открывает законы общественной солидарности, законы социологии, прилагает эти законы к современности, ее окружающей, и в развитии своей энергии находит пути практической деятельности, именно перестройки окружающей ее современности, согласно идеалам своего убеждения и данным своего знания» («Слово», 1881, апрель, стр. 52). В работе середины 80-х годов «Социальная революция и задачи нравственности» Лавров приводил в подтверждение своих положений длинные цитаты из первого издания «Исторических писем» — о зависимости прогресса исключительно от «критически мыслящих личностей», о том, что «одинокие борющиеся личности» двигали историю и т. д. (П. Л. Лавров. Социальная революция и задачи нравственности. Старые вопросы. Пгр., 1921, стр. 27, 30 и др.). И даже в одной из самых последних работ Лавров повторял снова: «... потребность развития выработалась в интеллигенции в самостоятельную силу и сделалась в сущности главным двигателем истории» (С. С. Арнольди [П. Л. Лавров]. Задачи понимания истории. Изд. 2-е. СПб., 1903, стр. 57). Такое положение дало повод автору исследования «Социальная философия Петра Лаврова» Л. А. Ческису, вышедшего на французском языке в 1913 г. в Париже, заявить, что «несмотря на свои демократические убеждения и на свой социалистический идеал, Лавров остался в сущности интеллектуалистическим аристократом и убежденным ин-

В воспоминаниях Н. К. Крупской сохранился рассказ о ее беседе с В. И. Лениным в сибирской ссылке по поводу «Исторических писем» Лаврова. Крупская, на которую до ее перехода на марксистские позиции сильное впечатление произвела книга Лаврова, в селе Шушенском как-то заговорила с Лениным об «Исторических письмах» и, по ее словам, очень «мягко» о них отзывалась. Ленин «их критиковал с марксистской точки зрения» и, согласившись с правильностью одной частной мысли, высказанной у Лаврова, на которую сослалась Крупская, сказал, что «это не делает правильной всю книжку в целом».[38]

Никак не мог принять В. И. Ленин также связанных с социологией Лаврова философских его воззрений, очень эклектичных,[39] но в целом сильнее всего окрашенных в позитивистские тона. В полемике против А. Н. Потресова в начале 1911 г. в ответ на его слова: «...мы знаем в истории формирования русского марксизма роль борьбы с субъективной социологией» — Ленин отвечал: «А не роль позитивистских и идеалистических учений Лаврова и Михайловского в ошибках субъективной социологии?». И далее: «Если брать взятую вами историческую параллель, то надо спросить: возможно ли было „формирование“ *русского* марксизма *без* выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского?».[40] По понятным причинам В. И. Ленин говорил только о Бельтове-Плеханове, обходя свои собственные выступления.

В основном можно с вполне достаточным основанием повторить в отношении философии П. Л. Лаврова то, что было сказано В. И. Лениным о Михайловском, сделавшем шаг назад от Чернышевского — от материализма в сторону позитивизма.

дивидуалистом... Лавров не презирает массу... Но для него масса не есть творческая сила в жизни и в истории»; объяснения этому Ческис искал в инертности русской массы в 60—70-х годах («Научный исторический журнал», № 4, 1914, стр. 111 (перевод Н. И. Кареева)).

[38] Н. К. Крупская. Ленин как пропагандист и агитатор. В кн.: Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 163.

[39] Еще Чернышевский в статье «Антропологический принцип в философии» писал о «характере эклектизма», присущем философской «системе» Лаврова, что она «производит неудовлетворительное впечатление на читателя, знакомого с требованиями философского мышления» (Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 227). Об эклектизме взглядов Лаврова позднее писал и говорил устно Энгельс, об этом же не раз и в довольно острых выражениях писали Плеханов, Луначарский и др.

[40] В. И. Ленин. Наши упразднители. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 126.

Характерно, что неонародники начала XX в. видели в философских построениях Лаврова и Михайловского движение вперед от Чернышевского. «Социалист-революционер» М. Антонов (М. И. Булгаков), автор книги о Чернышевском, утверждал, что «дальнейшее развитие русской общественной мысли в лице Лаврова и Михайловского» «ликвидировало» якобы «неустойчивые» элементы мировоззрения Чернышевского — материализм, гегельянство и т. д. Они (эти элементы) сыграли, по мнению названного автора, свою общественную роль и «уступили место более определенному и обоснованному позитивизму О. Конта и Спенсера».[41] Еще гораздо раньше предпочтение Лаврову и Михайловскому как философам перед Чернышевским отдал окончательно завершивший свой путь к метафизическому идеализму Петр Струве в нашумевшем сборнике «Проблемы идеализма». «П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, думается нам, — писал Струве, — никогда не были такими „властителями дум“ своего поколения, как Н. Г. Чернышевский, но в качестве философов и ученых они значительно выше своего более влиятельного предшественника». «Русский социологический субъективизм» в его глазах являлся хотя и примыкающей к Конту, но в значительной мере оригинальной попыткой «удовлетворить метафизической потребности в пределах позитивизма».[42]

Таким образом, в оценке философского наследия Лаврова и Михайловского получился характерный водораздел — по одну сторону находились Ленин, Бельтов-Плеханов, по другую — неонародники и либералы-идеалисты. Первые справедливо видели в этой философии отход «назад» от Чернышевского, другие, являвшиеся противниками материализма, напротив, усматривали тут движение вперед.

Касаясь вопросов программы, в их связях с экономическими проблемами, В. И. Ленин указывал, что с точки зрения «старого русского народничества, принципов Лаврова, В. В. (В. П. Воронцова, — *Ш. Л.*), Михайловского и К°, разграничение программы-максимум и программы-минимум» было ненужно и непонятно, так как теорией народничества отрицается «применимость законов и категорий товарного производства к русскому крестьянскому хозяйству». Указывая на это

---

[41] М. Антонов. Н. Г. Чернышевский. Социально-философский этюд. М., 1910, стр. 264. Небезынтересно, что даже этот автор, говоря о понимании Лавровым роли интеллигенции, полагал, что она (интеллигенция) получает у Лаврова «огромную и, нужно сказать, преувеличенную оценку» (там же, стр. 266).

[42] П. Г. [П. Б. Струве]. К характеристике нашего философского развития. В кн.: Проблемы идеализма. Сборник статей. М., б. г., стр. 87.

в 1906 г., Ленин замечал, что «сколько-нибудь последовательные сторонники Лаврова и Михайловского (а также В. В. и Николая—она, которых забывают совсем напрасно, ибо *иного* источника *экономических* идей у современных народников *не имеется*) неизбежно должны были *восстать* против этого марксистского деления программы на максимум и минимум».[43]

В начале 80-х годов П. Л. Лавров, на протяжении нескольких лет до этого (после того как он отделился в конце 1876 г. от руководимой им прежде группировки «лавристов») стоявший «особняком» среди действовавших на общественной арене народнических организаций, стал, по собственному его выражению, «союзником народовольцев на основании общности основных воззрений», хотя и при несогласии с отдельными элементами их программы.[44] С народовольцами и среди народовольцев (за границей) он и действовал в течение 80-х и 90-х годов. В 1895 г. он выступил с обращением о программных вопросах, которое обратило на себя пристальное внимание В. И. Ленина. В написанной в ссылке, в конце 1897 г., работе «Задачи русских социал-демократов», которая вышла в следующем году в Женеве отдельной брошюрой, В. И. Ленин подверг подробному разбору позицию Лаврова, как она выразилась в упомянутом обращении. Эти ленинские страницы имеют громадное значение и для характеристики отношения Ленина к идеологии народовольчества, в частности ко взглядам Лаврова того времени, и для понимания ленинских воззрений на задачи русских социал-демократов (последнее определено уже самим заглавием работы).

Говоря о русских социал-демократах, программа которых, по глубоко ошибочному, по существу чисто полемическому утверждению Лаврова, была написана для них «конгрессами *немецких* социалистов», упомянув, что социал-демократы «проповедуют вражду к „ложным друзьям народа“» (видимо, до Лаврова дошел труд Ленина о «друзьях народа»), Лавров писал: «Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условиях существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это,

---

[43] В. И. Ленин. Эсеровские меньшевики. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 398. Статья Ленина была написана по поводу идейного разброда в рядах партии эсеров, выделения, с одной стороны, «максималистов», с другой — «трудовой народно-социалистической партии».

[44] Лавров отмечал свои сомнения по поводу террора и задачи захвата власти. См.: П. Л. Лавров о программных вопросах. «Летучий листок „Группы народовольцев“», № 4 [Пб.], 9 декабря 1895 г., стр. 21; то же: П. Куделли. Народовольцы на перепутьи. Дело Лахтинской типографии. С приложением документов и «Летучих листков „Группы народовольцев“». Л., 1925, стр. 158.

не организуя в то же время политического заговора против абсолютизма со всеми условиями подобного заговора, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершалось бы. *Но оно весьма сомнительно, если не невозможно.* Если же им придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы *фактически* примут программу своих противников, народовольцев, как бы они себя ни называли».[45] О себе Лавров заявлял, что он считает «*наиболее рациональной*» программу народовольцев.

В. И. Ленин цитировал и другие слова Лаврова, выражавшие сомнение в возможности «организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то же время революционной партии против абсолютизма». Ленин подчеркивал, что ему «совершенно непонятны» различия, столь существенные для Лаврова. «Как это? „Рабочая партия *помимо* революционной партии, направленной против абсолютизма“?? Да разве сама рабочая партия не есть революционная партия? Разве она не направлена против абсолютизма?». И он давал свое убедительное объяснение рассуждениям Лаврова: «...П. Л. Лаврову удалось действительно с полной рельефностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и социал-демократов. Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора». В. И. Ленин противопоставлял народовольчеству позицию социал-демократии: «Социал-демократы же в подобной узости воззрений неповинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы».[46]

Социал-демократы, — писал В. И. Ленин, «думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолю-

---

[45] «Летучий листок „Группы народовольцев“», № 4, стр. 21.

[46] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 458—459.

тизма, прибивающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки». В качестве примера В. И. Ленин называл деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который определял как зачаток революционной партии.[47] «Рассуждать... наперед о том, — писал далее Ленин, — к какому средству прибегнет эта организация (революционная рабочая партия, — *Ш. Л.*) для нанесения решительного удара абсолютизму... было бы пустым доктринерством».[48]

В. И. Ленин обратил внимание еще на одно высказывание П. Л. Лаврова. Говоря о том, что при определенных условиях социал-демократы фактически примут программу народовольцев, Лавров заявлял: «Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов подготовления основных пунктов, но — не более».[49]

Это рассуждение Лаврова[50] привело Ленина в величайшее недоумение. «Странно даже, — отвечал он, — оспаривать это последнее положение, будто разница во взглядах на основные вопросы русской жизни и развития русского общества, на основные вопросы понимания истории может касаться лишь „частностей“! Давно уже сказано, что без революционной теории не может быть и революционного движения, и в *настоящее время* вряд ли есть надобность доказывать подобную истину. Теория классовой борьбы, материалистическое понимание русской истории и материалистическая оценка современного экономического и политического положения России, признание необходимости сводить революционную борьбу к определенным интересам определенного класса, анализируя его отношения к другим классам[51] — называть эти крупнейшие

---

[47] Там же, стр. 459—460.

[48] Там же, стр. 461.

[49] «Летучий листок „Группы народовольцев“», № 4, стр. 21.

[50] Заслуживает внимания близкое отчасти суждение П. Л. Лаврова в письме к товарищам в России, написанном в декабре 1887 г.: «Различие социально-революционных программ, если только они все социально-революционные, не имеет особого значения, так как каждая личность всего лучше действует в той сфере и теми способами, которые наиболее подходят к ее темпераменту» (письмо опубликовано в кн.: Л. П. Меньщиков. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России, ч. I. Годы реакции. 1885—1898. М., 1925, стр. 389).

[51] Следует указать на близость этих формулировок к примерно тогда же писавшейся работе «От какого наследства мы отказываемся?». (*Прим. Ред.*).

революционные вопросы „частностями", — до такой степени колоссально неверно и неожиданно со стороны ветерана революционной *теории*, что мы почти готовы считать это место lapsus'ом».[52]

Критикуя различные аспекты лавровских теорий и воззрений, В. И. Ленин сохранял всегда, насколько позволяют судить прямые и косвенные данные, большое уважение к долголетней деятельности П. Л. Лаврова как одного из самых видных представителей революционной России народнического периода. Это была общая позиция русской революционной социал-демократии, и она нашла выражение после смерти Лаврова в 1900 г. В изданной тогда брошюре-листовке «Из записной книжки социал-демократа» Г. В. Плеханов писал: «П. Л. Лавров... заслуживает величайшего уважения. Социал-демократы *нравственно обязаны* чтить его память». В то же время Плеханов подчеркивал, что социал-демократы «*не имеют никакого права* затушевывать и скрывать разногласия, существовавшие между ними и Лавровым».[53] Мы полагаем, что под этими словами

---

[52] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 462. Тому факту, что В. И. Ленин в этом месте назвал П. Л. Лаврова «ветераном революционной *теории*», придается многими исследователями наших дней какой-то особый смысл; высказывается в более или менее прямой форме мысль, что Ленин не случайно именно и только к Лаврову применил такое выражение — значит, он ценит его гораздо больше других идеологов народничества, а кроме того, в этих ленинских словах такие авторы готовы видеть признак какого-то большего либо меньшего одобрения, положительной оценки именно теоретического наследия Лаврова. Мы убеждены, что для подобного вывода нет оснований. В. И. Ленин просто выразил недоумение по поводу того, что человек, деятельность которого протекала почти исключительно в сфере теории и, так сказать, теоретической публицистики, может до такой степени высказать недооценку, пренебрежение к важнейшим вопросам теории, имеющим громаднейшее значение и для всей революционной практики.

Нам представляется, что такое мнение не нуждается в специальных доказательствах, ибо сугубо критическое отношение В. И. Ленина к общим теоретическим основам лавровского учения слишком хорошо известно и вытекает из всей совокупности ленинских взглядов, высказываний, ленинских трудов.

Не в качестве какого-то дополнительного доказательства, а как характерный пример, приведем небольшую цитату из «Революционных воспоминаний» о Герцене, Бакунине, Лаврове Г. Н. Вырубова. «Это — писал Вырубов, — три совершенно различные типа, вернее три различные темперамента. Герцен — революционер-художник, Бакунин — революционный деятель, Лавров — теоретик революции» («Вестник Европы», 1913, январь, стр. 54). Разумеется, мы знаем, что все трое были теоретиками и деятелями. Но можно было бы задать вопрос, заключается ли, например, в словах «Лавров — теоретик революции» одобрение Вырубовым лавровских теорий революции?

[53] Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 44.

мог бы вполне подписаться В. И. Ленин, в то время в России подготовлявший условия для создания своей «Искры».

Как мы видели, В. И. Ленин, полемизируя с Лавровым во второй половине 90-х годов, указал на то, что у народовольцев «страшно сильны» традиции бланкизма, заговорщичества. Не с народовольцев, как известно, ведут свое начало эти «традиции». Одним из первых их провозвестников был П. Г. Заичневский,[54] автор выпущенной весной 1862 г. прокламации «Молодая Россия», который позднее, по возвращении своем из Сибири после каторги и ссылки, сгруппировал около себя кружок молодых единомышленников, известных под названием русских «якобинцев». Это было уже в 70-х годах, когда развернулась зарубежная деятельность П. Н. Ткачева, идейного руководителя третьей (наряду с бакунистской и лавристской) фракции в революционном народничестве 70-х годов. В. И. Ленин хорошо знал родословную русских «якобинцев»-бланкистов. Историки и все интересующиеся вопросом читатели располагают воспоминаниями М. П. Ясневой-Голубевой, духовной «воспитанницы» П. Г. Заичневского, высылавшейся по делу, как она сама определяет, «якобинцев-бланкистов», попавшей в начале 90-х годов в Самару, где тогда находился В. И. Ленин. Между Лениным и Голубевой (впоследствии ставшей большевичкой) завязалось близкое знакомство. Темой частых их бесед не в последнюю очередь был именно «якобинизм-бланкизм». Голубева по наивности стремилась обратить Ленина «в якобинскую веру», но «скоро убедилась, что это более чем трудно».[55] Правильнее было бы сказать, что это было вполне безнадежно.[56]

В. И. Ленин превосходно изучил литературу русских бланкистов ткачевского толка (они имели своим органом зарубежный журнал «Набат», почему их именовали и «набатовцами»). В отличие от большинства народников, настроенных анархистски или полуанархистски, Ткачев и его последователи стояли за использование государственной власти после «социалистического» переворота. С другой стороны, они — опять-таки в отличие от большинства своих революционных современников —

---

[54] Попытки некоторых авторов (назовем хотя бы Ю. М. Стеклова) приписать бланкизм Н. Г. Чернышевскому не имеют оснований.

[55] М. П. Голубева. Моя первая встреча с Владимиром Ильичем. В кн.: В. И. Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1966, стр. 388.

[56] В. В. Водовозов, мемуарист из враждебного Ленину лагеря, воспоминания которого о встречах с Лениным в начале 90-х годов в Самаре в своей чисто фактической части не лишены интереса, хотя требуют строгой проверки и критики, отмечает, что и тогда Ленин о так называемых русских якобинцах всегда говорил с порицанием.

отрицали принцип «освобождения народа посредством народа». Ткачевцы-набатовцы, русские бланкисты 70-х годов, считали российское самодержавное государство висящим «в воздухе», т. е. не имеющим корней в общественных отношениях страны. Будучи сторонниками заговорщической тактики, они признавали легко осуществимым захват власти революционным меньшинством из интеллигенции и последующее социалистическое преобразование общества. Но Ткачев страшился неблагоприятного изменения в соотношении общественных сил под влиянием, как он выражался, огня «экономического прогресса», роста «форм буржуазной жизни» (т. е. развития капитализма), почему горячо призывал использовать «настоящий исторический период», организовать революцию «именно теперь, в ближайшем к нам настоящем». «*Теперь* или очень нескоро, быть может *никогда*! *Теперь* обстоятельства за нас, через 10, 20 лет они будут против нас», — писал Ткачев.[57]

Разделяя со всем народничеством, и в частности с Лавровым и Михайловским, общинные иллюзии, Ткачев не был в теории сторонником субъективного метода в социологии, даже критиковал его, но его собственные концепции революции представляли на деле в народничестве едва ли не самую крайнюю степень волюнтаризма.[58]

Ленину всегда была ясна несовместимость бланкистских методов с марксизмом. Ему никогда и ни в какой мере не была свойственна недооценка субъективного фактора,[59] но признание огромной роли последнего у Ленина не имеет ничего общего с волюнтаризмом.

---

[57] П. Н. Ткачев, Избр. соч., т. III, М., 1933, стр. 70, 92, 95—96, 219, 224, 225, 238, 247, 266—268.

[58] В советской литературе первых послеоктябрьских лет была заметна тенденция к идеализации «якобинских» (бланкистских) элементов в русской общественной мысли и революционном движении. Это относилось и к «Молодой России», и к Ткачеву. М. Н. Покровский считал «Молодую Россию» *первым* документом «революционного социализма» в России, отдавая ей в этом смысле предпочтение перед Чернышевским, у Заичневского и Ткачева он находил пророческое предвидение того, что свершилось в России в 1917 г., хотя он категорически отмежевался от мысли, что Ленин «был учеником Ткачева и Заичневского»; «корни» большевизма находил у Заичневского и Ткачева С. И. Мицкевич; Б. П. Козьмин в 1922 г. обнаруживал у Ткачева идею диктатуры пролетариата, облеченную в формы, «поразительно» совпадающие с «практикой русской революции». Уже тогда ряд историков-коммунистов, например Н. Н. Батурин, М. С. Ольминский, очень резко оспаривали подобные модернизаторские попытки, от которых потом отказывались обычно сами их авторы, убедившись в их несостоятельности.

[59] См. выше (стр. 54, 55, 69, 71, 105) мысли Ленина о революционных ситуациях.

В работе «Что такое „друзья народа“» В. И. Ленин писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков... нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории... Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды?».[60]

Без активного действия масс, без твердой опоры на массы Ленин никогда — с самого начала и до самого конца своей деятельности — не мыслил серьезного революционного движения, имеющего шансы на действительный успех, на победу.

На примере критики В. И. Лениным Лаврова можно видеть, как он уже в ранние годы своей работы оспаривал идеи бланкизма, проповедовал необходимость их полного преодоления.[61] Довольно скоро после «Задач русских социал-демократов», в известном протесте против «Кредо» «экономистов», Ленин указывал на «верную позицию» марксизма, «одинаково далекую и от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизм и проч.), и от пренебрежения политикой или сужения до оппортунистического, реформаторского, социального штопанья...».[62]

В книге «Что делать?», споря с организатором небольшой группки «Свобода» Л. Надеждиным (Е. О. Зеленским), В. И. Ленин писал, что тот «усердно копирует Ткачева», «крича о „набате вечевого колокола“, об особой „точке зрения кануна революции“ и т. п.».

---

[60] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 159.

[61] Здесь и дальше речь идет об общепринятом содержании понятия «бланкизм», об ошибочности его основных тактических установок, а не об оценке революционных заслуг Огюста Бланки и всех сторон системы его теоретических взглядов, в которых были свои положительные элементы.

[62] В. И. Ленин. Протест российских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 171—172.

Хотя Ленин вслед за этим напоминал «известное изречение» Гегеля, согласно которому «если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом», и говорил о роли Ткачева в подготовке народовольчества, в этом нельзя усмотреть какого-либо одобрения содержания проповеди Ткачева, историческая судьба которого расценивалась именно как трагическая.[63]

Со времени раскола на II съезде РСДРП меньшевики все чаще в своей борьбе против Ленина и большевиков обращались к обвинениям их в «заговорщичестве», в «видоизмененном бланкизме» и т. д. В. И. Ленин без труда опрокидывал эти беспочвенные обвинения. В книге «Шаг вперед, два шага назад» (1904) он писал: «Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью... Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения... а жирондистская робость буржуазного интеллигента...».[64]

Упреки в бланкизме особенно упорно стали пускать в ход и социал-демократы — меньшевики, и либералы (кадеты) в период первой русской революции, после поражения декабрьского вооруженного восстания. Фигурировало при этом имя Ткачева, упоминалось заодно и имя Бакунина. А. С. Мартынов, докладчик меньшевиков на Объединительном съезде РСДРП, уверял, будто Ленин повторяет то, что писали о восстании Ткачев и Бакунин. Ленин в «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» высмеял «сравнение захвата власти», о котором говорили большевики, с идеями Ткачева в мартыновском докладе на съезде.[65] Кадеты, в том числе П. Н. Милюков, демонстративно хвалили меньшевиков, в частности Г. В. Плеханова, в связи с этими надуманными, сплошь и рядом демагогическими упреками в бланкизме, ткачевизме.[66] В. И. Ленин вскрывал ложный характер всех этих упреков и обвинений. «Правда ли, — писал он в мае 1906 г., — что декабрьская борьба (1905 г., — *Ш. Л.*) была бланкизмом? Нет, неправда. Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Блан-

---

[63] См.: В. И. Ленин. Что делать? стр. 173.

[64] В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 370—371.

[65] В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 32.

[66] См., например: П. Милюков. Год борьбы. СПб., 1907, стр. 466—469.

кизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства (такова была и позиция Ткачева, — *Ш. Л.*). Был ли такой заговор или что-либо похожее на него в декабре? Ничего похожего на заговор не было. Это было классовое движение огромных масс пролетариата, пустившего в ход чисто пролетарское орудие борьбы, стачку, и присоединившего к себе невиданные на русской политической арене массы полупролетариев... крестьян... и мелких буржуа городов... Посредством жупела „бланкизм" буржуазия хочет принизить, опорочить, оклеветать борьбу народа за власть».[67]

Одновременно с цитированными непосредственно ленинскими материалами отметим отпор, данный большевиками своим противникам на страницах партийного журнала «Вестник жизни», руководимого, как вся партийная печать, прежде всего Лениным. В рецензии на перевод брошюры Ф. Энгельса «О социальном вопросе в России» журнал, затронув известную полемику Энгельса с Ткачевым, писал: «В последнее время у нас в литературе начали появляться обвинения в „ткачевизме" против тех социал-демократов, которые решаются утверждать, что „восстание есть искусство", а следовательно, может и должно быть подчинено сознательному воздействию, а не предоставлено на волю стихии.[68] Ссылка на „ткачевизм" в современных спорах в среде русских с.-д. может быть только объяснена невежественностью ссылающихся. Для Ткачева положение дел представлялось так: государственная власть в России не опирается на социальные интересы какого-либо класса, она „висит в воздухе"; в массе населения, состоящей не из пролетариев, а из собственников, накоплено „чувство озлобления и недовольство". Стоит только пробудить это чувство — и народ победит. Отождествлять это бесплодное бунтарство с революционной тактикой левого крыла социал-демократии можно только в силу невежества или сознательного желания исказить истину».[69]

---

[67] В. И. Ленин. К итогам съезда. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 76—77.

[68] В сентябре 1917 г. В. И. Ленин писал: «Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством...*» (Марксизм и восстание. Письмо Центральному комитету РСДРП. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 242).

[69] «Вестник жизни», 1906, № 8, 18 июня, стлб. 64.

В 1917 г., в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин многократно предостерегал против малейших уклонений в сторону бланкизма. «Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством, — писал Ленин в апреле 1917 г. — Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы...».[70] Тогда же он говорил на VII Всероссийской конференции РСДРП(б): «Только завоеванием массы... мы создаем прочную опору для победы пролетарской классовой борьбы».[71] Именно в результате завоевания на сторону большевиков гигантских народных масс и была достигнута победа социалистической революции.

Бесчисленные попытки представителей современной западной буржуазной историографии выдать Ленина за продолжателя Ткачева (и бланкистов вообще) обречены на провал, ибо «основаны» на извращении фактов, давным-давно вскрытом до конца самим Лениным.[72]

* * *

Из всех идеологов народничества В. И. Ленину больше всего пришлось иметь дело с Н. К. Михайловским. Его имя на страницах ленинских работ встречается неизмеримо чаще,

---

[70] В. И. Ленин. О двоевластии. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 147.

[71] В. И. Ленин. Речь в защиту резолюции о войне 27 апреля (10 мая). Полн. собр. соч., т. 31, стр. 394.

[72] См., например: В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, стр. 162—163. В статье В. Д. Бонч-Бруевича «Ленин о книгах и писателях» («Литературная газета», 1955, № 48) сообщалось, что Ленин «придавал большое значение публицистическому творчеству народника П. Ткачева, которого он рекомендовал внимательно читать и изучать, говорил, что нужно было бы дать хорошее предисловие к его работам». Это достаточно правдоподобно. Ленин, несомненно, считал целесообразным издание и изучение и Ткачева, и других демократических авторов (тот же Бонч-Бруевич в другом месте говорит об интересе Ленина к сочинениям Бакунина, Кропоткина). Но возникает мысль об известном запамятовании, когда в более ранней статье (В. Д. Бонч-Бруевич. Библиотека и архив РСДРП в Женеве. «Красная летопись», 1932, № 3) В. Д. Бонч-Бруевич писал, что Ленин, внимательно изучавший «Набат» и другие издания Ткачева, будто бы говорил, что этот писатель «был ближе других (кого именно? — *Ш. Л.*) к нашей точке зрения». Мемуарист вспоминает, что Ленин говорил приезжавшим в Женеву товарищам: «Начинайте ваше знакомство с „Набата", „Общины" и „Колокола". Это будет основательно и вам даст огромные знания». Неясно, о какой «Общине» идет речь (нечаевской? или 1878 г.?). Вызывает сомнения и вообще такой перечень. Какие огромные знания могли дать «Община» (даже вторая) или «Набат»? Мемуары даже столь авторитетного и заслуженного деятеля нуждаются в критическом подходе.

чем имена Бакунина, Лаврова, Ткачева. Это объясняется тем, что Михайловский намного пережил и Бакунина и Ткачева; тем, что Михайловский в 90-х—начале 900-х годов был активно действующей и влиятельной в литературе фигурой, что он оказался со стороны народников в центре идейной борьбы, развернувшейся в 90-х годах между марксизмом и народничеством. О борьбе Ленина с либеральным народничеством 90-х годов в настоящем издании идет речь в другом месте. Здесь же перед нами в основном стоит задача кратко очертить освещение В. И. Лениным взглядов Н. К. Михайловского в пору господства революционного народничества (и отчасти в переходную пору 80-х годов).

Борясь с народничеством 90-х годов, В. И. Ленин постоянно возвращался к общим идейным основам народничества, как они сложились раньше. В обосновании народнических идей видная роль принадлежала Михайловскому, с конца 60-х годов бывшему одним из главных сотрудников, а потом и одним из редакторов демократического ежемесячника «Отечественные записки», с которым связана во многом идейная история народничества 70-х—начала 80-х годов.

Михайловский был и одним из главных социологов-философов народничества и одним из наиболее талантливых его публицистов и литературных критиков.

Как мы уже отмечали выше — в связи с вопросом об отношении В. И. Ленина к П. Л. Лаврову — Ленин подверг в ряде своих трудов, начиная с работы «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» (ее первый выпуск был посвящен преимущественно Михайловскому), критике всю систему теоретических взглядов Михайловского.

При этом имелись в виду отнюдь не только выступления Михайловского, современные Ленину, но и его предшествующая деятельность. В. И. Ленин писал о таких произведениях Михайловского, как «Что такое прогресс?» (первая его крупная теоретическая работа, принадлежащая к важнейшим попыткам теоретического обоснования народничества), серия «Записки профана», статья «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» и т. д.

В. И. Ленин решительно вскрывал несостоятельность субъективного метода в социологии, одним из основоположников которого в России был Михайловский. Он показал ненаучность постановки социологических проблем в работе «Что такое прогресс?». В своем труде «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин писал: «Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит

в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять „прогресс“ вообще вместо изучения конкретного „прогресса“ какой-нибудь конкретной общественной формации».[73] Уже в своих ранних работах В. И. Ленин по существу высказал те теоретические положения, касающиеся оценки философско-социологического наследия Михайловского, которые впоследствии он в сжатом и обобщающем виде сформулировал в известной статье «Народники о Н. К. Михайловском» словами: «Не только в экономической области, но и в философии и в социологии взгляды Михайловского были *буржуазно-демократическими* взглядами, прикрытыми *якобы* „социалистической“ фразой. Такова его „формула прогресса“, его теория „борьбы за индивидуальность“ и пр.».[74] Уже приводилось указание Ленина на шаг назад, сделанный Михайловским по сравнению с Чернышевским в области философии.

Критикуя социально-экономические взгляды Н. К. Михайловского, В. И. Ленин также учитывал не только его высказывания, относившиеся к 90-м годам, но и весь комплекс его суждений о путях экономического развития России, о роли различных ее социальных элементов. Некоторые исследователи творчества Михайловского, в первую очередь, конечно, из лагеря народников, ссылались на отличие его взглядов от «догматического» народничества, на присущие Михайловскому критические черты в отношении крайних народников, ультранародников, как В. П. Воронцов и тем более, например, Юзов-Каблиц. Отличия, и весьма существенные, от какого-нибудь Юзова, разумеется, были, были отличия и от Воронцова. Михайловский не раз писал о том, что «невозможность» капитализма в России «далеко не абсолютная», и, быть может, «даже не совсем правильно называть ее невозможностью» (1883 г.).[75] Несколькими годами раньше он, говоря о том, что некапиталистический путь развития России «остается» в его глазах «теоретическою возможностью», прибавлял, что «она убывает,

---

[73] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 432. Впоследствии, конспектируя книгу Фейербаха «Лекции о сущности религии», приведя из Фейербаха цитату: «Пусть нашим идеалом будет не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, а — цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек», — Ленин указал, что идеал Михайловского (он был выражен в работе Михайловского «Что такое прогресс?») — «лишь вульгаризированное повторение этого идеала передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии» (Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 56).

[74] В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 334—335.

[75] Н. К. Михайловский, Соч., т. V, СПб., 1897, стлб. 782.

можно сказать, с каждым днем».[76] В. И. Ленин в «Экономическом содержании народничества» привел вторую часть этой мысли и пояснил: «Убывает, конечно, не „возможность“, которой никогда не было, а убывают иллюзии. И хорошо делают, что убывают».[77] Но Ленин настаивал на том, что различия социально-экономических воззрений Михайловского и Воронцова не следует переоценивать. В 1901 г., в своих замечаниях на рукопись Д. Рязанова «Две правды», В. И. Ленин указывал: «Подчеркивая, что Михайловский выступал против В. В. (В. П. Воронцова, — *Ш. Л.*) и не говоря о том, что Михайловский гораздо чаще и гораздо больше был с В. В. солидарен, автор подкрашивает Михайловского»[78] (расхождения между Михайловским и народниками типа «В. В.» глубже и серьезнее были в сфере чисто политических вопросов).

Важно отметить, что при всех колебаниях и противоречивых суждениях Михайловского относительно путей и перспектив социально-экономического развития России народнические иллюзии у него всегда в конце концов перевешивали. Например, в цитированной статье 1883 г., выражая некоторое несогласие с Воронцовым, он тем не менее писал: «Без сомнения, наш капитализм находится еще в зачаточном состоянии, и в данный исторический момент мы можем с сравнительно большим удобством выбирать характер своей экономической политики».[79] Ленин выражал прямо негодование по поводу заявления Михайловского: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их»,[80] указывал на широкое распространение деревенского пролетариата.

В своих утопических планах предотвращения победы капиталистического пути Н. К. Михайловский отводил исключительную роль интеллигенции. Он писал в конце 1881 г.: «...задача русской интеллигенции, между прочим, в том именно и состоит, чтобы бороться с развитием буржуазии на русской почве, что, конечно, не исключает других задач»[81] (под «другими задачами», конечно, подразумевались задачи

---

[76] Н. К. Михайловский. Литературные заметки. «Отечественные записки», 1880, № 9, 2-й отд., стр. 135.

[77] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 427.

[78] В. И. Ленин. Замечания к статье Рязанова «Две правды». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 402.

[79] Н. К. Михайловский, Соч., т. V, стлб. 782.

[80] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 199.

[81] Н. К. Михайловский, Соч., т. V, стлб. 515.

борьбы с самодержавием). А в январе следующего года он заявлял: «Предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова — и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания — и народ будет наверное съеден».[82]

В. И. Ленин подобную идею о «всемогуществе» интеллигенции объявлял «нелепой».[83] Позднее он продолжал свою критику «стародавнего» народнического взгляда на интеллигенцию, «которая будто бы в состоянии выбирать более или менее благоприятные пути для отечества».[84]

Какие бы оговорки ни делались Михайловским, прав был М. С. Ольминский, когда писал, что Михайловский «умалял» наличность капитализма в России, «закрывал глаза на то, что есть, и вопрос о факте превращал в вопрос о желательном или о должном».[85]

В то же время В. И. Ленин и в 90-х годах (когда, надо заметить, вне крайне тесного круга посвященных единомышленников, к которому, разумеется, не принадлежал Ленин, не было известно о нелегальных связях и нелегальной деятельности Михайловского в 70—80-х годах) разграничивал прежнего Михайловского и Михайловского, активно воюющего с марксизмом вообще, а с русскими учениками Маркса в особенности. Ленин неоднократно останавливался на различиях в тоне и в оценках Маркса у Михайловского в 70-х и в 90-х годах. Выступления Михайловского в 1872 г., в связи с выходом русского перевода первого тома «Капитала», и в 1877 г., когда Михайловский опубликовал свою статью «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», В. И. Ленин определял как «приветствие Маркса» со стороны Михайловского.[86] О заметке Михайловского «По поводу русского издания книги К. Маркса» в «Отечественных записках» за апрель 1872 г. Ленин писал, что она «очень живо, бодро и свеже» написана и что в ней автор бурно протестовал «против предложения не обижать наших молодых либералов».[87] Статью против Ю. Г. Жуковского в «защиту» «Капитала» В. И. Ленин также определенно противопоставлял выступлениям Михайловского 90-х годов,

---

[82] Н. К. Михайловский, Соч., т. V, стлб. 566.

[83] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества. . ., стр. 441.

[84] В. И. Ленин. От народничества к марксизму. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 192.

[85] М. Ольминский. Золотой век народничества и марксизм. В кн.: М. Ольминский. Из прошлого. Изд. 2-е. М., 1922, стр. 53.

[86] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа». . ., стр. 183.

[87] Там же, стр. 265.

в которых, как указывал много раз Ленин, Михайловский извращал и теорию Маркса, и идеи русских марксистов.[88]

Ленин задавался вопросом о причинах этой перемены и объяснение ее дал в работе «Что такое „друзья народа“»: «Случилось два обстоятельства: во-первых, *русский*, крестьянский социализм 70-х годов, „фыркавший“ на свободу ради ее буржуазности, боровшийся с „яснолобыми либералами“, усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, — совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает „бодрящие впечатления“ в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются (и обусловливаются) массовой экспроприацией крестьянства. — Во-вторых, в 1877 г. г-н Михайловский так увлекался своей задачей — защитить „сангвиника“ (т. е. социалиста революционера) Маркса от либеральных критиков, что не заметил несовместимости метода Маркса с его собственным методом. Но вот разъяснили ему это непримиримое противоречие между диалектическим материализмом и субъективной социологией — разъяснили статьи и книги Энгельса, разъяснили русские социал-демократы (у Плеханова не раз встречаются очень меткие замечания по адресу г. Михайловского), — и г. Михайловский вместо того, чтобы серьезно приняться за пересмотр вопроса, просто-напросто закусил удила».[89]

В статье «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин затронул и еще один вопрос, связанный с Михайловским. Ленин не без сочувствия принял слова Струве о различии между Н. К. Михайловским и С. Н. Южаковым, считая это различие характерным «для народничества вообще». Струве назвал Южакова националистом в отличие от Михайловского, для которого, по его (Михайловского) собственным словам, «вопрос о народной правде обнимает не только русский народ, а весь трудящийся люд всего цивилизованного мира». «Мне кажется, — замечал Ленин, — что за этим различием проглядывает еще отражение двойственного положения мелкого производителя, который является элементом прогрессивным, поскольку он начинает, по бессознательно удачному выражению г. Южакова, „дифференцироваться от общества“, — и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие. Поэтому и русское народничество умеет сочетать прогрессивные, демократические

---

[88] Там же, стр. 189.
[89] Там же, стр. 183.

черты доктрины — с реакционными, вызывающими сочувствие „Московских ведомостей"».[90] Струве приводил цитату из статьи Южакова «Вопросы гегемонии в конце XIX века», напечатанной в «Русской мысли» в 1885 г., и находил, что она «документирует» славянофильские корни народничества.[91] В. И. Ленин, возражая на доводы Струве, высказал те мысли о славянофильстве и народничестве, на которых мы уже останавливались. При этом он подчеркивал, что среди народников «были писатели (и это были лучшие из народников), которые... не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот же путь, что и Западная Европа».[92] В последней фразе В. И. Ленин в отношении Михайловского мог иметь в виду первую ее часть (отношение к славянофильству), но не вторую. Однако «отражение» в общем прогрессивных элементов народничества в деятельности Михайловского периода «Отечественных записок» (высказывание Михайловского Струве взял именно оттуда), бесспорно, на наш взгляд, признается здесь В. И. Лениным.

Заметим в этой связи, что многое в деятельности Н. К. Михайловского как одного из руководящих представителей «Отечественных записок», их ведущего публициста и критика, положительно оценивалось по крайней мере частью ранних русских марксистов. Характерны обращенные к Михайловскому слова Н. Е. Федосеева (в одном из полемических его писем к народническому лидеру от февраля 1895 г. из сольвычегодской ссылки): «Куда погрузились Вы, прежний умный, отзывчивый, столь дорогой нам публицист „Отечественных записок", близкий сотрудник Щедрина?!».[93]

---

[90] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества.., стр. 419.

[91] П. Б. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I. СПб., 1894, стр. 16—18.

[92] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества.., стр. 422.

[93] Н. Федосеев, Статьи и письма, М., 1958, стр. 159. В начале своей полемики в письмах с Михайловским Федосеев писал (март 1894 г.): «...Вы говорите, что мы „попираем отцовские идеалы". Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть кретинами и нравственными Квазимодо, чтоб „попирать" идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова, Н. К. Михайловского! Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей, мы рекомендуем и даем их читать всем тем, кто просит у нас указаний относительно чтения в определенном смысле... (в другом месте этого письма Федосеев сообщал, что марксисты усердно рекомендуют просящим литературные произведения Михайловского вообще и статьи о графе Л. Толстом и толстовцах в частности, — *Ш. Л.*). Но что ж

Сам Михайловский крайне дорожил «Отечественными записками» как демократической трибуной, с которой он мог разговаривать регулярно с читательской массой. Об этом он писал еще в 1873 г. П. Л. Лаврову в ответ на предложение присоединиться к последнему в деле издания «Вперед!». Отказываясь эмигрировать, он, между прочим, ссылался на положение, которое ему обеспечено в «Отечественных записках», от которого он не откажется «ни за что в мире» [94] (в 1884 г. правительство, закрыв «Отечественные записки», этого положения, как известно, его лишило).

Но наступило время, когда Михайловский, в первой половине 70-х годов, хотя и связанный духовно в той или иной мере с народническим революционным движением, стоявший от революционной молодежи, говоря словами О. В. Аптекмана, «несколько поодаль»,[95] — пошел на прямое сближение с нею. После его нелегального «Летучего листка», выпущенного весной 1878 г. в связи с процессом Веры Засулич, Михайловский с образованием партии «Народной воли» вступил с нею в довольно тесную связь, входил одно время в редакцию ее печатного органа, опубликовал в нем, между прочим, свои известные «Политические письма социалиста». В одном из номеров «Листка „Народной воли“», летом 1880 г., была Михайловским опубликована статья (конечно, анонимно) с острой разоблачительной характеристикой «диктатуры» Лорис-Меликова; об этой статье в 1901 г. вполне одобрительно отозвался В. И. Ленин.[96]

нам делать, когда „отцы“ или отступили назад, или ничего не хотят знать нового, не хотят понять новой жизни и ее мучительных запросов, а только мечут громы и молнии против тех, кто должен был сделать шаг вперед, вынужденный к тому изменившимися условиями самой жизни?» (там же, стр. 120, 131).

[94] Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., т. X, изд. 2-е, СПб., 1913, стлб. 65. — Вера Фигнер впоследствии (1929 г.) говорила: «*Он был прав*, когда отказался от предложения Лаврова участвовать в редакции нелегального революционного органа за границей, не желая потерять свою обширную аудиторию: восемь, а потом двенадцать тысяч подписчиков „Отечественных записок“» (Полн. собр. соч., т. V, М., 1932, стр. 475).

[95] О. В. Аптекман. «Черный передел». (Страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов). В кн.: Памятники агитационной литературы, т. I. Черный передел. Орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.—Пгр., 1923, стр. 20.

[96] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 42. Дальнейшие моменты нелегальной деятельности Михайловского связаны с изданием (за рубежом) журнала «Самоуправление» в конце 80-х годов, отчасти с «Группой народовольцев» начала 90-х годов, в большей степени с «народоправцами» 1893—1894 гг. (об оценке их В. И. Лениным см. ниже); на рубеже 90-х и 900-х годов он имел

Отмеченную сейчас сторону политической биографии Н. К. Михайловского, которая более или менее полно (хотя и не до конца) раскрылась для общества после смерти Михайловского в 1904 г., очень ценил В. И. Ленин. Продолжая в разное время критиковать идеи Михайловского, по ходу своей принципиальной борьбы с неонародническими течениями начала XX в., продолжавшими по-разному традиции Михайловского, В. И. Ленин в начале 1914 г., когда по случаю десятилетия со дня смерти Михайловского в народнической и либерально-буржуазной прессе появилась о нем, по словам Ленина, масса «хвалебных статей»,[97] опубликовал замечательную статью «Народники о Н. К. Михайловском» (в органе большевиков «Путь Правды»).

Здесь, на основе всего комплекса материалов — и всего литературного наследия Михайловского, и ставших к тому времени доступными историко-биографических данных о нем — В. И. Ленин дал яркую итоговую, обобщающую характеристику и оценку его деятельности, его места в истории общественной мысли и общественного движения. Мы уже выше использовали ряд положений ленинской статьи, освещающих теоретические взгляды Михайловского.

В. И. Ленин писал в статье «Народники о Н. К. Михайловском»: «Михайловский был одним из лучших представителей и выразителей русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века». Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было, по словам Ленина, то, что он «горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян», что он «энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета». Ленин указывал на «искреннюю и талантливую» борьбу Михайловского и с крепостничеством, и с «бюрократией» (Ленин просил «извинить» за «неточное» слово — цензурные рамки мешали сказать: с самодержавием). Ленин особо отмечал ту заслугу Михайловского, что он в легальной печати, хотя бы намеками, отстаивал уважение к «подполью» и «даже сам помогал прямо этому подполью». Ленин об этом говорил даже дважды в своей

то или иное отношение к возрождению левого народничества в лице партии эсеров. Все эти связи и отношения оставались строго законспирированными.

[97] Особенное, судя по всему, внимание В. И. Ленина было привлечено к юбилейному «Памяти Н. К. Михайловского» номеру легальной народнической газеты «Верная мысль» (от 29 января 1914 г.) со статьями Н. Ракитникова, Е. Колосова, К. Тарасова (Н. Русанова), Иванова-Разумника и др.

статье и подчеркивал: «В наше время бесстыдного и часто ренегатского отношения к подполью со стороны не только либералов, но и ликвидаторов, как народнических («Русское богатство»), так и марксистских, нельзя не помянуть добрым словом этой заслуги Михайловского».

«Но, — писал В. И. Ленин, — будучи горячим сторонником свободы[98] и угнетенных крестьянских масс, Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения». Вслед за этим Ленин снова, как много раз прежде, вскрывал глубокую ошибочность «социализма» Михайловского, его экономических, философских, социологических взглядов. Он отмечал также политические «колебания» Михайловского «к либерализму», указывал, что отчасти на Михайловского можно возложить ответственность и за оппортунизм «социал-кадетов», как он выразился, т. е. группы «Русского богатства», группы Пешехонова, Мякотина и других, которая перешла «к ликвидаторству» вскоре после смерти Михайловского, возглавлявшего, как известно, с начала 90-х годов и до конца жизни «Русское богатство».

В. И. Ленин заканчивал свою статью «Народники о Н. К. Михайловском» словами: «Буржуазная демократия России, т. е. в первую голову крестьянство, колеблется между либеральными буржуа и пролетариатом не случайно, а в силу своего классового положения. Дело рабочих — высвобождать крестьянство из-под влияния либералов, беспощадно борясь с „народническими“ учениями».[99] Так, подобно статье, почти за два года до того написанной, — «Памяти Герцена», работа «Народники о Н. К. Михайловском» связывала уроки прошлого с задачами настоящего, учила правильной революционно-марксистской постановке и решению важнейших политических и теоретических проблем современности.

III

В. И. Ленин освещает не только общую теорию народничества, он не только оценивает видных идеологов народничества. В его произведениях можно найти характеристику различных этапов движения революционных народников 70-х годов, а также отдельных народнических групп и организаций.

---

[98] Заметим, что Михайловский в числе первых среди народников 70-х годов расстался с аполитическими тенденциями и стал призывать к активной политической борьбе.

[99] В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском, стр. 333—337.

Самая ранняя из связанных с движением 70-х годов групп, о которой упоминает В. И. Ленин,— это та группа, которая основала Русскую секцию I Интернационала в Швейцарии. О ней имеется упоминание в труде Ленина «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?». Критикуя статью уже весьма правого в то время народника С. Н. Кривенко «По поводу культурных одиночек» и идеализацию им так называемых малых дел, узких практиков в области сельского хозяйства, Ленин писал об одном расписанном у Кривенко эпизоде: «Если мы подведем расчет, то окажется, что описанные события относятся к 1869—1870 гг., т. е. как раз к тому приблизительно времени, к которому относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность „европейского устройства" — Интернационал».[1] Имеются все основания предполагать, что Ленин имел в виду именно попытку создания Русской секции, представительство которой при Генеральном совете Интернационала, как известно, согласился принять на себя Маркс. По самому поводу, вызвавшему упоминание здесь этой группы, Ленину не было необходимости вдаваться в подробности, но заслуживает внимания тот факт, что Ленин безоговорочно отнес ее участников к социалистам-народникам.

У Ленина нет высказываний специально о деятельности групп или кружков «чайковцев», выполнивших столь видную роль в революционно-народническом движении в начале 70-х годов. Но можно считать, что общие соображения Ленина по поводу народников в пору «хождения в народ» относятся так или иначе и к «чайковцам», сыгравшим выдающуюся роль в подготовке этого «хождения», а также (поскольку идет речь об уцелевших от полицейского разгрома лицах) и в самом «хождении».[2]

В. И. Ленин упоминает, как мы уже отмечали, бакунистов и бунтарей. Он писал, при случае, и о лавристах. В период I Государственной думы, споря с Г. В. Плехановым о тактике социал-демократии и отвечая, в частности, на более чем странное сравнение Плехановым большевиков с не-

---

[1] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 287.

[2] Мы понимаем здесь под «хождением в народ» движение в деревню, в крестьянство, как понимал это Ленин. Своеобразной формой «хождения» можно, однако, считать и деятельность народников в городе среди рабочих. Этой деятельностью широко занимались «чайковцы» в Петербурге и некоторых других городах на протяжении нескольких лет.

мецкими «истинными социалистами», против которых когда-то боролся Маркс, Ленин писал: «„Истинные социалисты“ нечто вроде мирных лавристов, полукультурники, нереволюционеры, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди».[3] Некоторые элементы этой характеристики могут быть приложены к лавристам вообще, но, взятая целиком, она скорее всего имела в виду поздних «лавристов» — тех, кого Плеханов, непосредственно с ними сталкивавшийся в свой народнический период, именовал *«лавристами времен упадка»* и от солидарности с которыми по ряду причин отрекался сам П. Л. Лавров.[4]

В. И. Ленин неоднократно касался «хождения в народ». Известно, что это понятие и в смысле своего содержания, и, главное, в отношении своих хронологических рамок вызывало и вызывает расхождения среди историков. Впервые лозунг «хождения в народ» с революционными целями был брошен в «Колоколе» Герцена и Огарева в 1861 г., а по существу выдвигался еще несколько раньше в «Современнике» Чернышевского и Добролюбова. Попытки революционного сближения интеллигенции с крестьянством предпринимались не раз в течение 60-х годов, в конце которых призыв идти в народ с новой силой прозвучал у Бакунина.

В. И. Ленин писал о «хождении в народ» семидесятников. При этом он, по нашему убеждению, имел в виду не одно лишь движение революционной молодежи (для возбуждения ли народа к восстанию, для пропаганды в его среде, для изучения, наконец, народа, ознакомления с его бытом и настроениями — смотря по «фракционной» принадлежности «хожденцев») и не только в 1874—1875 (или 1873—1875) гг., к которому современники и ближайшие потомки обычно приурочивали понятие «хождения в народ», но всю совокупность революционных начинаний семидесятников, направленных на развертывание пропаганды и агитации, на организацию открытых выступлений, «бунтов» и в конечном счете всеобщего восстания в крестьянстве.

В работе «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин писал, что народник 70-х годов «шел в народ» искать «залогов будущего» у самих непосредственных про-

---

[3] В. И. Ленин. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии? Полн. собр. соч., т. 13, стр. 154.

[4] Г. В. Плеханов. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России». Соч., т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 88. Интересно, что в этом предисловии сам Плеханов находил этих «лавристов» похожими на «истинных» социалистов в Германии 40-х годов XIX в.

изводителей.[5] В той же работе, указывая на то, что он отличает «старое» и «современное» народничество, В. И. Ленин в особой сноске отмечал, что под «старыми народниками» он разумеет «не тех, кто двигал, например, „Отечественные записки“, а тех именно, кто „шел в народ“».[6]

Касаясь причин «хождения в народ», В. И. Ленин связывал их с основными убеждениями революционных народников. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Ленин писал: «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и „шли в народ“». Тех, кто взялись за «осуществление этой программы» (т. е. по существу за подготовку крестьянской социалистической революции против основ существующего общества), Ленин определял как массу «энергичнейших и талантливых работников» (мы знаем, что среди них были такие выдающиеся революционеры, как Кравчинский, Клеменц, Войнаральский, Ковалик, Морозов и множество других на этапе середины 70-х годов, а на более позднем — Александр Михайлов, Плеханов, Вера Фигнер, Квятковский и т. д.). В. И. Ленин говорит и о причинах неудачи движения. Он видит основную причину ее в ошибочности самих надежд и расчетов участников. Им «на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических

---

[5] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 455.

[6] Там же, стр. 413. Из этого примечания не следует делать вывода, что В. И. Ленин совершенно «отмежевывал» деятелей главного легального органа русской демократии той эпохи от революционеров, участвовавших в «хождении в народ». Вопрос об отношении того или другого из ведущих работников «Отечественных записок» к движению в народ и до сих пор, несмотря на накопленный о них наукой большой материал, остается не всегда достаточно выясненным. В частности, он не до конца ясен по отношению к Н. К. Михайловскому. Но нет сомнения, что вся в целом проповедь «Отечественных записок» (и в публицистическом, и в литературно-художественном, и в других разделах журнала) оказывала большое влияние на молодую радикальную интеллигенцию и может быть смело причислена к тем идейным факторам, которые подготовляли «хождение в народ». Вместе с тем нельзя упускать из виду, что состав сотрудников журнала был сравнительно пестрым, что в статьях и его наиболее левых сотрудников встречалось немало противоречий, что в нем наряду с революционными пробивались и либерально-народнические тенденции (подчас это имело место у одних и тех же авторов и даже в одних и тех же статьях). Наконец, в журнал попадали и статьи просто либеральных авторов, а с другой стороны, были в числе авторов люди демократических настроений без ярко и последовательно выраженных народнических устремлений в тесном смысле слова.

инстинктах мужика». Впрочем, как указывает Ленин, сами участники «хождения в народ» смотрели еще на дело иначе. Революционеры решили, что «дело не в мужике, а в правительстве,— и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним *рабочие*».[7] Последнее замечание Ленина, конечно, надо понимать не в том смысле, что «хождение в народ» не было делом интеллигенции (и в какой-то мере отдельных рабочих), а в том, что большинством революционеров были оставлены надежды на восстание в непосредственном будущем крестьянства.

Почти через двадцать лет в статье «О народничестве» В. И. Ленин высказал убеждение, что «хождение в народ» (в крестьянство, как пояснял Ленин) революционеров 70-х годов было расцветом «действенного народничества».[8] Мы понимаем слово «действенное» как синоним понятия «революционное, активное народничество».[9]

---

[7] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 286.

[8] В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

[9] Мы не считаем убедительными попытки какого-либо принципиального разграничения в данном случае понятий «действенное» и «революционное». По мнению, например, Б. С. Итенберга понятие «действенное» «шире, объемнее, активнее обычного определения революционности... термином „действенное" Ленин усиливал понятие революционности» (Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М., 1965, стр. 24—25). Нам не вполне ясно, что вкладывается автором в «обычное определение революционности». Революционности без активности (действенности) для Ленина не существовало никогда. Конечно, когда Ленин употреблял рядом, вместе оба слова, он усиливал их эмоциональное звучание. Так, в статье «Карл Маркс», написанной несколько позже, Ленин писал: «После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действенно*, революционно оценил Маркс...» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49). В статье «О народничестве» в той фразе, о которой идет речь, слово «революционеров» уже было и повторение производного от него слова было бы даже стилистически неудобно. Надо учесть и то, что о «действенности» народничества в смысле именно «революционности», конечно активной революционности (какая же еще?), в те годы не раз писалось в литературе. Например, в рецензии на книгу В. Я. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов» старый народник-революционер Н. Геккер писал: «Активное народничество есть народничество революционное, „действенное", не ограничивающееся одной пропагандой и агитацией, а ведущее народ к фактическим переменам в общественном строе путем восстания и переворота» («Северные записки», 1913, № 2, стр. 170); кстати, это писано примерно в одно время со статьей Ленина. Мы не видим поэтому достаточных оснований для выделения какого-то особого этапа действенного народничества в отличие от революционного и внутри революционного. Полагаем, что у В. И. Ленина не было такого намерения.

«Массовое» (вовлекшее много сотен революционеров) «хождение в народ» 1874 г., продолжавшееся частично и в 1875 г., явилось знаменательным событием в истории русской демократической интеллигенции и входит важным составным элементом в тот «расцвет» народничества, о котором писал В. И. Ленин. Но оно не оправдало и в малой степени тех ожиданий, которые с ним связывали его участники. Разочарования привели к анализу, к попыткам пересмотра вопросов тактики и организации; он фактически затронул и область программы. Тогда-то, около 1876 г., и оформилось господствовавшее потом несколько лет течение, которое сами инициаторы назвали «народническим» (слово бытовало и раньше, довольно давно, но прежде не имело еще столь четкого смысла определенной системы программных, тактических и организационных воззрений). Во главе этого обновленного в определенной степени комплекса взглядов и связанной с ними практической деятельности находилось в 1876—1879 гг. тайное революционное общество «Земля и воля» (основатели и видные участники — Марк и Ольга Натансон, Александр Михайлов, Плеханов, Квятковский, Аптекман, Оболешев и др., позже также Кравчинский, Клеменц, Морозов, Перовская и т. д.).

О том, как смотрел В. И. Ленин на вторую «Землю и волю» (первая действовала в 60-х годах), мы говорили выше. В широком понимании термина «хождение в народ» он охватывает и деревенскую практику землевольцев, их «поселения» в народе.

Известны разочарования, испытанные большинством революционеров и на этом этапе, — в новых попытках расшевелить и вызвать на активную и широкую борьбу крестьянство. Это разочарование наряду с некоторыми другими факторами послужило источником кризиса в «Земле и воле» в конце 70-х годов, который завершился летом 1879 г. открытым ее расколом на две организации: «Народную волю» и «Черный передел».

В. И. Ленину мало пришлось писать о «Черном переделе». Это связано, на наш взгляд, с тем, что идейно руководящая группа чернопередельцев (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и др.) на протяжении ближайших лет эволюционировала от народничества к марксизму и заложила первые основы русской социал-демократии. Их деятельность в качестве марксистов, очевидно, заслонила в глазах В. И. Ленина чернопередельческую полосу их революционной работы. Ленин однажды упоминает (в «Что делать?») о самом факте раскола «Земли и воли» на народовольцев и чернопередельцев. Позднее, в предисловии к русскому переводу книги «Письма

И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», В. И. Ленин, комментируя письмо Маркса к Зорге от ноября 1880 г., указал, что Маркс стал на сторону народовольцев, а также что Марксом были верно «схвачены» во взглядах чернопередельцев анархические элементы. Ленин цитирует резкую оценку чернопередельцев в письме Маркса, отмечая при этом, что Маркс не имел «возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов».[10]

О «Народной воле» В. И. Ленин писал больше, чем о какой-либо другой из старых (XIX в.) народнических организаций. Объясняется это тем, что проблема народовольчества в эпоху деятельности Ленина (главным образом в начальные периоды этой деятельности) сохраняла определенную актуальность. Народовольческие группы и кружки существовали и проявляли себя на политической арене в 90-х годах XIX в., а с рубежа XIX—XX вв. наследниками старой «Народной воли» объявили себя «социалисты-революционеры» (эсеры). Социал-демократии важно было установить свое отношение к традициям народовольчества.

А. И. Елизарова, известная деятельница Коммунистической партии, старшая сестра В. И. Ленина, писала в 1922 г. в рецензии на первую часть «Запечатленного труда» Веры Фигнер: «Основные положения наши и народовольцев глубоко различны. Но у них мы заимствовали опыт относительно роли политики в революционной борьбе, роли организации как необходимого условия успешной борьбы. Молодые революционеры нашего направления учились у них самоотверженности и стойкости борьбы».[11]

Конечно, о роли «политики» Ленин и революционные социал-демократы знали далеко не только по опыту народовольцев; это же можно сказать и о других моментах, отмечаемых А. И. Елизаровой. Но бесспорно, что, в частности, традиции «Народной воли» в указанных смыслах имели свое значение, тем более что «наследие» «Народной воли» было наиболее близким по времени — народовольцы были (как, впрочем, и чернопередельцы) хронологически самыми непосредственными предшественниками молодого, выступившего в конце XIX в., революционного поколения.

В Заключении своей книги «Что делать?» В. И. Ленин, говоря о периоде «детства и отрочества» русской социал-демо-

[10] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». Полн. собр. соч., т. 15, стр. 247—248.

[11] «Пролетарская революция», 1922, № 9, стр. 285—286.

кратии (так он обозначил 1894—1898 гг.) и указывая, что большинство руководителей в это время составляли совсем молодые люди, заявлял: «Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными „Народной воле" и которых молодые социал-демократы высоко уважали».[12] Борьба заставляла учиться, идейно закаляла; воспитанные на ней социал-демократы шли в рабочее движение, сохраняя всю верность теории марксизма и задаче низвержения самодержавия.

Эта задача была завещана русским социал-демократам предшествующим развитием революционного движения.

В конце 1900 г. в программной статье первого номера «Искры» В. И. Ленин писал: «История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием».[13]

В ближайший перед зарождением русской социал-демократии исторический период эта «концентрированность» ярко проявилась в деятельности «Народной воли». Именно вопрос о политической борьбе, борьбе за свободу, вместе со связанными с ним тогда тесно вопросами о терроре и об агитации в народе, был той осью, вокруг которой вращались внутренние споры среди народников накануне и во время раскола «Земли и воли». Народовольцы, как писал В. И. Ленин (мы уже это место цитировали),[14] сделали шаг вперед тем, что перешли к политической борьбе, но не смогли связать ее с социализмом. По основным своим социально-экономическим взглядам народовольцы остались на позициях народничества. Притом для многих народовольцев политическая борьба была как бы вынужденной уступкой требованиям времени, момента. Позже об этих народовольцах писал Г. В. Плеханов, что они, будучи не в состоянии «теоретически справиться с Бакуниным и с народничеством», признали «политику» как «неизбежное зло».[15]

В «Народной воле» имели место существенные оттенки мнений по ряду вопросов. Переворот, о котором они мечтали и

---

[12] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180—181.

[13] В. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 373—374.

[14] В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 179.

[15] Г. В. Плеханов, Соч., т. XIV, М., 1925, стр. 330.

к которому стремились, не всем им представлялся одинаково. Но широко были распространены планы захвата власти и одновременного политического и «социального» (т. е. социалистического) переворота.

В 1902 г. В. И. Ленин, отмечая тот факт, что «старые русские революционеры» не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, говорит, между прочим, и о народовольцах, — что они «хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции».[16] Еще значительно раньше, в труде, посвященном борьбе с «друзьями народа», Ленин, имея в виду «Народную волю», указывал, что у нее был расчет «простым захватом власти» совершить «не политическую только, а и социальную революцию».[17] А в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» Ленин «специфически „народовольческий“» переворот разъяснял как «переворот и политический и социальный в одно и то же время, переворот, ведущий не только к низвержению самодержавия, но и к захвату власти» (в этой же статье Ленин, впрочем, напоминал и о письме Исполнительного комитета «Народной воли» после убийства Александра II, в котором нашел отражение другой вариант — предъявлялась Александру III альтернатива: или продолжение прежней революционной борьбы, или отречение от самодержавного порядка — политическая амнистия и созыв народного собрания при всеобщем избирательном праве и обеспечении свобод).[18]

Народовольческую мысль о захвате власти при существовавших в то время условиях В. И. Ленин расценивал как утопию, так же как уверенность народовольцев в возможности обеспечить девяносто процентов крестьян-социалистов в будущем учредительном собрании. По поводу последнего пункта Ленин писал в начале 1905 г. в первом органе большевиков «Вперед»: «Когда народовольцы... уверяли себя и других, что 90 проц. крестьян в будущем русском учредительном собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, неминуемо долженствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо эти „обещания и уверения“ не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии. . .».[19] Несостоятель-

---

[16] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 319.

[17] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 286.

[18] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 56—57.

[19] В. И. Ленин. Социал-демократия и временное революционное правительство. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 6. Слова «обещания и уве-

ность народовольческой идеи захвата власти В. И. Ленин вскрывал также в период первой русской революции. Споря с Г. В. Плехановым на IV (Объединительном) съезде РСДРП по аграрному вопросу, отвечая на то, что Плеханов увидел в ленинском проекте аграрной программы идею захвата власти, В. И. Ленин говорил: «. . . идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка. В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительно массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения».

Указывая на события октября—декабря 1905 г., Ленин заявлял: «. . . теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народовольчеству значит запаздывать на целых 25 лет, значит вычеркивать из истории России целый громадный период. . . Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом».[20] Напомним, что на утопизм народовольческой идеи захвата власти Ленин указывал еще в заключении своей статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма», где, перечисляя «вредные иллюзии», от которых освободилось русское революционное движение, он отметил

рения» взяты из работы Энгельса «Крестьянская война в Германии», работы, на которую безосновательно ссылался меньшевик А. С. Мартынов (с ним полемизировал Ленин в названной статье). Ленин писал о Мартынове: он не понимает, что «*суть* мысли Энгельса состоит в указании на гибельность *непонимания* действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народовольцам и „социалистам-революционерам“» (там же, стр. 7). (Речь шла о смешении задач буржуазно-демократической и социалистической революций).

[20] В. И. Ленин. Заключительное слово по аграрному вопросу. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 365—366. Что касается давнишней (80-х годов) критики Плехановым народовольческой теории «захвата власти» революционной партией, то Ленин к ней относился вполне одобрительно. Еще в 1899 г. в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» Ленин об этой теории писал: «Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях „Социализм и политическая борьба“ (1883 г.) и „Наши разногласия“ (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 251).

теорию «захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции».[21]

На известную преемственность по отношению к «Народной воле» в связи с проблемой политической борьбы с самодержавием было в 1898 г. указано в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии», выпущенном от имени состоявшегося тогда I съезда партии. В следующем году, в «Протесте российских социал-демократов» против «экономистского» «credo», В. И. Ленин процитировал из «Манифеста» следующие слова: «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной воли“». В «Манифесте» после этих слов говорилось: «Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». В. И. Ленин полнее, шире и глубже развил мысли, выраженные в приведенной им цитате из «Манифеста». Он писал: «Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой „Народной воли“ сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой».[22]

Опора на классовую борьбу пролетариата противопоставлялась В. И. Лениным представлениям народовольцев о политической борьбе. В «Что делать?» Ленин писал: «Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущ-

---

[21] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 72.

[22] В. И. Ленин. Протест российских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 176.

ности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества».[23] Социал-демократы, указывал В. И. Ленин в статье конца 900-х годов, воевали «против узкого понимания народовольцев, сводивших политику к заговорщичеству».[24] В программной статье «Искры» «Насущные задачи нашего движения» Ленин также говорил о борьбе социал-демократии с народовольцами, «которые понимали под „политикой“ деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщической борьбы».[25] Выше, в связи с освещением отношения В. И. Ленина к П. Л. Лаврову, мы приводили его подробные высказывания из брошюры «Задачи русских социал-демократов», направленные против заговорщических, бланкистских традиций народовольчества.

Необходимо подчеркнуть, что борьба против заговорщичества отнюдь не была у Ленина связана с малейшей хотя бы недооценкой крепкой, конспиративной, боевой организации революционных социал-демократов. Ссылаясь именно на свою полемику с Лавровым, В. И. Ленин в «Что делать?» указывал: «Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против *сужения* политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовсе не означало отрицание необходимости крепкой революционной организации». В брошюре «Задачи русских социал-демократов», как напоминал Ленин в «Что делать?», «обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла „прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму“ и к „восстанию“ и ко всякому „другому приему атаки“».[26]

Вполне естественным, конечно, является то внимание, которое В. И. Ленин уделял вопросу о политическом терроре, который занял исключительно большое место в тактике народовольцев, а потом, во времена Ленина, был возрожден эсерами.

В. И. Ленин касался происхождения террора семидесятников, указывал на стихийность его возникновения. В «Что делать?», полемизируя с Надеждиным-Зеленским, он писал: «Да, самого искреннего возмущения узостью,[27] самого горячего желанья поднять преклоняющихся перед ней людей еще

---

[23] В. И. Ленин. Что делать? стр. 135.

[24] В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии, стр. 266.

[25] В. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения, стр. 372.

[26] В. И. Ленин. Что делать? стр. 135—136.

[27] Ленин перед этим говорил об узости, которой еще «придавлено» социал-демократическое движение. (*Прим. Ред.*).

недостаточно, если возмущающийся (в данном случае Надеждин, — *Ш. Л.*) носится без руля и без ветрил и так же „стихийно“, как и революционеры 70-х годов, хватается за „эксцитативный террор“, за „аграрный террор“, за „набат“ и т. п.».[28] Через несколько лет, в начале 1906 г., Ленин, говоря о «старом» терроре в связи с оценкой партизанских выступлений периода первой русской революции, указывал: «Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был местью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания».[29]

В этих сжатых формулировках заключено важное и большое содержание. Террор семидесятников действительно начинался как месть отдельным лицам, например выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова, убийство Сергеем Кравчинским шефа жандармов Мезенцова в 1878 г. Он разрастался стихийно, привлекая все новых сторонников и расширяя свои цели. «Позднее, — показывал после 1 марта 1881 г. Николай Кибальчич, — террористическая деятельность в глазах партии, и в том числе и меня, стала представляться не только как средство для наказания начальствующих лиц за их преследования социалистов, но и как орудие борьбы для достижения политического и экономического освобождения народа. Такой взгляд на террористическую деятельность можно считать окончательно установившимся летом 1879 г.».[30] Так террор органически слился с заговорщическими планами «интеллигентских групп», олицетворяемых партией «Народной воли». Помимо «логики» самой интеллигентской борьбы, нараставшего «накала» страстей, глубочайшего возмущения действиями правительства, в росте террористических настроений сказывалось именно разочарование в результатах деятельности

---

[28] В. И. Ленин. Что делать? стр. 166.

[29] Противопоставляя «старому» террору партизанские выступления, В. И. Ленин тут писал: «Партизанские действия боевых дружин (социал-демократических, — *Ш. Л.*)... несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин теперь не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания» (Современное положение России и тактика рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 180, 181).

[30] «Былое», 1918, № 4—5 (10—11), стр. 297.

революционеров в народе, резкое падение веры в возможность вызвать в ближайшее время народное восстание. Г. В. Плеханов, сам ближайший свидетель событий конца 70-х годов и активный их участник (хотя в лагере противников террора), писал: «Освобождение народа стало делом не самого народа, а небольшой группы заговорщиков. Тогдашние западноевропейские социалисты, с Марксом и Энгельсом во главе, видели в русском терроризме блестящее выражение *мощи* революционного движения в России. В действительности же терроризм был признаком *слабости* его. Русские революционеры возвели террор в систему только тогда, когда они *убедились в невозможности поднять немедленно крестьянскую массу на борьбу с государством.* Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния».[31]

Террор, следовательно, было бы неверно считать исторической случайностью. Он вырос из определенных особенностей обстановки того времени. Это все-таки не означает какой-то исторической фатальности террора. Недаром далеко не вся революционная интеллигенция была увлечена на этот путь: ряд видных деятелей, как например будущие основатели группы «Освобождение труда», восстали против этого увлечения, предупреждая о величайшей опасности этого пути для судеб самого русского революционного движения. И тут нельзя отнюдь сбрасывать со счета также такого субъективного обстоятельства, как предрасположенность значительной части революционной молодежи к крайней переоценке возможностей «личности», интеллигенции.[32] Идеи Лаврова, Михайловского, Ткачева очень способствовали тому, что многие революционеры-семидесятники сравнительно легко и с большой верой в успех склонились к этому пути. На роль, в частности, Ткачева указывал в «Что делать?» В. И. Ленин, говоря о подготовленной «проповедью Ткачева» и осуществленной «посредством „устрашающего“ и действительно устрашавшего террора» попытке «захватить власть» (Ленин пишет тут, противопоставляя

---

[31] Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 177.

[32] «Ни о каких субъективных ошибках народовольцев в данном случае (т. е. в вопросе о терроре, — *Ш. Л.*) не может быть и речи. Индивидуальный террор был навязан революционерам правительством», — очень категорически утверждает советский историк М. Г. Седов («Народная воля» перед судом истории. «Вопросы истории», 1965, № 12, стр. 48). Заметим, что один из участников «суда истории», Петр Струве, писал в 1903 г.: «Террор был всецело порожден „сильной“ правительственной властью, не имевшей никаких преград и не знавшей себе никакого удержу» («Освобождение», кн. 1, Штуттгарт, 1903, стр. 123). Этого объяснения и Струве, и Седова еще недостаточно, оно далеко не исчерпывающе.

Ткачева и Надеждина, что попытка народовольцев была «величественна», а террор «маленького Ткачева» — Надеждина «просто смешон»; оценку по существу народовольческой идеи захвата власти у Ленина см. выше).[33]

Террор «увязывался» фактически с идеями могущественного влияния интеллигенции на ход истории, с той верой в эффективность «единоборства» интеллигенции с царизмом, которая отличала в принципе народовольчество. Напомним о письме Исполнительного комитета «Народной воли» к американскому народу от октября 1880 г. (за четыре месяца до 1 марта 1881 г.), где вожди народовольцев называли свою деятельность борьбой «между Деспотизмом и Интеллигенцией», в которой Деспотизм понес уже «несколько поражений».[34]

В. И. Ленин достаточно ясно высказал свою точку зрения на идею единоборства. Открывая кампанию против новой партии «социалистов-революционеров», он в одной из статей, посвященных критике эсеров, указывал, что «*на деле* террор социалистов-революционеров является не чем иным, как *единоборством*, всецело осужденным опытом истории».[35] В написанной чуть позже статье «Революционный авантюризм» В. И. Ленин снова отрицательно отзывался о значении «теории поединка и единоборства».[36] В той же статье Ленин указывал на то, что «непригодность» террора «ясно доказана опытом русского революционного движения».[37]

В конце того же 1902 г. В. И. Ленин в статье «Новые события и старые вопросы», напечатанной в «Искре», писал: «. . . вот вспыхивает в Ростове-на-Дону одна из самых обыкновенных и „будничных", на первый взгляд, стачек и приводит к событиям, которые показывают воочию все нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками». «Мы думаем, — заявлял он в этой статье, — что целой сотне цареубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интере-

---

33 В. И. Ленин. Что делать? стр. 173.

34 «Былое», 1917, № 1, стр. 52.

35 В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 375.

36 В. И. Ленин. Революционный авантюризм. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 386.

37 Там же, стр. 380.

сами, — как это участие в борьбе, действительно *поднимающей* новые и новые „непочатые" слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе».[38]

В 1904 г. эсеры совершили свой наиболее сенсационный террористический акт — им удалось убить одного из крупных и самых ненавидимых в стране представителей царской администрации — тогдашнего министра внутренних дел В. К. Плеве. И вот, откликаясь на убийство Плеве в первой же статье первого номера органа большевиков «Вперед», В. И. Ленин писал: «И чем удачнее было это террористическое предприятие, тем ярче подтверждает оно опыт всей истории русского революционного движения, опыт, предостерегающий нас от таких приемов борьбы, как террор». Ленин снова подчеркивал, что террор «был и остается специфически интеллигентским способом борьбы».[39] «Массовое движение в капиталистическом обществе, — писал он, — возможно лишь как классовое рабочее движение. Это движение... идет своим путем, становясь все глубже и шире, переходя от временного затишья к новому подъему. И только либеральная волна поднимается и спадает в тесной связи с настроением разных министров, смена которых ускоряется бомбами».[40]

Разумеется, В. И. Ленин не думал ставить полный знак равенства между террором народовольцев и эсеров. Политическая обстановка за четверть века, отделявшую первые покушения народовольцев от убийства эсерами Плеве, в громадной степени изменилась. Далеко вперед шагнуло развитие капитализма, а с ним и развитие российского пролетариата. Налицо в начале XX в. было весьма широкое движение рабочего класса, которого не было в конце 70-х—начале 80-х годов. Не стояло на месте и крестьянское движение. В этих условиях «непригодность» террора была особенно явной. Однако многие высказывания Ленина (мы привели часть из них) убедительно говорят о том, что его отрицание террора основывалось и на анализе прошлого. Ленин ссылался на весь опыт истории революционного движения, предостерегающий против террора. Сюда, конечно, относился в особенности опыт народовольческого террора. Ленин боролся против попыток реставрировать народовольчество со всеми его не только теоретическими, но и тактическими — или, как он писал в другом месте, практиче-

---

[38] В. И. Ленин. Новые события и старые вопросы. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 59, 60—61.

[39] В. И. Ленин. Самодержавие и пролетариат. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 129—130.

[40] Там же.

скими [41] — ошибками. Он прямо выступал против тех, кто открывает настежь двери «для самых вредных старых ошибок», а также новых шатаний мысли, против тактики, усиливающей «оторванность революционеров от масс».[42]

Для характеристики позиции В. И. Ленина отнюдь не безразличен также факт помещения в старой «Искре», кроме его собственных, ряда других статей, в которых давалась критическая оценка не только «нового», но и «старого» террора. Представляется полезным напомнить, например, о некоторых из статей Веры Засулич, члена редакции ленинской «Искры», кстати сказать, вставшей, как свидетельствует Н. К. Крупская, особенно близко из участников группы «Освобождения труда» к «Искре».[43] В одном из первых номеров «Искры» (№ 3, за апрель 1901 г.) в статье «По поводу современных событий» В. И. Засулич писала: «Террор, несомненно, очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это было пассивное волнение... Иной либеральный обыватель мог плакать от умиления перед геройством террористов, но его собственной жажды деятельности и способности к риску это не увеличивало. Между героями и им была пропасть. Действующими террористами, по самой сути дела, могли быть лишь очень немногие, исключительные по своей энергии, бесстрашию, конспиративной ловкости и опытности люди, а самая сила впечатления, производимого их делами, заставляла бледнеть и терять привлекательность все другие дела, начавшие казаться „пустяками“. Вся активность, вся энергия сосредоточилась в горсти героев, дух борьбы... находил исход лишь в сочувствии, в вере в „Исполнительный комитет“: он освободит».[44] Позднее, в 1903 г., полемизируя с органом эсеров «Революционная Россия», В. И. Засулич вспоминала свою прежнюю статью «Революционеры из буржуазной среды», опубликованную в 1890 г. в органе группы «Освобождение труда» «Социал-демократ». В той статье (Засулич это теперь вполне сочувственно повторяла) она заявляла, что вызванное террором настроение «исчерпывало, истощало нравственные силы интеллигенции». «Упадок движения в восьмидесятых годах, — писала она, — не

---

[41] В. И. Ленин. О задачах социал-демократического движения. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 57.

[42] Там же.

[43] «Она жила, — пишет Н. К. Крупская, — вместе с нами в Мюнхене и в Лондоне, жила жизнью редакции „Искры“, ее радостями и горестями, жила вестями из России» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. I. Воспоминания родных. М., 1968, стр. 251).

[44] «Искра», №№ 1—52. Полный текст под ред. и с пред. П. Лепешинского, вып. I. Л., 1925, стр. 66.

может быть приписан одной ловкости полиции — в нем играла несомненную роль нервная усталость самой интеллигенции».[45]

Возвращаясь непосредственно к ленинским материалам, укажем на одну из резолюций совещания ЦК большевиков с партийными работниками 1913 г., где отмечалось, что партия эсеров продолжает отстаивать террор, «история которого в России совершенно оправдала с.-д. критику этого метода борьбы и закончилась полным крахом».[46] В 1916 г., оценивая убийство Ф. Адлером австрийского премьер-министра Штюргка, В. И. Ленин писал: «... мы остаемся, разумеется, при нашем старом, подтвержденном опытом десятилетий убеждении, что индивидуальные террористические покушения являются *нецелесообразными* средствами политической борьбы».[47]

В свете всего сказанного надо с большой осторожностью и обоснованным сомнением подходить к имеющему распространение толкованию одного места в III главе ленинской статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (напомним ее дату — 1901 г.), где В. И. Ленин переходит к вопросам, связанным со второй революционной ситуацией в России на рубеже 70-х и 80-х годов. Ленин начинал главу с противопоставления либералам («политическим школярам») «задир» — революционеров. Последние, не удовлетворяясь «тактичностью» либералов, «шли с революционной проповедью в народ». «Несмотря на то, — продолжает В. И. Ленин, — что они шли под знаменем теории, которая была в сущности не революционна, — их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благо-

[45] Там же, вып. VI, Л., 1928, стр. 116. Отметим, что еще в № 4 «Искры» была помещена статья «Вопросы дня. Кое-что о терроре...» (ее автором был один из редакторов газеты Ю. Мартов), в которой сопоставлялись сходные взгляды эсеров и других современных защитников террора и народовольцев по вопросу о сочетании террора с народным движением и говорилось: это «не мешало ее («Народной воли», — *Ш. Л.*) террору в силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на деле отрицанием всякого народного движения» (там же, вып. I, стр. 79). Советская исследовательница «Народной воли» В. А. Твардовская справедливо рассматривает эту статью в качестве выражения общей оценки террора ленинской «Искрой» в целом (В. А. Твардовская. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969, стр. 217).

[46] В. И. Ленин. Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 60.

[47] В. И. Ленин, Письмо Ф. Коричонеру. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 312.

даря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз (после периода падения крепостного права, — *Ш. Л.*) изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддержать борцов и оказать настоящее давление на правительство».[48]

Из этих формулировок В. И. Ленина иногда склонны делать вывод, что вся вторая революционная ситуация в России, так сказать, создана руками террористов-народовольцев. Однако было бы странно полагать, что Ленин действительно так понимал дело. Действия террористов вносили то или иное замешательство в ряды «правящих», они волновали, как отмечает в приведенной цитате Засулич, жаждавшее свободы общество, прежде всего, конечно, молодую его часть. Но, во-первых, у Ленина идет речь о всей борьбе революционеров — от тех, кто шел «в народ», до тех, кто затем бросился «в отчаянную схватку» за политическую свободу. Какая бы роль ни приписывалась вторым, они стояли «на плечах» первых, и без первых не было бы и последних. А, во-вторых, Ленину не могла не быть ясна вся в целом сложная, чреватая взрывом политическая обстановка конца 70-х годов, хотя по характеру стоявшей перед ним политической задачи — обличения дряблости либерализма — и даже по самим размерам статьи ему не пришлось заниматься в ней анализом полного комплекса причин, обусловивших политический кризис того времени.

А причин этих был целый ряд. Революционное движение беспокоило правительство и до русско-турецкой войны, которая сама — в надеждах и ожиданиях власти — должна была, между прочим, содействовать снижению его масштабов или вообще его преодолению. Но война сыграла обратную роль. Недаром еще в сентябре 1877 г. шеф жандармов Мезенцов высказывал одному из высших военных чинов «опасения свои, что каков бы ни был исход кампании, последствия оной отзовутся в России общим порицанием и неудовольствием против правительства».[49] Война многосторонне повлияла на обострение политического положения (мы не имеем здесь возможности раскрыть вполне эту тему).

Тяжелейшее положение крестьянской массы было очень усугублено войной. С другой стороны, в связи с войной

---

[48] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 39.

[49] Из дневника князя А. М. Дондукова-Корсакова. «Старина и новизна», кн. 9, СПб., 1905, стр. 24.

в сильнейшей степени расширились слухи и толки о предстоящем переделе земель. Они приобрели такой размах, что вынудили правительство выступить со специальным объявлением-опровержением (циркуляр Макова летом 1879 г.). Оно не возымело желательного действия. К. Д. Кавелин позже писал: «Как известно, знаменитое циркулярное объявление бывшего министра внутренних дел вместо того, чтоб успокоить умы, только подлило масло в огонь».[50] В конечном счете именно крестьянский вопрос, антагонизм между крестьянами и помещиками (также помещичьим государством) и был наиболее глубокой социальной подосновой внутреннего кризиса.[51] Этот конфликт находил одно из выражений и в немалом числе открытых крестьянских волнений, «беспорядков».

Рабочий вопрос перед крестьянским пока отступал на второй план. Все же весьма знаменательно для второй революционной ситуации в отличие от первой, что с ним уже нельзя было не считаться. В. И. Ленин, говоря в «Гонителях земства» о причинах, приведших к неуспеху второго демократического подъема, отмечает: «...в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации...».[52] То и другое бесспорно. Однако по сравнению с началом 60-х годов перемена была уже очень и очень заметной. В конце 70-х годов прокатилась значительная волна стачек, которая и Лениным отмечена. Существовали кружки передовых рабочих, из которых сложилась именно ко времени второй революционной ситуации организация «Северный союз русских рабочих», не оказавшаяся, правда, особенно прочной, но успевшая смело провозгласить лозунги политической свободы. Голос рабочих внушительно звучал в политических процессах; они участвовали в деятельности революционных народников и народовольцев.

Волнения среди студенчества столиц и провинциальных университетских центров почти не умолкали в конце 70-х и начале 80-х годов. По масштабам и упорству они отнюдь не уступали студенческому движению периода реформы;

---

[50] К. Кавелин. Крестьянский вопрос. «Вестник Европы», 1880, № 8, стр. 580.

[51] А. И. Кошелев писал в статье «О нынешнем положении крестьян...», что «главный вопрос, составляющий основу и подкладку всех второстепенных задач, есть, конечно, вопрос об общем обеднении народа» (цит. по: «Слово», 1880, № 10, стр. 84). В следующем году известный публицист С. Пр[иклонский] писал в «Русской мысли» (1881, кн. V, 2-й отд., стр. 97): «Нужно спешить с облегчением положения крестьян, потому что они теперь дошли до последней крайности».

[52] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 44.

став снова существенным элементом общего возбуждения и подъема.

«Героическая „крамола" 70-х и 80-х годов... встряхнула русское общество, за текущими заботами дня забывшее о великих, но неразрешенных исторических задачах устроения страны на началах свободы и законности», — писал «сам» Струве в 1903 г. на страницах своего «Освобождения».[53] Роль революционного движения в «пробуждении» либерального общества не подлежит сомнению, хотя были тут и некоторые другие факторы, и прежде всего война. О «критическом духе» к «существующим учреждениям» говорил, например, отчет Московского юридического общества как о «естественном последствии» войны (начало 1879 г.). Раньше, в феврале 1878 г., И. С. Тургенев писал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Как-то мы разделаемся с наследием войны — повсеместным тифом — и дождемся ли другого наследия: представительных учреждений и т. п.?».[54]

Не случайной является дата этого письма — 1878 год — год начала того общественного подъема, который, с теми либо другими колебаниями и зигзагами, продолжался несколько лет, достигнув апогея в 1880 и в начале 1881 г. Тогда же обозначилось и начало кризиса власти, тоже сильнее всего проявившегося в 1880—начале 1881 г.

Борьба революционно-демократической интеллигенции, само собой разумеется, во всем этом процессе занимает почетнейшее место. Но нельзя все к ней исключительно сводить. Вместе с тем нельзя забывать и того, что террор не был единственной формой и этой борьбы даже в период деятельности «Народной воли», а тем более до ее возникновения. Большую

---

[53] П. С.[труве]. Лозунг времени. «Освобождение», 1903, № 10 (34), стр. 171.

[54] И. С. Тургенев, Письма, т. XII, кн. 1. М.—Л., 1966, стр. 290. Приведем, кстати, здесь же отрывок из тургеневского письма более позднего времени (накануне 1 марта) к Кавелину: «...пора нашей партии (если можно так выразиться) выступить с совершенно ясной, подробной и обстоятельной программой, чем мы отличимся и от славянофилов, и от революционеров, и даже от самого правительства. В „Стране" Полонский (Л. А. Полонский — редактор либеральной газеты «Страна», — *Ш. Л.*)... уже наметил некоторые важнейшие пункты» (там же, т. XIII, кн. 1, Л., 1968, стр. 68). Полонский в одной из своих передовиц, между прочим, призывал власть отказаться от полуобещаний, полуколебаний, полусдерживаний (это было при Лорис-Меликове) и признать «обеспечение прав личности, призыв русского общества к участию в делах страны в форме всенародно-собирательной» («Страна», № 102, 1880, 28 декабря). (Это и были те «представительные учреждения», о коих к концу войны мечтал Тургенев).

роль играла подпольная революционная печать — землевольческая, потом народовольческая и чернопередельческая. Ряд уличных демонстраций (главным образом на протяжении 1878 г.) привлек к себе серьезное внимание и содействовал процессу «революционизации». Агитация и пропаганда, вооруженные сопротивления и насильственные попытки освобождения заключенных и т. д. — все это нельзя не учитывать. Революционизирующим фактором серьезного значения явились крупные и крупнейшие политические процессы, героическая борьба, которую вели на них обвиняемые и против суда непосредственно, и против стоявшего за судом самодержавного режима в целом.

Как ясно уже из самого названия известной ленинской статьи, в «Гонителях земства и Аннибалах либерализма» проблема русского либерализма в высокой степени интересовала автора. Это, в частности, относится к периоду второго демократического подъема.

Резко критикуя поведение либералов и в этот период, Ленин в то же время отмечает, что тогда «земский либерализм сделал заметный шаг вперед в политическом отношении».[55]

Правда, не все те данные, на которые вынужден был в ту пору опираться Ленин, как и другие авторы начала XX в., впоследствии подтвердились. Так, попытка земцев создать в лице зарубежного «Вольного слова» собственный политический орган оказалась — в результате позднейших изысканий — фиктивной. Ленину приходилось черпать некоторые фактические сведения из опубликованной конфиденциальной записки С. Ю. Витте, в которой многие карты были преднамеренно спутаны. Фикцией оказалось и «Общество земского союза и самоуправления» с его программой, о котором толковалось в записке Витте.

Но относительные успехи земско-либерального движения, которые имел в виду В. И. Ленин, говоря о годах второго демократического подъема, в самом деле имели место. Действительно, «обнаружились явственно» в земстве и вообще в либеральных кругах «конституционные стремления», хотя, по справедливому ленинскому замечанию, они оказались в конечном итоге «бессильным „порывом“».[56] Состоялся весной 1879 г. в Москве первый земский съезд (фактически в нем принимали участие не одни земцы, но литераторы, ученые и т. д.),

---

[55] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 39.

[56] Там же. Надо оговорить и то, что, как и прежде, не все даже видные либералы были подлинными конституционалистами. Упорствовал в своем признании якобы преждевременности конституции К. Ка-

который отверг предложение об организации нелегальной конституционной партии, но высказался за развертывание агитации на местах и за периодичность подобных же съездов.

Ленин отметил либеральные заявления земств (Тверского, Черниговского и др.) в ответ на обращение правительства к «обществу» за помощью в борьбе против революционного движения. Ленин отметил и попытки некоторых земских деятелей (на Украине) побудить революционеров приостановить террористические действия, так как «нельзя ничего будет достигнуть мирными средствами, если террористы будут продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилия» (выдержка из брошюры Кеннана «Последнее заявление русских либералов», которая фигурировала в записке Витте). Это дало Ленину повод для язвительной критики либералов конца 70-х годов. «Итак, — писал он, — вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего натиска (в форме демонстрации, отказа земств от исполнения обязательных расходов и т. п.) либералы опять начинают все с той же „тактичности“: „не раздражать“ правительство! добиваться „мирными средствами“, каковые мирные средства так блистательно доказали свое ничтожество в 60-е годы!». Ленин с удовлетворением отмечал, что революционеры «ни на какое прекращение или приостановку военных действий» не пошли.[57]

С политическим кризисом конца царствования Александра II неразрывно связана история так называемой «диктатуры сердца» — правления графа М. Т. Лорис-Меликова,

велин. Еще в январе 1882 г. он писал Дмитрию Милютину, что, по его мнению, вопреки убеждению почти «всех», «не самодержавие, а органы и способы его действия окончательно отжили свой век и должны быть радикально реформированы, заменены совершенно иными» («Вестник Европы», 1909, кн. 1, стр. 9). 19 февраля 1880 г. он в письме к только что назначенному Лорис-Меликову, после сравнительно острой критики «недостойной правительственной среды», которой «Россия выдана головой», высказывал более чем скромное пожелание: «...пусть правительство на первый раз хоть восстановит во всей силе те права, которые были нам даны в нынешнее царствование, но по совету бессовестных и бесчестных людей отняты; пусть отменит все то, чем реформы искажены, обезображены, взяты назад или приведены в бездействие. Это будет немного и никого вполне не удовлетворит, но все же по крайней мере докажет, что верховная власть действительно намерена разорвать фатальную сеть, которой ее опутали, и решилась возвратиться на прежний путь» («Русская мысль», 1906, № 5, стр. 33—35). По существу это было очень похоже на куцую платформу большинства либералов в наступивший в 80-х годах период «контрреформ».

[57] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 40.

сначала (с февраля до августа 1880 г.) как председателя «Верховной распорядительной комиссии», затем министра внутренних дел. В. И. Ленин внимательно останавливался на оценке этой «эпопеи», широко затронув и вопрос об отношении к ней русских либералов.

Ленин упоминает петицию группы «именитых московских граждан» Лорис-Меликову, имея в виду записку о внутреннем состоянии России, представленную в марте 1880 г. «диктатору», которая была составлена, как потом стало известно, будущим кадетским председателем I Государственной думы С. А. Муромцевым совместно с земским деятелем и публицистом В. Ю. Скалоном и профессором-экономистом А. И. Чупровым.[58]

Сравнительно подробно В. И. Ленин освещал режим Лорис-Меликова, указывая, что его назначением правительство хотя делало уступку, но *«по-видимому»*, так как «не только никаких решительных шагов, но даже и никаких положительных и не допускавших перетолкования заявлений не было сделано».[59] Ленин говорит о жестокостях Лорис-Меликова в отношении революционных борцов. Он полностью поддерживает оценку режима Лорис-Меликова как политики одновременно «лисьего хвоста» и «волчьей пасти», о чем у нас была уже раньше речь в связи с Н. К. Михайловским, автором статьи в народовольческом органе, где содержалась указанная оценка.[60]

В. И. Ленин вскрывал близорукость либералов, которые не вняли *правде* подпольного органа и «сочли помахивание „лисьим хвостом“ за „новый курс“, которому позволительно дове-

---

[58] Критикуя внутреннее положение, авторы приходили к выводу, что вывести Россию из «заколдованного круга» может лишь призыв «в особое самостоятельное собрание представителей земства к участию в государственной жизни и деятельности, с прочным обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждения». Записка не могла быть опубликована в России и была издана в Берлине (анонимно) в 1881 г. (Сергей Муромцев. Статьи и речи. Вып. V. В области политики и публицистики. М., 1910, стр. 37).

[59] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 41.

[60] Отметим, что Михайловский довольно открыто критиковал Лорис-Меликова и в легальных «Отечественных записках». «Ах, господа, — писал он, — дело в сущности очень просто. Если мы в самом деле находимся накануне новой эры, то нужен прежде всего свет, а свет есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий. Какие это будут гарантии — европейские, африканские, „что Литва, что Русь ли“ — не все ли это равно, лишь бы они были гарантиями?» (Н. К. Михайловский. Литературные заметки. «Отечественные записки», 1880, № 9, 2-й отд., стр. 140).

риться».[61] Он цитирует характерное признание, сделанное в зарубежном издании (В. Скалона): «Мнение земских собраний о современном положении России», согласно которому земство «верило и сочувствовало правительству, как бы боялось забегать вперед, обращаться к нему с чрезмерными просьбами». «С какой-то непростительной наивностью, — по словам Ленина, — земцы воображали, что подавать петиции это значит „добиваться"...».[62]

В. И. Ленин подчеркивал, что и после убийства Александра II продолжалась та же бессильная линия либералов. Либеральное общество и либеральная печать и тогда ограничились «одними ходатайствами». Он касается сугубо хитросплетенных и благонамеренных докладных записок Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского,[63] которые выдумывали (Ленин здесь цитирует брошюру старого народника Ф. В. Волховского 90-х годов «Чему учит „конституция гр. Лорис-Меликова"», изданную в Лондоне) попытки «перевести монарха через заветную черту так, чтобы сам он этого не заметил». Без революционной силы, — настаивал Ленин, — все «осторожные ходатайства» и

---

[61] Находились, правда, скептики среди лучших и относительно более прозорливых либералов. И. С. Тургенев писал Н. В. Чайковскому в ноябре 1880 г.: «Я никогда не питал особенных иллюзий насчет упоминаемого Вами лица; я полагал и до сих пор полагаю, что надо пользоваться оттепелью, пока опять не завернул мороз» (И. С. Тургенев, Письма, т. XII, кн. 2, Л., 1967, стр. 317). Под «лицом», конечно, разумелся Лорис-Меликов.

[62] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 42.

[63] Профессор-юрист и публицист А. Д. Градовский, умереннейший либерал, был лично связан с Лорис-Меликовым. Его даже называли одним из авторов пресловутой лорис-меликовской «конституции». И. Ф. Цион в книжке «Как установить в России правовой государственный строй?», посвященной памяти архиреакционера М. Н. Каткова (Париж—Лейпциг, 1905), писал: «Три светила чиновного либерализма, генерал Лорис-Меликов, профессор государственного права Градовский и сенатор Б. (Безобразов? — *Ш. Л.*), состряпали уродливую нелепость, известную под именем Меликовской конституции... едва ли даже обитатели Сандвичевых островов нашли бы в их жиденьком проекте конституции удовлетворение своим культурным потребностям» (стр. IX; в нашей литературе распространено мнение о близком участии в подготовке лорис-меликовского плана видного бюрократического деятеля М. С. Каханова). В «Кратком очерке жизни и деятельности А. Д. Градовского» (СПб., 1904) о записке Градовского, упоминаемой В. И. Лениным, говорится, что в ней речь «идет не об ограничении власти, ни даже о самоограничении ее, а об избрании ею новых способов управления, о создании по свободному ее почину новых форм государственной жизни, имеющих целью не связать ее, а, напротив, вооружить более совершенными средствами в ее заботах об интересах страны» (стр. LXXXIII). Что же касается чичеринской записки, также упоминаемой в статье В. И Ленина, то она подала повод Максиму

«хитроумные выдумки» оказались, разумеется, нолем и в начале царствования Александра III «партия самодержавия» победила, «волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого... сменилось *реакцией»;* это произошло второй раз после освобождения крестьян.[64]

По поводу проекта Лорис-Меликова, представленного им Александру II незадолго до убийства царя народовольцами (именно в конце января 1881 г.), проекта, который часто именовали «конституцией» Лорис-Меликова, хотя это был, даже по признанию позднейших либералов, документ «беспримерный во всей конституционной истории по отсутствию... собственно конституционных элементов», В. И. Ленин писал в «Гонителях земства», что все-таки его осуществление «*могло бы* при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым». Все зависело, подчеркивал Ленин, «от того, что́ пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия». «Если говорить не о том, что́ могло бы быть, а о том, что́ было, то придется констатировать несомненный факт *колебания* правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов».[65]

Пересилили крайние реакционеры во главе с Победоносцевым, Катковым и др. В. И. Ленин разъяснял причины их победы. Массовое движение было еще слишком слабым. Ленин, как указано, отмечал отсутствие широкого рабочего движения и твердой организации в рабочем классе. Никакой организации, как известно, не было в крестьянстве, распыленном, зараженном в сильной степени царистскими иллюзиями (об этом Ленин писал многократно, когда касался крестьянского движения и в период реформы, и в пореформенное время). Свою «политическую незрелость» и неспособность «оказать настоящее давление на правительство» снова проявило «либеральное

Ковалевскому назвать Чичерина «лжелибералом», поскольку он, например, порицал в ней печать за «честное высказывание» после 1 марта «своих взглядов на необходимость созвать народное представительство» (см.: Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Лондон—СПб., б. г., стр. 33; брошюра вышла в Лондоне, впоследствии в Петербурге без имени автора).

[64] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 45.

[65] Там же, стр. 43.

общество».[66] Что же касается революционно-демократического лагеря, то он был обескровлен настойчивой террористической деятельностью, преследовавшей цель убить Александра II. В. И. Ленин об этом написал в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» — «революционеры исчерпали себя 1-ым марта».[67] Эта, очень широко вошедшая в научный оборот ленинская формула, не означает, конечно, что народовольцы (под революционерами Ленин понимал тут именно их, организаторов акта 1 марта 1881 г.) тогда же прекратили свою деятельность. «Народная воля» продолжала довольно долго борьбу за свое существование; даже ее центр, Исполнительный комитет, хотя и понесший невероятно тяжелые потери, утративший незадолго до 1 марта и сразу после покушения подавляющее большинство своих лучших руководителей, держался еще некоторое время в самой России, а потом его остатки действовали за рубежом. Не раз предпринимались попытки возродить в России центральную организацию «Народной воли». При всем том формула Ленина, правильно понимаемая, остается вполне обоснованной. Сила «Народной воли» была резко подорвана, хотя ее собственные представители, а частью и «публика», далеко не сразу этот факт осознали. Термин «агония „Народной воли“», употребляемый в исторической литературе для обозначения послемартовского периода ее истории, — этот термин имеет свои серьезные основания, он правомерен.[68]

Остается подчеркнуть, что, несмотря на поражение второго демократического подъема, он занял в истории России важное место. Как метко сказала когда-то М. В. Нечкина, он лежит на полпути между падением крепостного права и первой русской революцией. Возбуждение конца 70-х—начала 80-х годов, хотя

---

[66] В начале 90-х годов «народоправцы», о которых не раз писал В. И. Ленин, в своей программной брошюре «Насущный вопрос» утверждали, что не ошибка революционеров и не косность народной мысли вызвали поражение в начале 80-х годов, а холопство, отсутствие гражданского мужества и политическая незрелость тогдашнего русского (подразумевалось: либерального) общества. Несколько шире, но и «снисходительно» по отношению к либералам ставил вопрос (в 1914 г.) по поводу десятилетия со дня смерти Михайловского один из его последователей, современник и участник событий Н. Русанов, когда говорил о незрелости общественных отношений, отсутствии инициативы в народе, «недостаточном политическом образовании» (конечно, дело было ничуть не в «образовании»!) «общества», которые обеспечили торжество «бюрократического строя», т. е. самодержавия («Голос минувшего», 1914, № 2, стр. 23).

[67] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 44.

[68] Второй революционной ситуации в последние годы были посвящены две монографии: М. И. Хейфеца «Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х—начало 80-х годов XIX века). Кризис

и сменившееся временно реакцией (не только правительственной, но и общественной), внесло свою крупную лепту в складывание освободительных традиций. Революционные события тех лет не были забыты, их смысл долго обдумывался в демократических кругах. Произошла серьезная проверка идейных течений, методов борьбы, был дан толчок работе мысли. Зарождение русской социал-демократии, обязанное ряду исторических условий, находится в определенной связи со второй революционной ситуацией, ее драматическими конфликтами, ее разносторонним и поучительным опытом.

правительственной политики» (М., 1963) и П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов» (М., 1964).

О «Народной воле» существует значительная дореволюционная литература — марксистская, народническая, либеральная, официально-охранительная. До сих пор не потеряла значения, при всех очень крупных недостатках, книга В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия „Народная воля“, ее происхождение, судьбы и гибель» (М., 1912). В советской литературе 20—30-х годов отметим работы В. И. Невского, И. А. Теодоровича, Е. М. Ярославского, И. Л. Татарова, Вл. Малаховского и др.; имеется полубиблиографическая книга народника Е. Е. Колосова (под псевдонимом «Дмитрий Кузьмин») «Народовольческая журналистика» (М., 1930). Опубликовано множество народовольческих мемуаров, перепечатана часть народовольческих изданий.

За последние годы, кроме ряда статей о «Народной воле» и отдельных работ биографического плана, появились монографии о «Народной воле» С. С. Волка «Народная воля. 1879—1882». (М.—Л., 1966), М. Г. Седова «Героический период революционного народничества» (М., 1966), В. А. Твардовской «Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов» (М., 1969). Из них книга С. С. Волка носит наиболее обобщающий характер, охватывая и организационную историю «Народной воли», историю основных отраслей ее практической деятельности, и идеологию народовольчества; освещен вопрос об отношении к «Народной воле» К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Книга М. Г. Седова, в ряде отношений весьма спорная, особое внимание сосредоточивает на фактической истории народовольчества. Напротив, монография В. А. Твардовской посвящена по существу исключительно идеологии «Народной воли» (именно «Народной воли», несмотря на заглавие, обещающее читателю характеристику всех течений и оттенков русской революционной мысли изучаемого периода). Усиленный интерес В. А. Твардовской к идейным позициям народовольцев заслуживает серьезного внимания, как и заметное стремление автора сохранить «равновесие», объективность в освещении и сильных, и слабых сторон «Народной воли». Последнее, впрочем, удается автору отнюдь не всегда — не раз проявляется завышенная оценка уровня народовольческой мысли, народовольческого вклада в поиски правильной революционной теории, что фактически оборачивается (правда, далеко не в такой степени, как в книге М. Г. Седова) известной недооценкой предыдущих этапов революционного движения.

Глава четвертая

В. И. ЛЕНИН И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 80-х — НАЧАЛА 900-х ГОДОВ

I

Владимир Ильич Ульянов-Ленин вступил на арену политической борьбы в конце 80-х годов XIX в. 80-е годы были временем тяжелой реакции.[1] Они последовали за 70-ми годами, завершившимися возникновением второй революционной ситуации, энергичным, но не увенчавшимся успехом натиском демократических сил на устои самодержавной власти.

Кульминационным пунктом второй революционной ситуации стало 1 марта 1881 г., когда членам революционной партии «Народная воля» наконец удалось осуществить поставленную перед собой задачу и смертельно ранить царя. Сразу после убийства Александра II правящие круги царской России были охвачены паникой и некоторое время колебались в выборе курса внутренней политики. В. И. Ленин писал, что «правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурачить „общество“».[2] Однако очень скоро они повернули на путь жесточайшей реакции. В правительственных

---

[1] П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964; Ш. М. Левин. Введение (семидесятые-восьмидесятые годы). В кн.: История русской литературы, т. IX, ч. 1. М.—Л., 1956, стр. 7—121; С. Н. Валк. Внутренняя политика конца 70—90-х годов XIX в. В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. V. М., 1968, стр. 346—378.

[2] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 46.

сферах господствующее положение заняли крайние сторонники неограниченного самодержавия. Представители «либерального» крыла царской бюрократии, готовые пойти на умеренные уступки, были удалены со своих постов. Власть безраздельно оказалась в руках «очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия».[3] Олицетворением ультраконсервативной политики был прежде всего сам Александр III, чье царствование явилось выражением «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции».[4] Граф Н. П. Игнатьев, который, по словам Ленина, «выступал не раз как чистейший демагог и обманщик» и был «дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции»,[5] очень скоро был заменен на посту министра внутренних дел Д. А. Толстым, откровенным реакционером, получившим прозвище «министра борьбы». Еще при Игнатьеве был проведен в жизнь ряд крайне реакционных мероприятий в области внутренней политики. Наиболее значительным среди них было принятие в 1881 г. «Положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия», просуществовавшего до 1917 г. и названного Лениным «фактической российской конституцией».[6] После прихода Д. А. Толстого в министерство внутренних дел, а его ближайшего сподвижника И. Д. Делянова в министерство народного просвещения последовала целая вереница реакционных законодательных актов и правительственных распоряжений во всех областях внутренней политики, получивших наименование контрреформ.

Отличительной чертой реакционной политики правительства Александра III была ярко продворянская направленность. Правящие круги изо всех сил старались отстаивать интересы этого сословия, средневековые привилегии которого противоречили всему ходу общественного и экономического развития страны. В. И. Ленин отмечал, что «в 80-ых годах был „шаг назад“ к дворянству», хотя это и был «шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без „плутократии“, без железных дорог, без растущего третьего элемента».[7] В 1884 г. был введен новый университетский устав.

---

[3] Там же, стр. 43.

[4] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 295.

[5] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 46.

[6] В. И. Ленин. Три запроса. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 114.

[7] В. И. Ленин. Принципиальные вопросы избирательной кампании. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 81.

Он ликвидировал вырванные было у правительства в 60-е годы элементы университетской автономии. Университеты были подчинены строгому полицейскому надзору. Правительство всячески стремилось поддержать дворянское землевладение. Одновременно оно делало шаги, направленные на укрепление крестьянской общины. Таким путем предполагалось предотвратить усиливавшийся процесс разорения крестьянства и приостановить развитие капитализма в деревне. В 1889 г. последовало введение института земских начальников, явившееся одним из самых реакционных мероприятий. Новое земское положение 1890 г. значительно усилило и без того весьма существенные преимущества дворянства.

В 1892 г. было пересмотрено в ретроградном духе положение о городском самоуправлении. Реакционные веяния сильно повлияли на положение и права судебных инстанций. Контрреформы в этой области были прежде всего направлены против суда присяжных. «Правительство Александра III, — писал Ленин, — вступив в беспощадную борьбу со всеми и всяческими стремлениями общества к свободе и самостоятельности, очень скоро признало опасным суд присяжных».[8]

Одной из особенностей деятельности правительства в 80-е годы было его внимание к рабочему законодательству. «Александр III, — писал Ленин, — включает в свою так наз. „народную" (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство».[9] Далее он показывал, что законодательство 80-х годов по рабочему вопросу не обеспечивает и всячески урезывает рабочих, в результате чего они «в сотый раз убеждаются, что никакие „попечения" полицейского правительства не могут дать им серьезного облегчения и свободы самим заботиться о себе», а за этим следуют «новые волнения и уличные битвы, — новое беспокойство правительства».[10] В 80-е годы усилилось преследование национальных меньшинств. При попустительстве властей устраивались еврейские погромы. Прямым проявлением реакции были «Временные правила» для евреев. Размах погромов пугал отчасти даже некоторых главарей реакции, опасавшихся, что даже и тщательно направляемое против евреев погромное движение может выйти из очерченных берегов и захлестнуть «основы правопорядка». Александр III говорил генерал-фельдмаршалу И. В. Гурко: «. . . в глубине души я ужасно рад, когда бьют евреев, и

---

[8] В. И. Ленин. Случайные заметки. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 406.

[9] В. И. Ленин. Ценное признание. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 75.

[10] Там же, стр. 76.

все-таки не надо допускать этого».[11] Ленин подчеркивал, что, пуская в ход антисемитизм, царизм использовал «гнуснейшие предрассудки самых невежественных слоев населения».[12]

Черная реакция 80-х годов вызывала осуждение даже среди весьма умеренных представителей русского общества. Б. Н. Чичерин, примыкавший к самым правым кругам русского либерализма, во многом даже близкий консервативным кругам, писал об этих годах: «История расскажет поучительную повесть реакционных мер царствования Александра III. Если бы мы не были им свидетелями, мы едва ли бы могли верить, что все это происходило именно так, как это было на деле».[13]

Однако реакционная политика правительства Александра III имела и своих идеологов, которые на страницах нескольких реакционных изданий рьяно выступали в ее защиту. «Печать давно стала уже у нас силой, — писал В. И. Ленин, — иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских».[14] «Московские ведомости», редактором которых являлся М. Н. Катков, были одним из главных осиных гнезд реакции. Свое кредо Катков излагал в следующих словах: «Единая власть (имелось в виду неограниченное самодержавие, — *А. Ц.*) и никакой иной власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ — вот истинное царство».[15] Неистовые выступления Каткова в защиту неограниченной монархии Ленин характеризовал как «вопли и завывания верного сторожевого пса самодержавия», добавляя: «известно, что так назвал себя „сам“ Катков, сумевший так надолго „зарядить“ „М. Вед.“ своим духом».[16] Правительство Александра III казалось Каткову недостаточно реакционным, и «Московские ведомости», как писал Ленин, в этом отношении шли «впереди правительства».[17] Подчеркивая крайнюю позицию Каткова, Ленин называл министра внутренних дел Д. А. Толстого «верным учеником и последователем Каткова»,[18] отмечая при этом, что манифест

---

[11] Из дневника Е. М. Феоктистова; цит. по: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия. . ., стр. 419.

[12] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 324.

[13] Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Земство и московская дума. М., 1934, стр. 265.

[14] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 89.

[15] «Московские ведомости», 1881, № 114.

[16] В. И. Ленин. Внутреннее обозрение. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 333.

[17] Там же, стр. 336.

[18] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 48.

29 апреля 1881 г. об утверждении монархии был назван Катковым «манной небесной».[19] «Насколько человек может представлять собою олицетворение всего худшего в наши тяжелые дни, настолько Катков был именно таким олицетворением», — писал в 1887 г. после смерти Каткова В. Г. Короленко.[20]

Ярым проповедником крайней реакции был редактор «Гражданина» князь В. П. Мещерский. Связанный личной дружбой с самим Александром III, Мещерский пользовался большим влиянием в консервативных кругах. Ленин писал о нем: «Князь, прошедший огонь и воду и медные трубы в различных высших чиновничьих „сферах" Петербурга, проповедует в этом журнальчике обыкновенно самые реакционные вещи».[21] Ленин видел в Мещерском «самого „благонадежного", самого консервативного, „делающего министров", писателя».[22] Срывая покровы с Мещерского, разоблачая среду, к которой он принадлежал, и журнал, который им издавался, Ленин писал: «Журнальчик интересен, во-первых, потому, что болтливый князь выдает там постоянно тайны высшего управления Россией. Ибо Россией действительно управляют те сановные помещики, среди которых князь Мещерский вращался и вращается. И они действительно управляют Россией именно так, именно в том духе, именно теми способами, как советует, предполагает и предлагает князь Мещерский. Во-вторых, журнальчик интересен тем, что сановный редактор его, уверенный, что *до народа* его журнал никогда не дойдет, нередко разоблачает российское управление самым беспощадным образом».[23]

Откровенно крепостнический, подчеркивавший свою дворянскую направленность «Гражданин» имел сравнительно ограниченный круг читателей. Несравненно большим влиянием, чем «Гражданин», да и «Московские ведомости» пользовалось «Новое время» А. С. Суворина. Именно в годы реакции эта газета завоевала себе положение одного из самых влиятельных органов русской печати. Проповедуя реакционный курс, оправдывая любые повороты правительственной политики, «Новое время» выступало не так откровенно, как «Гражданин» и «Московские ведомости». Суворин умел приспосабливать

---

[19] Там же, стр. 45.

[20] Цит. по: История русской литературы, т. IX, ч. 1. М.—Л., 1956, стр. 61.

[21] В. И. Ленин. О русском управлении и о русских реформах. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 20.

[22] В. И. Ленин. К вопросу о национальной политике. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 64.

[23] В. И. Ленин. О русском управлении и о русских реформах, стр. 20.

свою газету к интересам более широкого круга читателей, ловко привлекал внимание обывателя, виртуозно маскировал проправительственную направленность якобы «независимой» позицией. Ленин дал убийственную характеристику «Новому времени» и ее издателю, «нововременству» как общественно-политическому явлению. Он писал: «„Новое Время“ Суворина на много десятилетий закрепило за собой это прозвище „*Чего изволите?*“. Эта газета стала в России образцом продажных газет. „Нововременство“ стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. „Новое Время“ Суворина — образец бойкой торговли „на вынос и распивочно“. Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями».[24] С особой озлобленностью «Новое время» нападало на русскую интеллигенцию, задавая в этом отношении тон другим реакционным изданиям.

Идеологическим обоснованием реакционной политики правительства Александра III занимались не только перечисленные выше правые издания. С «теоретическими» и «философскими» обоснованиями ультраправого курса 80-х годов выступали такие столпы реакции, как К. П. Победоносцев и К. Н. Леонтьев. Победоносцев, которого Ленин причислял к «крайним представителям реакции»[25] и одновременно к «умным членам камарильи»,[26] имел огромное влияние на Александра III, в особенности в первые годы его царствования. Он был откровенным противником просвещения и развития человеческой мысли. «Язвой» эпохи считал он «преобразовательное движение», которым «гордится» XIX век. Лозунг свободы, равенства и братства представлялся ему «роковым бременем», овладевшим «легковерными умами». Воинствующий враг демократии, науки, свободного выражения общественного мнения, он видел «корабль спасения» в неограниченной монархии и в церкви.[27] Константин Леонтьев, призывавший «подморозить хоть немного Россию, чтобы она не гнила»,[28] проповедовал крепостничество, религиозное мракобесие, яростно выступал против самой идеи прогресса.

В 80-е годы произошло поправение славянофилов. После 1 марта с нападками не только на революционеров и демократи-

---

[24] В. И. Ленин. Карьера. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 44.

[25] В. И. Ленин. Между двух битв. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 50.

[26] В. И. Ленин. Кадетские подголоски. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 257.

[27] Цит. по: История русской литературы, т. IX, ч. 1, стр. 62.

[28] К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и славянство, т. II. М., 1886, стр. 86.

ческую интеллигенцию, но и на умеренно-либеральные элементы выступил И. С. Аксаков. Несмотря на отдельные разногласия, в целом он стоял на позиции, очень близкой к катковской.

Реакция вела к понижению общественной активности, к росту упадочнических идей. Выразителем психологии определенной части общества выступила газета «Неделя» П. А. Гайдебурова, претендовавшая на право считаться выразительницей настроений «восьмидесятника». Примыкавшая до 80-х годов к левому крылу русской печати, правда и тогда занимавшая особую позицию «сверхнародничества» (что отличало ее от «Отечественных записок»), связанную с чрезмерным преклонением перед нравственным складом «деревни», якобы превосходившим нравственные идеалы интеллигенции, «Неделя» в годы реакции, выступая под лозунгом пропаганды «превосходства» деревни, по существу стала на антиреволюционные позиции. Главную роль в «Неделе» играл в этот период Юзов (псевдоним И. И. Каблица). Имея некоторое сходство во взглядах со старыми народниками (отрицание капитализма и утверждение возможности некапиталистического развития России), Юзов с особой резкостью подчеркивал «самобытность» русского народа, которая трактовалась им в духе национализма и шовинизма, выступал с резкими нападками на радикально-демократическую и либеральную интеллигенцию, обвиняя ее в нежелании прислушаться к мнению народа, в стремлении командовать народом, отвергал конституционные требования, призывал отказаться от всякой борьбы с правительством. Сторонники «юзовщины» отвергали «политику», революционную борьбу и призывали к культурнической деятельности. «Неделя» отвергала «героизм», выдвигала на первый план «маленького человека», органичивающегося «малыми делами». Выдвинутая в «Неделе» теория «поколений» также имела антиреволюционную направленность. Она брала под защиту «среднего человека» 80-х годов, ограждая его от критики со стороны людей, верных революционным заветам 60—70-х годов. С «Неделей» полемизировали Н. К. Михайловский и Н. В. Шелгунов. Шелгунов решительно выступал против «популяризации общественного индифферентизма», проводившейся «Неделей» и названной им настоящей «школой общественного разврата».[29]

В 80-е годы окончательно оформилось толстовское учение. У Л. Н. Толстого было общее с народниками в обращении к народу, в первую очередь к крестьянству, в неприятии

---

[29] Н. В. Шелгунов, Соч., т. III, СПб., б. г., стр. 637.

капиталистического пути развития, в идеализации крестьянского, земледельческого образа жизни. Но в отличие от революционеров-народников Толстой искал в народе христианские добродетели и был противником пробуждения таившегося в народе революционного протеста, способного перерасти в восстание. Беспощадная критика существующего строя была сильной стороной Толстого. Однако выдвигавшаяся им теория непротивленчества имела отрицательное значение. Она встречала критику со стороны революционных и демократических сил. Разбору толстовства уделил значительное внимание П. Л. Лавров. Отмечая все, что было «здравого и полезного из противоречивых элементов, встречающихся в учении нашего великого беллетриста», он одновременно резко критиковал учение о «непротивлении злу насилием» и защищал «право» человека на революцию и долг «работать на нее».[30] Активно выступали против толстовства Н. К. Михайловский и Н. В. Шелгунов.

Большое место тщательному анализу общественно-политического и философского значения творчества Л. Н. Толстого отвел в своих трудах В. И. Ленин. Он вскрыл социальные корни этого учения, чего не сделали такие критики толстовства, как Лавров, Михайловский и Шелгунов. Ленин выяснил тесную связь взглядов Толстого с противоречивым характером русской жизни последней трети XIX в. В ленинских работах была показана тщетность и беспомощность попыток Толстого выступить в роли «пророка», дающего «новые рецепты спасения человечества», и одновременно подчеркивалось его величие как выразителя «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России»,[31] как великого обличителя, которому был присущ «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши».[32]

Либеральный лагерь оказался неспособным решительно противостоять наступлению реакции. Характеризуя обстановку в стране после 1 марта 1881 г., Ленин писал: «При таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще поли-

---

[30] П. Л. Лавров. Социальная революция и задачи нравственности. Старые вопросы. Пгр., 1921, стр. 135, 138.

[31] В. И. Ленин. Лев Толстой, как зеркало русской революции. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210

[32] Там же, стр. 209.

тически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами».[33] Важно подчеркнуть, что, рассматривая возможные силы, которые могли бы выступить против самодержавия и вырвать у него уступки, Ленин наряду с революционерами и рабочим классом называет либеральное общество. Оно представляло серьезный фактор в общественной жизни. Однако, как и указывал Ленин, после 1 марта либеральные круги были охвачены смятением. Они оказались неспособны объединить оппозиционно настроенные по отношению к самодержавию общественные силы, не проявили абсолютно никакой готовности выступить в поддержку демократических элементов. Под давлением реакции, атакованные Катковым и другими глашатаями реакции, либералы постепенно отступали, все более ограничивая свои и без того весьма умеренные требования. Постепенно программа многих либеральных деятелей стала сводиться лишь к тому, чтобы как-то спасти «завоевания» 60-х—начала 70-х годов. По словам Г. В. Плеханова, русский либерал конца 80-х годов уже не решается мечтать об «увенчании здания», а «единственное, чего он хочет теперь, — это отстоять те учреждения Александра II, которые он сам находил когда-то неполными и непоследовательными».[34] Усилия либералов сосредоточились на том, чтобы перед лицом наступления реакционных сил отстоять местное самоуправление. При этом они пытались всячески доказывать возможность совместного существования местного самоуправления и неограниченной монархии. Позиция либералов в годы реакции подверглась тщательному разбору и всесторонней критике в ленинских работах, среди которых особое место занимает его труд «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901). Эту работу Ленин кончил словами: «Пора бы и либералам нашим освободиться от самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентерство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага».[35] В этих словах была подчеркнута ограниченность программы либералов, невозможность действенной борьбы против самодержавия на ее основе.

---

[33] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 44.

[34] Г. В. Плеханов, Соч., т. III, М., 1922, стр. 242.

[35] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 72.

В замаскированной форме русский либерализм осторожно продолжал протестовать против отказа правительства от реформатского курса 60-х—начала 70-х годов, намекал на потребность в учреждении представительных органов и введения гражданских свобод. Значительной была роль либеральной печати. В условиях, когда демократические издания оказались закрытыми, радикально настроенные публицисты и писатели вынуждены были сотрудничать в либеральной прессе, вследствие чего ряд журналов и газет стал средоточием осторожных, но достаточно определенных оппозиционных выступлений. В первую очередь такую роль играли выходивший в Москве ежемесячный журнал «Русская мысль», издававшийся в Петербурге ежемесячный журнал «Вестник Европы» и московская газета «Русские ведомости». С приходом на должность редактора «Русской мысли» В. А. Гольцева этот журнал стал одним из ведущих органов русского либерализма. Участие в нем Г. И. Успенского, В. Г. Короленко и других демократически настроенных авторов привлекало к «Русской мысли» внимание передовых слоев русского общества. Особенно большую роль сыграло деятельное участие в «Русской мысли» Н. В. Шелгунова, который сначала опубликовал в нем свои воспоминания о 60-х годах, а затем на протяжении нескольких лет печатал «Очерки русской жизни». В «Русской мысли» сотрудничал Н. К. Михайловский. После возвращения из ссылки несколько своих работ напечатал в этом же журнале Н. Г. Чернышевский. В «Русских ведомостях» печатались Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко. Тайно из-за границы присылал свои статьи П. Л. Лавров. Публиковался в ней и П. Г. Заичневский. В 80-е годы видную роль в борьбе против сил реакции сыграл М. Е. Салтыков-Щедрин, печатавшийся после закрытия «Отечественных записок» в 1884 г. на страницах «Вестника Европы».

Сложную картину представляло собой в эти годы русское народничество. Годы реакции наложили свой отпечаток на нелегальные народнические направления — народовольчество, чернопередельчество, и еще в гораздо большей степени на легальную народническую публицистику. «Народная воля» дорогой ценой заплатила за успешное покушение на Александра II 1 марта 1881 г. Однако сразу же после покушения очень немногие поняли, что убийство Александра II обернется тяжелым ударом для самих народовольцев. К их числу принадлежал Г. В. Плеханов. Он говорил своим товарищам, как явствует из его воспоминаний, что «Народная воля» достигла своего апогея, после которого она «неизбежно пойдет под гору». «Для меня было ясно уже тогда, — вспоминал Плеханов, — что партия

„Народной воли“ не повалит деспотизма».[36] Сами же народовольцы в те дни, несмотря на понесенные ими потери, делали все, что могли, чтобы восстановить силы партии, укрепить ее и продолжать борьбу. Свидетельством того, что, несмотря на тяжелые удары, народовольцы не складывали оружия, была оживленная деятельность Военной организации партии «Народной воли», приходящаяся уже на 1881—1882 гг. Верили в большие революционные возможности партии и в довольно широких кругах общественности, поскольку истинное состояние партии было почти никому неизвестно. Показателем сложных процессов, происходивших в рядах «Народной воли», и того, что весьма непростым был и вопрос об отношении к ее деятельности, было письмо Исполнительного комитета к Александру III. Письмо, написанное в спокойном тоне, содержавшее определенную программу политических требований, создавало впечатление, что «Народная воля» полна сил и решимости продолжать борьбу. Заметим, что письмо встретило сочувственное отношение со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса.[37] В положительном тоне о требованиях, изложенных в письме, отозвался впоследствии В. И. Ленин.[38] Вместе с тем в письме к Александру III сказались появившиеся среди части народовольцев тенденции ограничить ближайшие программные требования и попытаться наладить взаимопонимание с либеральными кругами. Эти настроения нашли более полное и явное выражение в ряде документов, появившихся в 1883—1884 гг. Идейные колебания усилились из-за организационных трудностей в результате разгрома, причиненного народовольцам правительством и выразившегося, в частности, в том, что к зиме 1882/83 г. были арестованы почти все члены старого Исполнительного комитета и ликвидирована Военная организация.

С другой стороны, часть народовольцев стремилась преодолеть присущую народникам и народовольцам оторванность от широких масс, но, сохраняя скептицизм относительно перспективы революционной работы в среде крестьян, занималась пропагандой и созданием кружков среди городских рабочих. Различное отношение к деятельности «рабочих групп» имело своим последствием отделение на некоторое время «Молодой партии „Народной воли“», главной фигурой в которой был поэт П. Ф. Якубович. Разоблачение Дегаева послужило для «моло-

---

[36] Г. В. Плеханов, Соч., т. XIX, М., 1927, стр. 240.

[37] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 147. См. также письмо Г. А. Лопатина М. Н. Полонской (Ошаниной) о беседе с Энгельсом о России («Голос минувшего», 1923, № 2, стр. 148).

[38] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 56—57.

дых» поводом для протеста против существовавшей в партии крайней централизации, для выдвижения требования выборного начала и т. п. В среде народовольцев, обращавшихся к революционной деятельности в рабочей среде, наметилось тяготение к марксизму.

В ряде случаев предпринимались попытки соединить традиционные народовольческие взгляды с социал-демократическими. Именно по такому пути пошла возникшая в 1886 г. в Петербурге студенческая революционная группа, носившая название «Террористической фракции „Народной воли“». В нее входили Александр Ильич Ульянов, старший брат В. И. Ленина, П. Шевырев, С. Никонов, И. Лукашевич и др. Группа была разгромлена при попытке совершить 1 марта 1887 г. покушение на Александра III, которое она считала своей ближайшей задачей. Выступая под названием фракции партии «Народной воли», группа вместе с тем нашла необходимым выдвинуть особую программу, в которой изложила собственное понимание задач революционной борьбы. После ареста А. И. Ульянов писал, что прежняя программа «Народной воли» из-за недостатка научного обоснования и некоторой неопределенности своих положений не вполне удовлетворяла революционные кружки, в связи с чем группа нашла необходимым, исправив недостатки программы и сделав в ней некоторые изменения, «устранить все существующие причины разногласий и послужить делу объединения революционных сил».[39] Говоря об объединении, Ульянов несомненно имел в виду объединение прежде всего с социал-демократами. О том, что группа выступает «во имя одних и тех же идеалов» с социал-демократами, говорилось и в ее программе. Там же отмечалось, что разногласия группы с социал-демократами «очень несущественные».[40] Ульянов и его товарищи тем не менее придерживались народовольческого взгляда на террор, придавая ему очень большое значение. В народническом духе трактовали они и возможность особого пути для экономического развития России. Члены группы идеализировали общину и считали возможным переход крестьянского хозяйства в России в форму, близкую к социалистической, благодаря привычке к коллективному труду. Вместе с тем, по мнению Ульянова и его товарищей, пролетариат следовало рассматривать не как часть крестьянства, а как отдельный общественный класс, хотя и тесно связанный с крестьянством. При этом подчеркивалось, что рабо-

---

[39] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1927, стр. 375.

[40] Там же, стр. 379.

чий класс будет иметь «решающее влияние» на развитие общественно-политической борьбы, в связи с чем ему предстоит составить «ядро социалистической партии, ее наиболее деятельную часть».[41] Признание того, что «к социалистическому строю каждая страна приходит неизбежно, естественным ходом своего экономического развития», что социализм «является таким же необходимым результатом капиталистического производства и порождаемого им отношения классов»,[42] было свидетельством воздействия марксистских идей на составителей программы группы. Деятельность А. И. Ульянова и его группы была с вниманием встречена в социал-демократических кругах, хотя в то время программные взгляды группы были мало известны за ее пределами. Плеханов воздавал должное мужеству А. И. Ульянова и его товарищей, сравнивая его с «мужеством древних стоиков». Одновременно он не соглашался с их приверженностью к террористической борьбе и в этой связи видел в их выступлении «мужество отчаяния».

Если некоторые народовольцы, подобно Ульянову и его товарищам, признавая террор, одновременно искали путей сближения с социал-демократами, тянулись к марксизму, то другая часть сторонников террора пошла совсем по иному пути. Так, группы, издававшие журналы «Самоуправление», «Свободная Россия», шли по пути сближения с либеральными кругами. Они отказывались (некоторые, правда, с оговоркой, что только на время) от социалистических лозунгов, отвергали роль рабочих в общественном движении, по существу скатывались на позиции левого либерализма. Отдельные народовольцы упрямо продолжали отстаивать «ортодоксальные» позиции. Находились в народовольческой среде и такие элементы, которые, поддавшись разочарованию, вообще отходили от участия в общественной жизни.

Кризисные явления коснулись и противников «Народной воли», примыкавших к «Черному переделу». В обеих столицах, в Казани, Харькове, Перми, Пензе, продолжали еще свою деятельность наиболее заметные среди сохранившихся чернопередельческие кружки. Находившиеся в эмиграции Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов, принадлежавшие в свое время к числу основателей и видных деятелей «Черного передела», решительно порвав с народничеством, повернули к марксизму, стали основателями первой русской социал-демократической организации — группы «Освобождение труда». В сторону марксизма эволюционировал и ряд чернопередель-

---

[41] Там же, стр. 376.
[42] Там же, стр. 377.

цев, остававшихся в России. Группа чернопередельцев-петербуржцев вошла в состав социал-демократической организации, созданной Благоевым. Однако далеко не все чернопередельцы перешли в лагерь сторонников марксизма.

В 80-е годы происходит процесс усиления влияния либерального народничества. Ряд либерально-народнических авторов, особенно В. П. Воронцов (псевдоним «В. В.»), на страницах легальных изданий выступают с реакционной политической программой, что дает основание Ленину отнести их к числу «отвратительнейших реакционеров народничества».[43] Критикуя либеральных народников, беспокоившихся о поддержании «вековых устоев русского народного быта», Плеханов в 1884 г. в «Наших разногласиях» писал, что на деле они «все более и более становятся выразителями интересов той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы».[44] В 1888 г. В. Г. Короленко с горечью говорит, имея в виду часть легально выступающих народников, о «теперешнем жалком и захудалом народничестве».[45]

Жесткий реакционный курс правительства не смог положить конец массовому движению в стране. Оно в 80-е годы продолжалось по-прежнему. На всем протяжении этого периода не прекращались выступления крестьян против помещиков и властей. Одним из поводов, вызвавших протест и возмущение крестьян, было введение в 1889 г. института земских начальников. «Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников», — писал Ленин.[46]

В 1883—1890 гг. произошло свыше 500 крестьянских выступлений.[47] 1884 год был годом наибольшего их подъема. В этом году зарегистрировано 114 крестьянских выступлений.[48]

---

[43] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 464.

[44] Г. В. Плеханов, Соч., т. II, М.—Пгр., 1924, стр. 255.

[45] Цит. по: История русской литературы, т. IX, ч. 1, стр. 84.

[46] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

[47] Н. С. Юферов. Крестьянское движение в России в конце 70-х и в 80-е годы XIX века. «Ученые записки Свердловского педагогического института», вып. II, 1939, стр. 115—116; Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. Сборник документов. М., 1960, стр 26—31, 788—830.

[48] История СССР с древнейших времен..., т. V, стр. 476—477.

Крестьянское движение в это десятилетие не приняло форм, серьезно угрожавших существующему строю, но было свидетельством неутихавшего протеста крестьян против помещичьего гнета и произвола властей.

Существенные сдвиги произошли в 80-е годы в рабочем движении России. Дело было не только в росте числа выступлений рабочих, которых в среднем в этот период было до 50 в год,[49] а в важных качественных изменениях в самом движении. По сравнению с предшествующим десятилетием очень выросла сознательность и организованность рабочих. Исключительным событием не только в истории рабочего движения, но и в истории страны в целом стала вспыхнувшая в начале 1885 г. во Владимирской губернии стачка на крупнейшей в России мануфактуре Морозова, получившая известность под названием морозовской стачки. Она свидетельствовала о том, что рабочий класс России превращается в грозную и мощную силу, способную вести самостоятельную и решительную борьбу за интересы трудящихся против капиталистов. Ленин писал о стачечном движении 80-х годов, особенно подчеркнув значение морозовской стачки. Характеризуя рабочее движение 80-х годов и правительственную политику в рабочем вопросе, он указывал: «Наступает 1884—1885 год. Кризис в промышленности вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в центральном районе (особенно замечательна морозовская стачка)».[50] Ленин отмечал реакцию консервативных элементов на это событие, выделяя при этом выступление Каткова, обращал внимание на попытки правительства положить конец рабочим выступлениям при помощи «попечительно»-полицейской политики: «Катков рвет и мечет по поводу того, что морозовских стачечников отдали под суд присяжных, он называет сто один вопрос, поставленный судом на разрешение присяжным, — „сто одним салютационным выстрелом в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса“».[51]

Составной частью массового движения были выступления студенчества, происходившие на всем протяжении 80-х годов и выражавшие протест оппозиционно настроенной части русской интеллигенции. Бурный характер приняли студенческие волнения, связанные с введением университетского устава 1884 г. Политический характер приобрела студенческая демонстрация, приуроченная к 25-й годовщине со дня смерти

---

[49] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II. М., 1950, стр. 56; т. III, ч. I, М., 1952, стр. 72, 79.

[50] В. И. Ленин. Ценное признание, стр. 75.

[51] Там же.

Н. А. Добролюбова. Студенческие волнения и другие проявления серьезного недовольства имели место в 1887 г. Они были вызваны репрессиями против студентов, которые правительство предприняло после покушения на Александра III, подготовлявшегося А. И. Ульяновым и его товарищами. В политическую демонстрацию вылилась устроенная студентами 24 октября 1889 г. панихида по Н. Г. Чернышевскому во Владимирском соборе в Петербурге.

Таким образом, в 80-е годы, несмотря на свирепую правительственную реакцию, кризис в народнической среде, смятение в лагере либералов, снижение общественной активности, продолжались процессы, исподволь революционизировавшие обстановку в стране. Разбор сложных процессов этого периода развития революционной мысли в годы реакции дал В. И. Ленин. Он писал, что «в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: „наступила очередь мысли и разума“, как про эпоху Александра III!». «Именно в эту эпоху старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России». Определяющее значение в глазах Ленина имел тот факт, что в 80-е годы возникла русская социал-демократия. «Именно в эту эпоху, — писал он, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания». Говоря о том, что революционеры «далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов», Ленин писал: «Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования».[52]

Важнейшими явлениями в социально-политическом развитии России в 80-е годы были более широкие выступления на историческую арену рабочего класса, значительный рост его самосознания и зарождение исключительного по своему значению процесса в политической жизни — складывания революционной партии пролетариата.

---

[52] В. И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 331.

II

Резкий перелом в отношении к марксизму, к возможности успешного применения учения Маркса в русских условиях был связан с решительным разрывом части русской революционной интеллигенции с народничеством и переходом ее на позиции научного социализма.

Выдающуюся роль в распространении марксизма в России, в создании русской социал-демократии сыграла возникшая в 1883 г. в Женеве первая марксистская организация русских революционеров, назвавшая себя группой «Освобождение труда». В состав группы «Освобождение труда» вошли Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов.[1] Все они начали свой революционный путь с участия в народнических организациях. В частности, Г. В. Плеханов, выдающийся деятель «Земли и воли» 70-х годов, после ее раскола стал одним из основателей «Черного передела». Эмигрировав в 1880 г. за границу, Плеханов оказался в среде французских и немецких социалистов, усиленно занялся изучением социалистической литературы, близко познакомился с опытом западноевропейского рабочего движения. Процесс окончательного перехода Плеханова и его товарищей на позиции марксизма еще более ускорился после того, как очевидным стал закат «Народной воли». Плеханов сыграл особенно значительную роль в создании

---

[1] Деятельность группы «Освобождение труда» рассматривалась в многочисленных работах. Первые из них появились в дореволюционное время, а основная масса вышла в свет после Великой Октябрьской социалистической революции. Г. С. Жуйков в своей докторской диссертации сообщает, что, по его подсчетам, группе «Освобождение труда» посвящено более 400 книг, брошюр, сборников, исследовательских статей (Г. С. Жуйков. Группа «Освобождение труда» (1883—1903). Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1968, стр. 2). Литературе, вышедшей за 50 лет с момента возникновения группы «Освобождение труда» и освещающей ее деятельность, посвящен библиографический указатель, составленный под редакцией В. И. Невского (Группа «Освобождение труда» (Библиография за 50 лет). М., 1934). Литература по истории группы «Освобождение труда», появившаяся со времени Октябрьской революции до 1952 г. в СССР, приведена в книге «История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. История СССР в период капитализма (1861—1917)». М., 1958. Обстоятельная библиография, посвященная группе «Освобождение труда», содержится в книге Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России» (М., 1959). Ряд работ, вышедших после издания книги Ю. З. Полевого и посвященных группе «Освобождение труда», указан в библиографии, приложенной к статье М. И. Кузнецова «Плеханов» в т. 11 «Советской исторической энциклопедии». Большая библиография по истории группы «Освобождение труда» приведена в упомянутой диссертации Г. С. Жуйкова.

группы «Освобождение труда», в ее теоретической деятельности, заложившей основы социал-демократии в России.

В. И. Ленин всегда подчеркивал выдающиеся заслуги Плеханова перед российской социал-демократией. В 1914 г. Ленин писал о Плеханове: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников».[2] Большое внимание уделено в трудах Ленина и группе «Освобождение труда» в целом. Воздавая ей должное, отмечая ее заслуги, он не обходил молчанием допущенные ею ошибки, указывал на то, что многие проблемы она лишь поставила, но не решила. В частности, в 1914 г., касаясь истории рабочего движения в России, Ленин указывал, что «группа „Освобождение труда" лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению».[3] Оценка Лениным роли Плеханова в период 1883—1903 гг. является частью темы «Ленин и Плеханов», темы очень большой, сложной и в достаточной степени еще не изученной в нашей литературе.

При рассмотрении ленинских трудов и материалов, рассказывающих о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина, проблема «Ленин и Плеханов» встает перед нами в основном в трех направлениях: отношение Ленина, начинающего революционера, к Плеханову, выдающемуся деятелю русской социал-демократии, совместная борьба Ленина и Плеханова в 90-е—в начале 900-х годов, высказывания Ленина о группе «Освобождение труда», о деятельности Плеханова, относящиеся ко времени, когда начальный период деятельности русской социал-демократии стал достоянием хотя и недавней, но уже истории.

В настоящем разделе не ставится задача исчерпывающе изложить такие темы, как «Ленин и группа „Освобождение труда"» и «Ленин и Плеханов». В нем делается попытка остановиться лишь на некоторых сторонах этих вопросов.[4] В свете ленинских высказываний характеризуются основные вехи деятельности группы «Освобождение труда» и приводится оценка их Лениным. При рассмотрении отношения Ленина к программным документам группы «Освобождение труда» главное внимание сознательно уделяется крестьянскому

---

[2] В. И. Ленин. Об авантюризме. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 222.

[3] В. И. Ленин. Идейная борьба в рабочем движении. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 132.

[4] Некоторые вопросы, рассматриваемые в разделе, перекликаются с материалами, приводимыми в других разделах книги.

вопросу, по которому Ленин подверг проекты группы наиболее обстоятельной критике.

Ленинские высказывания о деятельности группы «Освобождение труда», о роли Плеханова в истории русского революционного движения имеют исключительное значение для правильного понимания начального этапа в развитии русской социал-демократии. В работах Ленина дан образец принципиальной, предельно объективной оценки места и значения группы «Освобождение труда» в истории освободительного движения и общественной мысли в России, дана исчерпывающая и всесторонняя характеристика ее участникам и прежде всего Г. В. Плеханову.

Вместе с тем в советской литературе, посвященной группе «Освобождение труда», Плеханову и его товарищам по этой группе, были работы, авторы которых вольно или невольно расходятся с ленинскими взглядами.

В последние годы появился ряд работ, в которых дается оценка историографии, посвященной группе «Освобождение труда».[5] Главное внимание их авторы обращают на разбор

---

[5] Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, М., 1966, стр. 365—367; В. В. Мицуров, Ю. М. Критский. Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х—начала 90-х гг. XIX в. в советской исторической литературе. В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. I. Л., 1967, стр. 178—182; М. И. Кузнецов. Плеханов, Георгий Валентинович. Советская историческая энциклопедия, т. 11, М., 1968, стр. 221; Г. С. Жуйков. Группа «Освобождение труда» (1883—1903), стр. 3—10. В работе Г. С. Жуйкова заслуживает внимания его предложение условно разделить труды, посвященные деятельности Г. В. Плеханова, на три группы: 1) объективно освещающие деятельность Плеханова и группы «Освобождение труда»; 2) резко отрицательно оценивающие деятельность Плеханова и 3) написанные с позиций апологетов Плеханова. В основном такое деление вполне приемлемо. Однако при более детальном рассмотрении историографии группы «Освобождение труда» к нему потребуется ряд уточнений. За рамками намеченных трех групп осталась литература, написанная с позиций противников марксизма, но не сторонников меньшевистской трактовки деятельности Г. В. Плеханова. К ней относится упоминаемая Г. С. Жуйковым, но не выделенная в отдельную группу народническая литература 80-х годов, отличавшаяся отрицательным отношением к деятельности группы «Освобождение труда» (П. Лавров. Современное обозрение. «Вестник „Народной воли“», Женева, 1884, № 2; Л. Тихомиров. Чего нам ждать от революции? Там же, и др.). Следует отметить литературу, написанную эсеровскими и близкими к ним авторами, посвященную группе «Освобождение труда» (статьи В. Л. Бурцева в заграничном «Былом», комментарии Л. Э. Шишко в книге А. Туна «История революционного движения в России»). Нужно выделить в особую категорию работы, написанные с позиций «экономизма» и потому неодобрительно оценивавшие определенные стороны деятельности группы «Освобождение

трудов советских исследователей. При этом они рассматривают как достижения, так и некоторые недостатки, имевшие место на разных этапах развития советской исторической науки, в изучении истории группы «Освобождение труда» и деятельности Г. В. Плеханова. При характеристике литературы 20-х годов отмечается большая работа по публикации документов, по изданию ценных сборников, посвященных группе «Освобождение труда»,[6] рассматривается оживленная дискуссия, развернувшаяся вокруг истории группы «Освобождение труда» и той роли, которую играл Г. В. Плеханов в развитии русской общественно-политической мысли. В целом эти работы дают интересную картину сложного пути изучения истории первой русской социал-демократической группы.[7] Отличительной чертой историографических работ последних лет является тенденция к объективному изучению историографии группы «Освобождение труда» 30-х — начала 50-х годов. Авторы историографических очерков выделяют все положительное, что было в этих работах, и одновременно указывают на отрицательное влияние догматических ошибок в оценке деятельности группы «Освобождение труда» и

труда». Г. С. Жуйков пишет о них, в частности о книге В. Акимова (Махновца) «Очерк развития социал-демократии в России» (СПб., 1906), но не выделяет их в отдельную группу.

[6] В 20-е годы вышли в свет сборники документов из архивов Плеханова, Засулич, Дейча, содержавшие интересные материалы, относившиеся к группе «Освобождение труда» (Группа «Освобождение труда» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча), сб. 1—6. М.—Л., 1923—1928). На сборники последовал ряд рецензий, содержавших ценные дополнения, а также ряд существенных уточнений и исправлений. См. рецензии Б. П. Козьмина на сб. 1 («Каторга и ссылка», 1924, № 4), С. Пестковского на сб. 1 («Пролетарская революция», 1924, № 8—9), А. Е. Преснякова на сб. 1 («Красная летопись», 1925, № 1), С. Н. Валка на сб. 2 и 3 («Красная летопись», 1926, № 1), на сб. 4 и 5 («Красная летопись», 1926, № 5), на сб. 6 («Красная летопись», 1929, № 1). Группе «Освобождение труда» был посвящен II том «Историко-революционного сборника» под редакцией В. И. Невского (М.—Л., 1924). См. рецензию А. Е. Преснякова («Красная летопись», 1925, № 1).

[7] Представляется, что Г. С. Жуйков, уделив особое внимание крайним точкам зрения на роль группы «Освобождение труда», оставил несколько в тени историков, стоявших на более объективных позициях в оценке роли Г. В. Плеханова и его товарищей. В этом отношении им отчасти недооцениваются работы В. И. Невского. Более обстоятельно показана роль В. И. Невского в изучении истории группы «Освобождение труда» в работе В. И. Чеснокова «В. И. Невский как историк революционного движения в России» (автореф. канд. дисс. Воронеж, 1966) и в упоминавшейся выше статье В. В. Мицурова и Ю. М. Критского «Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х—начала 90-х гг. XX в. в советской исторической литературе» (стр. 180).

Г. В. Плеханова, утвердившихся в литературе в середине 30-х годов.[8]

Подъем в исследовании истории революционного движения, наметившийся в советской исторической литературе в 50-е годы, особенно после решений XX съезда КПСС, сказался и на изучении истории группы «Освобождение труда». Важнейшее значение для плодотворного изучения этой проблемы имело постановление ЦК КПСС от 16 октября 1956 г. в связи со столетием со дня рождения Г. В. Плеханова, содержавшее ленинскую оценку деятельности и литературного наследия Плеханова. Это постановление послужило действенным стимулом для дальнейшего исследования жизненного пути и трудов Г. В. Плеханова с марксистско-ленинских позиций. Ленинская оценка начального этапа истории русской социал-демократии содержалась в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», впервые вышедшей в 1959 г., и в I томе многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», изданном в 1964 г. Изучению группы «Освобождение труда» было уделено значительное внимание в появившихся в этот период трудах по истории революционного движения и общественно-политической мысли в России.[9] Содержащийся в историографических работах анализ литературы 50—60-х годов[10] свидетельствует о серьезных достижениях советских исследователей в изучении истории группы «Освобождение труда» и одновременно напоминает о необходимости дальнейшей разработки этой проблемы, тщательного исследования ленинских трудов, в которых рассматривается деятельность группы «Освобождение труда».

* * *

Официально группа «Освобождение труда» заявила о своем существовании 25 сентября 1883 г., опубликовав за границей программный документ «Об издании Библиотеки современного социализма». Как уже отмечалось, Ленин не-

---

[8] В. В. Мицуров, Ю. М. Критский. Российское рабочее и социал-демократическое движение..., стр. 191; Г. С. Жуйков. Группа «Освобождение труда» (1883—1903), стр. 7—8.

[9] Среди этих работ следует особенно выделить книгу Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России» (М., 1959). Рецензия: А. Костин, М. Сидоров. Монография о первых марксистских организациях в России. «Коммунист», 1960, № 18.

[10] В. В. Мицуров, Ю. М. Критский. Российское рабочее и социал-демократическое движение..., стр. 192—206; Г. С. Жуйков. Группа «Освобождение труда» (1883—1903), стр. 8—10.

однократно высоко оценивал возникновение группы «Освобождение труда» и ее деятельность как важнейшее событие в истории русского революционного движения и русской общественной мысли. Он не раз останавливался в своих работах на значении группы «Освобождение труда» в истории русской социал-демократии.[11] В частности, в 1899 г. Ленин писал, что «основание русской социал-демократии — главная заслуга группы „Освобождение труда", Плеханова, Аксельрода и их друзей».[12]

Первой практической задачей, которую поставила перед собою группа «Освобождение труда», было распространение в России идей научного социализма. Для этого она собиралась переводить на русский язык важнейшие труды Маркса и Энгельса. Во-вторых, группа предполагала развернуть критику утопических теорий, владевших умами русских революционеров, и заняться изучением наиболее важных проблем общественной жизни с позиций научного социализма.

В первом же обращении группы «Освобождение труда» был провозглашен окончательный разрыв со старыми анархическими тенденциями народничества, утверждалась необходимость борьбы против абсолютизма, признавалось, что революционная интеллигенция «слишком игнорировала» задачи организациии рабочего класса и пропаганды социализма в его рядах. Наконец, содержался призыв развернуть деятельность, направленную на организацию русского рабочего класса «в особую партию с определенной социально-политической программой». Первым шагом по пути налаживания организационной стороны дела было обращение группы «Освобождение труда» ко всем единомышленникам и сочувственно относящимся к ее взглядам с призывом установить связи и всячески помогать друг другу в деле разработки более полной программы практической деятельности.

Среди участников группы «Освобождение труда» Плеханов сразу же занял ведущее положение. Очень скоро он стал центральной фигурой в русской социал-демократии, на начальном этапе — главным ее теоретиком. Убежденный сторонник марксизма, сам вышедший из народнической среды и решительно с ней порвавший, Плеханов в своей теоретической работе большое место отвел критике народнических

---

[11] Подробный перечень работ В. И. Ленина, посвященных Г. В. Плеханову, см.: М. И. Сидоров. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957.

[12] В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 245.

воззрений. Против народнических теорий были направлены его первые крупные работы.

В 1883 г. вышел в свет первый выпуск «Библиотеки современного социализма», содержавший работу Плеханова «Социализм и политическая борьба». Свое наступление против народничества Плеханов начал с полемики по вопросу об отношении социалистов к политической борьбе. Он утверждал, что развитие освободительного движения в России сделало борьбу за политическую свободу, необходимость свержения самодержавия первоочередной задачей революционеров. Плеханов выступил против ошибочной позиции народников, призывавших к воздержанию от политической борьбы. Он подчеркивал, что на всем протяжении истории человечества происходила борьба за политическое господство, являвшаяся проявлением противоречий между враждующими классами. Как буржуазия использовала политическую борьбу в качестве средства завоевания господства в своем столкновении с феодалами, так и пролетариат не может осуществить социалистическую революцию, к которой стремится, без использования политической борьбы. Плеханов обращал внимание на неизбежность уничтожения буржуазного государства и указывал на диктатуру пролетариата как на единственно возможную гарантию полной победы пролетариата в его борьбе с буржуазией.

Второй теорией, против которой выступал Плеханов в работе «Социализм и политическая борьба», была народовольческая теория немедленного «захвата власти» с целью осуществления в России социалистического переворота. Плеханов показал утопичность народнических представлений о возможности сразу совершить социалистическук революцию. Он обосновал неизбежность буржуазно-демократической революции и необходимость борьбы за достижение политической свободы и демократической конституции. Очень важное значение имело выдвинутое Плехановым в этой работе требование заняться подготовкой к созданию в будущем в России самостоятельной рабочей партии.

Книга Плеханова была потом высоко оценена Лениным, который писал: «Первое profession de foi всемирного социализма, „Коммунистический манифест“ установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социал-демократизма, брошюра Плеханова „Социа-

лизм и политическая борьба“, вышедшая в 1883 г., подтверждала эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы».[13]

Следующая значительная работа Плеханова «Наши разногласия», вышедшая весной 1885 г., опрокидывала краеугольный камень народничества — утверждение о том, что Россия может миновать капиталистический путь развития благодаря сохранившейся в ней сельской общине и якобы присущему русскому крестьянину чувству коллективизма. Плеханов доказывал в этой работе, что Россия уже вступила на капиталистический путь. Сопоставляя два трудящихся класса России — крестьянство и пролетариат, Плеханов писал, что в борьбе за осуществление социалистических идеалов решающую роль должен сыграть рабочий класс. Он призывал русских социалистов приложить все усилия к пробуждению политического сознания этого класса, вновь подчеркивал необходимость создания революционной партии пролетариата в России.

В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899) Ленин отмечал как большую заслугу Плеханова то, что он в своих работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» «указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма».[14]

Высоко оценивал литературную деятельность группы «Освобождение труда» Ленин и впоследствии. Он писал, что «литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи».[15]

Важное значение имела развернутая группой «Освобождение труда» деятельность по переводу на русский язык

---

[13] В. И. Ленин. По поводу «Profession de foi». Полн. собр. соч., т. 4, стр. 311—312.

[14] В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии, т. 4, стр. 251.

[15] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 95.

трудов Маркса и Энгельса. Благодаря энергичным усилиям Плеханова и его товарищей в 80—90-е годы ряд произведений Маркса и Энгельса был переведен на русский язык и стал достоянием значительного круга революционно настроенной русской молодежи.

Группа «Освобождение труда» встретила одобрительное отношение со стороны Энгельса. Весьма положительно оценил он книгу Плеханова «Наши разногласия». По поводу нее Энгельс писал В. И. Засулич в 1885 г.: «...я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России».[16]

С именем Плеханова неразрывно связано развитие марксистской философии. Ленин настойчиво подчеркивал видную роль, которую сыграл Плеханов в разработке философии марксизма. По словам Ленина, на книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», легально изданной в середине 90-х годов, «воспиталось целое поколение русских марксистов».[17] В 1913 г. в статье Ленина «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» упоминается «Плеханов, самый знающий по философии марксизма социалист».[18] После Великой Октябрьской социалистической революции, постоянно напоминая коммунистам о необходимости тщательного изучения марксистской теории, овладения философией марксизма, Ленин вновь указывал на значение философского наследия Плеханова. В 1921 г. Ленин говорил, что «*нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».[19] В 1922 г. в статье «О значении воинствующего материализма», отмечая наличие у главных направлений передовой общественной мысли

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 260.

[17] В. И. Ленин. О фракции «впередовцев». Полн. собр. соч., т. 19, стр. 313.

[18] В. И. Ленин. К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 119.

[19] В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

в России солидной материалистической традиции, Ленин прежде всего упоминает имя Плеханова.[20]

Выдающейся заслугой Плеханова было не только то, что он указал на необходимость образования в будущем самостоятельной партии рабочего класса, которая в своей деятельности опиралась бы на теорию марксизма, но и то, что он приступил к разработке теоретических проблем, связанных с подготовкой к ее созданию. Важным шагом в этом направлении была выработка членами группы «Освобождение труда» проекта программы русской социал-демократии. Осенью 1883 г. Г. В. Плеханов написал первый проект этой программы, который он озаглавил как «Программу социал-демократической группы „Освобождение труда“».[21] В этом документе со всей определенностью говорилось о том, что социал-демократия ставит своей задачей осуществление коммунистической революции путем передачи средств и орудий производства в общественную собственность, устранение товарного производства и организацию общественного производства по заранее составленному плану. В 1885 г. Плехановым был написан новый вариант программы, который теперь назывался «Проект программы русских социал-демократов».[22] Само название говорило о том, что документу придается более широкое значение, поскольку он рассматривается как программа всех русских социал-демократов, а не одной только группы «Освобождение труда». Во втором варианте были уточнены и более четко определены общие задачи, стоявшие перед революционной социалистической партией рабочего класса. В нем были учтены и некоторые критические замечания, высказывавшиеся в революционных кружках в период обсуждения первого проекта. В частности, из программы были устранены некоторые положения, в которых чувствовалось влияние народнических и лассальянских идей.[23]

---

[20] В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 24.

[21] Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения, т. I, М., 1956. стр. 371—376.

[22] Там же, стр. 377—381.

[23] Г. С. Жуйков в книге «Группа „Освобождение труда“» (М., 1962) высказал предположение о том, что существовал еще один, наиболее ранний вариант проекта программы. Это послужило поводом для дискуссии, в ходе которой последовали как возражения (И. Н. Курбатова. К вопросу о датировке двух проектов программы группы «Освобождение труда». В сб.: Исследования по отечественному источниковедению, М.—Л., 1964, стр. 160—163; С. С. Волк. К истории первой программы группы «Освобождение труда». «История СССР», 1964 № 1, стр. 116—126), так и выступления в поддержку мнения Г. С. Жуй-

В своей основе второй проект программы вполне выражал достижения русской марксистской мысли того времени. Он считался с конкретной обстановкой в России. Составленный группой «Освобождение труда» проект программы практически стал в основном программой для всех действовавших в России социал-демократов.

В 90-е годы, когда Ленин приступил к выработке программы будущей партии, он счел возможным «положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы „Освобождение труда“».[24] С первых же слов своего проекта он подчеркивает положительные черты этого документа. «Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, — писал Ленин, — он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории». Достоинства проекта Ленин видит в том, что в нем «точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, „промышленный пролетариат“; — указана та цель, которую должен ставить себе этот класс — „переход всех средств и предметов производства в общественную собственность“, „устранение товарного производства“ и „замена его новой системой общественного производства“ — „коммунистическая революция“; — указано „неизбежное предварительное условие“ „переустройства общественных отношений“: „захват рабочим классом политической власти“; — указана международная солидарность пролетариата и необходимость „элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности“; указана особенность России, „где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства“; — указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) „нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого“; — указана необходимость образования „революционной рабочей партии“ и ее „первая политическая задача“ — „низвержение абсолютизма“; — указаны

кова (Ю. Д. Марголис. Новое о группе «Освобождение труда». «Вестник ЛГУ», 1964, № 14, стр. 149; В. Ю. Самедов. К вопросу о первоначальном проекте программы группы «Освобождение труда». «Вопросы истории КПСС», 1965, № 2, стр. 97—101). Представляется, что точка зрения Г. С. Жуйкова и его сторонников не лишена основания.

[24] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 217.

„средства политической борьбы“ и выставлены ее основные требования».[25]

Приведенная выше выдержка из написанного Лениным проекта программы партии русской революционной социал-демократии содержит важнейшие положения проекта программы группы «Освобождение труда», которые Ленин считал возможным принять. По его мнению, перечисленные положения проекта программы группы «Освобождение труда» были «совершенно необходимы в программе социал-демократической рабочей партии», поскольку заключали в себе «такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения». Ленин, считая возможным положить в основу программы русской социал-демократической партии проект группы «Освобождение труда», находил, что этот проект нуждается «в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях».[26]

Отдельные замечания Ленина (касавшиеся прежде всего крестьянского вопроса) выходили за рамки редакционных изменений и исправлений (о чем будет специально сказано ниже). Что же касается программных положений, позаимствованных Лениным из программы группы «Освобождение труда», то они были приняты им лишь с учетом ряда изменений, происшедших в русском революционном движении, в экономическом развитии России за 15 лет с начала деятельности группы «Освобождение труда».

Ленин считал необходимым изменить характер построения программы. Он напоминал, что в 1885 г. рассматриваемая им программа представляла собой программу группы заграничных революционеров, «которые сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России». Ленин справедливо считал, что теперь, когда «речь идет уже о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских социал-демократических организаций», необходимо внести в проект программы не только само собой разумеющиеся редакционные изменения, но и «выставить на первый план и подчеркнуть сильнее тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия социал-демократического рабочего движения, и ту классовую борьбу

---

[25] Там же, стр. 216.
[26] Там же, стр. 217.

пролетариата, организовать которую ставит себе задачей социал-демократическая партия».[27] В связи с этим Ленин предлагает поставить во главу угла программы характеристику основных черт экономического строя России того времени. При этом он предлагает вслед за характеристикой экономического строя страны «очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, „рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации“», оговаривая, что предлагаемые им для включения в текст программы «знаменитые слова Маркса», повторенные во втором абзаце Эрфуртской программы, как и весь абзац, стали объектом нападок со стороны критиков, группирующихся вокруг Бернштейна. Ленин указывал, что развернувшаяся по этому поводу полемика доказала полную несостоятельность этой критики, поскольку сам Бернштейн вынужден был признать правильность приведенных слов Маркса, «как характеризующих *тенденцию* капитализма, — тенденцию, которая превращается в действительность при отсутствии классовой борьбы пролетариата против этой тенденции, при отсутствии завоеванных рабочим классом законов об охране рабочих». Эта тенденция, как подчеркивал Ленин, с громадной силой проявилась именно в России на положении крестьян и рабочих.

Ленин указывал также, что в русских условиях особенно заметно наличие отмеченной Каутским «социальной нищеты».[28] В связи с этими соображениями Ленин считал необходимым включение в программу слов о «росте нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации» и обосновывал это тремя причинами: во-первых, тем, что они характеризуют на глазах у всех происходящий процесс, который является к тому же одним из главных условий, порождающих рабочее движение и социализм в России, во-вторых, потому, что они давали огромный материал для агитации, поскольку резюмировали явления, наиболее угнетающие рабочий класс, в-третьих, потому, что такой точной характеристикой гибельного действия капитализма и необходимости, неизбежности возмущения рабочих можно будет отгородить партию «от тех половинчатых людей, которые, „сочувствуя“ пролетариату и требуя „реформ“ в его пользу, стараются занять „золотую середину“ между пролетариатом и буржуазией, между самодержавным правительством и революционерами».[29]

Предложенные Лениным поправки к проекту программы, составленному группой «Освобождение труда», содержали точ-

---

[27] Там же.
[28] Там же, стр. 218.
[29] Там же, стр. 219.

ную и глубокую характеристику важнейших социально-экономических процессов, происходивших в России в конце XIX в. Находившийся в гуще революционной работы в России, Ленин знал обстановку в стране, положение и настроения рабочих в этот период значительно лучше, чем деятели группы «Освобождение труда», бывшие уже длительный срок в эмиграции и к тому же не располагавшие достаточной информацией о том, что происходило у них на родине. Отдавая должное общим теоретическим положениям, содержащимся в проекте программы, предложенном группой «Освобождение труда», Ленин вносит ряд дополнений, несомненно основанных не только на его теоретических изысканиях в области марксизма, но и на его практическом революционном опыте. Так, указание на то, что упоминание в программе нищеты и других бедствий, которые со все возрастающей силой испытывают трудящиеся слои в России, даст еще и огромный материал для агитации, было основано на его собственном опыте революционной, в частности агитационной, работы среди петербургских рабочих. Слова же Ленина о том, что точная характеристика гибельного действия капитализма и неизбежности возмущения рабочих должна оградить партию от колеблющихся элементов, диктовались твердым убеждением Ленина в необходимости бороться за единую и сплоченную партию, состоящую из людей, готовых на «решительную и бесповоротную борьбу за политическую свободу и за социализм», убеждением, сложившимся у Ленина в ходе практической деятельности в Петербургском «Союзе борьбы».

Существенным дополнением, предложенным Лениным, было включение в программу характеристики классовой борьбы пролетариата. При этом Ленин предлагал указать общие цели этой борьбы, ее международный характер, ее политическую направленность и ее ближайшие цели.[30]

Рассматривая вопрос о признании борьбы против самодержавия за политические свободы в качестве первой политической задачи партии, Ленин остановился и на характере русского абсолютизма. В связи с этим он включил в программу указание на необходимость поддержки всех борцов против абсолютизма, на то, что русская социал-демократия должна под общедемократическим знаменем сплотить вокруг себя все революционные слои и элементы, «способные бороться за политическую свободу или хотя бы только поддерживать чем бы то ни было такую борьбу».[31] Эти положения, включаемые Лени-

---

[30] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 220.
[31] Там же, стр. 222.

ным в принципиальную часть программы, закрепляли в ней основные направления стратегии партии в период борьбы за свержение самодержавия.

Предложив исключить из принципиальной части программы группы «Освобождение труда» несколько пунктов, Ленин назвал в их числе пункт о «средствах политической борьбы».[32] Не возражая против него в принципе (пункт гласил: «агитация, — революционная организация, — переход „в удобный момент“ к решительному нападению, не отказывающемуся, *в принципе*, и от террора»), Ленин считал, что, если такой пункт был возможен в программе заграничной группы революционеров в 1885 г., то в программе рабочей партии его помещать не следует, поскольку выбор средств борьбы программа должна оставить открытым, предоставив их выбор съездам партии, устанавливающим тактику партии, и самим борющимся организациям.[33] Попутно Ленин замечал, что необходимо обсудить вопрос о терроре в среде революционной социал-демократии с тактической точки зрения. «Чтобы не оставлять места недомолвкам, — писал Ленин, — оговоримся теперь же, что, по нашему лично мнению, террор является *в настоящее время* нецелесообразным средством борьбы, что партия (*как партия*) должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить *все свои силы* на укреплении организации и правильной доставки литературы».[34]

Больше всего замечаний сделал Ленин по последнему, третьему, отделу практической части программы группы «Освобождение труда», содержавшему требования по крестьянскому вопросу. Он целиком привел изложенное в программе требование «радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.». Далее Ленин дал общую оценку этой части программы, указав, что «основная мысль, выраженная здесь, совершенно справедлива и что социал-демократическая рабо-

---

[32] Другими исключенными пунктами были: «1) указания на форму крестьянского землевладения... 2) указания на причину „неустойчивости“ и пр. интеллигенции; 3) пункт об „устранении современной системы политического представительства и замене ее прямым народным законодательством“» (В. И. Ленин. Проект программы нашей партии, стр. 222).

[33] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии, стр. 222.

[34] Там же, стр. 223. Об оценке Лениным террористической тактики народовольцев см. выше (стр. 214—224).

чая партия действительно должна выставить в своей программе соответствующее требование (говорю: соответствующее, ибо некоторые изменения представляются мне желательными)».[35]

«Некоторые изменения», которые Ленин считал необходимым внести в проект программы, подготовленный членами группы «Освобождение труда», были весьма значительны и существенно расширяли содержание раздела программы, касавшегося крестьянского вопроса.

Дополнения по крестьянскому вопросу, предложенные Лениным, не только раздвигали рамки проблем, включаемых в предлагаемый проект программы социал-демократической партии по сравнению с программой группы «Освобождение труда», но и содержали ряд положений, касавшихся важных сторон крестьянского вопроса, принципиально отличавшихся от взглядов Плеханова и его товарищей по первой социал-демократической группе. Если, составляя проект программы социал-демократической партии. Ленин по другим его разделам широко использовал программу группы «Освобождение труда», то при подготовке раздела, касающегося крестьянского вопроса, он по существу предложил совершенно новый проект.

Сопоставляя состояние крестьянского вопроса в России и на Западе, Ленин замечал, что «крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только тем*, что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества*. Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет». Затем Ленин обратил внимание на то, что «на Западе промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни», в то время как в России, хотя и идет «с громадной силой» процесс разложения крестьянства на мелкую буржуазию и на наемных рабочих, «этот процесс идет все еще в рамках старых, крепостнических учреждений, связывающих всех крестьян тяжелой цепью круговой поруки и фискальной общины».[36]

Рассматривая крестьянство в России как силу, способную активно выступить против абсолютизма, Ленин четко сформулировал отношение к нему со стороны социал-демократии.

---

[35] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии, стр. 226.
[36] Там же, стр. 226—227.

Он писал, что социал-демократы должны «стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*».[37] Ленинское указание на то, что русское крестьянство таит в себе способность к активному участию в революционном движении, имело очень важное значение для выяснения роли крестьянства в надвигающейся революционной борьбе, для определения союзника пролетариата в этой борьбе.

В разработке этих проблем Ленин шел значительно дальше Плеханова. В отношении к крестьянству у Плеханова и его товарищей по группе «Освобождение труда», решительно порвавших с активным народничеством, которое переоценивало роль крестьянства, видело в нем главную силу в революционной борьбе, не было последовательной, выдержанной в духе марксизма программы. Плеханов не раз писал, что русским социал-демократам не следует игнорировать крестьянство, что в их задачу входит привитие крестьянству революционного сознания. Указания на это содержались и в составленных Плехановым проектах программы, и в его статьях. В первом проекте программы Плеханов предусматривал возможность того, что в крестьянстве может возникнуть «самостоятельное революционное движение».[38] Во второй половине 80-х годов мимо внимания Плеханова не прошел рост недовольства в деревне, в связи с чем он указывал на возможность увеличения числа выступлений крестьян против властей. В 80-е и в начале 90-х годов Плеханов несколько раз выступал с предложением потребовать национализации земель, принадлежащих крупным помещикам.[39] В частности, в 1892 г. в брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханов писал, что социал-демократы «добиваются полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность».[40] Вместе с тем уже в те же 80—90-е годы Плеханов противопоставлял пролетарию в качестве его антипода «мужичка», на котором, по его словам, целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии,[41] высказывал мысль о том, что в «политическом безразли-

---

[37] Там же, стр. 227.
[38] Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения, т. I, стр. 376.
[39] Г. В. Плеханов, Соч., т. II, М.—Пгр., 1924, стр. 87.
[40] Там же, т. III, М., 1922, стр. 411.
[41] Там же, стр. 410.

чии и умственной отсталости» крестьян заключается «главнейшая опора абсолютизма».[42] Полагая, что, «кроме буржуазии и пролетариата», в России нет других общественных сил, на которые могли бы «опереться оппозиционные или революционные комбинации»,[43] Плеханов не смог обосновать необходимость создания союза пролетариата и крестьянства. Плеханов не ставил вопроса о том, что возможная в России буржуазная революция будет носить характер крестьянской буржуазной революции.

Ленин же показал, что социал-демократы не должны отказать в поддержке многомиллионному крестьянству в его борьбе против абсолютизма и других пережитков крепостничества, что «поддерживать демократические требования мелкой буржуазии отнюдь не значит поддерживать мелкую буржуазию».[44] Ленин утверждал: «Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит... ни малейшему сомнению», оговариваясь при этом, что он не склонен преувеличивать «силы этих элементов», не забывает «политической неразвитости и темноты крестьян», не стирает разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой, не упускает из виду имевшиеся у правительства средства «надувать и развращать крестьян». Задачу социал-демократии Ленин видел в том, чтобы оказывать поддержку революционным элементам русского крестьянства, если они проявят себя хотя бы так, как проявили себя западноевропейские крестьяне при низвержении абсолютизма.[45]

Изложив предлагаемые для программы пункты,[46] Ленин заключал, что предусмотренные программой требования должны, по его мнению, сводиться к двум основным целям: «1) уничтожение всех *докапиталистических*, крепостнических

---

[42] Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения, т. I, стр. 378.

[43] Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 119.

[44] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

[45] Там же, стр. 228, 229.

[46] 1) Отмена выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих на крестьянство как на податное сословие. 2) Возвращение народу тех денег, которые награбили с крестьян правительство и помещики в виде выкупных платежей. 3) Отмена круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей. 4) Уничтожение всех остатков крепостной зависимости крестьян от помещиков. 5) Предоставление крестьянам права требовать по суду понижения непомерно высокой арендной платы и преследовать за ростовщичество помещиков и вообще всех лиц, которые, пользуясь нуждой крестьян, заключают с ними кабальные сделки (В. И. Ленин. Проект программы нашей партии, стр. 230).

учреждений и отношений в деревне... 2) сообщение классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера...».[47]

В 1907 г. в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин, специально останавливаясь на ошибках прежних аграрных программ русских социал-демократов, вновь обращается к проекту программы, составленному группой «Освобождение труда», и полностью воспроизводит раздел этого проекта, посвященный аграрному вопросу. Подчеркнув, что объем этих требований незначителен, Ленин пишет: «Ошибка этой программы состоит не в том, чтобы в ней были ошибочные принципы или ошибочные частные требования». По мнению Ленина, «принципы ее (программы, — *А. Ц.*) верны, а единственное частное требование, выставленное ею (право отказа от надела), настолько бесспорно, что оно оказалось в настоящее время выполнено своеобразным столыпинским законодательством». Недостатком, ошибочностью этой программы Ленин считал «ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет». Представленный группой «Освобождение труда» проект по крестьянскому вопросу, с точки зрения Ленина, «собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление». При этом Ленин находит, что «было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии». Наоборот, Ленин считает необходимым «особенно подчеркнуть, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность „радикального пересмотра“ дела крестьянской реформы».[48]

Свою задачу Ленин видел в дальнейшей разработке проблемы, в развитии программы по крестьянскому вопросу, лишь в общих чертах намеченной Плехановым и его товарищами, т. е. теоретически в выяснении того, «каковы экономические основы нашей аграрной программы, на что может и должно опираться требование *радикального* пересмотра в отличие от нерадикального, реформаторского, и, наконец, в конкретном

---

[47] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии, стр. 236. Требование уничтожения всех докапиталистических учреждений и отношений не предполагало в данном случае национализации земли. Следует заметить, что Ленин в принципе предусматривал выдвижение требования национализации земли еще в книге «Что такое „друзья народа“». Что же касается Плеханова, то он проявлял в этом вопросе колебания.

[48] В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 232.

определении содержания этого пересмотра с точки зрения пролетариата», а практически — в необходимости «учесть *опыт* крестьянского движения».[49]

Ленинская оценка вклада группы «Освобождение труда» в разработку программы русской социал-демократии позволяет утверждать, что в целом Ленин рассматривал деятельность группы в этом направлении в положительном плане. На эту точку зрения стали авторы ряда последних работ.[50]

* * *

Молодой Ленин с огромным уважением относился к Г. В. Плеханову, высоко ценил деятельность группы «Освобождение труда». «Плеханов сыграл крупную роль в развитии В. И., помог ему найти правильный революционный путь, и

---

[49] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 232, 233.

[50] По вопросу об оценке взглядов Плеханова по крестьянскому вопросу высказывались, да и сейчас высказываются различные точки зрения. В 20-е годы многим историкам свойственно было преувеличение ошибок Плеханова. Ф. Быстрых, например, считал, что взгляды группы «Освобождение труда» по аграрному вопросу сводились к требованиям и интересам либерального общества, а не крестьян и препятствовали развертыванию классовой борьбы в деревне (Ф. Быстрых. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». «Пролетарская революция», 1929, № 5, стр. 67, 70). По мнению этого историка, «в аграрном вопросе группа „Освобождение труда“ является родоначальницей меньшевизма» (там же, стр. 90). Были и другие мнения. В «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского было сказано, что вопрос о союзе пролетариата и крестьянства разрешается во втором проекте программы «почти по-большевистски» (т. I, М.—Л., 1926, стр. 96—97). В 30—40-е и в начале 50-х годов в литературе господствовала тенденция к преувеличению ошибок Плеханова в крестьянском вопросе. Серьезный сдвиг в изучении взглядов группы «Освобождение труда» по аграрному вопросу произошел в середине 50-х годов. Стремлением выявить все положительное, что было сделано группой «Освобождение труда», была отмечена книга Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России», вышедшая в 1959 г. Объективная, основанная на ленинских высказываниях оценка требований по аграрному вопросу, содержавшихся в проекте программы русской социал-демократии, была дана в первом томе многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (стр. 141). Обстоятельно рассмотрены воззрения Плеханова на крестьянский вопрос в книге Ф. Я. Полянского «Плеханов и русская экономическая мысль» (М., 1965). Представляется, что Полянский не подчеркнул наличие колебаний и эволюции во взглядах Плеханова на крестьянский вопрос в 80-е и 90-е годы. Г. С. Жуйков в книге, изданной в 1962 г., стоявший на характерной для литературы 30-х—начала 50-х годов позиции, в последнее время пересмотрел свою точку зрения и пришел к выводу, что Плеханов, «несмотря на отдельные серьезные ошибки и противоречия, стоял на правильных марк-

поэтому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом; всякое, самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно», — писала в 1924 г. Н. К. Крупская.[51] По словам А. И. Ульяновой-Елизаровой, Ленин был «горячим рыцарем» группы «Освобождение труда» и решительно выступал в защиту Г. В. Плеханова и его товарищей в случае нападок на них.[52] В воспоминаниях Н. К. Крупской приводится случай, когда Ленин, узнав, что народоволец В. Леонович даже по названию не знает группу «Освобождение труда», воскликнул: «Да разве революционер может не знать этого, разве он может сознательно выбрать партию, с которой будет работать, если он не знает, не изучит того, что писала группа „Освобождение труда"».[53] «О Плеханове Ленин говорил с глубоким сочувствием, главным образом о „Наших разногласиях" (Бельтова тогда еще не было). Из других произведений русских социал-демократов тогда была известна только брошюра „Социализм и политическая борьба"», — писал в своих воспоминаниях о самарском периоде жизни Ленина В. Водовозов.[54] Такое отношение к Плеханову было в 80-е—90-е годы не только у Ленина, но и у многих других революционеров. Впоследствии многие из них вспоминали, какое огромное значение имела разработка Плехановым марксистской теории, какое влияние оказали его работы на формирование мировоззрения молодых революционеров. И. И. Скворцов-Степанов писал в 1906 г.: «Поднимая о „Дневниках" («Дневниках социал-демократа» Г. В. Плеханова, — *А. Ц.*) речь в печати, я не могу не испытывать тяжелого чувства. Люди текущего десятилетия не могут представить себе, какую роль сыграл тов. Плеханов для нашего поколения, вырабатывавшего свое мировоззрение в 90-х годах. Они не знали той атмосферы, в которой блуждала пробудившаяся революционная мысль, создававшая какую-то удивительную мешанину из Лассаля и Миртова, Маркса и Николая — она, обрывков Энгельса и В. В. Теперь они могут наблюдать эту машину у социалистов-революционеров, но уже в совершенно иной общественной атмосфере, а потому не могут составить себе представ-

---

систских позициях в решении аграрно-крестьянского вопроса» (Г. С. Жуйков. Группа «Освобождение труда» (1883—1903). Автореф. дисс., стр. 2).

[51] «Правда», 1924, 11 апреля.

[52] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. М., 1956, стр. 51.

[53] Там же, стр. 93.

[54] В. Водовозов. Мое знакомство с Лениным; цит. по: В. И. Ленин в Самаре. 1889—1893. Сборник воспоминаний. М., 1933, стр. 101.

ления, чем были для нас, например, книга Бельтова и ее продолжение».[55] О том впечатлении, которое произвела работа Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», рассказывал И. Лалаянц: «Это блестящее полемическое произведение как кипятком ошпарило всех торжествующих на вольном просторе легальной печати народников во главе с их „властителем дум“ Н. К. Михайловским. На меня, совершенно оторванного от живой жизни на воле, в особенности от столичной жизни, этот „Бельтов“ произвел впечатление внезапно взорвавшейся бомбы среди полной тюремной тишины».[56]

Весной 1895 г. Ленин встретился впервые с Плехановым и его товарищами по группе «Освобождение труда». Поездке Ленина за границу предшествовало состоявшееся в феврале 1895 г. совещание представителей социал-демократических групп Петербурга, Москвы, Киева и Вильно. На совещании разгорелись горячие споры вокруг проблемы перехода от пропагандистской работы к агитационной, о слиянии борьбы за социализм с массовым рабочим движением. Активное участие в этих дебатах принял Ленин, который вместе с Г. М. Кржижановским представлял петербургских социал-демократов. Ленин решительно выступил против тех участников совещания, которые призывали в существующей обстановке ограничиться лишь экономической агитацией и утверждали, что пролетариат не способен еще усвоить политические лозунги. Он подчеркивал необходимость сочетания экономической борьбы с политической. На этом же совещании было принято решение наладить за границей издание популярной литературы для рабочих. С целью установления контакта с группой «Освобождение труда» за границу были направлены В. И. Ленин и московский социал-демократ Е. И. Спонти. Особое значение приобретала поездка за границу и личное знакомство с членами группы «Освобождение труда» В. И. Ленина, ставшего к этому времени уже виднейшим деятелем социал-демократического движения в России.[57]

---

[55] И. И. Скворцов-Степанов. Издалека. Цит. по: И. Степанов. От революции к революции. Сборник статей 1905—1915 гг. М.—Л., 1925, стр. 43.

[56] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I, стр. 108.

[57] Г. С. Жуйков в своей диссертации пишет, что, по его мнению, планы Ленина выходили за рамки установления контакта с членами группы «Освобождение труда» и налаживания выпуска популярных изданий для рабочих. Он полагает, что Ленин «ехал за границу для того, чтобы вместе с одной из наиболее подготовленных для этой цели социал-демократических организаций начать борьбу за создание марксистской партии в России. Впоследствии выяснилось, что взгляды

Ленин выехал за границу 25 апреля 1895 г. В Швейцарии состоялась его встреча с Плехановым, Аксельродом и другими членами группы «Освобождение труда». Встретились революционеры, хорошо знавшие друг друга по литературной деятельности, но до той поры не имевшие личных контактов. Ленин, как отмечено выше, высоко ценил деятельность Плеханова и его товарищей. О своем глубоком уважении к Плеханову, которое он испытывал в те годы, Ленин писал: «Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением».[58]

Очень большое впечатление произвел на Плеханова и его товарищей В. И. Ленин, имевший прекрасную теоретическую подготовку, обладавший вместе с тем большим опытом практической революционной работы, великолепно знавший положение в стране, состояние и настроения рабочих слоев. В своих воспоминаниях Р. М. Плеханова привела письмо, в котором Г. В. Плеханов писал о В. И. Ленине под впечатлением их первых встреч: «Приехал сюда (в Цюрих, — *А. Ц.*) молодой товарищ, очень умный, образованный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди».[59] О том, какое прекрасное мнение сложилось у Плеханова о Ленине после их первых встреч, сообщает со ссылкой на письмо Г. В. Плеханова к П. Б. Струве в своих воспоминаниях Г. М. Кржижановский. Он пишет: «Как раз к этому времени и к этой поездке Владимира Ильича за границу относится письмо Плеханова к Струве... в котором сообщалось, какое впечатление произвел Владимир Ильич на группу „Освобождение труда“. Г. В. Плеханов писал в нем, что за период многолетнего пребывания за границей у него перебывало большое число лиц из России, но, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым. Он отметил в этом письме и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию».[60] В сентябре того же 1895 г. Г. В. Плеханов, рекомендуя В. И. Ленина Вильгельму Либк-

---

группы „Освобождение труда“ на этот вопрос существенным образом отличались от планов В. И. Ленина. Но в тот период, при первом знакомстве, как В. И. Ленин, так и Г. В. Плеханов были рады совпадению, в основном, взглядов на текущие задачи социал-демократического движения в России» (Г. С. Жуйков. Группа «Освобождение труда» (1883—1903), ЛГУ, 1968, докторская диссертация, машинопись, стр. 851).

[58] В. И. Ленин. Как чуть не потухла «Искра»? Полн. собр. соч., т. 4, стр. 343.

[59] «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 209.

[60] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I, стр. 153.

нехту, писал о нем как об «одном из наших лучших русских друзей».[61] Летом 1897 г. П. Б. Аксельрод сообщал В. И. Ленину, что как он сам, так и Г. В. Плеханов высоко оценивают брошюру В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих». Руководители группы «Освобождение труда» сочли необходимым переиздать за границей эту брошюру, впервые напечатанную в Петербурге. Г. В. Плеханов называл В. И. Ленина «одним из самых видных деятелей нашей партии».[62] Приведенные выше отзывы Плеханова и его товарищей о В. И. Ленине не были следствием того, что молодой революционер, приехавший из России, во всем соглашался со старейшими деятелями русской социал-демократии, обосновавшимися в Швейцарии. Наоборот, Ленин во время переговоров с ними держался с редкой самостоятельностью, твердо отстаивал свои взгляды, чем вызвал еще большее уважение со стороны своих старших товарищей.

Одним из главных вопросов, обсуждавшихся Лениным с Плехановым в 1895 г., была подготовительная работа по изданию популярного сборника «Работник». Члены группы «Освобождение труда» в лице Ленина видели человека, выступавшего от имени ряда социал-демократических групп, действовавших в различных городах России. Издание сборника «Работник» явилось значительным событием в издательской деятельности группы «Освобождение труда». Его отличительной особенностью было наличие конкретного материала о рабочем и социал-демократическом движении в России. В том, что это издание приобрело такой характер, сказалось прямое влияние Ленина. После встречи Ленина с членами группы «Освобождение труда», после появления «Работника», что свидетельствовало об установлении более тесных отношений между Плехановым и его группой, с одной стороны, Лениным и возглавлявшимся им петербургским «Союзом борьбы», с другой стороны, открылась новая страница во взаимоотношениях членов группы «Освобождение труда» с социал-демократическими организациями, действовавшими в самой России. Это обстоятельство отмечали и сами члены группы «Освобождение труда». П. Б. Аксельрод писал, что «с появлением на нашем горизонте Ульянова у нас завязались, наконец, более или менее правильные сношения с Россией».[63]

В ходе встречи Ленина с Плехановым и его товарищами в 1895 г. между ними выявились и разногласия. Эти разногла-

---

[61] «Воинствующий материалист», кн. IV, М., 1925, стр. 213.

[62] Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, М., 1924, стр. 4.

[63] Переписка Г. В. Плеханова с П. Б. Аксельродом, т. I, М., 1925, стр. 275.

сия сказались с наибольшей определенностью в вопросе об отношении к либералам.[64] Тем не менее не разногласия определили главное значение этой встречи. Важнейшим результатом переговоров Ленина с членами группы «Освобождение труда» явилось то, что в 90-е годы, после этой встречи, Ленин со своими единомышленниками в России и группа «Освобождение труда» действовали в контакте. Так, когда в России предпринимаются усилия, направленные на выработку программы будущей партии, группа «Освобождение труда» отвечает на них публикацией брошюры П. Б. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» и перепечаткой в приложении к упомянутой брошюре «Проекта программы русских социал-демократов». Это обстоятельство отмечал Ленин, подчеркивая, что члены группы «Освобождение труда», основавшие русскую социал-демократию и много сделавшие для ее теоретического и практического развития, не медлят отзываться на запросы русского социал-демократического движения.[65] Сотрудничество, установленное Лениным и его соратниками в России с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда», имело следствием то, что резкая грань, существовавшая между революционерами, действовавшими в России и находившимися в эмиграции, стала стираться и они в 90-е годы представляли единое социал-демократическое течение. При этом наиболее дальновидные из революционеров-эмигрантов, прежде всего Плеханов, поняли, что предпринятые Лениным шаги по созданию «Союза борьбы» имеют очень большое значение для слияния воедино революционной марксистской мысли и русского рабочего движения. Существенным во взаимоотношениях Ленина и Плеханова в 90-е годы является то, что в этот период Ленин уже выступает как крупнейший теоретик марксизма и практик революционной борьбы. В это время уже сказывается и влияние Ленина на Плеханова. Находящиеся в России марксисты оказывают воздействие на группу «Освобождение труда» в смысле активизации ее деятельности в тех или иных направлениях. Так, под непосредственным влиянием ленинского «Протеста» усиливается борьба группы «Освобождение труда» против «экономизма».

В 90-е годы Ленин неоднократно подчеркивает значение той борьбы, которую вела и продолжала к тому времени вести группа «Освобождение труда». Он не раз напоминает о том, что она является основательницей русской социал-демократии,

---

[64] История Коммунистической партии Советского Союза, т. I. М., 1964, стр. 221.

[65] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии, стр. 215—216.

а ее члены верными и последовательными хранителями подлинного марксизма. Возражая в 1894 г. Михайловскому, приписывавшему марксистам утверждение о том, что в России «должен быть» капитализм, потому что он был на Западе и т. д., Ленин писал, что если Михайловский брался за полемику в печати «против социал-демократов», то «он длжен был иметь в виду ту группу социалистов, которая уже давно носит такое имя и носит его одна, так что других нельзя смешать с нею, и которая имеет своих литературных представителей — Плеханова и его кружок».[66] Тем самым Ленин со всей определенностью давал понять, что в лице Плеханова и его товарищей по группе «Освобождение труда» он видит последовательных выразителей идей марксизма среди русских революционеров. Тогда же, напоминая о том, как был решен с позиций марксизма вопрос о «судьбах капитализма в России», Ленин писал: «...замечательно, что когда появилась (лет 10 тому назад) особая группа социалистов, решавшая вопрос о капиталистической эволюции России в утвердительном смысле и основывающая это решение на данных русской экономической действительности, — она не встретила прямой и определенной критики по существу, критики, которая бы принимала те же общие методологические и теоретические основоположения и иначе объясняла соответствующие данные».[67] Этими словами Ленин показал, как основательны были суждения членов группы «Освобождение труда» об актуальных проблемах социально-экономического развития России.

В период борьбы с «экономизмом» в конце 90-х годов Ленин неоднократно пишет о том, что последовательная линия русской социал-демократии, ее политические задачи были сформулированы группой «Освобождение труда»,[68] что эта группа «является основательницей и хранительницей „старого течения“», называет членов группы «Освобождение труда» «основателями и передовыми борцами» русской социал-демократии,[69] подтверждает свою верность «точке зрения старых принципов социал-демократии, провозглашенных в России группой „Освобождение труда“».[70]

---

[66] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 196.

[67] Там же, стр. 275.

[68] В. И. Ленин. 1) Попятное направление в русской социал-демократии, стр. 253—259, 273; 2) Насущные задачи нашего движения. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 371—372.

[69] В. И. Ленин. Протест российских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 165.

[70] В. И. Ленин. По поводу «Profession de foi», стр. 310.

Ленин отмечал заслуги группы «Освобождение труда» в борьбе против ревизионизма, указывал на то, что она отстаивает учение Маркса от его противников, отдает много сил делу укрепления революционной социал-демократии в России. Положительно оценивая деятельность Плеханова в борьбе против бернштейнианства, Ленин писал: «Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую „критику" Бернштейна, от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере)».[71]

Когда произошел раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов, Ленин твердо заявил о том, что принимает сторону Плеханова, группы «Освобождение труда».[72]

В 1901 г. в связи с 25-летием революционной деятельности Г. В. Плеханова в «Искре» было опубликовано написанное В. И. Лениным приветствие. В нем, в частности, высказывалось пожелание, чтобы это празднование послужило «укреплению связи между тысячами молодых русских социал-демократов, отдающих все свои силы тяжелой практической работе, и группой „Освобождение труда", дающей движению столь необходимые для него: громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый революционный опыт».[73] Это приветствие воздавало должное той борьбе, которую в тот период вели Плеханов и его товарищи по группе «Освобождение труда», и свидетельствовало о положительной оценке, дававшейся этой борьбе Лениным.

Во взаимоотношениях Ленина и Плеханова в 90-е годы имели место и серьезные разногласия. К числу вопросов, ставших предметом горячих споров между ними, относилась, например, проблема отношения к либеральному движению. Разногласия принципиального характера возникали у Ленина с Плехановым, Мартовым, Аксельродом при обсуждении будущей программы партии. Немало сложностей приходилось преодолевать Ленину в период деятельности старой «Искры» из-за расхождений, возникавших с его соредакторами и прежде всего с Плехановым.

Вместе с тем в целом в 90-е годы Ленин, с одной стороны, группа «Освобождение труда» — с другой, выступали как соратники в революционной борьбе.

---

[71] В. И. Ленин. Наша программа. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 183.

[72] В. И. Ленин. 1) Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 384—385; 2) Ответ С.-Петербургскому комитету. Там же, т. 5, стр. 285—286.

[73] В. И. Ленин. К двадцатипятилетию революционной деятельности Г. В. Плеханова. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 368.

III

Вернемся несколько назад, к тем временам, когда происходило формирование В. И. Ленина как революционера и мыслителя. Обстановка, в которой рос и воспитывался юный Владимир Ульянов, отражала процессы, происходившие в демократически настроенных, сочувственно относившихся к революционным идеям слоях России в целом. В доме Ульяновых все было проникнуто демократическим духом. С ранних лет Владимир Ульянов, его сестры и братья под влиянем родителей прониклись чувством глубокого сострадания к простому народу и ненавистью к самодержавию. Идеи Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова господствовали в доме Ульяновых. Их книги с увлечением читал Владимир Ильич. Впоследствии он вспоминал, что особенно большое воздействие на него оказали произведения Чернышевского. Все дети в семье Ульяновых, за исключением рано умершей Ольги, стали революционерами. На Владимира Ильича оказал большое влияние его старший брат Александр, ставший одним из руководителей «Террористической фракции „Народной воли“». После неудачного покушения на Александра III 1 марта 1887 г. он был арестован и затем казнен. Казнь старшего брата, которого очень любил Владимир Ильич, произвела на него огромное впечатление, сыграла важную роль в том, что Ленин решил посвятить свою жизнь революционной борьбе. Политические взгляды А. И. Ульянова, как уже говорилось выше, отражали переломный момент в эволюции взглядов передовой части русской революционной молодежи. Александр Ульянов и его товарищи были уже не только знакомы с марксизмом, но и находились под значительным его влиянием. Вместе с тем они оставались на народнических позициях и продолжали считать важнейшим орудием революционеров в их борьбе с самодержавием систематический террор. Убеждение в том, что террор является действенным и эффективным средством революционной борьбы, было очень живуче в среде русских революционеров. Оно в значительной степени продолжало господствовать в умах революционной молодежи и в период возникновения первых социал-демократических организаций, в годы перехода значительной части русских революционеров на позиции марксизма.

Мировоззрение Ленина формировалось в обстановке, когда еще очень популярна была борьба народовольцев и только некоторые революционеры стали переходить на сторону социалдемократии. Впоследствии в своей работе «Что делать?» Ленин писал, что многие социал-демократы «начинали революционно

мыслить, как народовольцы».[1] В той же работе Ленин вспоминал: «Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными „Народной воле“ и которых молодые социал-демократы высоко уважали».[2] Приводя этот отрывок из ленинской работы в своих воспоминаниях, Н. К. Крупская добавляла: «Этот абзац — кусок биографии Владимира Ильича».[3]

Став студентом Казанского университета, Ленин принял деятельное участие в студенческих выступлениях 1887 г., за что и был исключен из университета. Высланный в 1887 г. в село Кокушкино Казанской губернии под негласный надзор полиции, Ленин продолжает усиленно заниматься самообразованием. Он перечитывает хранившиеся в домашней библиотеке журналы 60—80-х годов, прежде всего общественно-политические и научно-литературные, такие как «Современник» Чернышевского и Добролюбова, «Русское слово» Благосветлова и Писарева, «Отечественные записки», «Дело», «Русское богатство», «Русская мысль». Таким путем Ленин познакомился с дискуссиями, которые велись в 60—80-е годы вокруг важнейших проблем политической, экономической и общественной жизни России. Ленин прочел многие произведения русских писателей. Среди его любимых книг были произведения Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Короленко, Успенского.

В сентябре 1888 г. Ленину было разрешено переехать в Казань. После пребывания в Кокушкине он имел уже более серьезную теоретическую подготовку для изучения произведений Маркса. Вспоминая о жизни Ленина в Казани после его приезда туда в 1888 г., А. И. Ульянова-Елизарова писала: «Здесь начал он изучать I том „Капитала“ Карла Маркса. Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые

---

[1] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180.
[2] Там же, стр. 180—181.
[3] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1968, стр. 40.

пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани».[4]

Важной вехой в жизни В. И. Ленина было его участие в возникшем в Казани марксистском кружке учащейся молодежи. Кружок этот принадлежал к числу отдельных, между собой не связанных кружков, вместе с тем в целом составлявших так называемый федосеевский кружок, принадлежавший к числу крупнейших марксистских кружков 80-х годов.[5]

Н. Е. Федосеев, человек исключительных способностей, был настоящим подвижником революционной борьбы, одним из наиболее подготовленных марксистов тех лет. Ленин впоследствии писал о Федосееве: «Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу... для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого

---

[4] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. Воспоминания родных. М., 1968, стр. 30.

[5] В России социал-демократические кружки стали образовываться одновременно с возникновением группы «Освобождение труда» за границей. В конце 1883 г. в Петербурге была создана «Партия русских социал-демократов», более известная под названием группы Благоева, которая просуществовала до 1887 г. Она была ярким примером поворота революционной молодежи от народничества к марксизму, к социал-демократии. Параллельно с благоевской группой в Петербурге возникло «Товарищество С.-Петербургских мастеровых», состоявшее преимущественно из рабочих и возглавлявшееся П. В. Точисским. По численности и разветвленности превосходила ранее существовавшие кружки возникшая в 1889 г. в Петербурге группа М. И. Бруснева, подготовившая первые связанные с социал-демократией политические выступления рабочих. В 80-е годы социал-демократические организации возникали не только в Петербурге, но и во многих других городах России. Марксистские кружки появились в Москве, в Киеве, в некоторых других городах на Украине, в Прибалтике, в Польше. Большую роль в распространении марксизма сыграли созданные в Казани социал-демократические кружки, руководителем которых был Н. Е. Федосеев. Деятельность первых социал-демократических организаций в России была предметом изучения многих советских историков. Обзор советской историографии по этой проблеме см.: В. В. Мицуров, Ю. М. Критский. Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х—начала 90-х гг. XIX в. в советской исторической литературе. В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. 1. Л., 1967, стр. 178—179, 202—203.

необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера».[6]

Федосееву приходилось заниматься изучением и разработкой теоретических проблем марксизма в невероятно тяжелых условиях. Почти всю свою сознательную жизнь он провел в тюрьмах и в ссылке. Федосеев был лишен возможности установить и поддерживать связь с группой «Освобождение труда». Несмотря на все это, он сумел подойти к решению актуальных проблем развития политической жизни России в строгом соответствии с положениями марксистского учения. К числу важнейших законов научного социализма он относил требование установления диктатуры пролетариата, в которой он видел «повивальную бабку», необходимую при рождении нового общества, руководящей роли пролетариата по отношению к крестьянству, создания бесклассового общества, основанного на развитии крупного машинного социалистического производства, коллективных начал как основы для развития сельского хозяйства в новом обществе. Он сознавал, что рабочее движение должно носить международный характер.

Несколько позже, в переписке с Н. К. Михайловским, Федосеев не только решительно отстаивал марксистские позиции, но и полемизировал по поводу состояния революционной мысли в России и того положения, которое занимало в ней все более укреплявшее свои позиции марксистское направление.[7]

Строгая конспирация, существовавшая в казанских кружках, не дала возможности Ленину познакомиться с Федосеевым. Пребывание Ленина в федосеевском кружке позволило ему существенно расширить свою марксистскую подготовку. В этом кружке Ленин занимался изучением трудов Маркса и Энгельса. Здесь Ленин знакомился с изданиями группы «Освобождение труда». В это время он с большим интересом прочел книгу Плеханова «Наши разногласия» и ряд его статей. По мнению историка Б. Волина, «вероятно, Федосеев и его кружок имели связь с некоторыми казанскими рабочими».[8] В мае 1889 г. семья Ульянова переехала из Казани в Самарскую губернию. Вскоре после этого в Казани были произведены аресты членов федосеевского кружка. Среди арестованных был и сам Федосеев. Впоследствии, в 1922 г., Ленин вспоминал: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услыхал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов

---

[6] В. И. Ленин. Несколько слов о Н. Е. Федосееве. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 325.

[7] Н. Е. Федосеев. Статьи и письма, М., 1958, стр. 102, 103.

[8] Б. Волин. В. И. Ленин в Поволжье. М., 1955, стр. 65, стр. 414.

казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани».[9]

После отъезда из Казани Ульяновы до осени 1889 г. прожили в селе Алакаевка Самарской губернии, а затем переехали в Самару. Здесь Владимир Ильич прожил до августа 1893 г. Ко времени пребывания в Самаре Ленин впоследствии относил начало своей революционной деятельности. Отвечая на вопрос об участии в революционном движении, он написал в своей анкете делегата X съезда партии: «1892—1893. Самара. Нелегальные кружки с-д. . .».[10] В Самаре Ленин вошел в революционный кружок, членами которого, кроме него, были А. П. Скляренко и И. Х. Лалаянц. Под влиянием Ленина Скляренко и Лалаянц, первоначально придерживавшиеся народнических взглядов, перешли на сторону марксизма. В этот период Ленин внимательно следит за литературой, освещающей экономическое и политическое положение России. Он продолжает серьезно изучать труды Маркса и Энгельса. Ленин часто выступает с рефератами, посвященными отдельным работам Маркса и Энгельса, таким как «Манифест коммунистической партии», «Нищета философии». С большим интересом читает Ленин в этот период труды Плеханова. С исключительным энтузиазмом обсуждались среди самарских революционеров книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Попадали в Самару и другие издания группы «Освобождение труда».

В описываемый период своей деятельности Ленин выступает уже как сложившийся марксист, решительно отстаивающий в возникающих спорах позиции социал-демократии.

Приезд Ленина в Петербург в конце августа 1893 г. знаменовал наступление нового, исключительно важного этапа в его жизни и деятельности, когда Владимир Ильич быстро вырастает в крупнейшего деятеля русской социал-демократии. В Петербурге Ленин с головой окунается в революционную работу. Сразу же после приезда он входит в состав одного из петербургских марксистских кружков, состоявшего главным образом из студентов-технологов, а затем устанавливает связь и со столичными рабочими кружками. Вскоре Ленин начинает настойчиво бороться за то, чтобы революционеры-марксисты перешли от пропаганды марксизма в разрозненных кружках, объединявших только передовых рабочих, к политической и экономи-

---

[9] В. И. Ленин. Несколько слов о Н. Е. Федосееве, стр. 324.

[10] В. И. Ленин. Анкета для делегатов X Всероссийского съезда РКП. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 417.

ческой агитации в самой гуще рабочего класса. Результатом упорной работы, проделанной Лениным в этом направлении, было образование осенью 1895 г. в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в котором были объединены в единую политическую организацию марксистские кружки столицы.

Энергичная деятельность, развитая Лениным в 90-е годы, происходила в условиях, когда в России шли сложнейшие социально-экономические процессы. Стремительно росла промышленность, интенсивно развертывалось строительство железных дорог. Уступая европейским государствам в объеме промышленного производства, Россия опережала их в темпах роста и в концентрации промышленности. Пролетариат, ряды которого значительно возросли, а положение оставалось попрежнему крайне тяжелым, усилил стачечную борьбу. В середине 90-х годов волна стачек прокатилась по всей стране, прежде всего на предприятиях Петербурга. Острые социальные противоречия раздирали русскую деревню. В крестьянстве, среди которого шел процесс расслоения, «разложения», нарастала волна недовольства. Бедственное положение крестьянства стало предметом большого внимания со стороны общественности, в особенности в связи со страшным голодом, охватившим многочисленные губернии страны. Усиливалось по сравнению с 80-ми годами оппозиционное брожение среди студенчества, в либерально настроенных кругах. В стране все больше чувствовалось приближение революционной бури. Важной особенностью этого периода был поворот, произошедший в русской общественной мысли, от народничества к марксизму. Ряды сторонников марксизма быстро росли. «К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, — писал несколько позднее В. И. Ленин, — это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы „Освобождение труда“, но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России».[11]

Ленину пришлось столкнуться с решением задач, возникших в результате сложных социально-экономических процессов не только в России, но и во всем мире.

Исторической вехой в русской и мировой общественной мысли явилось начало ленинского этапа в развитии марксизма. На долю В. И. Ленина выпала не только пропаганда революционного учения Маркса и Энгельса и его творческое развитие в сложнейшей обстановке конца XIX—начала XX в. Ленину пришлось заняться одновременно и теоретической разра-

---

[11] В. И. Ленин. Что делать? стр. 31.

боткой проблем революционной борьбы пролетариата, и практической деятельностью по подготовке революции в России. Ему предстояло решать эти задачи в условиях, когда центр мирового революционного движения перемещался в Россию, когда капитализм стал перерастать в свою высшую стадию — империализм, когда учение Маркса, боевая революционная теория пролетариата, с одной стороны, стало господствующим в мировом рабочем движении и, с другой стороны, подверглось ожесточенным нападкам как со стороны идеологов буржуазии, так и со стороны ревизионистов в рядах социал-демократии.

Первое, что предстояло сделать Ленину, теоретически хорошо подготовленному молодому революционеру, это исследовать современное состояние России, важнейшие процессы, происходившие в ее экономике, изменения в социальной структуре, главные течения в ее политической жизни. Задача эта была нелегкой не только потому, что исследуемые проблемы были исключительно сложны сами по себе, но и вследствие того, что существовавшая обширнейшая литература в значительной степени напоминала запутанный лабиринт, в котором особенно много тупиков было построено народническими авторами.

Свою теоретическую деятельность Ленин и начинает с внимательного изучения с марксистских позиций современного ему социально-экономического развития России, проблемы, являвшейся предметом горячей дискуссии, в которой участвовали экономисты и публицисты разнообразных направлений. Первая сохранившаяся работа Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» была написана еще в Самаре в 1893 г. и предназначалась для легальной печати, но опубликована не была. Эта статья содержала разбор книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство». В ней Ленин дал марксистскую характеристику положения в деревне, рассматривал процессы и формы развития капиталистических отношений и решительно выступал против народнической теории, гласившей, что капитализм якобы не затронул «общинное» крестьянство. Осенью 1893 г., уже переселившись в Петербург, Ленин подготавливает реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках», с которым выступает среди петербургских марксистов. В этой работе Ленин вскрывал ошибочность народнической теории, согласно которой капитализм в России не имел под собою почвы, и доказывал, что капитализм уже стал «основным фоном хозяйственной жизни России».[12] К названным выше работам по своей основной направ-

---

[12] В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 105.

ленности, по всей вероятности, близко примыкала не разысканная до сих пор работа Ленина, написанная по поводу книги Воронцова «Судьбы капитализма в России».

Очередной труд, подготовленный Лениным, — его книга «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» — развивал положение ранних ленинских работ. В ней было отведено значительное место экономическим проблемам. Однако они не были единственными проблемами, рассматривавшимися в этой книге. Полемизируя с народниками, которые были главным объектом ленинской критики в данной работе, Ленин одновременно намечал пути развития революционного марксизма в России и борьбы русского пролетариата за свое освобождение. Уже эта работа отчетливо показывала, что в лице Ленина читатель имеет дело с автором, который отнюдь не замыкается в рамках изучения экономических вопросов. Глубокое исследование экономических вопросов в ранних работах Ленина не было простым увлечением экономикой. Он обращался к их изучению для того, чтобы получить возможно более точное представление о современном ему социально-экономическом положении России, необходимое для выработки плана революционного преобразования страны. Ленин широко использует свои огромные познания в области других общественных наук, таких как философия и история, более того, делает существенный вклад в их дальнейшую разработку с марксистских позиций. В книге «Что такое „друзья народа"» наряду с вопросами экономического развития России ставятся и разрешаются Лениным важнейшие проблемы исторического материализма, вопросы теории и практики русского революционного движения. Книга «Что такое „друзья народа"» не только содержала сокрушительную критику народничества. Она одновременно имела исключительно важное значение еще и потому, что в ней содержалось изложение марксистской теории применительно к российским условиям. Оглядываясь назад, сейчас следует обратить внимание на то, что ленинский труд был написан до того, как появились книги Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» и Плеханова «О развитии монистического взгляда на историю». Ленин написал свою книгу, не зная содержания этих работ. Ленин, написавший «Что такое „друзья народа"» на основании самостоятельного изучения Маркса и современного политического и экономического положения России, сразу же проявил себя как крупнейший теоретик марксизма среди находившихся в России революционеров. Основываясь на теоретических положениях марксизма, Ленин предусматривал практические действия в борьбе за революционную ломку в России, обобщая

опыт революционной практики, он творчески развивал учение Маркса. Историческое значение имели указания Ленина на руководящую роль, которую предстояло сыграть в грядущих революционных битвах пролетариату, на необходимость создания пролетарской партии. Он решительно выступал против тех социалистов, которые отвлекали рабочих «от их прямой задачи **ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ».**[13] Свою книгу Ленин закончил словами: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».**[14]

Можно с уверенностью сказать, что приведенные выше заключительные слова из ленинской работы «Что такое „друзья народа“» были для тех, кому эта книга в середине 90-х годов попала в руки, и откровением, и путеводной звездой. Концовка книги «Что такое „друзья народа“» содержала в концентрированном виде важнейшие проблемы революционной теории и практики, развитием которых и занялся Ленин, отдавая этому делу весь свой гений, все свои силы. Здесь выдвигались наряду с уже упомянутыми такие важные и еще не разработанные проблемы, как вопрос о союзниках пролетариата в предстоящей революции, теснейшим образом переплетавшийся с вопросом об отношении к крестьянству. Уже в 1894 г. в ленинской работе заложены основы учения о союзе пролетариата и крестьянства. Подчеркивая необходимость революционной борьбы, он страстно выступал против подмены ее реформизмом, отстаивал идею боевой пролетарской партии. В своих последующих работах Ленин отводит очень большое место разоблачению ревизионизма, реформизма, тред-юнионизма. В борьбе против этих врагов рабочего класса и марксизма Ленину принадлежат великие заслуги.

В первой большой своей работе Ленин вносит много нового в разработку теоретических проблем марксизма, и в особен-

[13] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 304.
[14] Там же, стр. 311—312.

ности исторического материализма. Достаточно назвать разработку Лениным вопроса об общественно-экономических формациях, явившуюся выдающимся вкладом в развитие материалистического понимания истории и серьезнейшим ударом по идеалистической социологии. Ленин писал, что «Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, выдвинув понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс».[15] Подчеркивая, что производственные отношения составляют основу общества, Ленин одновременно опрокидывал упреки со стороны народников в том, будто для марксистов экономика является единственной силой развития общества. Решительно протестовал Ленин и против адресованных марксистам обвинений в том, что они якобы пытаются решать проблемы социологии при помощи абстрактных схем, заимствованных у Гегеля.

Ленин доказал, что марксистский метод предусматривает объективное изучение производственных отношений, образующих общественную формацию, и законов ее движения. Сама ленинская работа была образцом применения марксистских положений к конкретному изучению российской действительности во всей ее сложности и многообразии, благодаря чему была раскрыта классовая сущность важнейших социальных явлений, рассматривавшихся со строгой последовательностью с точки зрения пролетариата. В этом смысле, если сопоставить труд Ленина «Что такое „друзья народа“» и книгу Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», то сразу же бросится в глаза разделяющая их идейная пропасть, хотя оба автора, казалось бы, изучают одну и ту же тему, оба заявляют, что исходят из позиций марксизма и полемизируют с одними и теми же оппонентами. Но Струве, подчеркивая прогрессивные, положительные стороны капитализма, по существу оказывается на позициях его апологета. Ленин же, отдавая должное прогрессивной роли капиталистической формации, рассматривает капитализм с критических позиций, в отличие от Струве он смотрит на него глазами человека, отстаивающего интересы пролетариата и с точки зрения последнего оценивающего изучаемую формацию. Поэтому он не только обнажает пороки в то время еще восходящей эко-

[15] Там же, стр. 139.

номической формации, но уже намечает и пути ее устранения и построения нового общества в интересах пролетариата.

Огромный вклад, внесенный Лениным в развитие марксистской теории, был возможен благодаря тому, что Ленин свою теоретическую работу теснейшим образом связывал с практикой революционной борьбы. В этом смысле прекрасным образцом сочетания революционной практики с обогащением революционной теории является деятельность Ленина как руководителя петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Создав на практике организацию, представлявшую собой зачаток марксистской партии пролетариата, Ленин на основе ее, казалось, непродолжительного, но одновременно исключительно поучительного опыта делал очень важные выводы, способствовавшие развитию ранее выдвинутых им положений. Выступая против кустарничества в революционной борьбе, настаивая на необходимости создания партии, Ленин ссылался в дальнейшем и на свой петербургский опыт. Он писал: «Я работал в кружке (из которого вырос петербургский «Союз борьбы», — *А. И.*), который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!».[16]

Отстаивая необходимость теснейшей связи социал-демократов с рабочим движением, Ленин напоминал, что руководимые социал-демократами стачки проходили с наибольшим успехом. «Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г., — писал Ленин, — наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы)...».[17] Ленин считал эти выступления началом массового рабочего движения, сочетавшегося с деятельностью социал-демократов. «С 1895—1896 года, со времени знаменитых петербургских стачек, начинается массовое рабочее движение с участием социал-демократии»,[18] — писал он. Ленин призывал использовать опыт петербургского «Союза борьбы» во всероссийском масштабе и предвидел в результате этого крупные успехи рабочих. «Если одни петербургские рабочие, при небольшой помощи социалистов, сумели быстро

---

[16] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 127.
[17] В. И. Ленин. Ценное признание. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 75.
[18] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 96.

добиться от правительства уступки — издания закона о сокращении рабочего дня, то весь русский рабочий класс, руководимый одной „Российской социал-демократической рабочей партией“, сумеет добиться упорной борьбой и несравненно более важных уступок», — говорилось в ленинской статье «Наша программа».[19]

Указывая на участие социал-демократов в организации стачечной борьбы, Ленин отмечал, что они отнюдь не должны ограничиваться ею одной. Он напоминал в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899), что «русское рабочее движение уже 20 лет тому назад основало более широкую организацию, выставило более широкие задачи» (чем одна лишь организация стачек); оно потом «создало такие организации, как С.-Петербургский и Киевский „Союзы борьбы“».[20] Говоря о группе петербургских социал-демократов, основавших «Союз борьбы» и подготовивших еще в конце 1895 г. первый номер газеты «Рабочее дело», Ленин писал: «Таким образом этот, если не ошибаемся, „первый опыт“ русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко местного, тем более не „экономического“ характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия...».[21] Это ленинское указание в книге «Что делать?» показывает, что, обращаясь к деятельности «Союза борьбы», Ленин подчеркивал в ней стороны, противоположные взглядам «экономистов», вновь и вновь настаивал на необходимости сочетания экономической и политической борьбы. Обращал внимание Ленин, что в издании, подготовлявшемся петербургскими социал-демократами середины 90-х годов, выдвигалась необходимость привлечения на сторону пролетариата «всех угнетенных политикой реакционного мракобесия». Здесь мы вновь сталкиваемся с вопросом о союзниках пролетариата.

Подробнее остановившись выше на книге Ленина «Что такое „друзья народа“», мы стремились подчеркнуть, что уже в ней были намечены Лениным проблемы как теоретического, так и практического характера, связанные с подготовкой грядущей революции. В ленинских трудах, написанных в последующие годы, эти проблемы получают свое дальнейшее развитие. При этом главная задача, которую в конечном счете преследует Ленин, чему бы ни посвящались его труды, —

---

[19] В. И. Ленин. Наша программа. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 186.

[20] В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 243.

[21] В. И. Ленин. Что делать? стр. 32.

опять-таки подготовка пролетариата к предстоящей схватке, создание и сплочение его авангарда — революционной марксистской партии, борьба против всех, кто вольно или невольно мешает решению этого дела. Вопросы революционной теории и практики обязательно находят освещение в работах Ленина, будь то специально посвященная проблеме строительства марксистской партии работа «Что делать?» или труд «Развитие капитализма в России», который на первый взгляд мог казаться только специальным исследованием в области экономики.

IV

В историю русской общественной мысли 90-е годы вошли как период ожесточенной борьбы между народнической и марксистской идеологией, в процессе которой окрепла и развилась русская социал-демократия и были заложены основы марксистской рабочей партии.

К этому времени народническая теория, обладавшая в 70-х годах, по словам В. И. Ленина, «достаточной стройностью»,[1] утратила свою цельность и представляла жалкие эклектические лохмотья.[2] Теоретики народничества чувствовали, что развитие отечественного капитализма выбивает почву у народнических учений. Тускнела вера в общину и в самобытность исторических судеб России.[3] С другой стороны, первые русские марксисты сознавали, что социал-демократия как общественно-политическое направление завоюет право на существование только доказав, что страна развивается по капиталистическому пути. Вопрос о капитализме в России являлся центральным пунктом в спорах марксистов и народников о путях развития освободительного движения.

В книге «Судьбы капитализма в России» — своем первом большом труде, название которого говорит само за себя, известный экономист В. П. Воронцов (писавший под псевдонимом «В. В.») так определял цель поставленной перед собой работы: «...Народная партия много бы выиграла в практическом отношении, если бы двойственность, раздирающая ее миросозерцание, была уничтожена, если бы к ее вере в живучесть народных устоев присоединилось убеждение в исто-

---

[1] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 284.

[2] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 414.

[3] В. И. Ленин. Народничествующая буржуазия и растерянное народничество. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 77.

рической невозможности развития капиталистического производства в России. Такое убеждение способны дать наши обобщения (если они только истинны). В самом деле, коль скоро по особенностям современного исторического момента России невозможно достичь высшей ступени промышленного развития капиталистическим путем, если все меры в пользу этого последнего способны только разрушить благосостояние народа, но не привести к организации производства, если поэтому замеченные явления разрушения исконных форм народной жизни происходят не в силу экономической борьбы мелкого производства с крупным и победы последнего, а суть результат неудачного вмешательства в экономическую жизнь народа правящих классов, следовательно, произведены политическими мерами, то лица, желающие добра народу и имеющие возможность помочь ему, смелее выступят на борьбу с угнетающими его влияниями, так как могут не опасаться, что все их успехи в общественно-политической сфере будут разбиты неумолимыми и не поддающимися никакой политике законами промышленного прогресса».[4]

Всю свою книгу Воронцов посвятил доказательству невозможности дальнейшего развития капитализма в России. Он утверждал, что крупное капиталистическое производство после реформы 1861 г. «толклось на одном месте» и в результате фабрично-заводская промышленность в России «близка к абсолютному упадку».[5] Капитализм в России, разоряя народ, в то же время не потребовал, по его мнению, привлечения больших масс наемных рабочих, поскольку развивался больше путем поднятия производительности труда, интенсивно, а не экстенсивно.[6]

Одним из главных препятствий развитию капитализма являлось — в представлении народнических экономистов — прогрессирующее сокращение внутреннего рынка. Что касается России, то там он был, по их мнению, особенно узок из-за низкой покупательной способности разоряемого крестьянства, а внешние рынки уже успели захватить более развитые страны.[7] Русское машиностроение, например, по словам Воронцова, существовало до сих пор лишь благодаря заказам на строительство железных дорог или жило только «милостями

---

[4] В. В. [В. П. Воронцов]. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882, стр. 4—5.

[5] Там же, стр. 29.

[6] Там же, стр. 29, 31.

[7] Там же, стр. 14, 15, 20, 49, 50; Николай —он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893, стр. 323, 324, 340, 341.

правительства».[8] «Итак, идя капиталистическим путем, мы не создадим у себя высокоразвитой механической промышленности», — таков был его вывод.[9]

Другой видный народнический экономист Н. Ф. Даниельсон (псевдоним «Николай — он») признавал в отличие от Воронцова успехи капиталистического промышленного производства в России. Даниельсон правильно отметил, что отделение средств производства от непосредственных производителей создает внутренний рынок для капитализма. Но и он считал, что товарное производство в конечном итоге обречено, поскольку капитализм по мере развития, разоряя крестьянина, сокращает «тот внутренний рынок, которым он только и держится», «пределы развития капитализма ставятся им же самим».[10]

Народники признавали, что обобществление производства, ведение его в крупных размерах прогрессивно. Но они не понимали, что в России нет другой силы, помимо капитализма, способной совершить этот процесс. «Мы должны отвергнуть... необходимость для каждой страны достигнуть развития общественной формы труда непременно *капиталистическим путем*»,[11] — писал Воронцов. В том же духе высказывался и Даниельсон: «Вопрос, который нам предстояло решить, заключался в том, каким образом нам следует развить свою собственную промышленность до того высокого уровня, на котором она находится в Западной Европе... А мы отождествили понятие о крупной современной промышленности с понятием о капиталистической форме ее».[12]

Искажая учение Маркса об общественно-экономических формациях, народнические публицисты утверждали, что «историческая схема» автора «Капитала» отдает слишком большую дань пустой гегелевской диалектике и пользуется ее категориями для предсказания будущих форм человеческого прогресса. Особенно в этом отношении постарался Н. К. Михайловский. Он утверждал, что «знаменитая триада» Гегеля — по-

---

[8] В. В. [В. П. Воронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 35, 37.

[9] Там же, стр. 63. Советские историки много занимаются вопросом о роли государства в деле развития в России капиталистической промышленности, находя эту роль весьма значительной. Но это, по их мнению, не имеет ничего общего с представлениями народников об искусственном насаждении капитализма. См., например: И. Ф. Гиндин. Об экономической политике царского правительства в 60-80-х годах XIX века. «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 65.

[10] Николай — он. Очерки..., стр. 323.

[11] В. В. [В. П. Воронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 21.

[12] Николай— он. Очерки..., стр. 330.

ложение, отрицание и синтез — лежит в основе доказательств Маркса и Энгельса о развитии общества.[13] «Обобществленный на развалинах капитализма пролетариат... держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи».[14] Неверно истолковывая взгляды русских марксистов, Михайловский безосновательно заявлял, будто бы их мнение о неизбежности капитализма в России основано не на изучении российской действительности, а на механическом перенесении в Россию марксовой схемы. «Истина», по его словам, якобы «состоит в том, что по имманентным законам исторической необходимости, открытым теорией экономического материализма, Россия разовьет свое капиталистическое производство со всеми его внутренними противоречиями, с поеданием малых капиталов крупными, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария, объединится, „обобществится", и дело будет в шляпе, которую только и останется надеть на голову осчастливленному человечеству». Русские марксисты, утверждал Михайловский, «веруя и исповедуя непреложность абстрактной исторической схемы... уверены в повторении на русской почве европейской истории».[15]

На долю В. И. Ленина выпала, таким образом, задача громадной теоретической и практической важности — доказать на фактах русской экономической жизни капиталистический характер промышленности и сельского хозяйства России и показать тем самым, что путь освобождения народа от всяких форм эксплуатации и политического порабощения лежит не иначе как через развитие капитализма и порождаемой им классовой борьбы. Работы Ленина 90-х годов убедительно опровергли экономические взгляды народников и сыграли исключительную роль в деле распространения марксизма в России.

Отвечая Михайловскому, Ленин писал, что «ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России „должен быть" капитализм, „потому что" он был на Западе».[16] Михайловский не постеснялся предъявить «шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса».[17] Михайловский, по словам Ленина, опустил все фактическое содержание теории Маркса и свел ее всю

---

[13] Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. «Русское богатство», 1894, № 2, стр. 150—151.
[14] Там же, стр. 166.
[15] Там же, № 1, стр. 119, 120.
[16] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 195.
[17] Там же, стр. 163.

к одному слову «необходимость».[18] Напомнив сущность взглядов Маркса на развитие общества как на естественноисторический процесс, Ленин показал, что Михайловский, являясь субъективным социологом, оказался не в состоянии объяснить действительную общественную эволюцию. Вместо этого он дал «утопию, сочиненную из бессмысленнейшего выдергивания отдельных элементов из разных общественных формаций», желая «„взять“ хорошее оттуда-то да еще оттуда».[19]

Разбирая экономические доводы легальных народников 90-х годов, Ленин подробно остановился на вопросе о рынках, написав по этому поводу осенью 1893 г. специальную работу в форме реферата, посвященного разбору доклада Г. Б. Красина на собрании петербургского марксистского кружка «стариков». Хотя реферат Ленина остался тогда неопубликованным, он был хорошо известен в социал-демократических кружках Петербурга и других городов.

«...соображение об отсутствии рынка является одним из главнейших доводов против применимости теории Маркса к России», — писал Ленин.[20] Далее В. И. Ленин, опираясь на сочинения Маркса, убедительно показал ошибочность взглядов народников, доказав, что «разрешение „вопроса о рынках“ лежит... в факте разложения крестьянства».[21] Народнические экономисты, по словам Ленина, видели только обеднение, обнищание крестьянства, не замечая или не придавая значения расслоению крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат.[22] Этому народническому положению Ленин противопоставил марксистское понимание проблемы: «...те самые факты, которые для субъективного социолога представляются так, что крестьяне „обеднели“, а „охотники“ да „живоглоты“ „учли прибыли в свою пользу“, — с точки зрения материалиста представляются буржуазным разложением товаропроизводителей, разложением, необходимо вызываемым силою самого товарного хозяйства».[23] Анализ крестьянских бюджетов, произведенный Лениным в работе «Что такое „друзья народа“», доказал, что *«разложение крестьянства создает внутренний рынок»*.[24] «Пределы развитию рынка» в капиталистическом обществе ставятся только «пределами специализации общест-

---

[18] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 157.

[19] Там же, стр. 193, 191.

[20] В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 71.

[21] Там же, стр. 105.

[22] Там же, стр. 110.

[23] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 237.

[24] Там же, стр. 233.

венного труда. А специализация эта, по самому существу своему, бесконечна — точно так же, как и развитие техники».[25] Ошибочные взгляды народников на роль внутреннего и внешнего рынков в развитии капитализма восходили к учению видного швейцарского экономиста, родоначальника экономического романтизма Сисмонди. В 1897 г. Ленин посвятил критике политической экономии Сисмонди специальную работу, подчеркнув общность воззрений Сисмонди и теоретиков мелкобуржуазного народничества в России.[26]

Желая доказать, что капитализм в России не имеет будущности, теоретики народничества указывали на сравнительно незначительное число фабрично-заводских рабочих, терявшихся в многомиллионной массе крестьянства. «Нашли самобытные истолкователи Маркса», говорил по этому поводу Ленин, перетолковали его положение об обобществлении труда при капитализме таким образом, что свели его к работе в одном помещении, и вследствие этого измеряли степень прогрессивной работы капитализма числом фабрично-заводского пролетариата.[27] Критикуя статью Даниельсона из № 6 «Русского богатства» за 1894 г., Ленин показал, что сводить объединяющее значение капитализма к числу фабрично-заводских рабочих — «значит до невозможности суживать идею Маркса».[28] Прогрессивная «миссия» капитализма «выполняется развитием капитализма и обобществления труда вообще, созданием пролетариата вообще, — по отношению к которому фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда».[29]

Народники ограничивали область распространения капитализма в России только крупной промышленностью, игнорируя капиталистическую организацию кустарных промыслов.[30] Не подвергая анализу производственных отношений, существовавших внутри этих промыслов, народнические экономисты усматривали причину угнетения труда кустарей только в правительственной политике (аграрной, платежной и т. д.). Кустарные промыслы объявлялись «народной промышленностью», не имеющей ничего общего с капитализмом.[31] Народнические публицисты ратовали за «развитие настоящей народной про-

---

[25] В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках, стр. 95.

[26] В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 126, 128, 136, 140.

[27] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 323.

[28] Там же, стр. 329.

[29] Там же, стр. 328.

[30] Там же, стр. 213.

[31] Там же, стр. 222, 330.

мышленности»,[32] сожалели, что «наша народная промышленность» «принесена в жертву» капиталистической,[33] выражали надежду «повернуть весь процесс развития общественной формы труда на народный путь, на путь артелей».[34]

«Получалась непримиримая противоположность, несоответствие, — писал Ленин, — оказывалось непонятным, откуда мог вырасти этот крупный капитализм, — когда в производственных отношениях (которые и не рассматривались!) кустарных промыслов нет ничего капиталистического. Вывод естественный: не понимая связи кустарной и капиталистической промышленности, противополагают первую последней, как „народную" — „искусственной". Появляется идея о противоречии капитализма нашему „народному строю", — идея, имеющая такое широкое распространение и недавно еще в подновленном и улучшенном издании преподнесенная русской публике г. Николаем — оном».[35]

Н. Даниельсон «обвинял» русский капитализм в невыполнении «исторической миссии» — разрушая общину, он в то же время, по его мнению, не обобществлял в должной мере труд. Уже одно это служило Даниельсону основанием для призыва к поискам иного пути, отличного от западного. Народники, говорил по этому поводу Ленин, смотрели на капитализм «с точки зрения департаментского чиновника» — «если исполняет „миссию" — можно пустить, если не исполняет — „не пущай"».[36]

Ленин разоблачил «ходячие упреки» народников против русских марксистов в том, что они «предпочитают» пролетария самостоятельному крестьянину и «сочувствуют» его обезземеливанию. Ленин отвечал на это, что самостоятельный крестьянин при капитализме — «слащавая народническая сказка».[37] Русские марксисты, и прежде всего Ленин, опровергали народнические мечты «о выборе пути без буржуазии ссылкой на *факт* господства буржуазии».[38] Задача русских марксистов состояла в том, чтобы собрать как можно больше фактических доказательств этого господства. Еще в 1894 г. Ленин указывал, что теоретическая работа социалистической интеллигенции

---

[32] С. Кривенко. Письма с дороги. «Русское богатство», 1894, № 1, стр. 168.
[33] Николай —он. Очерки. . ., стр. 331.
[34] В. В. [В. П. Воронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 73.
[35] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа». . ., стр. 218—219.
[36] Там же, стр. 322.
[37] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества. . ., стр. 394—395.
[38] Там же, стр. 404.

должна быть направлена «на *конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России»,* она «должна *дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие».*[39]

Экономические работы Ленина, Плеханова и некоторых других русских социал-демократов 90-х годов в значительной степени подорвали влияние народнических идей среди демократической интеллигенции. Однако задача полного разгрома народнической теории о самобытности была выполнена лишь с появлением книги Ленина «Развитие капитализма в России», написанной в ссылке и вышедшей отдельным изданием в 1899 г. Если в более ранних работах Ленин приводил для доказательства своих положений о капитализме в России лишь выборочные конкретные данные об экономике страны, то в «Развитии капитализма в России» им была учтена и переработана вся имевшаяся к тому времени совокупность статистических сведений, относящихся к изучаемому вопросу. На громадном фактическом материале Ленин показал идущий быстрыми темпами процесс разложения крестьянства, развитие капиталистических отношений в деревне и городе и складывающийся на этой основе внутренний рынок. С появлением книги Ленина русские марксисты получили сильнейшее оружие для борьбы с народническими доктринами. Экономический анализ, произведенный Лениным, послужил твердым фундаментом для обоснования марксистского взгляда на классовую структуру российского пореформенного общества и выделения особой революционной роли рабочего класса.

Не признавая неизбежности установления капиталистического строя в России, легальные народники 90-х годов разработали целую систему мероприятий, долженствующую, по их убеждению, способствовать упрочению «народной промышленности» и поставить необходимые заслоны на пути капитализма.

Роль такого заслона отводилась в первую очередь общине, которая должна была, по мысли народнических экономистов, воспрепятствовать обезземеливанию крестьян. «Момент потери хозяйственной самостоятельности» представлялся им самым опасным не только в личной жизни данного крестьянина, «но и в смысле государственном». «С этого момента крестьянин выходит на капиталистическую стезю».[40] Чтобы удер-

---

[39] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 307.
[40] С. Кривенко. Письма с дороги, стр. 160.

жать крестьян от этого рокового шага, народники не останавливались перед одобрением административного вмешательства в крестьянскую жизнь, если только оно, по их мнению, вело к укреплению общины. Так, они приветствовали закон о неотчуждаемости наделов. «Можно будет только пожалеть, если такая мера окажется неполной и недостаточной», — писал один из наиболее часто упоминаемых Лениным в работе «Что такое „друзья народа"» народнический публицист С. Кривенко.[41]

Особенно приветствовались народниками так называемые земледельческие артели, так как они давали, по их словам, «возможность соединить общинное землевладение с крупной земледельческой культурой».[42] Община, утверждали народники, могла бы «заменить капиталиста» и выполнить вместо него функцию обобществления производства как в сельском хозяйстве, так и в кустарных промыслах. И тогда бы «земледелие не было бы отделено от обрабатываемой промышленности; производитель — от средств производства; наука и техника могли бы найти полное приложение к земледелию и промышленности».[43] Отдельные эксперименты с сельскохозяйственными артелями усиленно рекламировались и объявлялись достойными всяческого подражания.

Народники не понимали, что «обобществление труда помимо капитализма, через общину, — есть воображаемый строй».[44] Но если «община, перешедшая к общественной запашке», представляла для них пока что идеал будущего, то они, как практики, не пренебрегали и самыми мелкими шагами, ведущими, как им казалось, в том же направлении. «Друзья народа» умилялись, расписывая различные технические улучшения, применявшиеся отдельными крестьянами при обработке земли. В. П. Воронцов посвятил этому даже специальную книгу «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (1892). От внимания народнических публицистов ускользало, однако, то немаловажное обстоятельство, что подобные технические прогрессы были доступны только зажиточному слою сельских хозяев. Деятельность подобных хозяйчиков производила на «друзей народа» общее «бодрящее» впечатление. «Бодрящее потому, что этот народ, обедневший, задолжавший, в значительной части обезлошадевший, не

---

[41] С. Кривенко. Письма с дороги, стр. 162—163.

[42] Н. Карышев. Народнохозяйственные наброски. «Русское богатство», 1893, № 11, стр. 54.

[43] С. Южаков. Вопросы экономического развития в России. «Русское богатство», 1893, № 12, стр. 187.

[44] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 337.

покладает рук, не предается отчаянию, не меняет занятия, а остается верным земле, понимая, что в ней, в надлежащем обращении с ней его будущее, его сила, его богатство. Лихорадочно ищет он способов этого надлежащего обращения, ищет новых путей, приемов обработки, семян, орудий, удобрения, всего, что помогло бы оплодотворить его кормилицу землю, которая воздаст ему за это рано или поздно сторицею».[45] Орган легального народничества журнал «Русское богатство» обращался с упреком к интеллигентному обществу: «Где наша помощь этому стремлению мужика поднять свое хозяйство?»; «Мужик хочет примера — где наши опытные поля, образцовые хозяйства? Мужик ищет печатного слова — где наша популярная агрономическая литература?»; «Мужик ищет удобрения, орудий, семян — где у нас земские склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространения?»; «Где же вы, деятели, деятели частные и земские?».[46] «Трудно представить себе более наглядное доказательство крайнего опошления этих „демократов", — как это умиление техническими прогрессами в „крестьянстве" и закрывание глаз на массовую экспроприацию того же „крестьянства"», — писал Ленин по поводу литературных упражнений «г-на Карышева».[47]

Не все легальные народники 90-х годов одинаково восторженно оценивали технические и иные «прогрессы» в крестьянском хозяйстве. В отличие от Воронцова и Карышева Н. Даниельсон более критически подходил к оценке мелких либеральных усилий, предлагавшихся со страниц «Русского богатства» и других народнических изданий. Так, он очень трезво отнесся к предложениям о дешевом кредите для крестьян. Дешевый кредит при помощи Крестьянского поземельного банка должен был, по мнению Карышева, служить подспорьем для общины и отдельных крестьян, средством для расширения крестьянского общинного землевладения.[48] Совсем иное можно прочесть у Даниельсона. «Кредит, будучи основан на товарном производстве, — писал он в своей книге, — если чему он служит, так это развитию кулаков во всех видах, но никак не может служить производителю, будь этот производитель единичным лицом или общиной, все равно. Поэтому все проекты, стремящиеся улучшить материальное положение производителя, основанные на кредите, не только не могут

---

[45] Н. Карышев. Народнохозяйственные наброски. «Русское богатство», 1894, № 2, стр. 19.

[46] Там же.

[47] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 259—260.

[48] «Русское богатство», 1894, № 3, стр. 11—12.

улучшить этого положения, но совсем напротив, улучшая положение немногих, ухудшают — большинства». «...крестьянский хлебный банк... в состоянии только облегчить процесс капиталистического обращения».[49] За подобные суждения Даниельсон подвергался критическому обстрелу из своего же народнического лагеря.[50]

В. И. Ленин выделял Н. Ф. Даниельсона из числа других народнических экономистов: «Ник. — он совершенно прав, конечно, — и это одно из наиболее ценных его положений, против которого не могли не протестовать „друзья народа“, — что никакими реформами на почве современных порядков помочь делу нельзя, что и кредит, и переселения, и податные реформы, и переход в руки крестьян всей земли, — ничего существенно не изменят, а напротив — должны усилить и развить капиталистическое хозяйство...».[51] Но, несмотря на более глубокое понимание пореформенного экономического развития России, несмотря на признание, что капиталистическое течение «видимо пересиливает»,[52] Даниельсон не вышел из рамок обычных народнических взглядов на реакционность капитализма сравнительно с «народным производством». Даниельсон, как и другие народники, совершенно не понимал классовой борьбы, присущей капиталистическому обществу. В этом, по определению Ленина, заключалась «*коренная ошибка* г. Ник.—она. Исправления одной этой ошибки достаточно было бы для того, чтобы даже из его теоретических положений и исследований необходимо следовали социал-демократические выводы».[53] Но этого шага Даниельсон не сделал.

Непримиримое отношение революционеров 60-х и 70-х годов к либеральным реформам, стремление, пусть и не осознанное теоретически, к коренным изменениям в социально-экономическом строе сменилось у большинства легальных народников в 90-х годах удовлетворенностью либеральными мероприятиями на почве уже сложившегося буржуазного общества.[54] Они, естественно, объективно были направлены не на уничтожение, а на смягчение эксплуатации.[55] Артели, кредиты, улучшения в сельскохозяйственной технике являлись либо жалкими паллиативами, либо могли оказать помощь

---

[49] Николай —он. Очерки..., стр. 76, 77.

[50] С. Южаков. Вопросы экономического развития в России, стр. 195.

[51] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 243.

[52] Николай —он. Очерки..., стр. 71.

[53] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 320.

[54] Там же, стр. 252, 282.

[55] Там же, стр. 250.

только зажиточному крестьянину, либо, такие как прикрепление к наделу во имя сохранения общины, были явно реакционными.[56]

В. И. Ленин выступал против легальных народников, разоблачая их мелкобуржуазную сущность, прежде всего потому, что они претендовали на звание истинных социалистов, затрудняя этим распространение марксизма в России и нанося вред развитию рабочего движения. Если представительство интересов всего крестьянства ставилось Лениным в заслугу революционному народничеству 70-х годов, то в новых условиях, когда в деревне полным ходом шел процесс расслоения, а в городе пролетариат уже заявил о себе как о единственном до конца революционном борце против капитализма, стремление легальных народников выставить себя защитниками всех трудящихся оценивалось совершенно иначе. Ленин подчеркивал, что мелкобуржуазные теории легальных народников «являются **безусловно** реакционными, **поскольку** они выступают в качестве социалистических теорий».[57]

Но если рассматривать легальных народников только как идеологов мелкой буржуазии, чем они в сущности и являлись, тогда вопрос об отношении к ним социал-демократов зависел от решения более общей проблемы — «*как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?*».[58]

Отвечая на это, Ленин указывал на двойственность мелкой буржуазии в России: с одной стороны, она выступала против остатков крепостничества и тем самым облегчала победное шествие капитализма; с другой — стремясь увековечить мелкобуржуазный характер своего хозяйства, она препятствовала дальнейшему развитию страны в буржуазном направлении. Отсюда вытекал и двойственный характер практической программы легальных народников. Такие требования, как неотчуждаемость наделов, стремление затруднить крестьянам выход из общины, хотя и представлялись идущими на пользу «мужику», являлись безусловно реакционными, так как объективно задерживали ход общественного прогресса. В то же время дешевые кредиты, улучшение сельскохозяйственной техники, упорядочение сбыта сельскохозяйственной продукции и тому подобные меры, рассматриваемые не как социалистические, а как буржуазно-демократические, заслуживали, по мнению Ленина, поддержки со стороны социал-демократов, ибо «они не задержат, а ускорят экономи-

[56] Там же, стр. 221, 248, 249, 284.
[57] Там же, стр. 298.
[58] Там же.

ческое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие».[59]

В оценке Лениным демократической части программы легальных народников есть и еще одна сторона, на которую следует обратить внимание.

Ленин неоднократно и в разные годы указывал на сближение мелких демократических реформ, предлагавшихся легальными народниками, с либерально-буржуазным реформизмом.[60] Сравнивая отношение к реформам со стороны народников и социал-демократов, он писал, что последние не отрицают абсолютно частных реформ, но мотивируют свою поддержку их желанием ускорить развитие капиталистического строя «и, следовательно, финал его».[61] Напротив, «настаивание на мелких, мещанских реформах в связи с абсолютным непониманием классовой борьбы» объективно ставило легальных народников на сторону либералов, и не помышлявших о борьбе с капитализмом.[62] «Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок *существующего* буржуазного общества».[63]

Но у Ленина есть и иные сопоставления демократических программ легальных народников и представителей русской либеральной буржуазии. В 1895 г. в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин, перечисляя пункты народнической программы, способствующие развитию капитализма, ставил вопрос: «Кто вернее и лучше указывает подобные, безусловно желательные, меры, — народники ли или публицисты á la г. А. Скворцов, который тоже распинается за технический прогресс...». «Мне кажется, — отвечал Ленин, — что с марксистской точки зрения нельзя сомневаться в абсолютной предпочтительности народни-

---

[59] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества.., стр. 530.
[60] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 283, 295.
[61] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества.., стр. 385.
[62] Там же, стр. 378.
[63] В. И. Ленин. Народничествующая буржуазия и растерянное народничество, стр. 77.

чества *в этом отношении*... Народники неизмеримо правильнее понимают и представляют *в этом отношении* интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше».[64]

Сопоставляя эти высказывания Ленина с теми, в которых он говорит о сближении легального народничества с либерализмом, об «опошлении» народниками 90-х годов боевого, последовательного демократизма своих предшественников, можно сделать вывод о том, что Ленин, несмотря на резкие, подчас уничтожающе язвительные отзывы о куцем демократизме «друзей народа», все же не отождествлял либеральных народников с либералами. В противоположность П. Б. Струве, который доказывал «„рациональность“, прогрессивность, „разумность“ и т. п. либеральной, т. е. буржуазной, политики по сравнению с политикой народнической»,[65] В. И. Ленин, сравнивая в 90-х годах в экономическом плане две разновидности буржуазного демократизма — либерально-буржуазный и либерально-народнический — отдавал предпочтение демократизму народническому, считая его более отвечающим задаче уничтожения остатков крепостничества, нежели предполагающие административно-полицейское вмешательство в крестьянскую жизнь «мероприятия гг. Скворцовых».[66] Разумеется, такую оценку Ленин давал только той части экономических взглядов народников, которая не противоречила поступательному ходу развития страны.

Что касается общих взглядов народников, то Ленин, анализируя их эволюцию на протяжении примерно трех десятков лет, показал, как «из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, „улучшить“ положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*».[67] В политическом плане борьба народовольцев с правительством «во имя социализма» все более превращалась в борьбу «радикалов за политическую свободу». «Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно», — писал Ленин.[68] Известно, однако, что за политическую свободу, не посягая при этом на капиталистический

---

[64] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества.., стр. 530—531.

[65] Там же, стр. 527.

[66] Там же, стр. 531.

[67] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 272.

[68] Там же, стр. 286.

строй, можно выступать и с либеральных, и с революционных позиций. «Друзья народа», писал Ленин в 1894 г., «своей тактикой наглядно показали, что при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства, — от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг».[69]

Политический радикализм явно выступает здесь синонимом революционности. Возникает вопрос: обязателен ли был такой шаг, неизбежно ли было вместе с перерождением крестьянского социализма в мелкобуржуазный превращение революционности народников 70-х годов в либерально-народнический политический оппортунизм?

Характеризуя политическую программу легальных народников как «самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма», «пошлый мещанский радикализм»[70] и т. п., Ленин, на наш взгляд, имел в виду прежде всего усилившееся проявление буржуазной классовой сущности политических взглядов народничества. Именно в этом смысле была неизбежна, вместе с развитием капитализма в России, эволюция политической программы крестьянского социализма в «радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства».[71] Но характер этого «представительства», очевидно, мог колебаться, как показала действительность последующих лет, в широких пределах — «от самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим».[72]

Либеральные народники 90-х годов принадлежали к умеренному крылу мелкобуржуазной демократии. В своих сочинениях они не делали даже намеков на необходимость революционной борьбы за освобождение трудящихся. Вместо этого их статьи и книги пестрели призывами к «обществу», «государству» и даже к существующему самодержавному правительству провести те или иные необходимые меры для поддержки крестьянского хозяйства, общины, кустарных промыслов и т. д. Особенно рельефно политический оппортунизм легальных народников проявлялся в их отношении к реформам 60-х годов. Ленин противопоставлял революционные отзывы о крестьянской реформе Чернышевского славословию

---

[69] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 265.
[70] Там же, стр. 272, 303.
[71] Там же, стр. 286.
[72] В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 180.

«друзей народа».[73] Основной смысл реформы 1861 г. они усматривали в наделении крестьян землей и предоставлении самоуправления общине, что, по их мнению, являлось залогом дальнейшего развития по пути народного производства. «По мысли законодателя, — писал Даниельсон, — выраженной в манифесте 19-го февраля 1861 года, приложение труда к земле постоянного пользования должно было стать залогом „домашнего благополучия и блага общественного"».[74] По словам Южакова, «избавление России от пролетариата и плутократии открыто ставилось во главу реформы».[75] Россия благодаря правильным «началам», заложенным, «по мысли законодателя», в крестьянскую реформу, пошла бы по своему, некапиталистическому пути, если бы в практическое осуществление реформы не «вкрались важные дефекты»,[76] если бы в противовес «началам» «вся пореформенная государственно-хозяйственная деятельность» не способствовала бы развитию капитализма.[77] Исправить сложившееся положение предстоит «русскому обществу», и с этим надо спешить, ибо «с каждым днем захваты капитализма становятся обширнее».[78] Непонимание классового характера государства и неизбежности классовой борьбы в современном им обществе делало легальных народников реакционерами[79] постольку, «поскольку, — по словам Ленина, — они ждут не частичных улучшений, а перемены пути от „общества" и от воздействия представителей бюрократии».[80]

Конечно, не все легальные народники в равной степени уповали на государство и общество. Ленин, ставя своей задачей борьбу против народнических идей вообще, естественно, выделял и подвергал критике общие всем народникам воззрения. Но он счел нужным указать и на наличие различных направлений в легальном народничестве. Нельзя не повторить здесь следующих слов Ленина, уже приводившихся в другой связи в настоящем издании: «В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежи-

---

[73] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 292.

[74] Николай —он. Очерки..., стр. 64.

[75] С. Южаков. Вопросы экономического развития в России, стр. 187.

[76] Там же, стр. 192.

[77] Николай —он. Очерки..., стр. 71.

[78] Там же, стр. 343.

[79] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 296.

[80] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 530.

тельностью относившиеся ко многим заветам „наследства", и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника)».[81] Определяя фланги легального народничества, Ленин в качестве примера помещал на крайнем правом Юзова, Сазонова, Воронцова. Михайловский, несмотря на то что он «гораздо чаще и гораздо больше был с В. В. солидарен», нежели выступал против него,[82] ставился Лениным на левый фланг.[83] Эти замечания Ленина имеют большое значение при изучении легального народничества 80—90-х годов, напоминая о необходимости дифференцированного подхода к отдельным его представителям.

Сравнивая взгляды революционных и легальных народников, Ленин говорил о процессе перерождения старого русского крестьянского социализма в мелкобуржуазный, мещанский.[84]

Крестьянский социализм отражал определенную стадию экономического развития России, когда капитализм «был еще весьма слабо развит», а «мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился».[85] Это делало революционных народников выразителями интересов всего трудящегося крестьянства, еще мало затронутого процессом расслоения на классы. Ленин называл революционных народников идеологами трудящихся, идеологами крестьянства, непосредственных производителей.[86] Народников-революционеров отличала твердая вера в особый уклад русской жизни, в возможность крестьянской социалистической революции.[87] Крестьянскому социализму было присуще чувство антагонистичности современного ему общества и стремление революционным путем преодолеть эту антагонистичность, уничтожить всякую эксплуатацию. Это чувство антагонистичности являлось, по мнению Ленина, той единственной чертой, которая делала крестьянский социализм прогрессивным (с точки зрения пролетариата), несмотря на

---

[81] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 545—546.

[82] В. И. Ленин. Замечания к статье Рязанова «Две правды». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 402. См. также: В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 546.

[83] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 522, 529.

[84] В. И. Ленин. 1) Экономическое содержание народничества..., стр. 413; 2) Что такое «друзья народа»..., стр. 272.

[85] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 413.

[86] Там же, стр. 428, 442.

[87] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 271.

его утопичность.[88] Именно это позволяло Ленину называть воззрения революционных народников социалистическими, указывать на то общее, что сближало утопический и научный социализм.[89]

В отличие от крестьянского мелкобуржуазный социализм утратил это чувство антагонистичности,[90] несмотря на то что классовые противоречия как в русском обществе в целом, так и внутри крестьянства проявились к 90-м годам уже вполне отчетливо.

Называя превращение крестьянского социализма в мелкобуржуазный перерождением, вырождением и т. п., Ленин подчеркивал закономерность такой эволюции и связывал ее с процессом экономического развития России по капиталистическому пути, с расслоением крестьянства. «... деревня давно уже совершенно раскололась, — писал Ленин. — Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм».[91]

Несомненно, что перерождение крестьянского социализма в мелкобуржуазный зависело от изменений, происходивших в крестьянстве. Но Ленин все же не соединял столь категорично мелкобуржуазный социализм с *окончательным* расслоением российской деревни. Не говоря уже о 1907 г., когда он указал на ошибку социал-демократов, верно определивших направление развития, но преувеличивавших накануне революции степень развития капитализма в деревне,[92] еще в 1899 г. он писал, что, хотя разложение крестьянства идет «с громадной силой», процесс этот «еще далеко не закончился».[93]

Независимо от степени расслоения крестьянства большое значение в процессе эволюции крестьянского социализма в мелкобуржуазный имел факт постепенного обуржуазивания мелкого самостоятельного некулацкого крестьянского хозяйства, не прибегающего пока еще к наемному труду. «Народники, — писал Ленин, — рассуждая о некапиталистической, будто бы, организации нашего земледелия, ставят вопрос безобразно узко и неправильно, сводя все к вытеснению мел-

---

[88] Там же, стр. 293—294.

[89] Там же, стр. 281.

[90] Там же, стр. 294; В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 413—414.

[91] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 272.

[92] В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 268—269.

[93] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 227.

ких хозяйств крупными, и только... при таком рассуждении они упускают из виду общий характер земледельческого производства, который может быть (и действительно является у нас) буржуазным и при мелком производстве, как является буржуазным хозяйство западноевропейских крестьян».[94] Отмечая неоднократно, что легальные народники 90-х годов выражали интересы крестьянина, ставшего более или менее зажиточным мелким буржуа,[95] Ленин вместе с тем относил к мелкой буржуазии «всякого мелкого земледельца в обществе развивающегося товарного хозяйства».[96]

Мелкобуржуазный социализм, в понимании Ленина, стал, таким образом, в конце XIX в. идеологией всего мелкого крестьянства, кроме той его части, которая уже превратилась в особую разновидность сельского пролетариата, так называемых наемных рабочих с наделом.

В эпоху Чернышевского, отражая неразвитость антагонистических противоречий нового капиталистического строя, «демократизм и социализм» в освободительном движении и в революционной общественной мысли «сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое».[97] Ленин имел в виду, конечно, утопический крестьянский социализм. В то время русские социалисты верили, что одним ударом крестьянская революция решит все политические и социальные вопросы. Они не сознавали глубокого принципиального различия демократического и социалистического этапов освободительного движения. Но с развитием капитализма задачи буржуазно-демократического развития страны выступили на первый план. Рост пролетариата, усилившееся рабочее движение послужили основой для распространения в России марксизма и появления социал-демократии, выдвинувшей и научно обосновавшей необходимость разделения программы-максимум и программы-минимум. В новых условиях Ленин доказал, что уже в середине 90-х годов не было «уже решительно никакой почвы для той идеи... будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов». Пора слияния демократизма и социализма «безвозвратно ка-

---

[94] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 450.

[95] В. И. Ленин. 1) Что такое «друзья народа»..., стр. 254, 283, 285; 2) Экономическое содержание народничества..., стр. 428.

[96] В. И. Ленин. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 46. См. также: В. И. Ленин. 1) Что такое «друзья народа»..., стр. 238; 2) Экономическое содержание народничества..., стр. 355, 413.

[97] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 280.

нула в вечность», и русским социалистам, по мнению Ленина, «давно бы пора понять... **НЕИЗБЕЖНОСТЬ И НАСТОЯТЕЛЬНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛНОГО И ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЫВА** с идеями демократов».[98]

Говоря о необходимости разрыва с идеями демократов, Ленин имел в виду обязательность теоретического размежевания социализма и демократизма в эпоху, когда «наши демократы глубоко обуржуазились».[99] В то же время Ленин предупреждал, что социал-демократы не должны забывать о «громадной важности **ДЕМОКРАТИЗМА**».[100] Их прямая обязанность, указывал он, бороться «рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений»,[101] разъясняя, однако, при этом рабочим антагонистический характер общественных отношений в России.[102]

В обстановке ожесточенной идейной борьбы между социал-демократами и народниками Ленин со всей резкостью поставил вопрос и о разрыве с квазисоциалистическим прикрытием мелкобуржуазного демократизма. Различая в ряде случаев крестьянский и мелкобуржуазный социализм, характеризуя первый как утопическое, но сравнительно цельное и стройное учение, а второй как эклектическое опошление первого, Ленин одновременно счел нужным подчеркнуть и общность основополагающих идей того и другого. Крестьянский социализм в зародыше нес в себе все черты мелкобуржуазного и в этом смысле тоже может быть назван мелкобуржуазным. У Ленина встречаются выражения, где он ставит знак равенства между крестьянским и мелкобуржуазным социализмом, говоря, например, применительно к 70-м годам о наивных иллюзиях «мещанского социализма», «о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма *вообще*».[103] Ленину важно было не только разоблачить «опошление» и «вырождение» революционного народничества, произведенное легальными народниками, но и доказать теоретическую несостоятельность коренных идей крестьянского социализма. Поэтому, имея в виду «друзей народа», он подчеркивал, что «везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше — общим и основным положе-

---

98 Там же.
99 Там же, стр. 292.
100 Там же, стр. 300.
101 Там же, стр. 301.
102 Там же, стр. 303.
103 Там же, стр. 296, 297.

ниям старого русского социализма».[104] Ленин убедительно показал, что не только народники 90-х годов, но и их предшественники не понимали ни обстановки товарного хозяйства, в которой жил мелкий производитель в России, ни его разложения на этой почве; они неверно усматривали угнетение труда в кустарных промыслах не в производственных отношениях, а в правительственной политике; чувствуя антагонистичность русского общества, все же не понимали классового антагонизма внутри крестьянства, и т. д.[105]

Концентрированную характеристику народнического социализма Ленин дал в написанной в конце 1897 г. статье «От какого наследства мы отказываемся?». Ленин, как уже указывалось (см. стр. 142), выделил три черты, присущие народническому мировоззрению: «1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом*... 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности... 3) Игнорирование связи „интеллигенции“ и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов*».[106] Статья тесно примыкает к работам Ленина 90-х годов, направленных против легального народничества, и в определенной степени, как и книга «Развитие капитализма в России», подводит итоги ленинским взглядам этого периода на народничество вообще. Несомненно, что приведенное выше определение понятия «народничество» имеет прямое отношение не только к мелкобуржуазному, но и к так называемому крестьянскому социализму.

* * *

Хотя 90-е годы отмечены преобладанием умеренного, легального народничества, все же и в это время существовали различные левые народнические группы; революционная линия в народничестве полностью не прерывалась.

Голод 1891—1892 гг. и эпидемия холеры всколыхнули деревню и создали почву для некоторого оживления революционных народнических настроений среди демократической интеллигенции. В 1891 г. в Петербурге образовалась так называемая «Группа народовольцев», а в Киеве «Южнорусская группа народовольцев». В первой половине 90-х годов рево-

---

[104] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 297.
[105] Там же, стр. 218, 238, 262.
[106] В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 528—529.

люционные народнические кружки возникли также в Москве, Харькове, Саратове, Орле и ряде других городов.

Оживилась деятельность и революционных эмигрантов. В Цюрихе был организован кружок, принявший сугубо террористическое направление; в Берне Х. Житловский возглавил «Союз русских социалистов-революционеров». В 1894—1895 гг. «Союз» издал два номера газеты «Русский рабочий». В Лондоне С. Степняк-Кравчинский, Л. Шишко, Ф. Волховский и ряд других лиц основали «Фонд вольной русской прессы», ставивший своей целью издание и распространение в России нелегальной литературы. В Париже П. Лавров, М. Ошанина, Н. Русанов, И. Рубанович и другие образовали «Группу старых народовольцев». В 1893—1896 гг. под редакцией Лаврова и Русанова вышло семь выпусков сборника «Материалы для истории русского социально-революционного движения».

Большинство названных революционных организаций пыталось возродить в интеллигенции народовольческие традиции, но всем им было далеко до того влияния и авторитета, каким пользовалась в свое время «Народная воля». Кроме того, хотя большинство неонароднических групп и кружков заявляло о своей верности народовольчеству, они не смогли оказаться в стороне от новых теоретических веяний. Одни, оставаясь в русле народовольчества, старались лишь внести в него некоторые коррективы, в то время как другие оказывались на перепутьи между народничеством и начавшим свое победное шествие по России марксизмом.

Особенно примечательна в этом отношении история развития петербургской «Группы народовольцев». В начале 90-х годов эта группа издала типографским способом три прокламации (автором одной из них был поддерживавший одно время связи с группой Н. К. Михайловский), номер журнала «Летучий листок „Группы народовольцев“» и «Народовольческую программу». Во вступлении к последнему документу указывалось, что это не что иное, как программа Исполнительного комитета «Народной воли» 1879 г., которую «Группа» полностью приняла, «внесши при этом в нее некоторые изменения, обусловленные временем, но не изменяя основных принципов народовольчества». В действительности, однако, наряду с дословной перепечаткой целых абзацев программы Исполнительного комитета в нее были внесены и существенные принципиальные поправки, сводившиеся к дальнейшему уменьшению ортодоксального народнического элемента.

«Группа народовольцев» в отличие от своих предшественников уже не видела в народном мировоззрении никаких

зачатков федеративного устройства, свободы слова и свободы совести. По их мнению, в народе оставались живыми только такие традиционные принципы, как право на землю, община и местное самоуправление, но и они могут лишь «значительно облегчить проведение общественных реформ, предпринятых в интересах народного блага».[107] На эту замену народной воли народным благом тогда еще обратили внимание представители других народнических кружков.

Не поступаясь народническо-социалистическими принципами, своей ближайшей целью «Группа народовольцев» ставила завоевание политической свободы, которой предполагала добиться «усилиями здоровых элементов образованного общества, поддержанных рабочими и отчасти крестьянами».[108] Определяя свое отношение к «юному социал-демократическому течению», «Группа» признавала за ним полное право на существование, как, впрочем, и за народничеством. «Обе схемы, — писал «Летучий листок», — конечно, социалистического характера», обе «служат взаимной поправкой друг другу».[109] Заявляя, таким образом, о своем терпимом отношении к различным революционным направлениям, народовольцы начала 90-х годов все же склонялись к народническим решениям социальных проблем, считая, что «скрытое пожелание социал-демократов — создавался бы скорее пролетариат — поистине чудовищно».[110]

«Группа народовольцев» просуществовала до апреля 1894 г., когда она была раскрыта властями. Но уже осенью того же года часть уцелевших членов вместе с рядом других лиц образовали новую революционную организацию, действовавшую еще в течение двух лет под тем же старым названием.

Вторая «Группа народовольцев» возобновила издание «Летучего листка»; кроме того, было выпущено несколько листовок и брошюр. Обе группы уделяли усиленное внимание фабрично-заводским рабочим. Но если в 1891—1894 гг. отношение к рабочим оставалось в общем чисто народническим, то во

---

[107] В программе Исполнительного комитета 1879 г.: «Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление, в народном духе, всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями» (Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. II. М.—Л., 1965, стр. 171).

[108] «Летучий листок „Группы народовольцев"», 1892, № 1; цит. по: П. Куделли. Народовольцы на перепутьи. Л., 1926, стр. 54.

[109] Там же, стр. 71.

[110] Там же, стр. 72.

второй период деятельности «Группы» взгляд на рабочий класс, крестьянство и на роль капитализма в России приобретает отчетливый социал-демократический оттенок. «В стране с определившимся капиталистическим направлением промышленной жизни, — заявлялось в передовой статье четвертого номера «Летучего листка» (декабрь 1895 г.), — просты, ясны и определенны общественные силы, цели, интересы и партии с их девизами. У нас налицо абсолютизм во всеоружии реакции; дворянство, им вновь возрожденное; буржуазия, крепнущая и растущая; крестьянство, распадающееся на мелкую буржуазию и сельский пролетариат, и, наконец, городской пролетариат. Абсолютизм и дворянство принадлежат прошедшему; буржуазия и рабочий класс — будущему. Нет оппозиционного течения, которое, опираясь на реальные интересы, а только такое и имеет силу, не коренилось бы в том или другом из этих последних классов».[111]

В. И. Ленин «от всей души» приветствовал появление четвертого номера «Летучего листка», отметив, что это издание свидетельствует «о глубокой и плодотворной работе мысли, которая идет в среде современных народовольцев».[112]

Между «Группой народовольцев» и ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» установились довольно тесные связи. В типографии «Группы» была напечатана работа Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Впоследствии, после разгрома «Группы», значительная часть ее членов перешла к социал-демократам (М. Ольминский, П. Лепешинский, Н. Мещеряков и др.).

В работах Ленина 90-х и начала 900-х годов, кроме «Группы народовольцев», отмечена еще одна неонародническая организация, действовавшая в 1893—1894 гг. и называвшая себя «Социально-революционной партией Народного права». Среди руководителей новой «партии» были такие видные семидесятники, как М. А. Натансон, О. В. Аптекман, Н. С. Тютчев. Народоправческие кружки существовали в Петербурге, Москве, Орле, Смоленске, Нижнем Новгороде и т. д. В 1894 г. были изданы основные программные документы народоправцев: «Манифест социально-революционной партии Народного права» и брошюра «Насущный вопрос». Народоправцы выдвигали на первый план политическую борьбу с самодержавием и на этой платформе хотели объединить все

[111] Там же, стр. 134.

[112] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 458.

антиправительственные направления. Вопросы социалистической теории оставлялись ими в стороне. В. И. Ленин считал вредным и нереальным желание народоправцев объединить всех революционеров на основе политической программы-минимума, закрывая при этом глаза на принципиальные теоретические разногласия. Но он в то же время приветствовал проявленную народоправцами тенденцию к освобождению демократических задач предстоящей революции от народнических социалистических утопий.[113]

Ленин ставил в заслугу народоправцам их критику некоторых крайностей «самобытности народнических доктрин» и их полемику с умеренным либерализмом некоторых представителей легального народничества.[114] Считая полезной деятельность «Народного права» в направлении создания в России демократической партии, Ленин обращал внимание на непоследовательность народоправцев, на их колебание между народничеством и демократизмом без народнической окраски.[115] Он выразил опасение, что «в партии народоправцев нет действительно никого, кроме бывших социалистов, прячущих свое социалистическое знамя в видах тактических, надевающих только маску политиков несоциалистов».[116] Опасения Ленина подтвердились. О. В. Аптекман впоследствии свидетельствовал, что выдвижение на первый план политической борьбы делалось народоправцами исключительно из тактических соображений, они ни на минуту не переставали считать себя правоверными народниками.[117] Впоследствии большинство бывших народоправцев вошло в партию эсеров.

На примере народоправцев видно, что отношение Ленина к левым народникам 90-х годов в определенном смысле было сходным с его отношением к легальному народничеству: приветствуя демократическое содержание народнических взглядов, он отвергал народнический социализм. Перед русскими социал-демократами на очереди дня стояла задача борьбы с немарксистским социализмом. В 90-х годах уже нельзя было оправдать неразвитостью капитализма в России иллюзии «старых социалистов» «об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капита-

---

113 В. И. Ленин. 1) Что такое «друзья народа»..., стр. 302, 303, 344; 2) Задачи русских социал-демократов, стр. 463—465.

114 В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 464.

115 В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 303, 344—345.

116 В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 464.

117 О. В. Аптекман. Партия «Народного права», «Былое», 1907, № 7, стр. 189—190.

лизма и буржуазии»,[118] и как социалистические идеи, претендующие на защиту интересов всех трудящихся, они стали реакционными.[119]

V

Начало активной политической деятельности В. И. Ленина совпало со временем, когда в общественно-политической жизни России широко распространилось течение, вошедшее в историю под названием «легального марксизма». В 90-е годы XIX в. на страницах легально выходивших периодических изданий, в первую очередь в «Новом слове», «Начале», «Жизни», «Самарском вестнике»,[1] а также в некоторых других,[2] появились многочисленные статьи, авторы которых, ссылаясь на

---

[118] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 296.

[119] Называя народнические теории реакционными, Ленин разъяснял, что «этот термин употребляется» им «в *историко-философском* смысле, характеризуя только *ошибку* теоретиков, берущих в *пережитых* порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам» (К характеристике экономического романтизма, стр. 211). См. также: В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 531.

[1] «Новое слово», издававшееся с 1894 г. либеральными народниками, с весны 1897 г. перешло в руки «легальных марксистов». В декабре 1897 г. было закрыто правительством. В «Новом слове» публиковались и статьи революционных марксистов, в нем были напечатаны работы В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной заметки». В журнале печатались Г. В. Плеханов и А. М. Горький. «Начало» издавалось «легальными марксистами» в первой половине 1899 г. под редакцией Струве, Туган-Барановского и др.; закрыто в июне 1899 г. «Жизнь», выходившая с 1897 по 1901 г., с 1899 г. близка была к кругу «легальных марксистов». Издававшаяся в Самаре газета «Самарский вестник», в которой еще в 1895 и 1896 гг. печатались отдельные марксистские статьи (в частности, там в 1895 г. была напечатана статья В. И. Ленина «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии»), с октября 1896 г. по март 1897 г. находилась в руках «легальных марксистов». Ее редакторами и основными авторами были П. П. Маслов, В. В. Португалов, А. А. Санин. В «Самарском вестнике» были напечатаны статьи П. Б. Струве, П. Н. Скворцова.

[2] Кроме перечисленных выше журналов, претендовавших на то, чтобы быть выразителями взглядов определенного направления, статьи «легальных марксистов» (так же как отдельные статьи революционных марксистов) печатались в «Мире божьем» (выходил под редакцией Ангела Богдановича по 1906 г.; его сменил «Современный мир», в нем была напечатана рецензия В. И. Ленина на книгу А. А. Богданова «Краткий курс экономической науки»), в «Научном обозрении» (издававшемся с 1894 по 1903 г., в нем были помещены статьи В. И. Ленина «Заметка к вопросу о теории рынков», «Еще к вопросу о теории реализации», «Некритическая критика»). Некоторые статьи «легальных марксистов» публиковались в «Юридическом вестнике», журнале либерального направления, выходившем с 1867 до 1892 г.

учение Маркса, доказывали неизбежность капиталистического пути развития для России, невозможность повернуть страну «вспять», полемизировали с народниками.

Одним из первых представителей «легального марксизма» был П. Н. Скворцов. С позиций «легального марксизма» выступали в 90-е годы П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, П. Нежданов (Н. Череванин), С. Н. Прокопович. Полемика «легальных марксистов» с народниками имела определенное положительное значение. Вместе с тем «легальный марксизм» по существу своему представлял либеральное, буржуазно-демократическое течение в русской общественной мысли. «Легальные марксисты», используя отдельные положения теории Маркса, выхолащивали из марксизма его революционное содержание.[3]

В. И. Ленину, революционной социал-демократии пришлось вести борьбу на два фронта: как против народничества, так и против «легального марксизма». Борьба В. И. Ленина против «легального марксизма» имела важное значение для утверждения марксизма в русском революционном движении.

Проблеме «легального марксизма» отведено большое место в ленинских работах. В сочинениях Ленина есть как полемические произведения, написанные в разгар борьбы с «легальными марксистами», так и труды, в которых «легальный марксизм» рассматривается в ретроспективном плане.

В написанной в 1902 г. книге «Что делать?» Ленин, оглядываясь на путь, пройденный к тому времени русской социал-демократией, очень отчетливо обрисовал атмосферу, в которой возник и получил распространение «легальный марксизм». Примечательную особенность развития русской общественно-

---

[3] О «легальных марксистах», о борьбе против них В. И. Ленина см.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. I. М., 1964, стр. 206—216, 299—304; Н. Ангарский. 1) Легальный марксизм, вып. I. М., 1925; 2) Легальный марксизм. Краткий очерк. М., 1930; М. Лядов. Зарождение легального и революционного марксизма в России. «Фронт науки и техники», 1933, № 2; М. Москалев. Борьба В. И. Ленина с «легальным марксизмом». «Исторический журнал», 1939, № 5; Ю. Олейников. От «легального марксизма» к «Вехам». «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена», т. II, Л., 1936; П. И. Соболева. Борьба В. И. Ленина с народничеством, «легальным марксизмом», «экономизмом». М., 1958; Л. В. Шириков. 1) О классовой сущности «легального марксизма», «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3; 2) Разоблачение В. И. Лениным струвизма (1894—1901). В сб.: В. И. Ленин — основатель и вождь Коммунистической партии Советского Союза, М., 1960; 3) Борьба В. И. Ленина против ревизионизма в период создания марксистской партии в России (1894—1903 гг.). В сб.: Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма, М., 1966.

политической мысли в 90-е годы Ленин видел в том, что «уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением)». О положении, сложившемся в русской печати в 90-е годы, Ленин писал: «Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех „интересующихся“ понятным языком».[4]

При этом Ленин объяснял причины столь невероятного на первый взгляд явления: «Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени».[5] Одновременно Ленин обращал внимание на то, что при подобном попустительстве со стороны властей не только имело место распространение марксистских идей, но и превращение их в моду, в связи с чем к ним обратились и люди, не стремившиеся к революционному истолкованию марксизма. «А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один „писатель, который зазнался“...».[6]

Ленин раскрыл классовую сущность «легальных марксистов». Со всей определенностью писал он об этом еще в работах, появившихся в пору, когда «легальный марксизм» был в самом расцвете. В книге «Что такое „друзья народа“» Ленин несколько раз останавливается на характеристике «легальных

---

[4] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 15.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 15—16.

марксистов». Показывая, что Кривенко и Михайловский представляют марксизм в искаженном виде, Ленин объяснял это, в частности, тем, что они «наслушались разных салонных сплетен про марксистов, насмотрелись на разных либералов, прикрывающих марксизмом свое либеральное пустоутробие».[7] Ленин обращал внимание на то, что в книгах и статьях «легальных марксистов» марксизм представлен в изуродованном виде. «Говоря об узком понимании марксизма, я разумею самих марксистов, — писал он. — Нельзя не заметить по этому поводу, что самому безобразному сужению и искажению подвергается марксизм, когда наши либералы и радикалы берутся за изложение его на страницах легальной печати».[8] Ленин предупреждал, что в условиях царской цензуры на страницах легальной печати идеи революционного марксизма не могут быть изложены в их полном виде. «Что это за изложение! — писал он о легально изданных статьях и книгах, написанных, казалось бы, в духе марксизма. — Подумайте только, как изуродовать нужно эту революционную доктрину, чтобы уложить ее на прокрустово ложе российской цензуры!». Ленин разъяснял, что после соответствующей обработки важнейшие положения революционного марксизма оказываются из него выхолощенными. Он в ярких выражениях показывал, что остается от марксизма, после того как «наши публицисты» «с легким сердцем проделывают подобную операцию» над учением Маркса: «...марксизм в их изложении сводится, почитай что, к учению о том, как при капиталистическом строе проделывает свое диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в свое отрицание и затем обобществляется. И в этой „схеме" с серьезным видом полагают все содержание марксизма, минуя все особенности его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их. Не удивительно, что получается нечто до такой степени бледное и узкое, что наши радикалы принимаются оплакивать бедных русских марксистов».[9]

Ленин обращал внимание на несовместимость таких явлений, как наличие реакции, царившей в самодержавной России, и возможность свободного изложения революционной тео-

---

[7] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 277.
[8] Там же, стр. 339.
[9] Там же.

рии на страницах легальных изданий во всей их полноте. «Русский абсолютизм и русская реакция не были бы абсолютизмом и реакцией, — писал он, — если бы при существовании их можно было целиком, точно и полно излагать марксизм, договаривая до конца его выводы!».[10] Одновременно Ленин обращал внимание на то, что к препятствиям, чинимым цензурой, прибавлялось еще и то, что сами авторы, бравшиеся писать и рассуждать о марксизме, в действительности не были в должной степени знакомы с учением Маркса. «И если бы наши либералы и радикалы как следует знали марксизм (хотя бы по немецкой литературе), они бы посовестились так уродовать его на страницах подцензурной печати», — замечал Ленин. Из-за незнания марксизма, по словам Ленина, к числу марксистов относили авторов, не стоявших в действительности на марксистских позициях. В связи с этим Ленин писал: «Ведь этак только и можно дойти до таких курьезов, возможных лишь в России, когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимом антагонизме, присущем капиталистическому обществу, и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о революционной роли пролетариата; даже людей, выступающих прямо с буржуазными проектами, лишь бы у них попадались словечки „денежное хозяйство“, его „необходимость“ и т. п. выражения, для признания которых специально марксистскими нужна вся глубина остроумия г. Михайловского».[11] Одновременно Ленин выделял черты, присущие подлинному марксизму, характеризуя его следующими словами: «...Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она „по самому существу своему — теория критическая и революционная“. И это последнее качество действительно присуще *марксизму* всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму *и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»*.[12] Далее Ленин разъяснял особенность марксистского учения, особенность, которая привлекает к нему социалистов всех стран, превращает его в «непреодолимую привлекательную силу» для них и которая состоит в том, что марксистская теория «соединяет строгую и высшую научность

[10] Там же, стр. 339—340.
[11] Там же, стр. 340.
[12] Там же, стр. 340—341.

(являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе».[13]

Эти ленинские положения, изложенные в работе, предшествовавшей появлению книги П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», не только содержали яркое противопоставление главных отличительных черт марксизма подлинного, революционного, с одной стороны, и «марксизма легального», прикрывавшего собой, как маской, приспособление либеральных идей к новейшей социально-экономической доктрине, получившей широкое распространение, но в известной мере содержали положения, явившиеся основополагающими в дискуссии, возникшей после выхода в свет упомянутой книги Струве.

Сознавая, что «легальные марксисты» являются по существу своему либералами, буржуазными демократами, Ленин и революционные социал-демократы одновременно не закрывали глаза на положительные стороны в их деятельности. Они учитывали то, что, выступая против народников, «легальные марксисты» способствовали распространению отдельных марксистских положений, а также то, что последние были представителями хотя и умеренной, но достаточно определенной оппозиции по отношению к самодержавию, сторонниками введения в России буржуазно-демократических свобод. Эти обстоятельства способствовали тому, что революционные марксисты нашли возможным пойти на временное сотрудничество с «легальными марксистами». Наиболее значительным результатом этого сотрудничества была подготовка в 1895 г. общими усилиями революционных марксистов и «легальных марксистов» сборника статей «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».[14]

---

[13] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.

[14] Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» содержал статьи П. Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям», В. И. (В. А. Ионова) «Борьба общины с хутором», А. Потресова «Кризис в замочном промысле Павловского уезда Нижегородской губернии», «Третий том „Капитала“» (очерк Эд. Бернштейна о только что тогда вышедшем III томе «Капитала» К. Маркса, напечатанный без указания автора, в переводе на русский язык, выполненном Р. Классоном), К. Тулина (В. И. Ленина) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», П. Струве «Моим критикам»; две статьи

Спустя семь лет после совместной подготовки этого сборника, возвращаясь к вопросу о сотрудничестве с «легальными марксистами», Ленин дал четкое определение характеру и значению этого временного союза. Он писал: «Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными». При этом Ленин ясно давал понять, что революционные марксисты прекрасно сознавали, с кем они заключают союз, со всей трезвостью оценивали политическое лицо своих партнеров. «В сущности, эти последние («легальные марксисты», — *А. Ц.*) были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости „союза"», — писал Ленин, подтверждая эти слова ссылкой на свою статью, направленную против Струве и опубликованную в сборнике «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России».[15] Это обстоятельство, по мнению Ленина, отнюдь не означало, что «наибольшая ответственность за последующую „смуту"» должна падать «именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими „критиками"». Ленин указывал на правомерность и необходимость временных союзов, заключаемых политическими партиями, и одновременно оценивал конкретные результаты сотрудничества с «легальными марксистами». «Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей

Г. В. Плеханова: «Пессимизм как отражение экономической действительности» (под псевдонимом «Д. Кузнецов») и «Несколько слов нашим противникам» (под псевдонимом «Утис»). В сборник собирался дать статью под заглавием «Главнейшие запросы русской жизни» П. Б. Аксельрод, но из-за болезни автора она не была своевременно прислана. Было напечатано 2000 экземпляров сборника. Представленный в мае 1895 г. в цензуру, он пробыл там до марта 1896 г., когда последовало постановление комитета министров о его уничтожении. Как вспоминал впоследствии Ю. Мартов, «Сборник вызвал в цензурных сферах настоящий переполох... Потресову удалось спасти нелегальным путем сотню экземпляров, которая сыграла свою роль, распространившись по социалистическим кругам столицы и провинции» (Ю. Мартов. Записки социал-демократа. М., 1924, стр. 260—263).

[15] В. И. Ленин. Что делать? стр. 16.

марксизма (хотя и в вульгаризованном виде)», — писал Ленин по этому поводу. Важной особенностью союза с «легальными марксистами» было, как подчеркивал Ленин, то, что он «заключен был не совсем без всяких „условий“». При этом Ленин приводил в доказательство упомянутый выше «Сборник статей», добавляя: «Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором».[16] Сотрудничая с «легальными марксистами», революционные марксисты не только не уступали своих позиций, но и оказали определенное воздействие на своих временных союзников, в результате чего те на какое-то время «полевели». Известное влияние революционных марксистов сказалось в этот период на взглядах П. Б. Струве, что нашло отражение прежде всего в его статье «Моим критикам», помещенной в уничтоженном цензурой совместном сборнике революционных марксистов и «легальных марксистов», в которой «полевение» автора сказалось прежде всего в том, что он заметно смягчил свои оценки капиталистического способа производства по сравнению с ранее вышедшей книгой «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». Свидетельством того, что Струве в своих воззрениях сдвинулся несколько «влево» не только в упомянутой выше статье, но и в целом в какой-то степени пошел на сближение с революционными социал-де-

---

[16] Там же. Обстоятельства, при которых революционные марксисты во главе с Лениным шли на соглашение с «легальными марксистами», сознавая их либеральную сущность, соблюдая при этом осторожность и подчеркивая твердую уверенность в правоте своих позиций, дополняет рядом подробностей Ю. Мартов, приводящий в своих воспоминаниях и рассказ А. Потресова. Упомянув о сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», в котором в качестве авторов оказались и Ленин, и Плеханов, и Струве, Мартов писал: «... этот блок, представлявший эмигрантский, подпольный и легальный марксизм как единое политическое целое, был организован Потресовым после его удачи с выпуском в легальном издании книги Бельтова. Он рассказывал мне, что Струве и окружавшие его „легальные марксисты“ охотно шли навстречу членам кружка „стариков“, с которыми Потресов свел их через Ст. И. Радченко, но что сами „старики“ во главе с юристом Ульяновым проявили изрядную подозрительность к тенденциям Струве и, соглашаясь на совместное выступление, как будто боялись быть обманутыми. В конце концов Ульянов получил возможность подробной критикой Струве подчеркнуть, поскольку это мыслимо было в легальной книге, действенно-революционный характер марксистской идеологии; Струве воспользовался представившимся случаем, чтобы в ответе своим народническим критикам, помещенном в том же сборнике, взять более боевую по отношению к капитализму ноту и сгладить впечатление, оставшееся у читателей от некоторых страниц своей книги» (Ю. Мартов. Записки социал-демократа, стр. 260).

мократами, был его ответ на предложение Радченко написать «Манифест РСДРП». При всех своих расхождениях с революционными марксистами в тот момент Струве нашел возможным принять предложение и написал «Манифест».[17]

Отмечая известное полевение Струве, Ленин считал возможным максимальное использование контактов с ним в полемике с общими противниками. Одновременно он подчеркивал, что в случае отступления Струве с занятых им тогда позиций разрыв будет неизбежен. В июне 1899 г. Ленин писал в письме к А. Н. Потресову: «Если П. Б. (Струве, — *А. Ц.*) „совершенно перестанет быть Genosse", — тем хуже для него. Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, „дружба — дружбой, а служба — службой" и от этого необходимость войны не исчезнет».[18]

У Ленина была совершенно определенная позиция по вопросу о возможности сотрудничества со Струве. Он допускал сотрудничество с ним, но исключал возможность уступок по принципиальным вопросам во имя этого союза. Иным было отношение Плеханова к Струве. Во время встречи с Лениным в 1895 г. Плеханов был несогласен с той критикой, которой подверг Ленин взгляды Струве. «Вы... поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом», говорил тогда Плеханов.[19] Впрочем, в 1900 г. во время переговоров об издании «Искры» Плеханов уже возражал против привлечения Струве и Туган-Барановского для участия в нем.[20]

Ленин, обращаясь к вопросу о возможности заключения временных соглашений с такими политическими деятелями, как П. Б. Струве, подчеркивал, что союз с ними допустим не только тогда, когда свою либеральную сущность они прикрывают марксистской фразой, но и тогда, когда они выступают

---

[17] В написанной в 1934 г. статье «Мои контакты с Лениным» П. Б. Струве доказывал, что «Манифест» в полной мере не был отражением его собственной точки зрения. Он писал: «...Манифест, написанный мною, все еще выражал официальную, или ортодоксальную, концепцию (я приложил все усилия, чтобы не включать в него свои личные взгляды, которые показались бы еретическими и были бы непонятными для среднего социал-демократа)». «Манифест», по словам Струве, не соответствовал его «личным более сложным взглядам» (цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза, т. I, стр. 266).

[18] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 32.

[19] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I. М., 1925, стр. 271.

[20] В. И. Ленин. Как чуть не потухла «Искра»? Полн. собр. соч., т. 4, стр. 337.

открыто в роли выразителей интересов либеральной буржуазии.[21]

Одним из наиболее убедительных доказательств того, что Ленин, революционные марксисты, заключая временный союз с «легальными марксистами», не шли при этом ни на какие уступки принципиального характера, была помещенная Лениным в упоминавшемся выше совместном сборнике статья, содержавшая критический разбор книги Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». Книга Струве, вышедшая в 1894 г., была важной вехой в литературной деятельности «легальных марксистов» и заметным событием в общественно-политической жизни России в целом. Книга Струве представляла собой первое легально изданное сочинение, содержавшее обстоятельную критику народничества. Автор ее выступал в роли сторонника марксизма, делая при этом оговорку, что он не считает себя представителем ортодоксального марксизма.

Ленин подверг книгу Струве глубокой критике. Первоначально он выступил с рефератом в одном из марксистских кружков. Реферат был озаглавлен «Отражение марксизма в буржуазной литературе». При подготовке статьи для сборника Ленин изменил название, но полностью остался на прежних позициях. В своей работе Ленин доказывал, что у читателей книги Струве создается неправильное представление о марксизме, что автор искажает многие марксистские положения, в том числе марксистское понимание задач рабочего движения.

Ленин доказал, что выдвинутая в книге Струве трактовка сущности народничества является несостоятельной и изложил подлинно марксистское толкование содержания народничества как выражение интересов и взглядов русского мелкого производителя, мелкого буржуа.

---

[21] О временных соглашениях революционных марксистов со Струве Ленин напоминал в вышедшей после Великой Октябрьской социалистической революции книге «Детская болезнь „левизны" в коммунизме»: «Русские революционные демократы до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т. е. заключали с ними массу практических компромиссов, а в 1901—1902 годах, еще до возникновения большевизма, старая редакция „Искры" (в эту редакцию входили: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов и я) заключала (правда, не надолго) формальный политический союз со Струве, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния извнутри рабочего движения. Большевики продолжали всегда ту же политику» (Полн. собр. соч., т. 41, стр. 56).

Значение ленинской работы выходило за рамки критики взгляда Струве на вопрос о сущности русского народничества и изложения марксистского понимания этой проблемы. Статья Ленина содержала обстоятельный разбор тех искажений марксизма, отступлений от учения Маркса, которые были присущи Струве, «легальным марксистам», и определяли характерную для них ревизию марксизма как в вопросах политических, так и в области общественных наук, таких как философия, политическая экономия, история, на которых в тот период заметно сказалось влияние «легального марксизма».

Показывая несостоятельность примененного Струве абстрактного подхода к вопросу об определении экономической сущности народничества, Ленин вскрыл серьезнейший порок, присущий Струве, — объективизм, отказ от подхода к оценке важнейших социально-экономических явлений (таких как развитие капиталистических отношений) с позиций классовой борьбы, замалчивание наличия антагонистических противоречий в классовом обществе. Отвергая утверждения «легальных марксистов» о том, что необходимо отказаться от присущей марксистскому учению «полемичности», «тенденциозности», Ленин доказывал, что марксизм, изучающий современное ему общество, объективные законы классовой борьбы и антагонистических противоречий при капитализме с позиций пролетариата, стоя, таким образом, на совершенно определенной позиции партийности, добивается при этом наибольшей объективности. Выступая против присущего Струве затушевывания проблемы классовой борьбы и антагонистических противоречий, Ленин писал, что «абстрактность критики г. Струве составляет отличительное свойство *всей* его книги... Нуждается в исправлении у него больше всего именно *постановка вопросов*».[22] Обосновывая необходимость и важность присущей марксизму партийности, Ленин одновременно показывал, что под маской внеклассовой позиции, объективности, а по существу объективистского подхода, в работах «легальных марксистов» скрывались буржуазные взгляды. «Это покушение подняться выше классов, — по словам Ленина, — приводит к крайней туманности положений автора, туманности, доходящей до того, что из них могут быть сделаны буржуазные выводы...».[23] Противопоставляя объективистскому подходу, присущему Струве, оценку событий и явлений с позиций материализма, с позиций пролетариата, интересы которого

---

[22] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 464.

[23] Там же, стр. 496.

защищают марксисты, Ленин писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость».[24] Особое ударение делал Ленин, когда говорил о том, что подлинному последователю учения Маркса должна быть присуща партийность. «С другой стороны, материализм включает в себя, — писал он, — так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».[25]

Объективистский, чуждый подлинному марксизму подход «легальных марксистов» к оценке исторических явлений сказался на их оценке капитализма. Полемизируя с народниками, идеализировавшими «отживающий экономический строй», «легальные марксисты» впали в другую крайность и принялись изо всех сил превозносить достоинства капитализма, видя в нем самый рациональный и разумный строй. Струве и его последователи оставляли в стороне вопрос о конкретных антагонистических противоречиях этого строя и рассуждали в самом отвлеченном виде о достоинствах социального прогресса, связанного с развитием капитализма. Возможности социального прогресса в представлении Струве ограничивались рамками лишь капиталистической формации. Вместо того, чтобы тщательно проанализировать существовавшие в действительности классовые противоречия, он обращался к рассмотрению вопроса о прогрессе и культуре. Струве предлагал признать «нашу некультурность» и пойти «на выучку к капитализму».[26] Близки к рассуждениям П. Б. Струве

---

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418.
[25] Там же, стр. 419.
[26] П. Б. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894, стр. 288.

были и взгляды М. И. Туган-Барановского. Рассматривая вопрос о причинах отсталости в России, о силах, задерживающих развитие капитализма, он писал: «Если бы требовалось ответить на этот вопрос в двух словах, я бы ответил: русская некультурность. Капитализм несет с собой культуру, но и он предполагает культуру».[27] Игнорируя классовую борьбу как фактор, определяющий развитие общества, противопоставляя экономические явления социальным, «легальные марксисты» пускали в ход теорию «экономического материализма», подвергшуюся в свою очередь критике со стороны Ленина. Ленин при помощи конкретного анализа показал также, что капиталистический строй отнюдь не является благодетельным для народных масс России и прежде всего для крестьянства. Возражая Струве, утверждавшему, что крестьянство разоряет «не капитализм», а «техническая нерациональность», объявившему положение о том, что развитие крупной обрабатывающей промышленности разоряет крестьянина-земледельца и служит «одним из самых краеугольных положений народнической теории экономического развития России», Ленин писал, что развитие крупной обрабатывающей промышленности означает и выражает развитие капитализма, «а что разоряет крестьянина именно капитализм, это — краеугольное положение совсем не народничества, а *марксизма*».[28] Ленин доказал, что теория «экономического материализма», принятая Струве, в соответствии с этой теорией рассматривавшим «экономическое вне социального», является теорией отрицания классовой борьбы и сводит вопрос к простому «*констатированию наличности* тех или других (капиталистических) порядков».[29]

Ревизии марксизма, борьбе против его содержания была подчинена попытка Струве сделать «поправку» к учению Маркса о переходе от капитализма к социализму. Струве утверждал, что «некоторые места у Маркса дают основание думать, что Маркс представлял себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого падения, крушения капитализма под тяжестью постоянно растущих в нем противоречий».[30] Высказывая мнение, что подобную точку зрения Маркс излагал лишь в 40-х и 50-х годах, а также то,

---

[27] М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в ее прошлом и настоящем, т. I. Изд. 7-е. М., 1938, стр. 15.

[28] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 513.

[29] Там же, стр. 444.

[30] П. Б. Струве. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894, стр. 130—131.

что последователи Маркса много сделали для борьбы за реформы в целях улучшения положения промышленного пролетариата, Струве утверждал, что в точку зрения Маркса 40-х годов «внесен важный корректив». Ленин выразил свое полное несогласие с этими рассуждениями. По поводу взглядов самого Маркса он уточнял, что мысль о переходе от капитализма к новому общественному строю путем падения, крушения капитализма опирается не на «некоторые места» у Маркса, как утверждал Струве, а «содержится *во всех сочинениях* Маркса». Относительно же якобы имевшего место «корректива» к учению Маркса, сделанного его последователями, Ленин писал: «Никакого „корректива" (*исправления* по-русски) ни важного, ни неважного не вносили „последователи Маркса" в его точку зрения. Борьба за реформы нисколько не свидетельствует о „коррективе", нимало не исправляет учения о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью — дойти именно до „падения"; а что для этого необходим „целый ряд переходов" — одного фазиса борьбы, одной ступени ее в следующие, — это признавал и Маркс в 1840-х годах, говоря в „Манифесте", что нельзя *отделять* движение к новому строю от рабочего движения (и, следовательно, от борьбы за реформы), выставляя сам в заключение ряд практических мероприятий».[31]

Полемизируя со Струве, Ленин упрекал его в том, что, занимаясь критикой народничества, он отвергает и то положительное, что было народничеству присуще, а именно общедемократические требования. В отличие от Струве Ленин считал, что русские социал-демократы должны унаследовать демократические традиции русского народничества.[32]

«Легальные марксисты», в первую очередь П. Б. Струве, будучи противниками диалектического и исторического материализма, выдвигая тезис об отсутствии у Маркса «обоснованной философии», в своих философских построениях старались отдельные марксистские положения соединить с идеалистическими взглядами Канта. При этом они не только вырывали те или иные положения из общей системы взглядов Маркса, но и полностью отвергали революционное содержание марксистской философии.[33]

---

[31] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 460—461.

[32] Там же, стр. 529—530.

[33] Борьба Ленина против философских взглядов «легальных марксистов» рассматривается в ряде работ советских авторов, среди которых

В воззрениях «легальных марксистов» было много общего как со взглядами Канта, так и с теориями, выдвигавшимися такими неокантианцами, как Коген, Риль, Зиммель, Штаммлер. Ленин подчеркивал наличие связи между философскими рассуждениями «легальных марксистов» и неокантианством, обращал внимание на актуальность и необходимость в этой связи настойчивой и решительной борьбы против неокантианства.

«Перечитал я, после Stammler'а, статьи Струве и Булгакова в „Новом слове" и нашел, — писал в июне 1899 г. Ленин в письме к Потресову, — что с неокантианством действительно необходимо посчитаться серьезно».[34] В статье «Некритическая критика» и в ряде других Ленин показал, что под маской «оплодотворения» марксизма критической философией «легальные марксисты» на самом деле проповедуют неокантианские взгляды, отступают назад к Канту. «Разногласие между теми марксистами, которые стоят за так назыв. „новую критическую струю", и теми, которые стоят за так назыв. „ортодоксию", состоит в том, что те и другие в *разных направлениях* хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более или менее существенные стороны учения Маркса, становятся, напр., в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса „тенденциозности" и т. п.», — писал Ленин.[35]

Для преодоления влияния «легальных марксистов» в области политической экономии и истории наряду с высказываниями по общеметодологическим проблемам большое значение имели ленинские оценки, касавшиеся ряда конкретных

в первую очередь следует назвать следующие: История философии, т. 5. М., 1961, стр. 51—57; Б. А. Чагин. 1) Борьба Ленина за марксистский материализм в девяностых годах. М.—Л., 1940; 2) Борьба марксизма-ленинизма против философского ревизионизма в конце XIX—начале XX веков. Л., 1959; З. Г. Афанасьева. Развитие В. И. Лениным марксистской теории классовой борьбы в конце XIX в. и критика «легального марксизма». В сб.: Очерки по истории философии в России, М., 1960.

[34] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 30.

[35] В. И. Ленин. Некритическая критика. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 634—635.

проблем экономики и истории России, в частности вопроса о реформе 1861 г., о пореформенном экономическом развитии России, критика присущей Струве апологии государства как «организации порядка».[36]

Ленин подчеркивал идейное родство между «легальными марксистами» и выступавшими на европейской арене ревизионистами, прежде всего с Эд. Бернштейном. Он также обращал внимание на то, что Бернштейн и его сторонники с большим вниманием следили за выступлениями русских «критиков» Маркса и при этом были склонны сильно преувеличивать степень их влияния. В «Проекте заявления редакции „Искры“ и „Зари“» Ленин напоминал о том, как искажают подлинный марксизм «легальные марксисты» и как изображает их Бернштейн, выдающий сторонников «легального марксизма» за выразителей настроений большинства русской социал-демократии. В упомянутом «Проекте» говорилось: «А русская легальная литература с той пародией на марксизм, которая способна только развращать общественное сознание, еще усиливает этот разброд и эту анархию, благодаря которой знаменитый (знаменитый своим банкротством) Бернштейн мог печатно перед всем миром заявить такую неправду, будто большинство действующих в России социал-демократов стоит за него».[37] К этому же вопросу обратился Ленин и в написанном им «Заявлении редакции „Искры“». Он подчеркивал дальнейшую эволюцию «легальных марксистов» в сторону либеральной буржуазии. В «Заявлении» говорилось: «А рядом с этим в произведениях писателей, которых читающая публика, с большим или меньшим основанием, считала до сих пор видными представителями „легального“ марксизма, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающимся с буржуазной апологетикой».[38]

«Бернштейнианство» «легальных марксистов» Ленин считал определенным переходным этапом на пути их сползания на позиции откровенного либерализма. «Легальный марксизм скоро на деле оказался „отражением марксизма в буржуазной литературе“ и через бернштейнианский оппортунизм

---

[36] Подробнее о значении ленинских высказываний для преодоления влияния идей «легального марксизма» в области политической экономии и истории см.: История русской экономической мысли, т. II, ч. 2. М., 1960, стр. 357—412, 506—513; Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 1963, стр. 93—101.

[37] В. И. Ленин. Проект заявления редакции «Искры» и «Зари». Полн. собр. соч., т. 4, стр. 324.

[38] В. И. Ленин. Заявление редакции «Искры». Полн. собр. соч., т. 4, стр. 356.

дошел прямиком до либерализма», — писал Ленин.[39] Подчеркивая родство «легальных марксистов» с западноевропейскими ревизионистами марксизма, Ленин отмечал и присущие им особенности. По его словам, русский социал-демократический оппортунизм «отражал с чрезвычайной рельефностью точку зрения или, пожалуй, отсутствие всякой самостоятельной точки зрения у интеллигентского крыла партии, увлекавшегося и модными словечками бернштейнианства и непосредственными результатами и формами чисто рабочего движения. Это увлечение повело к повальной измене легальных марксистов, перекочевавших в либерализм, и к созданию социал-демократами знаменитой теории „тактики-процесса", которая упрочила за нашими оппортунистами кличку хвостистов».[40] Другую особеннось «легальных марксистов» по сравнению с их европейскими единомышленниками Ленин видел в том, что они быстрее, чем кто-либо из других сторонников Бернштейна, завершили процесс своего перерождения в либералов. «„Легальные" критики Маркса, гг. Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев и др., пошли решительно вправо. Нигде в Европе не найдем мы, чтобы бернштейнианство так быстро пришло к своему логическому концу, к образованию либеральной фракции, как это было у нас в России, — писал Ленин. — У нас г. Струве начал „критикой" во имя бернштейнианства, а кончил организацией либерального журнала „Освобождение", либерального в европейском смысле этого слова».[41]

Борьба Ленина, начатая в середине 90-х годов против Струве и его единомышленников как критика «легальных марксистов», продолжалась в дальнейшем уже как борьба против откровенных буржуазных либералов. Встав в 1898—1900 гг. на путь открытой ревизии марксизма, «легальные марксисты» стремительно эволюционировали в сторону либерализма. Выступления Ленина против струвизма на рубеже XIX и XX вв. были тесно связаны с его борьбой с ревизионизмом как в международном, так и в российском масштабе. В этой связи разоблачение буржуазно-либеральной сущности представителей «легального марксизма» в данный период тесно переплеталось с развернувшейся борьбой против «экономизма».

---

[39] В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 180.

[40] В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 254.

[41] В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 51.

VI

Уже в 1895 г., в период деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Ленин сознавал, что назрела необходимость созыва съезда представителей существовавших в России социал-демократических групп для объединения их в единую организацию. Несомненно, что сам Ленин принял бы активнейшее участие в подготовительной работе, предшествовавшей съезду, если бы этому не помешали жандармы. В ночь на 9 декабря 1895 г. Ленин был арестован.

Арест исключал возможность непосредственного участия Ленина в деятельности, связанной с подготовкой к съезду. Вместе с тем, находясь в петербургской тюрьме, Ленин занимался разработкой теоретических, в первую очередь программных, вопросов, столь необходимых для пролетарской партии, основы которой должны были быть заложены на предполагавшемся съезде. В тюрьме в конце декабря 1895 г. Ленин написал «Проект программы будущей партии», а летом 1896 г. — «Объяснение программы». Находясь в тюрьме, Ленин поддерживал связь с членами «Союза борьбы», большое внимание уделяя и вопросам готовившегося съезда. По поручению Ленина Н. К. Крупская поехала на юг, где вела переговоры с членами киевской социал-демократической организации и обсуждала с ними вопросы, связанные с подготовкой съезда.

В начале 1897 г. последовало распоряжение царского правительства о высылке Ленина в Сибирь. Ссылка в Сибирь лишила Ленина и его товарищей, осужденных вместе с ним, непосредственной связи с социал-демократами, продолжавшими готовиться к съезду. Наибольшую активность в подготовительной работе по созыву съезда проявляли социал-демократы Киева.

В начале марта 1898 г. в Минске собрались представители петербургского, московского, киевского, екатеринославского «Союзов борьбы» и Бунда. Они приняли решение об образовании Российской социал-демократической рабочей партии, избрали ее Центральный комитет, объявили «Рабочую газету» Центральным органом партии.

В «Манифесте РСДРП» в краткой и общей форме были провозглашены демократические и социалистические задачи, к которым должны были стремиться пролетариат и его партия.

Ленин узнал о состоявшемся в 1898 г. I съезде РСДРП от приехавшей к нему в село Шушенское Н. К. Крупской.

Известие о создании РСДРП Ленин встретил с исключительным энтузиазмом. П. Н. Лепешинский писал в своих

воспоминаниях: «Он с величайшей гордостью заявил нам, своим ближайшим товарищам по ссылке и единомышленникам, что отныне он член Российской социал-демократической рабочей партии. Мы тоже с большим удовольствием подхватили этот новый для нас мотив и как будто сразу выросли в своих собственных глазах».[1]

Отсутствие Ленина на съезде серьезно ослабляло силы наиболее активного ядра социал-демократов. Ленин к тому времени был несомненно крупнейшим теоретиком-марксистом в России. К тому же он обладал уже серьезным опытом практической, организационной работы, полученным в период его деятельности в качестве руководителя петербургского «Союза борьбы». В 1897 г. в ссылке, уже будучи отрезан от товарищей, продолжавших готовить съезд, Ленин пишет брошюру «Задачи русских социал-демократов». Брошюра в 1898 г. была издана группой «Освобождение труда». По своему значению эта ленинская работа явилась одним из наиболее важных программных документов русской социал-демократии в борьбе за создание партии.

Ленин начал эту брошюру словами о том, что «русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую *социал-демократическую рабочую партию*!».[2] Ленин звал к решительным действиям и намечал программу этих действий. В своей брошюре Ленин писал, что к концу 1897 г. наиболее животрепещущим стал «вопрос о *практической* деятельности социал-демократов», поскольку к тому времени теоретические построения социал-демократов представлялись «*в главных и основных своих чертах* достаточно выясненными».[3] В ином положении, указывал Ленин, находилась практическая сторона социал-демократизма, его политическая программа, его приемы деятельности, его тактика.[4] Ленин напоминал, что практическая деятельность социал-демократов ставит себе задачей «руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капи-

---

[1] П. Н. Лепешинский. I съезд партии. Харьков, 1927, стр. 26.
[2] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 466.
[3] Там же, стр. 445, 446.
[4] Там же, стр. 446.

талистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического общества) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию в России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России)».[5]

Ленин неоднократно останавливался в своих работах на значении I съезда РСДРП в истории партии, в истории социал-демократического и рабочего движения в России.

В своем труде «Что делать?», разделяя историю русской социал-демократии на три периода, Ленин относил ко второму периоду «три-четыре года, 1894—1898 гг.», и характеризовал этот период следующими словами: «Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества».[6] При этом он выделял образование РСДРП на ее I съезде, как одно из наиболее важных событий тех лет. «Образование партии весной 1898 года, — писал Ленин, — было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы».[7]

Ленин не раз подчеркивал, что основание партии произошло именно на I съезде. «Наша партия начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов, — писал Ленин в 1905 г. — В 1898 году собрался первый съезд, основавший Российскую социал-демократическую рабочую партию и наметивший ее задачи».[8] Полемизируя в 1913 г. с В. И. Засулич, утверждавшей, что «Российская с.-д. рабочая партия — это подпольная, основанная на втором съезде и тотчас разделившаяся организация интеллигентов для пропаганды и агитации среди рабочих», Ленин писал: «На деле партия была основана в 1898 году и опиралась на пробуждение массового рабочего движения в 1895—1896 годах».[9]

Касаясь обстоятельств, связанных с основанием партии на I съезде, Ленин всегда обращал внимание как на то огромное значение, которое имело образование партии, так и на те организационные трудности, которые возникли вскоре после съезда. В работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин

---

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 446.

[6] В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180.

[7] Там же, стр. 181.

[8] В. И. Ленин. Извещение о III съезде партии. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 205—206.

[9] В. И. Ленин. Как В. Засулич убивает ликвидаторов. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 22.

писал: «Наша партия была создана весной 1898 г. в России на съезде представителей нескольких русских организаций. Партия была названа Российской социал-демократической рабочей партией. Центральным Органом была сделана „Рабочая газета"; „Союз русских социал-демократов за границей" стал заграничным представительством партии. Вскоре после съезда ЦК партии был арестован. „Рабочая газета" после второго номера перестала выходить. Вся партия превратилась в бесформенный конгломерат местных партийных организаций (называвшихся комитетами)».[10] Ленин рассматривал I съезд как определенный рубеж в развитии русской социал-демократии. Он считал, что образованием РСДРП на I съезде завершилось «блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов». В основании партии Ленин видел «громадный шаг вперед». Одновременно он отмечал, что, «сделав этот громадный шаг вперед, русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций».[11]

Ленин считал I съезд РСДРП важной вехой на пути соединения борьбы рабочих с деятельностью социал-демократических организаций. По его мнению, основание РСДРП на ее I съезде представляло собой «крупнейший шаг русского рабочего движения *в его слиянии* с русским революционным движением». Он полагал, что «этот шаг ясно доказал, что русское рабочее движение *не сводится* к стачкам и законным обществам».[12] Прослеживая настойчивую тенденцию к объединению социал-демократии с рабочим движением с первых лет существования первой русской социал-демократической организации, Ленин писал: «Со времени основания русской социал-демократии (1883 г.) русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сближалось с русскими социал-демократами, стремилось слиться с ними. Основание „Российской социал-демократической рабочей партии" (весной 1898 г.) знаменует крупнейший шаг на пути к этому слиянию». Оценив так значение I съезда РСДРП, Ленин в конце 1899 г. подчеркивал, что «*главная* задача всех русских социалистов и всех сознательных русских рабочих упрочить это

---

[10] В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 49, 51.

[11] В. И. Ленин. Наша ближайшая задача. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 187.

[12] В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 243.

слияние, укрепить и сорганизовать „Рабочую социал-демократическую партию“».[13]

Положительно отзывался Ленин о содержании «Манифеста», принятого I съездом РСДРП. Он ссылался на него, выступая против реформистов и ревизионистов. В написанном Лениным «Проекте заявления редакции „Искры“ и „Зари“» говорилось: «Признавая себя членами Российской социал-демократической рабочей партии, мы вполне разделяем основные идеи „Манифеста“ и придаем ему весьма важное значение как открытому, публичному заявлению тех целей, к которым должна стремиться наша партия».[14]

Ленинские высказывания дают основание утверждать, что в целом Ленин бесспорно положительно оценивал значение I съезда РСДРП.[15]

Вскоре после I съезда РСДРП перед революционной социал-демократией возникла необходимость борьбы против «экономизма». В условиях, когда был арестован избранный на I съезде партии ее Центральный комитет, когда прекратилось издание «Рабочей газеты», а сама партия превратилась, говоря цитированными выше словами Ленина, в «бесформенный конгломерат местных партийных организаций», серьезный вред, наносимый социал-демократии и рабочему движению сторонниками «экономизма», стал особенно ясен. Что же касается первых признаков, указывавших на возникновение этого направления, то они появились несколько раньше и уже тогда встретили решительный протест со стороны Ленина. Еще в феврале 1897 г., когда вышедшие из тюрьмы Ленин и его товарищи накануне отъезда в ссылку встретились с оставшимися на свободе руководителями «Союза борьбы»,

---

[13] Там же, стр. 245—246.

[14] В. И. Ленин. Проект заявления редакции «Искры» и «Зари». Полн. собр. соч., т. 4, стр. 325.

[15] Литература, посвященная I съезду РСДРП, сравнительно невелика. Б. Эйдельман в 1928 г. в статье «Первый съезд РСДРП в современной литературе» дал обзор работ по этой теме, вышедших до 1928 г. Он указывал, что подавляющее большинство авторов, писавших о I съезде, давали ему в целом положительную оценку («Пролетарская революция», 1928, № 2, стр. 6—22). С начала 30-х до середины 50-х годов не было специальных работ, посвященных I съезду, в общих же работах была распространена оценка, принижавшая значение этого съезда. В последнее время в советской историографии вполне утвердилась точка зрения на I съезд как на важную веху в истории революционной социал-демократии в России, соответствующая ленинским высказываниям (см.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. I. М., 1964, стр. 256—271; П. Н. Поспелов. По пути революционного обновления мира. К 70-летию Первого съезда РСДРП, «Правда», 1968, № 73, 13 марта).

между «стариками» и «молодыми», вставшими на путь тред-юнионизма, разгорелся острый спор вокруг «Устава рабочей кассы». Выступая против «молодых», стремившихся пропагандировать рабочую кассу во имя подмены боевой революционной организации организацией тред-юнионистского типа, Ленин предостерегал от появившейся в «Союзе борьбы» оппортунистической тенденции, в дальнейшем переросшей в «экономизм».

Находясь в ссылке, Ленин с тревогой следил за выступлениями «экономистов». Об их деятельности он мог судить благодаря тому, что, находясь в Шушенском, получал информацию о важнейших событиях общественной жизни, в частности о «начавшейся в Питере реакции против марксизма». Ленин получил экономистское «credo» и книгу Эдуарда Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», ревизовавшую марксизм и содержавшую притом утверждение, что значительная, если не бо́льшая часть русских социал-демократов, поддерживает его, Бернштейна, а также «Отдельное приложение» к № 7 «Рабочей мысли», сводившее задачи русского рабочего движения к участию в стачках и деятельности легальных обществ, и «Profession de foi» Киевского комитета РСДРП, откровенно пропагандировавшие «экономизм».

Свое мнение о книге Бернштейна Ленин изложил в письме к М. И. Ульяновой, в котором писал: «Книгу Бернштейна мы тотчас же принялись с Надей читать... Теоретически — невероятно слабо... Практически — оппортунизм... и притом все же *трусливый* оппортунизм».[16]

Важным шагом в борьбе с «экономизмом» явился составленный Лениным и подписанный семнадцатью ссыльными социал-демократами «Протест российских социал-демократов», направленный против «credo». Большое значение в разоблачении «экономизма» на первом этапе борьбы с ним имела ленинская статья «По поводу „Profession de foi“». Ленинская критика оппортунистической программы «экономистов», основными органами которых были «Рабочая мысль» и «Рабочее дело», и выдвинутая Лениным позитивная программа борьбы за воссоздание провозглашенной на I съезде самостоятельной революционной партии русского рабочего класса, призыв к дальнейшему слиянию революционной борьбы социал-демократии и рабочего движения способствовали мобилизации сил революционного крыла русской социал-демократии.

В написанном Лениным «Протесте» было прямо указано на ту опасность, которую таили в себе взгляды «экономи-

---

[16] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 176.

стов», изложенные в «credo». Ленин видел в них угрозу «совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы».[17] Показывая, что в «credo» в извращенном виде излагается история рабочего движения на Западе, Ленин одновременно подчеркивал важнейшие революционные черты учения Маркса, которые необходимо было отстаивать от нападок сторонников «экономизма». «Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, — писал Ленин, — и стремление авторов „credo“ отделить эти формы борьбы принадлежат к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма».[18] Ленин предупреждал, что осуществление программы, предложенной в «credo» и сводившейся к тому, чтобы рабочий класс, «идя „по линии наименьшего сопротивления“, ограничивался экономической борьбой, а „либерально-оппозиционные элементы“ боролись при „участии“ марксистов за „правовые формы“», «было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения».[19] Возражая против предложений «экономистов» изменить отношение рабочей партии к остальным оппозиционным партиям, Ленин разъяснял, что рассуждения авторов «credo» на эту тему «свидетельствуют лишь о стремлении затушевать классовый характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным „признанием общества“, сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения».[20]

Ленин прекрасно сознавал, какую опасность таит в себе присущее «экономистам» преклонение перед стихийностью рабочего движения. В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» он писал, что оно особенно пагубно в период, когда «русский рабочий класс создал уже и самостоятельно выдвинул элементы для образования самостоятельной политической рабочей партии». В этих условиях, разъяснял Ленин, «экономисты», ограничивая задачу рабочего класса борьбой, «которую „ведут“ рабочие в „данную минуту“», проявляют тем самым «оппортунистический ниги-

---

[17] В. И. Ленин. Протест российских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 169.

[18] Там же, стр. 170.

[19] Там же, стр. 173.

[20] Там же, стр. 172.

лизм», прямо призывают «русское рабочее движение и русскую социал-демократию сделать *шаг назад*», призывают «в сущности, рабочих отделиться от социал-демократов и выбросить таким образом за борт все приобретения европейского и русского опыта!».[21] Статья «Попятное направление в русской социал-демократии» не была тогда опубликована. Для историков и современных читателей она весьма важна и интересна, так как позволяет с большой полнотой представить критику Лениным взглядов «экономистов».

«Экономисты» серьезно осложняли положение в русской социал-демократии, внося в ее ряды разброд и шатания.

Выход из кризиса, в котором оказалась русская социал-демократия после I съезда РСДРП, Ленин видел прежде всего в создании общерусской марксистской политической газеты. «...мы должны поставить своей *ближайшей* целью, — писал он, — *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии.* Мы думаем, что на организацию этого дела должна быть направлена в течение всего ближайшего будущего *вся* деятельность социал-демократов».[22]

В ленинской постановке вопроса о будущей газете революционной социал-демократии было много принципиально важных и одновременно совершенно новых положений. Выходившие в России и за границей газеты были выразителями взглядов и настроений определенных общественных групп и политических партий, средством более или менее широкой пропаганды. Задуманная Лениным газета должна была решить и более сложные и широкие задачи. Ей предстояло стать центром, который объединил бы в себе все виды деятельности политической партии, такие как организация агитации, стачечной борьбы, политических демонстраций, занялся бы изучением и обобщением опыта партии, созданием партийной традиции и преемственности, распределением сил партии па определенных участках партийной работы.

Мысль о необходимости соединения социализма с рабочим движением, настойчиво подчеркивавшаяся Лениным, была тесно связана и с планом построения общерусской марксистской газеты. Она должна была быть одновременно выразительницей взглядов пролетариата и пропагандистом идей демократии. Излагая план построения общерусского марксистского органа, Ленин писал: «Только общий орган партии,

---

[21] В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 262.

[22] В. И. Ленин. Наша ближайшая задача. т. 4, стр. 191.

последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа! А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя, в современной России, крупнейшую политическую силу!».[23]

На февраль—декабрь 1900 г. пришелся период подготовительной работы по созданию «Искры». За это время Ленин провел многочисленные встречи и беседы со своими единомышленниками в различных городах России.[24] Серьезным шагом в деле подготовки издания «Искры» были носившие нелегкий характер переговоры Ленина с членами группы «Освобождение труда». Преодолев попытки Плеханова занять положение единоличного редактора, с немалым трудом предотвратив разрыв, Ленин добился соглашения, на основании которого «Искра» и журнал «Заря» должны были редактироваться совместно Лениным и его ближайшими товарищами по партийной работе в России и членами группы «Освобождение труда».[25]

Написанное Лениным «Заявление редакции „Искры"», появившееся в виде отдельно изданного листка в конце сентября—начале октября 1900 г., представляло собой первый программный документ «Искры». Оно было проникнуто заботой о преодолении разброда, в котором находилась социал-демократия, и достижении прочного идейного единства. В «Заявлении» указывалось на необходимость размежевания с теми социал-демократическими группами, которые не раз-

---

[23] В. И. Ленин. Насущный вопрос. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 198.

[24] Штаб-квартирой будущей «Искры» в этот период был Псков, где поселились В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов. В начале апреля 1900 г. состоялось псковское совещание революционных марксистов с «легальными марксистами». О практической работе по изданию и распространению «Искры» см.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. I, стр. 341—445; М. С. Волин. Ленинская «Искра». М., 1964.

[25] В. И. Ленин. Как чуть не потухла «Искра»? Полн. собр. соч., т. 4, стр. 334—352. В редакцию «Искры» вошли В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов (литературная группа, представлявшая социал-демократическую Россию), Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич (группа «Освобождение труда»).

деляли взглядов создателей «Искры»: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться».[26]

Декабрем 1900 г. помечен первый номер «Искры». В принадлежащей Ленину передовой статье «Насущные задачи нашего движения» на первом месте опять-таки стоял вопрос о партии рабочего класса, которая стала бы его политическим вождем и руководителем. «Ни один класс в истории не достигал господства, — писал Ленин, — если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им».[27]

Идея создания подлинно революционной партии у Ленина теснейшим образом переплеталась с мыслью о революционном воспитании масс, о подчинении ее идейному влиянию их стихийного протеста. Ленин писал, что русская социал-демократия должна «внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением».[28] Ленин призывал со страниц «Искры» выковать такую партию, «к которой потянется все, что есть в России живого и честного».[29]

Поставив в статье «Насущные задачи нашего движения» вопрос о революционной марксистской партии, Ленин в статье «С чего начать?», опубликованной в качестве передовой в майском номере «Искры» за 1901 г., изложил план построения такой партии. Отводя главную роль в построении партии общерусской политической газете, Ленин четко определял поставленную перед нею задачу. «Газета, — писал он, — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».[30]

Вопрос о том, каким путем бороться за строительство пролетарской партии, какие задачи перед ней следует поставить, об организационных формах будущей партии имел исключительное значение. На рубеже XIX и XX вв. в России различные классы общества обнаруживали стремление к образованию политических партий, выражающих их интересы. Начинает постепенно складываться ядро будущей

---

[26] В. И. Ленин. Заявление редакции «Искры». Полн. собр. соч., т. 4, стр. 358.

[27] В. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 375.

[28] Там же, стр. 374.

[29] Там же, стр. 377.

[30] В. И. Ленин. С чего начать? Полн. собр. соч., т. 5, стр. 11.

партии русской либеральной буржуазии. Тенденция к объединению в рядах одной политической партии постепенно намечается и в среде разрозненных народнических групп. Борьба Ленина и его сторонников за создание боевой пролетарской партии развертывается в условиях, когда еще сильным было влияние «экономистов».

Созданная В. И. Лениным в «искровский» период знаменитая книга «Что делать?», написанная в разгар борьбы с «экономизмом», своим острием была направлена против этого оппортунистического течения, но не ограничивалась одной лишь критикой взглядов «экономистов». Она одновременно содержала и широкую позитивную программу борьбы пролетарской партии. В этом труде Ленина были разработаны важнейшие теоретические вопросы, раскрыто значение идеологической борьбы, изложены основные организационные принципы партии рабочего класса. Всю книгу пронизывает мысль об исключительной и ведущей роли революционной марксистской партии в организации борьбы рабочего класса за свое освобождение. Доказывая, что «экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»,[31] Ленин не только выступал против призывов ограничиться борьбой за экономические права рабочих, но также указывал, что необходимо сделать, чтобы осуществить эту революционную ломку и построить социализм, общественный строй, обеспечивающий интересы трудящихся. Ленин учил, что для того, чтобы победить в этой борьбе, пролетариат должен иметь боевой авангард, вооруженный необходимыми знаниями — революционной теорией, каковой является учение Маркса. Он писал, что «*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*».[32] «Без революционной теории не может быть и революционного движения», — утверждал Ленин.[33] При этом Ленин подчеркивал необходимость постоянного развития революционной теории, каковой является учение Маркса, и одновременно решительно выступал против каких бы то ни было попыток пересмотреть основные принципы марксизма, попыток, по существу своему направленных на выхолащивание из марксизма его революционного содержания. В этой связи Ленин резко выступал против лозунга «свобода критики», прикрываясь которым ревизионисты стремились свернуть социал-демократию с революционного пути на путь реформизма: «... „свобода критики“, — писал Ленин, — есть свобода оппор-

---

[31] В. И. Ленин. Что делать? стр. 46.
[32] Там же, стр. 25.
[33] Там же, стр. 24.

тунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов».[34] Напоминая о необходимости борьбы с влиянием буржуазных идей, Ленин указывал, что социал-демократия должна бороться за привнесение социалистической идеологии в сознание рабочих масс, и предупреждал, что глубоко ошибочным является мнение, будто социалистическое сознание само собой получит распространение в рабочей среде. «...*всякое* преклонение перед стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли „сознательного элемента", роли социал-демократии *означает* тем самым, — *совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет*, — *усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих»*, — писал Ленин.[35] Развивая марксистское положение о трех основных формах классовой борьбы рабочего класса, Ленин убедительно обосновал большое значение идеологической борьбы, ничуть не меньшее, чем то, какое имели борьба экономическая и политическая.

Большое внимание уделил Ленин в работе «Что делать?» организационным вопросам. Он дал резкий отпор «экономистам», полагавшим, что подъем массового рабочего движения якобы освобождает революционеров от необходимости уделять усиленное внимание организационной стороне дела. В противоположность таким рассуждениям Ленин доказывал, что пролетарская партия должна уделять большое внимание организационной стороне революционной деятельности, приводил примеры хорошо построенной революционной организации, созданной русскими революционерами в 70-е годы. Полемизируя с «экономистами», Ленин писал: «И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения *избавляет* нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно *возлагает* на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей „классовой борьбой" его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров».[36] Приводя в пример революционные организации народников, Ленин отнюдь не призывал во всем их копировать. Он указывал на недостатки, присущие народническим организациям, в частности

---

[34] Там же, стр. 9.
[35] Там же, стр. 38.
[36] Там же, стр. 135.

на то, что они руководствовались ошибочной теорией и не сумели сочетать свою деятельность с происходившей в то время классовой борьбой. Ленин подчеркивал, что партия, к созданию которой он призывает, должна целиком опираться на марксизм и быть тесно связанной с пролетариатом. Это должна быть партия нового типа.

Эта партия коренным образом отличалась от партий II Интернационала, оказавшихся не в состоянии подготовить пролетариат к революционным сражениям, которые стали неизбежны и должны были приобрести особый размах и остроту в связи с перерастанием капитализма в его высшую стадию — империализм. Основанная на принципах, сформулированных Лениным, партия должна была в отличие от западноевропейских социалистических партий иметь программу, в которой со всей определенностью была бы отражена и утверждена идея социалистической революции и диктатуры пролетариата. Партия революционной социал-демократии в России нацеливалась Лениным на то, чтобы в ходе революции, выступая в роли гегемона, завоевать на свою сторону союзников из рядов трудящихся масс и прежде всего крестьянства. В отличие от партий II Интернационала, чьи воззрения по аграрному вопросу означали отступление от пролетарских классовых позиций, партия, за создание которой боролась «Искра», располагала четко разботанной программой по крестьянскому вопросу. Партия революционного пролетариата России получила ясно изложенную Лениным программу по национальному вопросу, последовательную программу демократических преобразований. Ленин уделил большое внимание тому, чтобы партия была организованным и дисциплинированным передовым отрядом пролетариата, в связи с чем он предлагал для нее Устав, строго определяющий обязанности вступивших в ее ряды революционеров.

Важным событием не только в становлении русской социал-демократии, но и в развитии общественно-политической мысли России в целом и была выработка программы Российской социал-демократической партии, осуществленная редакцией «Искры». В создании этой программы огромную роль сыграл В. И. Ленин, с исключительной твердостью и принципиальностью отстаивавший позиции революционного марксизма. Положение Ленина было сложным, поскольку в редакции «Искры» по ряду вопросов возникали разногласия, которые при обсуждении программы приняли острый характер.

Первоначальный проект программы готовил Г. В. Плеханов. Начав работу над ним в октябре 1901 г., Плеханов окончил ее в январе 1902 г., после чего разослал составленный им проект программы всем членам редакции «Искры».

На состоявшемся 8 января 1902 г. в Мюнхене обсуждении плехановского проекта, в котором участвовали все члены редакции «Искры»,[37] с решительными возражениями по ряду принципиальных вопросов выступил В. И. Ленин. В очень трудной обстановке[38] Ленин добился принятия значительной части своих замечаний. Тотчас после окончания совещания Ленин, по-прежнему считавший плехановский проект неудовлетворительным, начал работу над собственным проектом программы, известным под названием «контрпроекта» Фрея (Фрей — один из псевдонимов В. И. Ленина). Плеханов не возражал против практической части проекта, предложенного Лениным, но высказался против его принципиальной части, после чего занялся составлением своего второго проекта программы. Новый проект, предложенный Плехановым и ставший предметом обсуждения редакции «Искры» в феврале 1902 г., представлял собой по некоторым важным вопросам даже шаг назад от первого проекта. В связи с этим Ленин выступил и против второго проекта Плеханова, изложив свою критику в «Замечаниях на второй проект программы Плеханова». Таким образом, к марту 1902 г. редакция «Искры» располагала двумя проектами программы, первый из которых был составлен Плехановым, а второй — Лениным. Упорство Плеханова, не желавшего прислушаться к мнению тех членов редакции «Искры», которые предложили использовать проект Ленина как основу для обсуждения содержания программы, привело к созданию программной комиссии (в нее вошли Ю. О. Мартов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч). Она должна была полностью согласовать имевшиеся точки зрения и выработать окончательный проект программы. Ленин не согласился с проектом, предложенным комиссией. Напряженная борьба, которую пришлось выдержать Ленину в дискуссии, вспыхнувшей вокруг проекта, завершилась его победой. 1—4 апреля 1902 г. на совещании редакции «Искры» в Цюрихе, в котором приняли участие Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов и член программной комиссии Дейч, был окончательно рассмотрен и утвержден выработанный комиссией проект программы. Несмотря на

---

[37] В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, В. И. Засулич. В заседании участвовала Н. К. Крупская.

[38] Как вспоминала Н. К. Крупская, «заседание было тяжелое. Вера Ивановна [Засулич, — *А. Ц.*] хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова и он хочет прогуляться» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, М., 1968, стр. 56).

отсутствие Ленина, который в это время находился в Лондоне, его идеи восторжествовали на этом совещании. Это означало, что принят проект программы, который носит действительно революционный марксистский характер.

В споре с Плехановым Ленин решительно возражал против предложенной Плехановым в программе партии характеристики капитализма. Он настаивал на том, чтобы в проекте был дан конкретный научный анализ капитализма в России, были показаны его особенности, чтобы был представлен процесс развития русского капитализма. «Партия русского пролетариата, — писал Ленин, — должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму».[39] Подчеркивая международный характер борьбы русских революционных социал-демократов, Ленин указывал, что первым проявлением их интернационального долга должна быть борьба против капитализма в собственной стране. Отвергая предложенные Плехановым неопределенные формулировки, выступая против простого, бесстрастного описания развития капитализма, Ленин считал необходимым обратить внимание на социальные последствия этого процесса, показать вытеснение мелкого производства крупным, пополнение рядов пролетариата за счет разоряющегося крестьянства, указать непролетарским массам, что им следует во имя защиты собственных интересов присоединяться к партии пролетариата и в ее рядах бороться против капитализма. В отличие от Плеханова, не выделявшего в своих проектах рабочий класс из общей массы трудового народа, Ленин подчеркивал ведущую роль пролетариата в революционной борьбе, пролетарский характер создаваемой партии. Ленин утверждал, что, выступая защитником интересов всех трудящихся слоев, рабочий класс ни в коем случае не должен растворяться в их среде, а своей роли выразителя настроений эксплуатируемого большинства он добивается благодаря решительной борьбе с капитализмом, убедительным разоблачением капиталистического строя, как строя, несущего беды и разорение всему народу и прежде всего крестьянству.[40] В спорах с Плехановым Ленин отстаивал марксистское понимание диктатуры пролетариата, указывал, что она обеспечит руководство всеми трудящимися в борьбе за достижение социализма. Создание подлинно марксистского проекта программы имело зна-

---

[39] В. И. Ленин. Отзыв о втором проекте программы Плеханова. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 236.

[40] Дискуссия между Лениным и Плехановым, специально касавшаяся аграрно-крестьянского вопроса в партийной программе, кратко освещена ниже.

чение, далеко выходившее за рамки русской революционной мысли. Оно означало серьезный удар по ревизионистским и оппортунистическим тенденциям в международном рабочем и социалистическом движении.

* * *

«Искра» уделяла огромное внимание политическому воспитанию рабочего класса. В этой связи она многое делала для того, чтобы дать правильное истолкование происходившим в стране событиям, анализируя их, намечать возможные пути организации революционной борьбы. «Искра» живо откликнулась на волну демонстраций, прокатившихся по России в начале XX в. Как только в редакции «Искры» стало известно о репрессиях против киевских студентов, в уже сверстанный 2-й номер «Искры» была помещена статья Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов». В ленинской статье не просто выражалось возмущение по поводу неслыханного произвола царских властей. В ней содержался призыв направить студенческое движение в русло общенародной борьбы против царского самодержавия. Осуществить это, по мысли Ленина, должны были передовые рабочие и тесно связанные с ними социал-демократические организации. Призыв «И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа!» [41] не только звал к протесту против вопиющего проявления полицейского произвола. Он указывал на один из важных путей борьбы против самодержавия — на организацию политических демонстраций. Происходившие в феврале—марте 1901 г. массовые демонстрации рабочих и студентов в Петербурге, Москве и других городах подтвердили правильность слов Ленина о том, что политические демонстрации являются действенным средством революционной борьбы. «Искра», Ленин отмечали стремление масс к активной борьбе и указывали одновременно на отсутствие руководящей силы, способной возглавить движение, беспокоились о том, чтобы не возник разрыв между революционными организациями и массами, рвущимися к борьбе, но не имеющими направляющей силы. Очень важное значение в связи с этим имела публикация в «Искре» ленинской статьи «С чего начать?». Эта статья подчеркивала необходимость создания такой партии, которая возглавила бы движение пролетариата, и излагался план ее организации.

---

[41] В. И. Ленин. Отдача в солдаты 183-х студентов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 396.

Существенным шагом в деле революционного воспитания пролетариата была кампания, развернутая «Искрой» в связи с подготовкой к празднованию 1 Мая 1901 г. «Искра» призывала рабочих организовать в день 1 Мая открытую всероссийскую демонстрацию, учила сочетать требования экономического характера с политическими. Разъяснению этой задачи было посвящено написанное Лениным предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове», в котором с большим тактом разбирались недостатки, присущие первомайской демонстрации 1900 г. в Харькове. На конкретных примерах Ленин показал, что широкие массы еще не осознали, что борьба пролетариата представляет собой борьбу за интересы всего народа. «Когда требование, чтобы царь созвал народных представителей, будет с полной сознательностью и непоколебимой твердостью повторено рабочими массами во всех промышленных городах и фабричных местностях России, когда рабочие достигнут того, чтобы все городское население и весь приходящий в города деревенский люд поняли, чего хотят социалисты и за что борются рабочие, тогда от нас недалек уже будет великий день освобождения народа от полицейского самовластия!».[42] Этими словами Ленин закончил свое предисловие, указав на настоятельную необходимость разъяснения целей, за которые борется пролетариат.

Связанная с Первомаем 1901 г. известная «Обуховская оборона» была тщательно проанализирована Лениным. Он обращал внимание на то, что в выступлении рабочих Обуховского завода со всей наглядностью были продемонстрированы, во-первых, необычайная ненависть, скопившаяся в рабочем классе по отношению к существующему строю, и, во-вторых, широкие возможности, которые заключала в себе открытая борьба пролетариата. Ленин писал, что обуховцы убедительно продемонстрировали возможность уличной борьбы, и призывал рабочих готовиться «к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!».[43]

Широко пропагандируя смелые проявления протеста трудящихся масс в те периоды, когда он носил ярко выраженный характер, в периоды подъема, Ленин постоянно напоминал о неизбежности новых выступлений и в моменты, когда движение шло на спад.

Наряду с огромной работой по политическому воспитанию рабочего класса Ленин в искровский период большое внимание

---

[42] В. И. Ленин. Предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове». Полн. собр. соч., т. 4, стр. 369, 370.

[43] В. И. Ленин. Новое побоище. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 19.

уделял аграрно-крестьянскому вопросу. В «Искре» публиковались материалы, намечавшие путь, по которому должна была развиваться деятельность социал-демократов в крестьянской среде, разъяснялась необходимость привлечения крестьянских масс на сторону пролетариата. Событием в борьбе за крестьянство был выход в свет ленинской работы «К деревенской бедноте» (1903), над которой Ленин работал с исключительным воодушевлением. Н. К. Крупская впоследствии вспоминала: «Из работ, которые не нервировали Владимира Ильича в Лондоне, а дали ему известное удовлетворение, было писание брошюры „К деревенской бедноте“. Крестьянские восстания 1902 г. привели Владимира Ильича к мысли о необходимости написать брошюру для крестьян. В ней он растолковывал, чего хочет рабочая партия, объяснял, почему крестьянской бедноте надо идти с рабочими. Это была первая брошюра, в которой Владимир Ильич обращался к крестьянству».[44]

С крестьянским вопросом переплеталась проблема ведения революционой работы в армии, которой «Искра» придавала большое значение.

Открытые столкновения между демонстрантами и брошенными на борьбу с ними войсками показали, что революционной социал-демократии необходимо задуматься над возможностью привлечения солдатской массы на свою сторону. Решение этой задачи было связано с большими трудностями, так как правительство и военное командование бдительно охраняли армию и флот от революционных настроений. Несмотря на все препятствия, революционный дух все же проникал и в казармы. Это обстоятельство отмечалось в «Искре», где печатались материалы, из которых явствовало, что в солдатской и офицерской среде порой возникали сомнения и колебания при использовании войск для подавления революционных выступлений. «Искра» сообщала об имевших место первых попытках вести пропаганду в войсках, в частности, напечатала сообщение о листовке «К офицерам», выпущенной виленскими социал-демократами в связи с посылкой войск для ликвидации стачки кожевников, перепечатала текст прокламаций Нижегородского и Екатеринославского социал-демократических комитетов, обращенных также к офицерам. С особым вниманием относилась «Искра» к случаям прямого воздействия революционеров на войска при общении с ними.[45] Систематически

---

[44] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 73. О программе Ленина по крестьянскому вопросу в искровский период см. выше (стр. 262—266). См. также: М. С. Волин. Ленинская «Искра», стр. 90—103.

[45] М. С. Волин. Ленинская «Искра», стр. 103—105.

освещая на своих страницах все более учащавшиеся случаи распространения социал-демократических прокламаций среди военных «Искра» одновременно обращается и к вопросу о военных социал-демократических организациях.

Революционные социал-демократы, прежде всего сам Ленин, не ограничивались внимательным наблюдением за распространением революционных настроений в войсках и налаживанием агитации в военной среде. Вдумчиво обобщая первый накопленный опыт работы в армии и во флоте, они ставили вопрос о создании в армии социал-демократических организаций. «... в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких „врагов", как рабочие и студенты, — писал Ленин. — И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание „военных организаций", входящих в нашу партию».[46]

Накануне II съезда партии Ленин подчеркивал большую важность проблемы революционной работы в армии. Проделанная в искровский период работа по привлечению армии на сторону революционных масс представляла еще только первые шаги по пути превращения солдат и матросов из важнейшей вооруженной силы самодержавного правительства в союзника революционного пролетариата. Тем не мене она сыграла исключительно большую роль для дальнейшего развития революционной деятельности в данном направлении. При этом важнейшей частью решения проблемы революционной работы в армии была разработка основных принципов, определявших отношение социал-демократии к армии, и организацию революционной деятельности в военной среде.

В «Искре» были напечатаны первые ленинские работы, посвященные национальному вопросу, которые легли в основу выдвинутой «Искрой» демократической программы решения национального вопроса в России. Выработка позиции революционной социал-демократии по отношению к этой острейшей и сложнейшей в условиях царской России проблеме имела очень большое значение. Ленин выступил непримиримым противником проводившейся царским правительством политики национального гнета и колониальных захватов. Он разъяснял, что угнетение одних национальностей другими глубоко чуждо рабочему классу, что те, кто сеет национальную рознь, стремятся развратить трудящихся и направить их недовольство

[46] В. И. Ленин. Что делать? стр. 129.

по ложному пути. «На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг, — писал Ленин, — всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов».[47]

Со стороны «Искры» нашла сочувствие и поддержку борьба народа Финляндии, протестовавшего против произвола царских властей. В статье «Протест финляндского народа», опубликованной в № 11 «Искры», Ленин выражал свою солидарность с массовым адресом, которым финский народ выражал свой протест против посягательства на конституцию Финляндии. Ленинская статья завершалась словами: «Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы все еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы все еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу».[48] Статьи, в которых выражалась поддержка выступлениям против притеснения народа Финляндии, печатались в «Искре» начиная буквально с ее первого номера. В статье, появившейся в № 1 «Искры», говорилось, что наступление, предпринятое царскими чиновниками против финляндской конституции, приведет лишь к усилению сопротивления и к объединению в борьбе против русского самодержавия всех выступающих против него сил. «Да здравствует свободная Финляндия!», «Да здравствует свободная Россия!», — провозглашала «Искра».[49] На страницах «Искры» разъяснялось, что путь к достижению свободы финского народа лежит через прочный союз финских и русских рабочих. «Финляндцы могут окончательно свергнуть с себя дикое, зверское иго лишь при совместной борьбе с российской социал-демократией против азиатского деспотизма», — писала «Искра».[50]

Что союз с русским пролетариатом является самым надежным залогом в борьбе за свою национальную независимость против царского самодержавия, Ленин подчеркивал, касаясь и другого давнего и больного вопроса — польского. Ленин писал в № 34 «Искры»: «... мы всегда будем говорить польскому

---

[47] В. И. Ленин. Китайская война. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 383.

[48] В. И. Ленин. Протест финляндского народа. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 356—357.

[49] «Искра», №№ 1—52. Полный текст под ред. и с прим. П. Лепешинского, вып. I. Л., 1926, стр. 14.

[50] Там же, вып. V, Л., 1928, стр. 83.

рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения».[51] Поддерживая освободительное движение, Ленин, «Искра» стояли непоколебимо на страже принципов пролетарского интернационализма, решительно давая отпор всем и всяческим проявлениям буржуазного национализма. Касаясь польского вопроса, «Искра» поддерживала Социал-демократию Польши и Литвы, стоявшую на марксистских, интернационалистических позициях, и критиковала Польскую социалистическую партию, занимавшую нацоналистическую позицию. «Искра» поместила на своих страницах первомайскую листовку, выпущенную первой из этих партий и призывавшую: «Польские рабочие! Вы знаете, кто ваш враг и кто ваш брат. Ваш враг — царский абсолютизм и польско-русский класс капиталистов. Ваш брат — русский рабочий класс».[52]

Ленин разоблачал национализм «бундовцев». Он с большим одобрением встретил прокламацию екатеринославских марксистов, обращенную к еврейским рабочим и проникнутую идеей пролетарского интернационализма. Ленин писал, что «эта прекрасная прокламация превосходно разъясняет... социал-демократическое отношение к сионизму и антисемитизму», и особенно подчеркивал, что «при этом прокламация настолько заботливо, товарищески заботливо относится к чувствам, настроениям и желаниям еврейских рабочих, что специально оговаривает и подчеркивает необходимость борьбы под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии „*даже для сохранения и дальнейшего развития вашей* (прокламация обращается к евреям-рабочим) *национальной культуры*“, „*даже в интересах чисто национальных*“».[53]

Борьбе с националистическими идеями Бунда, затемнявшими сознание еврейских рабочих, были посвящены ленинские статьи «По поводу заявления Бунда», «Нужна ли „самостоятельная политическая партия“ еврейскому пролетариату», «Последнее слово бундовского национализма».

В искровский период Лениным были сформулированы важнейшие принципы национальной политики революционной партии российского пролетариата, проведена большая работа по воспитанию трудящихся России в духе пролетарского интерна-

---

[51] В. И. Ленин. Национальный вопрос в нашей программе. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 242.

[52] «Искра», №№ 1—52, вып. III, Л., 1926, стр. 110.

[53] В. И. Ленин. Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 118—119.

ционализма и нетерпимости к какому бы то ни было проявлению национального гнета.

Значительное внимание в ленинских работах, относящихся ко времени старой «Искры», было отведено либеральному движению конца XIX—начала XX в. В. И. Ленин касался важнейших сторон истории этого направления в русской общественно-политической мысли, он дал принципиальную оценку его содержанию и значению, четко определил отношение революционной социал-демократии к либерализму. Говоря об оживлении либеральной оппозиции в начале 90-х годов, Ленин указывал на то, что реакционная политика 80-х годов не могла уничтожить недовольства, существовавшего в либеральных кругах, что она способна была лишь заглушить его открытое проявление. В работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» он писал о том, что законодательные акты и административные меры 80-х годов, направленные против земства, не достигали поставленной царским правительством цели, а давали обратный результат. Ленин указывал, что это обстоятельство вынужден был признать и С. Ю. Витте в своей секретной записке (о которой будет еще ниже речь). «Новая „полумера" (земское положение 1890 г., — *А. Ц.*), — как излагает дальше «Записка» — оппозиции правительству не уничтожила (оппозицию реакционному правительству и невозможно было бы, разумеется, уничтожить усилением этой реакционности), а только сделала *некоторые* проявления ее скрытыми». Указывая на формы выражения либеральной оппозиционности 80-х годов, Ленин писал, что «оппозиция проявлялась, во-первых, в том, что некоторые антиземские, если можно так выразиться, законы встречали отпор и de facto не осуществлялись, во-вторых, опять-таки в конституционных (или по крайней мере имеющих запах конституционализма) ходатайствах».[54] Тут же Ленин обращал внимание на то, что с конституционными ходатайствами выступили и земские деятели в 90-е годы. «Второго рода оппозиция выразилась и в новом земстве в 1894 г., — писал Ленин, — когда адреса земств Николаю II снова намекнули совершенно определенно на их требование расширить самоуправление и вызвали „знаменитые" слова о бессмысленных мечтаниях».[55]

---

[54] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 48—49.

[55] Там же, стр. 49. Даже столь откровенный нажим на земства, как отмеченная Лениным речь Николая II, в которой последний обещал «охранять начало самодержавия так же твердо и непреклонно», как охранял его Александр III, не мог пресечь оппозиционных выступлений земцев. Ряд земств подали конституционные адреса и после этого окрика со стороны самодержца. Особую настойчивость проявили земцы в своем стремлении к объединению. Состоявшееся по инициа-

В 90-х годах в правительственных кругах возникла полемика вокруг вопроса о положении земства в России. Министр финансов С. Ю. Витте в секретной записке выступил против проекта министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, касавшегося устройства земств в западных губерниях. Витте утверждал, что земские учреждения не соответствуют самодержавному строю и при дальнейшем развитии должны привести к конституции. В своей записке Витте, как отмечал Ленин, «решил особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавию составлением обвинительного акта против земства».[56] Вместе с тем в записке Витте, этого, по словам Ленина, «великого» акробата,[57] министра-клоуна,[58] была допущена известная двусмысленность. Свое доказательство несовместимости самодержавия и земства он строил так, что у читателя могло возникнуть предположение, что сам-то Витте является сторонником ограничения самодержавной

тиве Д. Н. Шипова совещание председателей губернских земских управ решило устраивать ежегодные съезды для обсуждения важнейших земских вопросов. Пожелания земских деятелей были весьма скромными и ограниченными. Как отмечает публицист и историк Б. Б. Веселовский, они хотели иметь общеземский орган печати, добивались отмены предварительной цензуры для земских изданий, ходатайствовали об отмене телесных наказаний для крестьян, стремились к устройству периодических съездов по земским вопросам и, наконец, при смене царствования осторожно заговорили о необходимости «правопорядка» (Б. Б. Веселовский. История земства, т. 3, СПб., 1911, стр. 510). Однако и весьма робкие стремления земцев встречали отпор со стороны правительства. Оно, в частности, пресекало малейшие попытки, направленные на создание общеземских организаций. Тем не менее, несмотря на запреты, происходили временами «слеты», небольшие съезды земцев. В 1899 г. усилиями Д. Н. Шипова, князей Павла и Петра Долгоруковых даже возник полуконспиративный центр земского движения — кружок «Беседа». Политические взгляды членов «Беседы» были различны. Наряду с конституционалистами, составившими впоследствии костяк конституционно-демократической (кадетской) партии, в нее входили так называемые славянофилы, провозглашавшие себя сторонниками «чистого самодержавия», и некоторые будущие лидеры еще более правых. В. А. Маклаков вспоминал впоследствии, что «участники кружка старались проводить свои реформы, опираясь на самодержавную власть, а не стремясь ее ослабить и опрокинуть». (Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг. «История СССР», 1965, № 5, стр. 44—47; Э. П. Михеева. Несколько дополнений к истории «Беседы». Там же, 1966, № 2, стр. 241—243).

[56] В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 25—26.

[57] В. И. Ленин. Умирающее самодержавие и новые органы народной власти. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 123.

[58] В. И. Ленин. Всероссийская политическая стачка. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 3.

власти. Именно в таком духе и были истолкованы высказывания Витте П. Б. Струве, опубликовавшим за границей записку С. Ю. Витте в книге «Самодержавие и земство» и снабдившим ее своим предисловием, подписанным псевдонимом «Р. Н. С.».[59]

В своем предисловии к записке Витте П. Б. Струве, рассматривавший ее как подрывающую будто бы основы самодержавия, развивал мысль о противопоставлении земства самодержавию. Этому своему предисловию Струве придавал значение программного документа либерализма. Действительно, Струве, ставший теперь окончательно на позиции либерализма, сыграл видную роль в выработке идеологической программы складывавшейся партии русского либерализма. С окончательным переходом этого бывшего «легального марксиста» в лагерь либералов они приобрели в его лице деятеля, много сделавшего для разработки иделогических вопросов, стоявших перед русским либерализмом.[60] Лозунг, который Струве выдвигал для подготовляемой партии либералов, содержался в его предисловии к записке Витте и нашел свое выражение в словах: «права и властное всероссийское земство».

В. И. Ленин отмечал ту роль, которую сыграли Струве и другие бывшие «легальные марксисты» в формировании новой буржуазно-либеральной интеллигенции. В статье «Задачи революционной молодежи» Ленин писал об образовании новой русской интеллигенции, «либерализм которой почти совсем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от

---

[59] Уверенность Струве в том, что Витте в действительности выступает сторонником ограничения самодержавия, была тем большей, что тотчас же по выходе в свет изданной им «Записки» ему стало известно содержание беседы, которую вел И. П. Шипов с Витте и другими министрами по поводу этого же документа, в ходе которой Витте давал понять, что он не враг земству (Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово». В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, стр. 176).

[60] В начале 900-х годов П. Б. Струве, до этого не раз колебавшийся между либерализмом и социал-демократией, окончательно переходит в либеральный лагерь. Н. К. Крупская вспоминала, что П. Б. Струве, который в зиму 1897/98 г., по ее мнению, еще «был социал-демократом», хотя в нем удивляла «его книжность и почти полное отсутствие интереса к „живому дереву жизни“», в 1901 г. занимал уже совершенно иные позиции. Она писала: «Еще до моего приезда был в Мюнхене Струве. С ним дело в это время шло уже на разрыв. Он переходил в это время из стана социал-демократии в стан либералов. В последний приезд с ним было резкое столкновение... Приезжал Струве второй раз, когда я уже была в Мюнхене. Владимир Ильич отказался его видеть... Было ясно, это чужой, враждебный партии человек» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 25—26, 52).

примитивного народничества и расплывчатого социализма». Говоря о том, что «образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами», Ленин подчеркивал, что оно идет так стремительно «особенно благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как гг. Струве, Бердяевы, Булгаковы и К⁰».[61]

Что же касается лозунга, выдвинутого Струве в его предисловии к записке Витте, то в своей работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» Ленин не только показал сущность полемики между Горемыкиным и Витте, которую он охарактеризовал как домашнюю ссору «в пределах одной шайки», но и подверг острой критике позицию, занятую Струве. Напоминая о своей работе «Гонители земства», Ленин писал позже: «Я показал там двусмысленность всей позиции г. Р. Н. С., говорившего об Аннибаловой клятве борьбы с самодержавием и в то же время обращавшегося с елейными речами к власть имущим, к мудрым консерваторам, в то же время выдвигавшего „формулу“: „права и властное земство“ и т. д. и т. д.».[62]

Касаясь деятельности либеральных, чаще всего земских, кругов, Ленин вскрывал весьма ограниченный характер их оппозиционности, но одновременно считал целесообразным поддерживать протест либеральных элементов, в котором он усматривал проявление недовольства одной из общественных групп, отрицательно относившейся к крайним проявлениям самодержавной власти. Напечатанная в № 8 «Искры» (от 10 сентября 1901 г.) статья Ленина «Земский съезд» обращала внимание на «общественное оживление, волной прокатившееся по стране вслед за событиями весны этого года» и проявившее себя в различных формах «во всех слоях русского общества, еще в январе нынешнего года казавшегося глухим и чуждым сознательной работе русской социал-демократии». Меры, предпринятые правительством против этого общественного подъема, Ленин называл «мыльными пузырями», которые не могли успокоить даже земцев, по его словам, состоявших наполовину «из запуганных чиновников» и представлявших собой «робких людей с почти атрофировавшимся гражданским мужеством и гражданской нравственностью».[63] Но даже такие «робкие люди» в обстановке полного беспра-

---

[61] В. И. Ленин. Задачи революционной молодежи. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 346.

[62] В. И. Ленин. Г. Струве, изобличенный своим сотрудником. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 204—205.

[63] В. И. Ленин. Земский съезд. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 93,

вия, царившего в России, оказывались вынужденными решаться на действия «без разрешения и ведома администрации», созывая собрания «с нарушением порядка действия земских учреждений» и незаметно для себя переходить от мирных невинных вопросов к обсуждению общего положения вещей.

Ленин считал, что уклонение земских деятелей от открытой борьбы с самодержавием обречет земство на гибель. «Эта бесславная смерть неизбежна, ибо нельзя безнаказанно десятки лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать; надо грозить, требовать и, бросив игру в бирюльки, приняться за настоящую работу».[64] Такими словами Ленин кончал свою статью, в которой он беспощадно обличал черты, характерные для современных ему земцев, да и вообще для русского либерализма. Тем не менее он считал нужным насколько возможно способствовать расширению либерального движения. В № 18 «Искры» в статье «Письмо к земцам» Ленин, приведя письмо старых земцев, писал, что «это очень поучительное письмо», что «оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать *против* самодержавного правительства». Сравнив предисловие П. Б. Струве к записке С. Ю. Витте с этим письмом старых земцев, Ленин приходил к выводу, что оно производит лучшее впечатление: его авторы «находят в себе прямоту и мужество, чтобы решительно восстать против „земцев-оппортунистов“, не боясь объявить войну „позорной трусости“, не подделываясь к особенно отсталым либералам».[65]

Почин старых земцев Ленин поэтому считал заслуживающим поддержки.[66] Ленин призывал рабочих, которые «уже пережили „стадию“ (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации», показать земцам, которые «только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию», пример борьбы.[67] Тут же он выступал против явных и тайных, сознательных и бессознательных сторонников «экономизма», утверждавших, что поддержка рабочими земцев нужна только земцам, и указывал, что она необходима «прежде всего и больше всего для *самого рабочего класса*». Разъясняя важность поддержки оппозиционных земцев со стороны рабочих, Ленин писал, что рабочий класс, «этот единственный действительно революционный

---

[64] Там же, стр. 94.
[65] В. И. Ленин. Письмо к земцам. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 355.
[66] Там же, стр. 355—356.
[67] Там же, стр. 356.

класс» современного общества «не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался *всяким* поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу», что «слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях и программах были бы пустым звуком, если бы мы упускали те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-е годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты-земцы и крепостники-помещики) союзники». Ленин призывал «внимательно следить за земской жизнью, за ростом и расширением (или упадком и сужением) новой волны протеста», «давать рабочему классу побольше знакомства с историей земства», «читать рабочим на кружковых собраниях о земстве и его отношениях к правительству», «пускать листки по поводу земских протестов».[68] Он призывал «готовиться к тому, чтобы на всякое поругание сколько-нибудь честной земщины царским правительством пролетариат мог ответить демонстрациями против помпадуров-губернаторов, башибузуков-жандармов и иезуитов-цензоров».[69] В заключение статьи Ленин писал: «Партия пролетариата должна научиться преследовать и травить *всякого* слугу самодержавия за *всякое* насилие и бесчинство против какого бы то ни было общественного слоя, какой бы то ни было нации или расы».[70]

В духе ленинских высказываний, направленных на поддержку в обществе оппозиционных настроений, «Искра» печатала статьи, рассчитанные на то, чтобы толкать либеральные элементы на открытые выступления против самодержавия. «Искра» призывала дворян-помещиков вопреки предложению министра внутренних дел не выступать в роли шпионов, освещающих происходящее на народных чтениях.[71] Она обращалась с воззванием к офицерам следовать примеру Пестеля и Бестужева, а не сотрудничать с полицией и жандармами при подавлении народных выступлений.[72] В «Искре» социал-демократам рекомендовалось находить сочувствующих и среди духовенства.[73]

Определенной вехой в истории русского либерализма явилось основание его зарубежного органа «Освобождение» в 1902 г. В первом номере «Освобождения» была напечатана

---

[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 357.
[69] Там же, стр. 357—358.
[70] Там же, стр. 358.
[71] «Искра», №№ 1—52, вып. II, Л., 1926, стр. 134.
[72] Там же, вып. V, стр. 160.
[73] Там же, вып. III, стр. 126.

статья его редактора П. Б. Струве, носившая программный характер. В ней совершенно открыто провозглашались отказ от революционной борьбы, политика умеренности и осторожности. «Наш орган не будет „революционным“», — писал Струве. Он объяснял, что журнал будет выразителем «умеренных элементов общества», «наиболее связанных с земской группой», что он видит свою задачу в том, чтобы «осознать и оформить либерально-демократическое движение в стране».[74]

Ленин полагал, что откровенная позиция «Освобождения» имеет свое положительное значение, поскольку способствует размежеванию политических группировок. Одновременно он усиливал и заострял критику деятельности либеральных кругов, с особой резкостью выступая против них во всех тех случаях, когда они отказывались даже от своих собственных скромных требований и шли на сближение с правительством.[75] Считая, что следует продолжать оказывать идейное давление на либералов, Ленин отнюдь не склонен был преувеличивать некоторых шагов либеральных деятелей по пути известного «полевения». Когда под влиянием критики со стороны революционной социал-демократии либералы решились вместо «властного земства» заговорить о всеобщей подаче голосов и Струве в связи с этим назвал своих единомышленников «либерально-демократической партией», Ленин задал иронический вопрос: «Не раненько ли?»,[76] давая понять, что нельзя назвать демократами людей, отшатнувшихся от революционной борьбы и заигрывавших с самодержавием.

Тактика В. И. Ленина по отношению к либералам в период «Искры» исходила из его убеждения в необходимости всемерно использовать в интересах социал-демократии и революционного движения любые проявления недовольства самодержавным режимом, а вместе с тем диктовалась важной задачей разоблачения трусости, половинчатости, готовности к изменам либеральных «оппозиционеров», политического воспитания трудящихся масс и подлинно демократически настроенных кругов интеллигенции.

* * *

Тщательный и глубокий анализ существовавших в России общественно-политических направлений, произведенный В. И. Лениным в искровский период, имел исключительно

[74] «Освобождение», 1902, № 1, 18 июня (1 июля), стр. 2, 5.

[75] В. И. Ленин. Политическая борьба и политиканство. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 34—42.

[76] В. И. Ленин. Г. Струве, изобличенный своим сотрудником, стр. 209.

важное значение для правильной ориентировки русской революционной социал-демократии в условиях борьбы за создание революционной партии пролетариата. Он являлся важной частью той теоретической работы, в ходе которой Ленин разрабатывал и обосновывал со строго марксистских позиций важнейшие принципы, на которых должна была строиться новая партия.

В борьбе за создание революционной партии российского пролетариата «Искра» выступала в роли боевого органа русской революционной социал-демократии. Ленин не только сам проделал в искровский период огромную теоретическую работу. Ему принадлежит историческая заслуга в том, что он сумел отстоять последовательно революционный курс «Искры» вопреки возникавшим внутри самой редакции разногласиям. По ряду вопросов Ленину пришлось вести серьезные споры с Г. В. Плехановым, с некоторыми другими членами редакции (расстановка сил внутри редакции при этом бывала различной). Причиной дискуссий были такие проблемы, как отношение к либералам, некоторые программные вопросы, в частности крестьянский.

Поводом к спорам по вопросу об отношении к либералам послужила ленинская статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Она вызвала недовольство и возражения со стороны «стариков», не согласных с рядом содержавшихся в ней принципиальных положений. «Не следует теперь ругать либерала вообще — это нетактично. Надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно... Следует несколько раз оговорить... что плохи так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения... Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это — большая ошибка», — писал Г. В. Плеханов В. И. Ленину.[77] В тех же тонах было выдержано письмо Г. В. Плеханова П. Б. Аксельроду при пересылке рукописи «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Отвечая на это письмо Плеханова, Аксельрод высказывался за переделку статьи по существу.[78] П. Б. Аксельрод полемизировал с В. И. Лениным, не отрицавшим известного значения земства, но не признававшим его крупным или вообще сколько-нибудь самостоятельным фактором политической борьбы.[79] Подчиняясь мнению большинства, Ленин несколько смягчил отдельные выражения в статье и внес в нее несколько

---

[77] Ленинский сборник, т. III. М., 1925, стр. 203, 204.

[78] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II. М., 1925, стр. 157.

[79] Ленинский сборник, т. III, стр. 209.

оговорок, но ни на иоту не отступил от своей принципиальной оценки либерализма.

Предметом серьезных разногласий был и крестьянский вопрос. Выдвигая при разработке программы будущей партии требование возвратить крестьянам «отрезки», Ленин видел в этом первый шаг на пути к национализации всех земель, осуществить которую необходимо было в дальнейшем еще в ходе буржуазно-демократической революции. Плеханов в этот период выступал против национализации земли, которую расценивал как реакционное мероприятие. Он считал ее возможной лишь тогда, когда она явится частью общей национализации всех средств производства при наличии политической власти в руках пролетариата. Расхождения Плеханова с Лениным в этом вопросе были связаны с тем, что в отличие от Ленина он по существу отрицал гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции. Вопреки сопротивлению Плеханова Ленин сумел добиться того, что «Искрой» была выработана и широко распространена революционная по своему существу аграрная программа будущей партии.

В этих и других спорах, возникавших между членами редакции «Искры», Ленин твердо отстаивал свои принципиальные позиции. При всем том возникшие конфликты создавали для Ленина много трудностей в его работе. То, что «Искра» не утратила своего лица, твердо держалась принятого ею направления, было огромной заслугой Ленина. Недаром старая «Искра» с полным основанием вошла в историю как ленинская «Искра».

Наряду с большой работой по идейной подготовке создания партии «Искра», в особенности сам Ленин, сделали очень много, чтобы практически подготовить II съезд РСДРП. Главное значение этого съезда состояло в создании революционной марксистской партии, партии большевиков.

Вокруг «Искры» сплотилась крепкая группа профессиональных революционеров, сотрудников и сторонников газеты, являвшихся по своим убеждениям последовательными марксистами. Они приняли на свои плечи нелегкую работу по доставке «Искры» в Россию и распространению ее среди возможно более широких слоев рабочего класса. Эти люди [80] — «агенты» «Искры» — составили сплоченный коллектив, послуживший надежной основой и крепким ядром партии революционного

---

[80] В числе агентов «Искры» были такие видные деятели российской социал-демократии, как И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман, И. Ф. Дубровинский, Р. С. Землячка, М. И. Калинин, П. А. Красиков, Л. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, П. Н. Лепешинский, М. М. Литвинов, В. П. Ногин, О. А. Пятницкий, Е. Д. Стасова, А. М. Стопани, Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова, А. Д. Цюрупа и др.

пролетариата. В России возникли группы, оказывавшие всестороннее содействие «Искре». Число этих групп постепенно росло, они появлялись в различных городах страны. Увеличивался и спрос на самое «Искру». Наблюдая за распространением «Искры» в России, Ленин подчеркивал, что ей следует уделять наибольшее внимание, он предостерегал некоторых местных работников, помышлявших об издании местной газеты, от опасности распылять свои силы. В 1901 г. он писал товарищам, находившимся в России: «Надо только, чтобы распорядительный комитет *непременно* думал о всей России, отнюдь не об одном районе, ибо все будущее „Искры“ зависит от того, сумеет ли она побороть местное кустарничество и районную обособленность и стать *на деле* общерусской газетой. . .».[81]

Важное значение имело состоявшееся в январе 1902 г. в Самаре совещание искровцев, обсудившее актуальные вопросы партийной жизни. Оно пришло к убеждению, что важнейшей задачей искровской организации является присоединение местных социал-демократических организаций к «Искре» и признание ее общепартийным органом. На совещании был избран Центральный комитет и создано Бюро русской организации «Искры», что означало возникновение общерусской организации, объединявшей сторонников «Искры» и помогавшей дальнейшему развитию искровского дела в России. В то время как формировалась искровская организация в России, шла борьба за создание организации «Искры» за границей, «Искра» выступала за объединение заграничных социал-демократических организаций на твердой марксистской основе и одновременно против слияния с оппортунистическими элементами. Результатом напряженной деятельности искровцев, преодолевавших упорное сопротивление раскольнических элементов, было создание «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», ставшей заграничным центром, стоявшим на искровских позициях.

Первые же годы работы искровцев их напряженная и целеустремленная деятельность дали уже к началу 1902 г. весьма ощутимые результаты. К этому времени налицо была налаженная деятельность общерусской марксистской газеты, влияние которой стало уже очень серьезным и проникало в массы русских рабочих. К тому же вокруг «Искры» сплотилась крепкая организация профессиональных революционеров, деятельность которых выходила за рамки издания и распространения газеты. Налицо было прочное и надежное ядро партии.

---

[81] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 167.

В 1902 г. наступил новый этап в борьбе искровцев за сплочение вокруг «Искры» местных социал-демократических организаций. С первых же шагов здесь наметился заметный успех. 21 января 1902 г. Н. К. Крупская, сообщая из Лондона в Томск Анне Ильиничне Елизаровой о создании в России Организационного комитета, о том, что «около 15 комитетов уже признало Искру руководящим органом», что «другие... вероятно, последуют тому же», заключала: «К Искре теперь тянутся лучшие силы».[82] Вторая половина 1902 г.—начало 1903 г. стали временем сплочения большинства местных организаций РСДРП вокруг «Искры». Борьба за овладение местными организациями требовала от искровцев сочетания непримиримости к своим идейным противникам, среди которых особенно активную роль играли в то время «экономисты», с большой гибкостью, необходимой для того, чтобы привлечь на свою сторону революционеров-практиков, оказывавшихся зачастую под оппортунистическим влиянием, но способных понять необходимость перехода на искровские позиции. Такая тактика обеспечивала сплочение вокруг «Искры» всех здоровых элементов русской социал-демократии, готовила предпосылки для создания крепкой и единой революционной партии.

Завоевание местных партийных организаций искровцами влекло за собой перестройку их работы, развертывание энергичной деятельности в области политической борьбы. В этой работе искровцы руководствовались ленинскими указаниями. Большую роль на этом этапе в борьбе за местные социал-демократические организации и перестройку их работы сыграло ленинское «Письмо к товарищу о наших организационных задачах».

Искровцы добились успеха в борьбе за социал-демократическую организацию Петербурга, что имело особенно крупное значение. Вскоре им удалось завоевать московскую и ряд других социал-демократических организаций. С переходом социал-демократических организаций на искровские позиции принципиально менялся характер деятельности комитетов РСДРП. Они превращались теперь в боевые руководящие центры революционного движения. В прошлое уходило время, когда они ограничивались лишь экономической агитацией среди рабочих строившейся на основе повседневных требований последних. Изживались кустарничество и кружковщина. Все это способствовало созданию более благоприятных возможностей для созыва II съезда РСДРП.

---

[82] Из переписки «Искры» с местными организациями. «Пролетарская революция», 1928, № 6—7, стр. 121.

Решение организационных вопросов, стоявших перед искровцами, тесно переплеталось с разработкой теоретических проблем. Большую роль в правильной ориентировке искровцев в период подготовки II съезда были написанные Лениным «Доклад» Белостокской конференции и «Извещение» Организационного комитета.

Созванный в результате длительной и тщательной подготовки II съезд РСДРП продолжал свою работу на протяжении трех недель и закончил ее 10 августа 1903 г. Как писал в работе «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин, главная задача съезда состояла «в создании *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны „Искрой"».[83] Эта задача была решена. В той же работе, оценивая результаты съезда, Ленин писал: «Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения». Важнейшие особенности II съезда, по мнению Ленина, состояли в том, что «впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной работы, весь облик нашей партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации». Особое значение Ленин придавал факту слияния социал-демократических групп в единую партию. «Впервые удалось нам, — писал он, — освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом... готовых... пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: *партии*».[84]

В ходе работы II съезда Ленин много сделал для дальнейшего развития революционной теории марксизма. Знаменательной победой искровского направления было принятие съездом последовательно революционной программы партии, в разработке которой, как указывалось выше, Ленин сыграл исключительную роль. Ленину и его сторонникам, «твердым искровцам», пришлось бороться на съезде против «экономистов» и «бундовцев», а также против образовавшихся внутри самих сторонников «Искры» так называемых «мягких искровцев» во главе с Мартовым. Борьба против «экономи-

---

[83] В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 193.

[84] Там же, стр. 401.

стов» и «бундовцев» завершилась их полным идейным разгромом, после чего они вынуждены были покинуть съезд. Последнее обстоятельство позволило «твердым искровцам» во главе с Лениным одержать победу и над «мягкими искровцами». Сторонники Ленина получили на выборах в Центральный Комитет партии и редакцию ее центрального органа — «Искры» большинство. Тогда-то сторонники Ленина впервые стали называться «большевиками», а их противники — «меньшевиками». Несмотря на то что после II съезда большевики формально входили в состав одной партии с меньшевиками, фактически они составляли самостоятельную партию, партию нового типа, начало которой и было положено II съездом под ленинским руководством. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»,[85] — писал Ленин впоследствии.

В том, что эта партия была создана, велика роль «старой», ленинской «Искры». «. . . никакая другая организация, кроме искровской, — писал В. И. Ленин, — *не могла бы* в наших исторических условиях, в России 1900—1905 годов, создать *такой* социал-демократической рабочей партии, которая теперь создана».[86]

Возникновение партии большевиков вышло за рамки события общероссийской значимости и стало выдающимся явлением во всемирноисторическом масштабе. С этого момента начала свой путь как организованное целое партия, которая спустя четырнадцать лет возглавила трудящиеся массы России в борьбе за победу первой в истории социалистической революции, после чего, преодолев исключительно трудные препятствия, осуществила задачу, поставленную основоположниками научного коммунизма, на практике приступила к построению сначала социалистического, а затем и коммунистического общества. Так родилась партия большевиков, партия подлинных коммунистов, благодаря самоотверженной борьбе которых XX век стал именоваться веком коммунизма.

VII

Если в начале 90-х годов легальное народничество являлось главным представителем народнической общественной мысли, то примерно с середины десятилетия начинают активизиро-

---

[85] В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 6.

[86] В. И. Ленин. Предисловие к сборнику «За 12 лет». Полн. собр. соч., т. 16, стр. 103.

ваться революционные неонароднические группы. Некоторые из них через несколько лет, пройдя ряд этапов в организационном и идейном развитии, образовали партию социалистов-революционеров.

Одним из основателей новой политической партии стал возникший в 1896 г. в Саратове «Союз социалистов-революционеров». В 1897 г. основная деятельность «Союза» была перенесена в Москву, а вскоре он установил связи с различными провинциальными кружками и эмигрантскими группами. Программа «Союза», озаглавленная «Наши задачи», в 1900 г. с помощью эмигрантов была издана за границей. В 1901 г. «Союзу» удалось образовать редакционный коллектив в Петербурге и выпустить два номера журнала «Революционная Россия».[1]

В эти же годы делали неоднократные попытки объединения и выработки программы кружки социалистов-революционеров Воронежа, Харькова, Киева, Полтавы и ряда других городов юга России. В конце 1900 г. они издали принятый на съезде в Харькове «Манифест партии социалистов-революционеров». Но кружки, объединившиеся вокруг «Манифеста», представляли пока что одну из региональных организаций социально-революционного направления.[2]

В 1901 г. велись интенсивные переговоры об объединении между группами «Манифеста», «Союза социалистов-революционеров» и некоторыми другими кружками. В переговорах принимали участие и эмигранты. В результате было достигнуто соглашение о создании единой «партии социалистов-революционеров». Официальными партийными печатными органами стали журналы «Вестник русской революции» и «Революционная Россия», издававшиеся заграничной организацией партии. Партия социалистов-революционеров объединила, хотя и не сразу, большинство революционных групп эсеровского направления в России и за границей и вскоре стала заметной политической силой.

Первый обстоятельный разбор В. И. Лениным взглядов социалистов-революционеров относится к августу—сентябрю 1902 г., когда он поместил в №№ 23 и 24 «Искры» две статьи, объединенные общим заглавием «Революционный авантюризм». Перед этим, в июне—июле того же года, им была написана небольшая статья «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?», оставшаяся тогда неопубликованной.

---

[1] С. Слетов. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пгр., 1917, стр. 67—76.

[2] Там же, стр. 76—87.

В названных работах новое политическое направление рассматривалось В. И. Лениным как выражающее «только традиционную неустойчивость воззрений промежуточных и неопределенных слоев интеллигенции», «не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев».[3] По-видимому, В. И. Ленин в то время смотрел на различные группы интеллигентов, называвших себя социалистами-революционерами, как на людей из общего революционного лагеря с известным только шатанием мысли, запутавшихся в теории, но еще могущих стать социал-демократами. Он писал о социалистах-революционерах: «В великом расколе международной *социал-демократии* на оппортунистическую («бернштейнианскую» тож) и революционную это течение заняло совершенно неопределенную и непозволительно половинчатую позицию между двух стульев...».[4]

Резко критикуя социалистов-революционеров за увлечение террором, В. И. Ленин говорил: «Но дело еще вполне поправимо, товарищи! Потеря веры в настоящее дело — не более, как редкое исключение. Увлечение террором не более, как скоропреходящее настроение. Пусть же сомкнутся плотнее ряды социал-демократов и мы сплотим в одно целое боевую организацию революционеров и массовый героизм русского пролетариата!».[5]

В своих первых критических выступлениях против социалистов-революционеров Ленин еще не характеризовал их как идеологов мелкобуржуазного крестьянства. Правда, Ленин отмечал, что взгляды социалистов-революционеров являются одним из проявлений «мелкобуржуазной идейной неустойчивости»,[6] с которой социал-демократы должны вести беспощадную войну, но все же он еще не рассматривал только что объявившую о своем образовании новую революционную группу как определившую себя партию мелкобуржуазного крестьянства. Напротив, он подчеркивал, что новая «партия» «лишена всякого социального базиса. Она не опирается ни на один общественный класс»,[7] у нее нет «социальной основы»,[8] ее

---

[3] В. И. Ленин. Революционный авантюризм. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 377.

[4] В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 372. (Курсив наш, — *В. Г.*).

[5] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 387.

[6] В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? стр. 374.

[7] Там же, стр. 373.

[8] В. И. Ленин. Отрывок из статьи против эсеров. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 70.

«единственным социальным базисом» «могут быть разве лишь некоторые мелкобуржуазные слои интеллигенции»,[9] которые от старого, т. е. от народничества, отстали, а к новому — к социал-демократизму — не пристали.[10]

Для такого отношения к вновь образовавшейся политической группировке были веские основания. Само название «социалист-революционер» только начинало означать принадлежность к определенной политической организации. Еще в 1894 г. Ленин называл социал-демократов одной из групп социалистов-революционеров.[11] В трех изданиях брошюры «Задачи русских социал-демократов» (1898, 1902 и 1905 гг.) о социал-демократах говорится как об особом социально-революционном направлении.[12] Термин «социалист-революционер» довольно долго оставался общим понятием. Так могли называть себя как представители различных течений в социал-демократии, так и разного толка революционные народники 90-х—начала 900-х годов.

Многочисленные неонароднические группы этого периода часто занимали совершенно неопределенную позицию по программным вопросам. В разной степени они могли «признавать» или «не признавать» развитие капитализма в России и прогрессивность этого процесса; одни из них в большей, другие в меньшей степени понимали особую революционную роль рабочего класса, по-разному относились к революционным возможностям крестьянства. Сильный разнобой существовал и в тактических вопросах, в частности во взглядах на роль террора.

Часть членов таких кружков, считавших себя продолжателями дела «Народной воли», стали впоследствии социал-демократами. Так произошло с «Группой народовольцев», пришедшей к сближению с ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Довольно заметные социал-демократические нотки содержались в программном документе, принятом на съезде ряда неонароднических кружков в Полтаве в ноябре 1897 г.[13] и в «Манифесте партии социалистов-революционеров», вокруг которого объединились летом 1900 г. некоторые революционные интеллигентские кружки Воронежа, Харькова,

---

[9] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 390.

[10] Там же, стр. 389.

[11] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 201.

[12] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 446.

[13] Так называемая программа А. О. Сыцянко. См.: Историко-революционный сборник, т. I. Л., 1924.

Одессы и нескольких других городов. В таких условиях, когда известный слой интеллигенции колебался между социал-демократией и народничеством, социал-демократическая критика не только разоблачала перед рабочими враждебные марксизму направления, но и ставила себе целью привлечь на сторону социал-демократии определенную часть революционеров из интеллигентской среды.[14]

В те годы призывы покончить с междоусобицей среди революционеров, к объединению в борьбе против общего врага — самодержавия — раздавались с разных сторон. Однако Ленин и его сторонники считали возможным объединение различных революционных групп только на принципиальной марксистской основе. Не отказываясь от временных боевых соглашений с другими революционными или оппозиционными направлениями, они решительно возражали против того, чтобы отодвигать в сторону теоретические разногласия ради узкого практицизма. Резкие выступления Ленина против социалистов-революционеров в 1902 г. были вызваны в первую очередь необходимостью оградить развивающееся рабочее движение от псевдосоциалистических теорий, уводящих в сторону от классовой борьбы в ее марксистском понимании. Это было тем более важно, что, объединившись в партию и наладив регулярное печатание журналов, сборников, брошюр и прокламаций, социалисты-революционеры стали с 1902 г. особенно активно распространять свои взгляды и развернули ожесточенную полемику с социал-демократами.

Борьба развернулась по всем важнейшим вопросам экономического и политического положения России. Во взглядах социалистов-революционеров в самых неожиданных переплетениях причудливо сочетались элементы народничества, социал-демократического ревизионизма и марксизма. Цельные и последовательные в известной степени воззрения старого русского народничества под влиянием капиталистического прогресса «неизбежно» стали эклектическими.[15] От цельного учения «чи-

---

[14] В. И. Ленин неоднократно отмечал влияние марксизма на представителей буржуазно-демократических революционных направлений в России. Даже в сентябре 1906 г., анализируя раскол в партии эсеров на максималистов, народных социалистов и «центровиков», он писал: «Эсеровским центровикам, старым эсеровцам, *нельзя* защищаться от обоих этих течений иначе, как ссылаясь на законы товарного производства, иначе, как становясь *по существу дела* на точку зрения марксизма... Вопрос о переходе этого центра к с.-д. есть теперь исключительно вопрос времени» (Эсеровские меньшевики. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 398—399).

[15] В. И. Ленин. Социализм и крестьянство. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 285.

стых» народников 70-х годов к началу XX в. остались «только клочья».[16]

Социалисты-революционеры не отрицали, что в России идет процесс развития капитализма. Они в отличие от своих предшественников даже признавали некоторые положительные стороны этого процесса, указывали, в частности, на быстрый рост фабрично-заводской промышленности и концентрацию в городах больших отрядов революционных рабочих. Но они совершенно не видели связи развития капитализма в городе с капиталистической эволюцией в деревне. Прогрессивная роль капитализма в сельском хозяйстве России полностью отрицалась. Это двойственное отношение к капитализму — с одной стороны, признание творческой исторической работы, а с другой — рассуждения о соотношении «положительных и отрицательных сторон» — Ленин в 1905 г. характеризовал как колебание между народничеством, ревизионизмом и марксизмом. «Переход к марксизму» он в данном случае видел в том, что, признавая, хотя бы частично, прогрессивность капитализма, социалисты-революционеры в основу теории социализма клали «объективное развитие экономики и классового деления».[17] В то же время социалисты-революционеры переоценивали роль экономической политики правительства, выдвигая тезис об искусственном характере русского капитализма, насажденного сверху.[18] Социалисты-революционеры полагали, что русской буржуазии нечего желать, внутренняя и внешняя политика самодержавия ее полностью удовлетворяет. Русский абсолютизм принял под свое крыло и одинаково любовно опекает как дворян-помещиков, так и купцов, фабрикантов и кулаков. Поэтому буржуазной революции, которая ставила бы себе целью дать простор развитию капитализма, в России в отличие от Запада быть не может. Такая революция предупреждена реформами.[19] В представлении социалистов-революционеров отечественные промышленники вполне довольствуются ролью «эксплуатирующего класса», с готовностью перекладывая «бремя правления» на плечи правительства.[20]

Российская буржуазия, по словам автора брошюры начала 900-х годов «Ко всем работникам революционного социализма

---

[16] В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 40.

[17] В. И. Ленин. От народничества к марксизму. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 192.

[18] Л. Шишко. По поводу сорокалетней годовщины освобождения крестьян. «Вестник русской революции», 1901, № 1, стр. 232—234.

[19] «Революционная Россия», 1902, № 8, стр. 4; № 9, стр. 4.

[20] Наша программа. «Вестник русской революции», 1901, № 1, стр. 9.

в России», вообще не поддается революционизированию.[21] Такого же взгляда социалисты-революционеры держались и в 1904—1906 гг., когда разрабатывали и принимали свою первую официальную партийную программу. «Это старый предрассудок, — писал по этому поводу В. И. Ленин в 1902 г., — будто интересы русской буржуазии настолько уже удовлетворены, что у нас нет и быть не может буржуазной демократии...».[22] «Это неверно, — повторял он в 1904 г., — ибо нигде в Европе не сказывается так, как у нас, равнодушие передовых буржуа к самодержавной форме правления. Недовольство самодержавием усиливается среди буржуазии, несмотря на боязнь пролетариата, — отчасти уже просто потому, что полиция при всей ее безмерной власти не может вытравить рабочего движения». Что касается «средних и мелких буржуа», то их «всего менее способно удовлетворить самодержавие».[23] Таким образом, для социалистов-революционеров политическая дряблость и нерешительность российской буржуазии, ее склонность к компромиссам с царизмом перерастала в полную и безусловную зависимость буржуазии от самодержавия, совершенно заслоняя возможность какой-либо буржуазной оппозиционности в России. Роль борцов против самодержавия и за социализм они отводили в равной степени интеллигенции, пролетариату и крестьянству, «обнаруживая этим, — по словам Ленина, — безнадежную путаницу понятий».[24] Социалисты-революционеры не понимали особой роли рабочего класса ни в социалистической, ни в буржуазно-демократической революциях, смешивая при этом задачи демократического и социалистического переворотов. Даже до начала массового крестьянского движения, когда они считали фабрично-заводских рабочих главной революционной силой и говорили о большей их восприимчивости к социалистической пропаганде, они исходили не из понимания особой роли пролетарита в развивающейся в стране классовой борьбе, а объясняли свои успехи в рабочей среде большей по сравнению с крестьянами развитостью рабочих, их большей концентрированностью и т. п.[25]

Непонимание того, что пролетариат является единственным до конца революционным классом современного общества,[26]

---

[21] Ко всем работникам революционного социализма в России. 1902, б. м., стр. 9.

[22] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 390.

[23] В. И. Ленин. От народничества к марксизму, стр. 195.

[24] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 389.

[25] Наши задачи. Лондон, 1900, стр. 44, 45, 59, 60; Манифест партии социалистов-революционеров. Б. м., 1900, стр. 4, 8, 9.

[26] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 389.

игнорирование коренного марксистского положения о том, что «действительно революционной и истинно социалистической может быть в современной России лишь партия, *сливающая* социализм с *русским рабочим движением*, которое все с большей силой и с все большей широтой порождается развивающимся русским капитализмом» [27] вело, несмотря на стремление социалистов-революционеров действовать среди рабочих, к половинчатому отношению к рабочему движению, к фактическому отстранению от него и, более того, «к политическому и идейному порабощению русского пролетариата русской буржуазной демократией».[28]

Совершенно неверно изображали социалисты-революционеры и положение в деревне. Как правило, они не придавали особого значения полуфеодальному характеру эксплуатации крестьян со стороны помещиков-латифундистов. Основной экономической ячейкой в деревне они считали мелкое общинное крестьянское трудовое хозяйство, которое, не являясь, по их мнению, ни капиталистическим, ни социалистическим, таило в себе все задатки для развития по социалистическому пути.

Представление об искусственном характере российского капитализма и его беспрепятственном развитии после реформы 1861 г., отрицание оппозиционности буржуазии, умаление роли пережитков крепостничества в деревне, отрицание особой роли пролетариата и, наконец, ошибочное понимание классовой природы пореформенного крестьянства вело к неверному и путаному определению характера предстоящей революции.

«Эта революция, — заявлял центральный партийный орган социалистов-революционеров журнал «Революционная Россия», — будет прежде всего революцией политической, и до известной степени — демократической».[29] В. И. Ленин подверг язвительной критике приведенную формулировку, указав, что, несмотря на затушевывание вопроса о сущности социально-экономического строя после революции, эсеровская программа-минимум доказывает, что она не выходит «из рамок буржуазной программы».[30] Тем не менее социалисты-революционеры утверждали, что революция в России приведет не к расчистке путей для дальнейшего более быстрого развития капитализма, а, напротив, удар по самодержавию — этому наиболее верному,

---

[27] В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? стр. 373.

[28] Там же, стр. 374.

[29] «Революционная Россия», 1902, № 8, стр. 4.

[30] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 393.

как они считали, защитнику капиталистов — поколеблет и сам российский капитализм. В то же время революция не будет и социалистической, поскольку капиталистический строй, по крайней мере в промышленности, сохранится.

Своеобразно решался эсерами вопрос о власти. Непосредственную политическую задачу революции эсеры видели в уничтожении самодержавия. Но к кому перейдет политическая власть, если революция нанесет удар одновременно и по самодержавию, и по буржуазии? Проявляя непоследовательность, «Революционная Россия» писала, что после свержения самодержавия власть еще долго будет находиться «в руках буржуазных партий»,[31] плоды революции пожнут либералы.[32] В проекте программы, опубликованном в 1904 г., речь все время шла о «буржуазном государстве», в «пределах» которого социалистическим партиям отводилась роль парламентской оппозиции.

Эсеры не связывали интеллигентскую либеральную оппозицию с классом буржуазии. Беда русского либерализма в том, сетовала «Революционная Россия», что под ним нет никакого общественного класса.[33] Либеральная интеллигенция представлялась социалистам-революционерам конгломератом каких-то надклассовых групп, с которыми возможно заключать временные союзы. Такой «либеральный режим» и должен был прийти на смену самодержавию.[34] Предполагалось, что социалисты будут добиваться принятия буржуазно-либеральным правительством своей экономической программы-минимум, которая будет препятствовать дальнейшему развитию капитализма и создаст основу для грядущих социалистических преобразований.

Экономическая программа-минимум социалистов-революционеров была так же противоречива, как и политическая.

Обращает на себя внимание тот факт, что эсеры в своей экономической программе-минимум для рабочих сознательно не выходили из рамок реально возможного в буржуазно-демократическом государстве. Они как бы примирились с более или менее длительным существованием капитализма в городе и после свержения самодержавия.

Совсем иной характер имела аграрная программа-минимум для крестьян. По утверждению эсеров, она выходила за пределы буржуазного общества. Своей аграрной программе эсеры придавали решающее значение в борьбе за социалистическое

---

[31] «Революционная Россия», 1903, № 15, стр. 8.
[32] Там же, 1902, № 9, стр. 5.
[33] Там же, 1904, № 46, стр. 2—3.
[34] Там же, 1903, № 15, стр. 4—5.

развитие России. Но крестьянские требования не сразу заняли в программе социалистов-революционеров главенствующее место. В 1902 г. в статье «Революционный авантюризм» В. И. Ленин отметил, что эсеры, которые впоследствии считали себя главными выразителями интересов крестьянства, до начала массового крестьянского движения «*не успели* даже наметить своей собственной аграрной программы».[35] Это произошло не случайно. Отношение социалистов-революционеров к крестьянству уходит своими корнями к концу 70-х—началу 80-х годов. Совершенный «Народной волей» поворот к террору и заговору, сменивший прежнюю уверенность в скором всенародном бунте, означал известное разочарование в революционных возможностях «мужика». Это скептическое отношение к крестьянству как возможной революционной силе, подкрепленное отсутствием крупных крестьянских волнений в деревне на протяжении более чем двадцати лет, передалось по наследству большинству социально-революционных кружков, возникших на рубеже XIX и XX столетий. «Не забудем, что в числе политических приобретений, сделанных „Народной волей" в период ее героической борьбы и завещанных ею русскому движению, был отрицательный взгляд на деревню как на исходную точку демократического переворота, как на инициативную силу революции», — говорилось в передовой статье первого номера журнала «Вестник русской революции».[36] В менее резкой форме, но по существу такое же отношение к крестьянству высказывалось на страницах различных программных брошюр социал-революционного направления. Но отсутствие в настоящее время революционности в крестьянской массе объяснялось всюду не какими-либо принципиальными теоретическими соображениями, а забитостью крестьян, их отсталостью и распыленностью. Рекомендации не направлять главные силы революционеров в деревню мотивировались чисто тактическими соображениями о целесообразности сосредоточения революционных сил в промышленных центрах.

Конечно, нигилистическое отношение к революционным возможностям крестьянства разделялось не всеми социально-революционными группами. В том же первом номере «Вестника русской революции», передовая статья которого резко пессимистически отзывалась о современной деревне, была помещена статья Л. Шишко с выводами, диаметрально противоположными. В 1900 г. неонароднические кружки, считавшие возможной и целесообразной деятельность в крестьянстве,

---

[35] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 387.
[36] «Вестник русской революции», 1901, № 1, стр. 11—12.

образовали за границей Аграрно-социалистическую лигу.[37] В 1900 и 1901 гг. Аграрно-социалистическая лига двумя изданиями выпустила брошюру «Очередной вопрос революционного дела». Основным лейтмотивом брошюры был призыв возобновить революционную работу в деревне. Но делалось это робко и осторожно. В деревне предлагалось использовать только силы, свободные от пропаганды в городе. Старая пропагандистская литература, проникнутая «резким бунтарским духом», признавалась совершенно непригодной при современном трезвом взгляде на крестьянство. Первоочередной задачей деятельности среди крестьян ставилась пропагандистская «культурно-революционная» работа.

После образования в конце 1901 г. партии социалистов-революционеров в ней продолжали существовать различные мнения относительно целесообразности направления в деревню революционеров из интеллигентской среды. И хотя после сильных крестьянских волнений на Украине весной 1902 г. «Революционная Россия» заявила, что «крупные события последних дней решают спорный доселе вопрос о своевременности планомерного революционного воздействия на деревню»,[38] Аграрно-социалистическая лига предпочла сохранить свою самостоятельность и заключила с партией социалистов-революционеров только федеративный договор.

Скептическое отношение к возможности начала в стране в ближайшем будущем массового крестьянского движения привело к тому, что в печатных выступлениях наиболее влиятельных кружков социалистов-революционеров аграрные требования оказались разработанными крайне недостаточно. По существу они сводились к нескольким общим фразам о необходимости национализации земли. Пункт о национализации всюду выступал или как часть программы-минимум или как какой-то промежуточный шаг к полному осуществлению социалистических преобразований в сельском хозяйстве. Подробно понятие национализации нигде не раскрывалось. По-видимому, все же она рассматривалась как мера, если и не чисто социалистическая, то во всяком случае дающая, по выражению одной из брошюр, хотя бы временный отпор гибельному влиянию капитала.[39]

Знаменитое впоследствии положение аграрной программы социалистов-революционеров о так называемой «социализации

---

[37] С. Слетов. К истории возникновения партии социалистов-революционеров, стр. 59.

[38] «Революционная Россия», 1902, № 6, стр. 14.

[39] Социализм и борьба за политическую свободу. Б. м., 1898, стр. 118—119.

земли» впервые прозвучало на съезде центральной заграничной группы Аграрно-социалистической лиги летом 1902 г. как противопоставление национализации. В отличие от национализации, которая могла отдать землю в распоряжение «бюрократического и сословно-классового государства», социализация, по мысли членов Аграрно-социалистической лиги, понималась «в смысле постепенного обобществления земли *снизу*, изъятия из рук частных собственников и перехода ее в общественное, товарищеское, уравнительное пользование трудящихся».[40] На стадии социализации предполагалось, что крестьянское хозяйство будет вестись, как правило, индивидуально, но без применения наемного труда. Обобществление сельскохозяйственного производства входило только в программу-максимум. В то же время развитие сельскохозяйственных коопераций являлось у социалистов-революционеров вторым основным пунктом аграрной программы-минимум.

«Для крестьянства мы на первую очередь ставим *социализацию* земли, т. е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся, а во-вторых, развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала и для подготовления грядущего коллективного земледельческого производства».[41]

Такой взгляд на роль социализации и кооперации был тесно связан у социалистов-революционеров с представлениями о трудовом крестьянстве как особом классе, сохраняющем свою целостность и самостоятельность, несмотря на развитие капитализма, как о классе, точно так же непосредственно заинтересованном в социализме, как и фабрично-заводской пролетариат. Идея об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства при капитализме и о его склонности к социализму была краеугольным теоретическим положением социалистов-революционеров.

В. И. Ленин со всей решительностью выступил против аграрной программы социалистов-революционеров. «...Крестьянский вопрос занимает центральное место в спорах марксистов как с народниками в чистом виде, так и с социалистами-революционерами»,[42] — писал он в 1905 г. Он подчеркивал, что эсеровская «социализация» приносит «громадный вред», вводя

---

[40] Первый съезд Аграрно-социалистической лиги. Б. м., б. г., стр. 2.

[41] Ко всем работникам революционного социализма в России, стр. 21—22.

[42] В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм, стр. 40.

в заблуждение как крестьян, обещая им благоденствие при господстве товарного хозяйства, так и рабочий класс, «поселяя в нем совершенно неверные представления о действительном характере крестьянского движения».[43] Обещания эсеров, помимо всего прочего, еще и компрометируют «учение научного социализма об обобществлении всех средств производства» как конечной цели марксистов.[44]

Исходя из этого, Ленин сосредоточил критику аграрной программы социалистов-революционеров на разоблачении ее псевдосоциалистического характера. Главный удар, как и в 90-е годы в период борьбы с легальным народничеством, был направлен против теории «трудового крестьянского хозяйства». В. И. Ленин неизменно указывал на связь экономических воззрений социалистов-революционеров и легальных народников: «*иного* источника *экономических* идей у современных народников *не имеется*»;[45] «поскребите соц.-революционера, и вы найдете г. В. В.!»;[46] социалисты-революционеры повторяют «старую народническую теорию „трудового хозяйства“ и старые ошибки вульгарного социализма».[47] Не ограничиваясь простым сопоставлением экономических взглядов либеральных народников и социалистов-революционеров, В. И. Ленин вновь неоднократно останавливается на вопросе о применимости к русским условиям известного марксистского положения о буржуазном характере мелкого крестьянства в обществе товарного хозяйства. Этому, в частности, в ноябре 1902 г. он посвятил специальную статью «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами».

Эсеры с возмущением отвергали социал-демократический тезис о мелкобуржуазной природе мелкого крестьянства в условиях развивающегося капиталистического общества. Мелкой буржуазией в деревне они считали лишь кулаков, применяющих наемный труд. Назвать трудового крестьянина, еле-еле сводящего концы с концами, с утра до вечера не разгибающего спины на своем участке, буржуа казалось им недопустимым.[48]

---

[43] В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? стр. 374—375.

[44] Там же, стр. 375.

[45] В. И. Ленин. Эсеровские меньшевики, стр. 398.

[46] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 394.

[47] В. И. Ленин. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 48.

[48] «Революционная Россия», 1902, № 11, стр. 7.

Протестуя против причисления трудовых крестьян к мелкой буржуазии, социалисты-революционеры приводили также убедительные, как им казалось, политико-экономические доводы. Источник дохода — вот что определяло, по их мнению, принадлежность к тому или другому классу. Характерным признаком буржуа являлось, таким образом, только присвоение чужого труда. Исходя из этого, все крестьянство делилось на две группы: трудовое крестьянство, живущее эксплуатацией собственной рабочей силы (в эту категорию входил и средний крестьянин, и батрак), и сельскую буржуазию (кулаков).[49] Тем самым стиралось всякое классовое различие между трудовым крестьянством и пролетариатом, поскольку те и другие использовали для обеспечения своего существования собственный труд.

«Несостоятельность этих посылок бьет в глаза, — писал В. И. Ленин. — Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода — значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший не видящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства».[50] Социалисты-революционеры справедливо указывали, что трудовой крестьянин, как и фабричный рабочий, тоже подвергается эксплуатации. Но они не признавали разницы между эксплуатацией труда вообще и эксплуатацией наемного труда.[51] Между тем, писал Ленин, «именно эксплуатация наемного труда является базисом всего современного грабительского строя, именно она вызывает деление общества на непримиримо-противоположные классы, и только с точки зрения *этой* классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в расплывчатость и беспринципность».[52]

Социалисты-революционеры повторяли общую ошибку революционных народников 70-х годов и либеральных народников 90-х годов — они не видели классового антагонизма внутри крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между мироедом-кулаком и его жертвой

---

[49] «Революционная Россия», 1902, № 11, стр. 7.

[50] В. И. Ленин. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами, стр. 44—45.

[51] «Революционная Россия», 1902, № 12, стр. 5—6.

[52] В. И. Ленин. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами, стр. 45.

крестьянином, пропитанным якобы коммунистическим духом. К социалистам-революционерам вполне можно отнести слова Ленина, сказанные им в 1894 г. по адресу либеральных народников. Как те, так и другие не понимали, что «индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще».[53]

Они отрицали факт стихийного расслоения крестьянства, утверждая иной раз, что мелкое крестьянское производство не только не исчезает, но, напротив, даже растет.[54] Указывая на действительно имевшие место случаи враждебного отношения крестьян-середняков к кулакам, социалисты-революционеры считали это бесспорным доказательством борьбы трудовых крестьян против буржуазии.[55] В то же время они неверно определяли борьбу крестьян против помещиков, рассматривая ее тоже как выступление против капитализма. Сейчас, говорилось в одной из эсеровских брошюр, главным «эксплуататором-капиталистом» для земледельческой массы остается «класс крупных дворян».[56] «...не слыхали ли вы когда-нибудь, что остатки крепостничества задерживают развитие капитализма ... и не читали ли вы где-нибудь об остатках крепостничества в современной русской деревне?», — спрашивал у социалистов-революционеров В. И. Ленин.[57] Но, оставаясь глухими к социал-демократической критике, эсеры по-прежнему помещали помещиков и кулаков в один лагерь, противостоящий малоземельному крестьянству и батракам.[58]

«...Современное крестьянское движение, — писал Ленин, — вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма, движением. Наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет — и приведет — к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут». «Впрочем, — прибавлял он, — для с.-р. все это — книга за семью печатями».[59]

---

[53] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 263. Ленин цитирует здесь книгу И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни».

[54] Очередной вопрос революционного дела. Б. м., б. г., стр. 8—9.

[55] «Революционная Россия», 1902, № 13, стр. 5.

[56] Наши задачи, стр. 53.

[57] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 392.

[58] Проект программы партии социалистов-революционеров. «Революционная Россия», 1904, № 46.

[59] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 392.

Действительно, хотя социалисты-революционеры и не считали, что современный крестьянин является готовым социалистом, они утверждали, что в крестьянских умах бродят «*полусоциалистические* идеи», что крестьянство выставило стихийную «полусоциалистическую программу», заключавшуюся в изъятии земли из частной собственности и распределении ее в уравнительное трудовое пользование. Используя народные идеи, надо было, по мнению социалистов-революционеров, дать нужную формулировку этим «совершенно правильным принципам, чтобы вывести из них чистую идею социализма».[60]

Признавая, что «светлая идея обмирщения, обобществления» земли покрыта у крестьян «темной ржавчиной» различных несоциалистических наслоений, в числе которых назывались и индивидуалистические воззрения на землю, социалисты-революционеры тут же принимались доказывать, что совершенно так же обстоит дело и с городскими рабочими: они тоже не являются готовыми социалистами, более того, для рабочих идеи социализма усвоить труднее, тогда как в сознании крестьян они уже живут в зародышевой форме.[61]

Передача всей земли общинам с последующим распределением в уравнительное пользование и развитие коопераций хотя и предполагалось провести в рамках буржуазного государства, но в то же время эти аграрные преобразования должны были, по мнению социалистов-революционеров, нанести удар по капитализму, поскольку главный смысл «социализации» заключался именно в переходе земли из капиталистической собственности в общественную. «Мысль о „социализации" земли без социализации капитала, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение».[62]

Поскольку социалисты-революционеры были убеждены, что в русской деревне в отличие от города капитализму, несмотря на отдельные успехи, еще далеко до победы, свой долг как социалистов они видели в том, чтобы всеми возможными средствами препятствовать развитию капитализма в сельском хозяйстве.

Одним из таких средств они считали кооперацию, полагая, что после свержения самодержавия, в «свободном государстве»,

---

[60] «Революционная Россия», 1902, № 8, стр. 3; № 13, стр. 5.

[61] «Вестник русской революции», 1903, № 3, стр. 212; Ко всем работникам революционного социализма в России, стр. 11.

[62] В. И. Ленин. Пролетариат и крестьянство. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 96.

кооперация, руководимая социалистической партией, способна служить интересам трудящихся, препятствовать заражению их «духом буржуазности» и в то же время обеспечить возможность крестьянам использовать в сельском хозяйстве все достижения технического прогресса.[63]

Отношение Ленина к кооперации в начале 900-х годов было обусловлено необходимостью развенчать ее как инструмент постепенной непосредственной подготовки социалистического производства еще в рамках буржуазного строя. Ленин не отрицал прогрессивного экономического значения кооперации и при капитализме, но указывал, что это не социалистический, а капиталистический прогресс. «Товарищества мелких сельских хозяев являются, конечно, звеном экономического прогресса, но выражают они *переход к капитализму... а вовсе не к коллективизму,* как часто думают и утверждают».[64] Кроме того, увлечение кооперацией, по мнению Ленина, способствовало сползанию на путь реформаторства. Один из аргументов Ленина против кооперации заключался именно в том, что она заменяет собой классовую борьбу.[65] Вместо развития классовой борьбы внутри крестьянства на почве развивающихся капиталистических отношений кооперация поддерживала бы иллюзию объединения всего «трудового крестьянства». «Это — обман, — писал Ленин, — будто „всевозможные кооперации" играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии».[66]

Помимо кооперации, социалисты-революционеры планировали проведение в будущем «свободном государстве» различных законодательных мероприятий, которые бы, как они выражались, ограничили права индивидуума в пользу коллективизма.[67] К таким мерам относилось, в частности, намерение укрепить общину. Социалисты-революционеры резко выступали против аграрной программы социал-демократов, требующей отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении своей землей. Социалисты-революционеры показали тем самым, по словам Ленина, что «они не смогли даже

---

[63] «Революционная Россия», 1903, № 15, стр. 5—8.

[64] В. И. Ленин. Капитализм в сельском хозяйстве. Полн. собр. соч., т. 4. стр. 112.

[65] В. И. Ленин. 1) Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? стр. 375; 2) Революционный авантюризм, стр. 394.

[66] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 396.

[67] «Революционная Россия», 1902, № 14, стр. 5—8; 1903, № 15, стр. 5—8.

уберечь себя от *реакционных* учений русского народничества».[68]

К социалистам-революционерам начала 900-х годов полностью относятся слова Ленина, сказанные им в 1895 г. по адресу либеральных народников: «Наши народники не в состоянии понять того, как можно бороться с капитализмом не „задерживанием“ его развития, а ускорением его, не сзади, а спереди, не реакционно, а прогрессивно».[69]

Ленинская критика аграрной программы социалистов-революционеров убедительно показала непонимание ее авторами действительных путей движения к социализму, разоблачила псевдосоциалистический характер эсеровских аграрных лозунгов. Но, разумеется, ограничиться одной критикой было нельзя. В противовес аграрным требованиям, раздававшимся со страниц эсеровской печати, надо было как можно скорее разработать аграрную программу социал-демократии. Задержка с этим давала, по словам Ленина, «сильнейшее и вернейшее оружие в руки революционных не социал-демократических направлений».[70]

Такая программа была разработана «Искрой». В ее основу был положен тезис о буржуазно-демократическом характере современного крестьянского движения. Два главных положения в аграрной программе социал-демократов определяли характер всех крестьянских требований. Аграрные требования должны были вести к устранению остатков крепостничества и к свободному развитию классовой борьбы в деревне.[71] В. И. Ленин обращал особое внимание на второе положение. Именно, «требуя обеспечить „свободное развитие классовой борьбы в деревне“», социал-демократы становились «в *принципиальное* противоречие» не только по отношению к либералам, но «*даже* ко всем революционерам и социалистам *не* социал-демократам».[72] Принятие этого условия означало признание капиталистического характера эволюции сельского хозяйства.

Развитие классовой борьбы в деревне понималось В. И. Лениным в двояком смысле. С одной стороны, аграрные требования социал-демократов должны были поднимать *все* крестьянство на борьбу против пережитков крепостничества; с другой —

---

[68] В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? стр. 375.

[69] В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 367.

[70] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 335.

[71] Там же, стр. 308.

[72] Там же, стр. 320—321.

они были направлены на то, чтобы, после выполнения первой задачи, способствовать быстрейшему развертыванию классового антагонизма между сельским пролетариатом и сельской буржуазией.[73]

В начале XX в. противоположность интересов между всем крестьянством и крепостниками-помещиками имела для социал-демократов большее практическое значение,[74] но в спорах Ленина с социалистами-революционерами он прежде всего указывал на другую сторону социал-демократического положения о внесении классовой борьбы в деревню — именно в смысле облегчения условий классовой борьбы внутри крестьянства.

Главными практическими лозунгами, обеспечивавшими внесение классовой борьбы в деревню, Ленин считал требования о возвращении кабальных отрезков и учреждении крестьянских комитетов. Идея о возвращении крестьянам земель, отрезанных у них во время реформы 1861 г. и продолжающих служить в руках помещиков орудием их закабаления, появилась у Ленина в конце 90-х годов и неоднократно защищалась и обосновывалась в течение нескольких лет вплоть до начала революции 1905 г., когда Ленин выдвинул новое требование о конфискации всех помещичьих земель. Разрабатывая первую аграрную программу, Ленин был озабочен тем, «как выработать именно такие требования, которые бы *не сбивались* на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе?».[75] Требование вернуть кабалившие крестьян отрезки отвечало, по мнению Ленина, этому условию. С одной стороны, лишение помещика возможности применять полуфеодальные формы эксплуатации должно было ускорить эволюцию помещичьего хозяйства по капиталистическому пути; с другой — уничтожение остатков крепостничества расчищало дорогу для развития классового антагонизма внутри крестьянства.[76]

Поддерживая в принципе национализацию земли, Ленин считал нецелесообразным включение этого требования в программу до «эпохи революционного восстания».

Ленин связывал лозунг национализации земли с завоеванием демократической республики,[77] считая, что при самодер-

---

[73] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 237.

[74] В. И. Ленин. Рабочая партия и крестьянство. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 432.

[75] В. И. Ленин. Проект программы нашей партии, стр. 228.

[76] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии, стр. 331, 339.

[77] В. И. Ленин. Пересмотр аграрной программы рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 265, 267—268.

жавии и даже при конституционной монархии национализация земли усилит реакционное государство.[78] Понимание сущности национализации земли у социалистов-революционеров и у социал-демократов, разделявших точку зрения Ленина, было совершенно различным. Эсеры мыслили национализацию земли только как социалистическую меру, возможную лишь при условии перехода всей власти «в руки рабочего класса».[79] В отличие от Ленина, который считал национализацию земли в буржуазно-демократической республике наилучшим вариантом доведения до конца демократического переворота в деревне, социалисты-революционеры не понимали и не признавали буржуазной национализации, полагая, что в буржуазном государстве возможна только так называемая «социализация» — утопический проект перехода земли в распоряжение общин, сочетаемый с уравнительным индивидуальным пользованием этой «социализированной» землей.

Наряду с теоретическими и программными положениями социалистов-революционеров Ленин подверг уничтожающей критике и их тактику. Особую остроту накануне 1905 г. приобрел вопрос о терроре. Гибель «Народной воли» заставила задуматься следующее поколение революционеров, и если одних она привела к выводу о непригодности террора как средства революционной борьбы, то для других террористическая деятельность оставалась по-прежнему необходимой и неизбежной, требующей лишь некоторых поправок и добавлений с учетом народовольческого опыта.

Причину неудачи народовольцев неонароднические группы конца 90-х—начала 900-х годов видели в недостаточной поддержке акта 1 марта 1881 г. петербургскими рабочими, а также в малочисленности и слабости самой «Народной воли». «Народная воля» упрекалась в том, что, увлекшись охотой на царя, она забыла о пропагандистско-организационной деятельности среди рабочих и тем самым лишила себя массовой базы, откуда могла бы черпать новые силы. По мнению автора одной из брошюр, террор, чтобы иметь шансы на успех, должен перестать быть делом одних лишь интеллигентских кружков, он должен стать политическим террором рабочей партии. Не достигнув этого, народовольческий террор «выродился в чистый бомбизм».[80] «Система террористических фактов, поддержанных

---

[73] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии, стр. 337—338.

[79] «Революционная Россия», 1903, № 15, стр. 6—8.

[80] С. Григорович [Х. Житловский]. Социализм и борьба за политическую свободу. Б. м., 1898, стр. 62.

рабочими манифестациями, решит дело освобождения России», — говорилось в программной брошюре «Союза социалистов-революционеров». Более того: только при наличии систематического террора получат значение различные формы массовой борьбы.[81]

Первые признаки начинающегося массового движения не только не ослабили веру в террор у социалистов-революционеров, но, напротив, придали их аргументации в защиту террора бо́льшую, как им казалось, убедительность. Теперь положение решительно изменилось по сравнению с эпохой «Народной воли», писала «Революционная Россия» в марте 1902 г. Создалась новая окружающая революционеров питательная среда, которая не только поставит новые силы, но и сумеет вовремя массовым натиском поддержать удары «смельчаков-партизанов».[82]

В 1902 г. эсер Балмашев убил министра внутренних дел Сипягина. Готовились также покушения на обер-прокурора Синода Победоносцева и петербургского градоначальника Клейгельса. В том же году член Боевой организации партии социалистов-революционеров Качура неудачно стрелял в харьковского генерал-губернатора князя Оболенского, в 1903 г. был убит уфимский губернатор Богданович, а в июле 1904 г. министр внутренних дел Плеве.

Социалисты-революционеры утверждали, что террористические акты в связи с агитацией среди рабочих и крестьян дают огромные результаты.

Ленин решительно выступил против такого отношения к террору. «Мы знаем из прошлого и видим в настоящем, — писал он, — что *только* новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит *во всех* дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются *поединками* Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего *поединка*».[83]

Наиболее полно основные взгляды социалистов-революционеров на террор были изложены в статье «Террористический элемент в нашей программе». Террор объявлялся там одновременно средством обороны, средством агитации масс, а также лучшим способом устрашения и дезорганизации правительства. В статье всячески подчеркивалась мысль, что террор для пар-

---

[81] Наши задачи, стр. 47, 62.
[82] «Революционная Россия», 1902, № 5, стр. 3.
[83] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 384.

тии социалистов-революционеров является лишь одним из родов оружия. Полемизируя с «Искрой», «Революционная Россия» уверяла, что террор не будет господствовать над всеми остальными видами борьбы, а будет взаимодействовать с ними, он не заменит, а усилит и дополнит массовое движение.[84]

«Защищая террор, — писал по этому поводу Ленин, — непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относятся... Мы не повторяем ошибки террористов, мы не отвлекаем от работы в массах, — уверяют соц.-рев., и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Балмашевым Сипягина, хотя всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, — что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершавшие этот акт лица и не рассчитывали и не надеялись».[85]

Действительно, в прокламации, выпущенной в связи с убийством Сипягина, говорилось: «Мы не видим силы, которая сдерживала бы своеволие этих кровожадных и корыстных временщиков... Все вокруг безропотно несет это позорное иго». Поэтому «сознательное меньшинство» считает своим правом и священной обязанностью на насилие отвечать насилием.[86]

Взгляды социалистов-революционеров и социал-демократов на роль террора оказывались столь же диаметрально противоположными, как и их теоретические воззрения. «В такое время, — писал Ленин, — когда революционерам *недостает* сил и средств для руководства поднимающейся уже массой, звать к такому террору, как устройство отдельными личностями и неизвестными друг другу кружками покушений против министров, — это значит *тем самым* не только обрывать работу в массах, но и вносить в нее прямую дезорганизацию».[87] Решительно разоблачая вредные террористические иллюзии, Ленин, «нисколько не отрицая в принципе насилия и террора», звал революционеров к работе «над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие».[88]

---

[84] «Революционная Россия», 1902, № 7, стр. 2—5.
[85] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 380.
[86] Да здравствует «Народная воля»! Париж, 1907, стр. 30.
[87] В. И. Ленин. Революционный авантюризм, стр. 383—384.
[88] Там же, стр. 386.

Первая русская революция вполне подтвердила правильность и своевременность выступления Ленина против террора еще в 1902 г., разъяснявшего эсерам азбучную истину, состоявшую в том, что «единственная „надежда“ революции есть „толпа“».[89]

Резко выступая в 1902—1903 гг. против программных и тактических положений эсеров, В. И. Ленин относился в этот период к «партии социалистов-революционеров» как к группе мелкобуржуазных интеллигентов, объявивших себя социалистами, а на деле отличавшихся «полной беспринципностью во всех важнейших принципиальных вопросах современного социализма».[90] Начавшееся массовое движение в крестьянстве дало только что организовавшимся интеллигентам-эсерам социальную опору, укрепило их связь с крестьянской мелкобуржуазной демократией. Учитывая это, Ленин объяснял в 1905 г. «некоторое оживление старчески дряхлого народничества», подновленного «модным европейским оппортунизмом», именно развитием «несомненно революционного крестьянского движения».[91]

Если в начале 1902 г. в период разработки первой аграрной программы социал-демократии еще оставалась проблематичной степень приобщения крестьянской массы к борьбе против остатков крепостничества,[92] то революция 1905 г. показала, что остатки крепостничества в деревне «оказались гораздо сильнее», чем предполагалось вначале, «они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из *этого* движения оселок всей буржуазной революции».[93] Сильное крестьянское движение, равно как буржуазное и рабочее, выдвинуло своих идеологов. Это обусловило распадение русской демократической интеллигенции «не случайно, а необходимо» «на три русла: освобожденское, социалистско-революционное и социал-демократическое». Социалисты-революционеры выражали при этом, по определению Ленина, точку зрения «революционных идеологов буржуазной демократии».[94]

---

[89] Там же, стр. 383.

[90] В. И. Ленин. Основной тезис против эсеров. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 55.

[91] В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм, стр. 40.

[92] В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии, стр. 318.

[93] В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 269. См. также: В. И. Ленин. Пересмотр аграрной программы рабочей партии, стр. 250.

[94] В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 185.

«Социал-демократы считают социалистов-революционеров представителями крайней левой фракции нашей буржуазной демократии»,[95] — неоднократно впоследствии указывал Ленин.

По мере прояснения классовой основы эсеровской партии отношение Ленина к социалистам-революционерам становилось идентичным его отношению к мелкобуржуазному социализму, к народническому социализму вообще. Ленин включал эсеров в общее широкое понятие народничества, указывая, что «корень воззрений социалистов-революционеров есть старое русское народничество». «Но так как все экономическое развитие России, весь ход русской революции беспощадно и безжалостно вырывает ежедневно и ежечасно почву из-под устоев чистого народничества, то воззрения социалистов-революционеров неизбежно становятся эклектическими».[96] На наш взгляд, известные три черты, характеризующие народническое мировоззрение, данные Лениным в статье «От какого наследства мы отказываемся?», в определенной степени применимы и к ранним эсерам. Конечно, развитие капитализма в России сделало народнические взгляды эсеров еще менее цельными и еще более непоследовательными даже сравнительно со взглядами легальных народников 90-х годов. Еще более двойственным стало отношение к капитализму: эсеры частично «признавали» его прогрессивность, но в большей степени все же «не признавали». Вера в самобытное развитие России, в общину, еще более потускневшая («мы не идеализируем современную общину»,— любили повторять социалисты-революционеры), все же, воплотившись в форму «социализации земли», продолжала оставаться краеугольным камнем эсеровской экономической программы. Незыблемым оставалось убеждение в социалистичности трудового крестьянства. Эсеры, как и их предшественники, в общем не видели связи интеллигенции с материальными интересами определенных общественных классов, считая, например, русское либеральное движение не связанным с классом буржуазии, не понимая, разумеется, и своей роли как идеологов мелкобуржуазной демократии.

Народничество вместе с ходом развития капитализма постепенно теряло почву, имея тенденцию в конечном итоге

---

[95] В. И. Ленин. От народничества к марксизму, стр. 190. См. также: В. И. Ленин. 1) О боевом соглашении для восстания. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 276; 2) Пролетариат и крестьянство. Там же, стр. 345; 3) Маркс об американском «Черном переделе». Там же, т. 10, стр. 59; 4) Речь по вопросу о практических соглашениях с с.-р. 23 апреля (6 мая). Там же, стр. 184; 5) Тактическая платформа к объединительному съезду РСДРП. Там же, т. 12, стр. 233.

[96] В. И. Ленин. Социализм и крестьянство, стр. 285.

уступить свое место двум антиподам: буржуазному либерализму и социал-демократии.[97] В 1894 г. Ленин приветствовал в лице только что возникшей партии «Народного права» эту намечавшуюся было тенденцию к появлению революционного демократизма без «иллюзии и мечтания об „иных путях для отечества“».[98] В 1902 г. Ленин говорил о законных, по его словам, наследниках и зрелых продолжателях народоправцев — «либеральном „Освобождении“»: «У нас так много было и есть расплывчатого, либерально-народнического квазисоциализма, что по сравнению с ним явным шагом вперед является новое либеральное направление».[99]

Но наследниками «Освобождения» явились впоследствии кадеты. В России в силу ее экономической отсталости не оказалось условий для развития радикального буржуазного демократизма без народнической окраски. И поскольку к началу XX в. в России оставалась многомиллионная масса мелкобуржуазного крестьянства, протестующего одновременно и против остатков крепостничества, и против буржуазной эксплуатации, постольку народнические иллюзии, иллюзии мелкобуржуазного социализма сохраняли свою живучесть и влияние.

Определение социалистов-революционеров как идеологов русской мелкобуржуазной демократии означало продолжение борьбы с эсеровским «социализмом» путем анализа «классового содержания демократизма».[100] Но в то же время, разоблачая эсеровскую «социализацию земли» с ее уравнительным землепользованием, Ленин счел нужным подчеркнуть, что заложенная в ней «идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства. У нас часто забывают об этом, — писал Ленин, — когда говорят о реакционности народнических „уравнительных“ аграрных проектов».[101]

Ленин настоятельно обращал внимание социал-демократов на двойственную роль в русском освободительном движении народнической идеи равенства мелких производителей — центральной идеи утопического мелкобуржуазного социализма. С одной стороны, накануне 1905 г. она заставляла искать решение социальных проблем в задержании общественного

---

[97] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 441.

[98] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 344.

[99] В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 441.

[100] В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия, стр. 182.

[101] В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 226.

развития, затемняла сознание рабочих и крестьян, но, с другой — она продолжала оставаться мощным стимулом крестьянского революционного движения.

«При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства... идея равенства является самой революционной для крестьянского движения...», — писал Ленин. «Поскольку народники мечтают, что равенство может держаться на основе товарного производства, что это равенство может быть элементом развития к социализму, — постольку их воззрения ошибочны, их социализм реакционен. Это должен знать и помнить всякий марксист. Но марксист изменил бы своему делу исторического рассмотрения особых задач буржуазно-демократической революции, если бы он забыл, что эта же самая идея равенства и всевозможные планы уравнительности являются самым полным выражением задач *не* социалистической, а буржуазной революции, задач борьбы не с капитализмом, а с помещичьим и бюрократическим строем».[102]

Говоря о революционности идеи равенства в буржуазно-демократической революции, Ленин отмечал в то же время не только реакционность эсеровского социализма (с точки зрения социализма научного), но и непоследовательность эсеровского демократизма даже в период высшего подъема революции в России. «Трудовики, — говорил Ленин на V съезде РСДРП в 1907 г., — несомненно, не представляют из себя вполне последовательных демократов. Трудовики (и с.-р. в том числе), несомненно, колеблются между либералами и революционным пролетариатом». «Колебания крестьянства и крестьянских демократических партий», по мнению Ленина, были «неизбежны». Они «вовсе не случайность», а являются следствием двойственного экономического положения мелкого производителя.[103] «Реакционная эпоха», последовавшая после подавления революции 1905—1907 гг., «еще более усилила» склонность эсеров к либерализму.[104] В итоге в 1917 г. это привело их к полному банкротству не только как социалистов, но и как демократов.

Оказавшись в правительстве, получив возможность претворить в жизнь свою аграрную программу, эсеры не сделали

---

[102] В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 226—227.

[103] В. И. Ленин. Доклад об отношении к буржуазным партиям. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 341—342.

[104] В. И. Ленин. Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. Полн. собр. соч.. т. 24, стр. 60.

этого. Они предпочли сохранить союз с буржуазией, не желавшей полной и решительной отмены частной собственности на землю. Понимая, что в конечном итоге им все же придется в какой-то степени удовлетворить крестьянские земельные требования, они старались по возможности спустить аграрную революцию на тормозах. Лозунг ожидания Учредительного собрания был для них спасительной ширмой, за которой они прятали свое нежелание немедленно идти на конфискацию помещичьих земель. Тогда же, когда им все же приходилось делать частичные уступки нарастающему крестьянскому движению, предлагаемые ими законодательные мероприятия поражали своей куцестью. «Партия эсеров, — писал Ленин по поводу эсеровского законопроекта С. Маслова о создании временного арендного фонда, — обманула крестьян: она переползла со своего земельного проекта на помещичий, кадетский, план „справедливой оценки" и сохранения помещичьей собственности на землю».[105]

Эсеры враждебно встретили Октябрьскую социалистическую революцию и вступили на путь вооруженной борьбы против Советской власти. Не выполнив своих обещаний перед крестьянством, изменив своей собственной программе, потеряв в конечном счете всякое влияние в крестьянстве, они исчезли с политического горизонта. Доведение до конца демократического переворота и дальнейшее строительство социализма в России взяла на себя руководимая В. И. Лениным партия большевиков.

---

[105] В. И. Ленин. Новый обман крестьян партией эсеров. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 428.

*

Как показывает приведенный в настоящем издании материал, В. И. Ленин с величайшим интересом относился ко всему наследию русской общественно-политической мысли и прежде всего, конечно, передовой русской мысли, к тем явлениям, которые служили ступенями для усвоения наиболее зрелыми общественными элементами России теории научного социализма, учения Маркса и Энгельса, глубоко развитого им самим в соответствии с новыми историческими условиями эпохи империализма и пролетарских революций.

Проявляя исключительное внимание к прошедшим этапам в развитии русской общественной мысли, В. И. Ленин огромное значение, естественно, придавал рассмотрению и скрупулезному анализу современных ему идеологических явлений.

В. И. Ленин с необычайной чуткостью следил за всеми мало-мальски значительными событиями в идейно-политической жизни, быстро реагировал на них, давая им ясную и четкую революционную оценку с позиций рабочего класса, с позиций последовательного марксизма.

Насущные задачи пролетарского движения, требования революционной борьбы против царизма и капитализма являлись главнейшим мерилом в подходе В. И. Ленина к различным направлениям общественно-политической мысли, к освещению воззрений и деятельности тех или других представителей русской общественности.

При этом строгая, неумолимая партийность и объективность органически сливались в его характеристиках и оценках, всегда остававшихся ярко целеустремленными, предельно научными, подлинно историчными.

Печатные труды В. И. Ленина, его устные выступления, письма, заметки на книгах, конспекты и иные рабочие материалы содержат необозримое богатство идей и конкретных

фактических данных, позволяющих судить о его взглядах на прошлое, о его понимании современного положения и решении современных задач.

В. И. Ленин ясно видел, как изменялась обстановка, в которой развертывалась деятельность и борьба лучших людей России на протяжении более чем столетия; он видел и разъяснял закономерную смену идей и течений и определял социальное содержание и удельный вес каждого из серьезных направлений и движений.

Изучение высказываний В. И. Ленина по вопросам, связанным с развитием русской общественно-политической мысли, в высшей степени важно и незаменимо для правильного истолкования этого сложного и нередко весьма противоречивого процесса.

Наследие В. И. Ленина составляет самый прочный фундамент, самую надежную методологическую основу для исследований советских историков, марксистов-ленинцев, а равно и для всех тех прогрессивных зарубежных деятелей науки, которые искренне стремятся к правдивому восстановлению поучительных судеб русской мысли, освободительной борьбы в России.

Эта борьба сыграла громадную роль в судьбах революционного движения во всем мире. Она увенчалась великими историческими победами рабочего класса России, Коммунистической партии Советского Союза.

КПСС и коммунистические и рабочие партии других стран в своей теоретической и практической деятельности, в разработке и осуществлении программы борьбы против сил империализма и реакции всегда опирались и опираются на марксистско-ленинское учение — сокровищницу гениальных мыслей, самое верное и надежное идейное оружие. В наше время, когда идеологическая борьба достигла особого накала, изучение богатейшего ленинского наследства представляется безмерно важным.

Вместе с делегатами 75 братских коммунистических и рабочих партий, собравшихся в июне 1969 г. в Москве на Международное совещание и обратившихся в связи со столетием со дня рождения Владимира Ильича Ленина к трудящимся всех стран, к народам всего мира, мы можем сказать:

«Ленин — выдающийся мыслитель, всесторонне развивший созданную Марксом и Энгельсом науку...

«Ленин — создатель большевистской партии — первой пролетарской партии нового типа, руководитель первой в мире победоносной социалистической революции, основатель пер-

вого в истории пролетарского государства, советской социалистической демократии...

«Ленин — несгибаемый борец против империализма и реакции... последовательный интернационалист, поборник равенства, мира и дружбы между народами...

«Признанный вождь международного рабочего класса, Ленин видел в пролетариате ведущую силу, способную выполнить всемирно-историческую миссию свержения капитализма и социалистического преобразования общества. Он разработал учение о союзе рабочего класса с крестьянством. Отстаивая единство рабочего движения, Ленин был непримирим к оппортунизму во всех его формах...

«Изучайте труды Ленина! В них вы найдете неиссякаемый источник вдохновения для борьбы против реакции и угнетения, за социализм и мир».[106]

---

[106] «Коммунист», 1969, № 9, стр. 34—35.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

*

ОГЛАВЛЕНИЕ

*

В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в.

Утверждено к печати Ленинградским отделением Института истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. Г. Дагин.* Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева.* Корректоры *А. И. Кац, Э. В. Коваленко* и *Г. А. Мошкина*

Сдано в набор 7/VIII 1969 г. Подписано к печати 29/X 1969 г. РИСО АН СССР № 71^{a}—117 В. Формат бумаги 60 × 90$^{1}/_{16}$. Бум. л. 12$^{1}/_{2}$. Печ. л. 25=25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 26.18. Изд. № 4432. Тип. зак. № 423. М-22479. Тираж 9100. Бумага № 1. *Цена 1 р. 85 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1 р. 85 к.

В. И. ЛЕНИН

и русская общественно-политическая мысль

XIX - начала XX в.